

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

Ответственные редакторы:
член-корреспондент Академии наук СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

и

член-корреспондент Академии наук СССР
М. Н. БОГОЛЮБОВ

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК *

Проблема «Византия и Восток» не новая. Она родилась в то время, когда византиноведение выходило на широкую дорогу всемирно-исторической науки. Теперь изучение истории средневекового Востока встало во весь рост и пробило себе путь к университетским кафедрам, что делает историю действительно «всеобщей» или «всемирной средневековой историей». В изучении и Востока, и Византии должна быть отмечена передовая, выдающаяся роль Ленинградского университета: в его стенах протекала деятельность В. Р. Розена, В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, давших глубокие исследования политических, культурных и литературных связей Византии и Востока. Благодаря их работам новое, центральное положение между средневековой Европой и Азией заняла Византия. Этим наука обязана русским ученым. Советское византиноведение также не осталось чуждым этим вопросам, углубленно разработав проблему отношений Византии с сасанидским Ираном. И теперь, больше чем когда-либо, следует, оглянувшись на сделанное, попытаться поставить задачи, разрешение которых назрело.

Поставить эту проблему во всей ее полноте можно только исходя из того научного и философского положения, что закономерность процесса развития отдельных государств — при всем их разнообразии — имеет в основе смену формаций, специфические формы эксплуатации, классовую борьбу, явления социальной жизни и экономики, которые характерны для развития общества на определенной стадии. В связи с этим история Византии и история Востока, как и история Запада, должны рассматриваться как история государств и обществ, развивающихся на основании одних и тех же законов истории.

Византия как средневековое восточное государство постоянно противопоставляется средневековому латинскому Западу. Но эта греческая держава во многом носит черты западной культуры, западных форм государственной и общественной жизни. Византия выросла на наследии, оставленном ей латинским Римом и эллинистическими монархиями, а последние территориально вошли в ее состав. Тем самым Византия складывалась из целого ряда восточных элементов. Отделенная административно от западных областей, она стала еще более доступна влиянию Востока; центр империи находился у самого порога Азии. Рим лишь поверхностно соприкасался со своими новыми провинциями, с трудом их осваивая. Для Византии они же стали основной, создавшей ее тканью. Чрезвычайно важно, что в первый период своего существования она оказалась разноразличным государством. Эллинизация населения оставалась

---

* Доклад, прочитанный на сессии Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся 5—6 мая 1944 г. в Москве.

еще важной задачей в областях, где родным языком населения был коптский, сирийский, армянский, арабский.

Самое положение Византии как золотого моста между Востоком и Западом, Константинополя, смыкающего азиатский и европейский берега Босфора, было своеобразно. Границы государства, то раздвигаясь, то сходясь, отделяли его сначала от Ирана, потом от халифата, от сельджуков, турок. На Кавказе приходилось непосредственно соприкасаться с княжествами лазским, мингрельским, грузинским, с армянскими царями, в Египте — с нубийскими и эфиопскими властителями.

Торговые и дипломатические связи империи тянулись далеко за пределы соседних держав, они были завязаны в Йемене и Эфиопии, в Средней Азии и Индии, на острове Цейлон и в далекой Небесной империи. Эти связи находились в теснейшей зависимости от экономических интересов, которые диктовали направления и условия сношений и дипломатических переговоров с другими государствами. Интересы эти не раз приходилось защищать с оружием в руках, поэтому мирные соглашения и условия сменялись военными союзами, которые умные византийские послы умели превосходно использовать в интересах империи.

Весь этот комплекс связей и отношений создал исключительное своеобразие, неповторимое положение и неповторимую историю.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Внешняя политика Византии была ориентирована главным образом на Восток. Страшными и сильными ее врагами на севере и северо-западе были славяне, которые «отняли» у нее «Элладу», по словам Исидора Севильского. Но Восток внушал величайшие опасения. Мощная сасанидская держава была достойной соперницей Византии. Из века в век Иран делал попытки пробиться к Черному и Средиземному морям. Лазы или цаны Кавказского побережья должны были уступать, трепеща перед угрозами то одной, то другой стороны, которая с оружием в руках осуществляла свои суверенные права у берегов Черного моря. Армению раздирали на части то византийские, то персидские войска, топча ее плодородные поля и виноградники, грабя ее богатые города. Граница по Евфрату никогда не была безопасной, и мелкие крепости — фрурии — Византии были опорными пунктами ее обороны, а крупные города как пограничными торговыми, так и стратегическими центрами. В середине VI в. войска Хосроя не только повторили походы Кавада I против Амида, Эдессы, Мартирополя, но прошли Иераполь, двинулись к Оронту, захватили и разграбили богатейшую Антиохию. Часть завоеванных областей была возвращена, но Иран вновь вспомнил о дорогах на Запад. Внук Хосроя I прошел тем же путем, но с той разницей, что, захватив Сирию, укрепился, присоединил Палестину, Каппадокию и Египет к своим владениям. Активная внешняя политика, несмотря на победы, на огромную добычу, утроившую бюджет Ирана, оказалась для него непосильной. Это было лебединой песней сасанидской империи, разбитой военным гением Ираклия. Но и сама Византия не успела оправиться от поражений и побед, как хлынули свежие, молодые, полные сил полчища арабов, стремительное нападение которых заставило содрогнуться Константинополь.

Арабы не были чужды Византии. Давно племя Гасанидов находилось на положении федератов, которые выполняли сторожевую службу для империи в Сирии. Они приобщились к культуре и христианству, часть из них становилась оседлой, и Дамаск был их центром. Арабские племена, объединенные лахмидами, с центром в Хире, были «под рукой» Ирана и не раз, выполняя задания шаханшаха, разоряли византийские области, грабили население и угоняли скот. Раздробленные арабские племена, со

своим полукочевым образом жизни, но широко развитой караванной торговлей, а потому и городскими центрами, были объединены новой идеологией ислама. Ничто не могло их удержать, когда они двинулись завоевывать мир. Первыми пали византийские области. Легкая арабская конница не только захватила Сирию, Палестину, Египет, но ворвалась в Малую Азию и Северную Африку. Арабы держали в своих руках Иран и решили судьбу Средней Азии, преградив путь китайским войскам. Огромный мощный халифат держал империю в напряжении, не раз угрожая самой столице. Византии надо было отстаивать каждый кусок своей земли военной силой и флотом, значение которого в ряде схваток было решающим.

Завоевания арабов не только создали новое и сильное государство, которое захватило важнейшие византийские территории: Египет — житницу Константинополя, Сирию — одну из главных ремесленных областей, — но еще в значительной степени сократило и ограничило международные связи Византии. История византийской дипломатии все еще не написана. Между тем Византия могла гордиться своей дипломатией, которая не изменяла ей в самые трудные времена. Унаследовав ее традиции от эллинистических монархий и Рима, она виртуозно развила их. На службу дипломатии были привлечены специальное юридическое образование и многовековой опыт канцелярий. Древняя, как и сама восточная государственность, восточная дипломатия была ее школой. Льстивые уверения, взаимные обманы, ложные обещания прикрывали истинные намерения держав, экономические интересы которых выходили далеко за пределы собственных границ.

В начале VI в. Византия соперничала с Ираном за преобладание в Йемене. Она вовлекла Эфиопию в сферу своего влияния; здесь верхи общества приняли христианство из рук греков, но сохранили в своем культе эфиопский язык, тем самым ставший языком литературным. Целью союза с африканской державой было создать конкуренцию иранским торговцам в Индии и получать шелк в византийские гавани с кораблей эфиопских купцов. Этот дипломатический ход не удался, византийские ремесленные мастерские продолжали нуждаться в этом товаре, и была сделана новая попытка. Константинополь искал возможности заключить союз с тюркскими племенами в Средней Азии, в тылу у Ирана, чтобы вырвать монополию сухопутной торговли шелком у персидских купцов. Вывоз этого драгоценного китайского товара поставил на ноги дипломатию всего Переднего Востока — Византии, Ирана, Йемена, Эфиопии, тюркского каганата. В последнем особенно энергично действовали покоренные тюрками согдийцы, которые сами занимались разведением шелковичного червя и производили шелк. Византийским послом киликийцу Земарху, а затем Валентину пришлось побывать в Алтайских горах у тюркского кагана, а на обратном пути обогнуть с севера Каспийское море.

Как далеко завозились византийские товары на Дальний Восток, свидетельствует тот факт, что в Танскую эпоху в Китае носили стеклянные бусы, выделанные в ремесленных городах сирийского побережья Средиземного моря. Византийский купец Козьма Индикоплов нашел на острове Цейлон факторий сиро-несторианских торговцев, привозивших сюда товары из «ромейских» городов.

Замечательны глубокие связи в области материальной культуры, которые могут быть намечены с большой хронологической точностью. Сцена охоты царя — сюжет, повторяющийся на самых различных предметах сасанидов: на прекрасных серебряных блюдах, на коврах и тканях. Всадник, поражающий копьём зверя, хорошо известен как изображение Георгия Победоносца, как популярное на Балканском полуострове изоб-

ражение Дмитрия Солунского. На вытканном в Китае шелковым покрывале, подаренном одному из владетельных князей Японии в эпоху Нара (VIII в.), повторена сцена верховой охоты сасанидского царя. Кони имеют тавро, но не персидское, а относящееся к китайской символике. Этим самым безошибочно может быть указана китайская выделка этой ткани. Так, сюжет, родившийся в Передней Азии, был занесен с тканями на Дальний Восток.

Борьба с арабами продолжала занимать центральное место во внешней политике Византии. Арабы перевалили Ливан, в 648 г. был взят Кипр, в 654 г. — Родос; к 649 г. Ефес, Смирна, Халкедон и Кизик были в руках арабов, и только в 668 г. длительная осада Константинополя не имела успеха. Укрепление арабов в иранских областях шло одновременно с завоеванием византийских, создавая для последних растущую угрозу. Зимой 716/17 г. с суши и с моря арабы осадили Константинополь, и только суровая зима и настойчивое применение греческого огня спасли столицу. Это в последний раз под ее стенами были арабы, но гибель для Византии все же пришла с востока. Близость центра Омейядского государства — Дамаска — к византийским границам была страшна, и только к середине VIII в., когда Аббасиды перенесли со своей столицей и центром внимания на Восток, положение империи стало несколько лучше. Лев III Исавр (717—741 гг.) и Константин V Копроним (741—775 гг.) смогли не только сдержать, но и отбросить арабские силы. Нет сомнения в том, что реформы исаврийской династии, как и все движение иконоборства, получили толчок и в известном смысле были вызваны столкновением как со славянами, так и с арабами.

В X в. халифат переживал феодальное дробление, и империя умела использовать его в своих интересах. Дипломатия и в этом случае приходила на помощь военным действиям. Когда хамданид Али с почетным титулом «Сейф ад-Даула» («меч династии») стал в Алеппо слишком властным и воинственным, то из Константинополя греко-арабское послание убедило халифа ар-Ради в Багдаде согласиться на ряд уступок и обмен пленными. Но против «меча династии» нашлась и другая мера: ал-Ихшид, Мухаммед ибн Тудж, правитель Египта, был удостоен обращения «любимого друга», ему были обещаны звания и поднесены подарки с тем, чтобы сделать его вассалом империи. Он им не стал, но его войска нанесли тяжелый удар Сейфу, чего и хотела Византия.

При Романе Лекапине начались активные действия византийских полководцев, добившихся успехов против эмира Алеппо. Далее военные действия были направлены на Киликию, были взяты Мопсуестия, Адана, Тарс (964, 965 гг.). Войска Никифора были в виду Кесарии и Антиохии, под их напором пала Эдесса (968 г.), в следующем году Антиохия и, наконец, Алеппо. Наступал период относительного равновесия сил и даже некоторой возможности для Византии вернуть себе утраченное.

Между тем надвигалась новая опасность. Тюркские племена неукоснительно продвигались через Иран и стали непосредственными соседями Византии, так как Иверия, Армения, Трапезундские берега Черного моря находились в середине XI в. в руках сельджуков. Они все больше сокращали размеры ее территорий, приближаясь к столице и становясь все более доступными ее непосредственному влиянию. В то же время завязываются новые формы отношений, турки идут на службу к Византии и с благодарностью принимают громкие титулы византийского двора. Но, может быть, нигде скрещение этих различных культур не ощущалось так сильно, как в Киликии, где византизм приобрел новые черты.

Смена монархов на византийском престоле происходила небывало часто, а порой и необычайно легко. Михаил Стратеготикос (1056—

1057 г., Малая Азия), посмотрев на свои сафьяновые красные сапоги (привилегию царского туалета), сказал: «Нет, не будет Михаил за это проливать кровь» — и уступил престол Исааку Комнину. В Антиохии Исаак Комнин пал жертвой турок. Характерно положение, при котором Роман IV Диоген (или Дигенис) получил византийский престол. Он был выдвинут военной группировкой, потребовавшей, чтобы вдова — царица Евдокия взяла его в мужья, чему противодействовала придворная партия, возглавляемая Иоанном Дукой и Пселлом. Став во главе небольшого, частью наемного войска, Роман самолично отправился в поход против сельджуков. В 1068 и 1069 гг. он добился удач, но в Италии пошатнулся последний оплот Византии. Робер Гюискар взял Оранто и осадил Бари, и Роману пришлось вернуться в Европу. Между тем сельджуки, возглавленные Алп Арсланом, взяли в восточной Армении Манцикерт. Император-полководец со 100-тысячной армией отвоёвал эту твердоно обратнo. Но в генеральной битве, где Роман долго отбивался с небольшой личной дружиной, измена Андроника Дуки решила его положение. Взятый в плен Роман был торжественно принят Алп Арсланом, приглашен к его пиршественному столу и отпущен в пышных одеждах, но с условием заплатить выкуп. По возвращении в византийскую столицу Роман был зверски ослеплен и умер (1071 г.).

Образ Романа запомнился и грекам, и тюркам, он стал героем эпопеи, в которой Роман — византийский рыцарь, как и его враг Алп Арслан — турецкий рыцарь. Переводы и варианты этой эпопеи известны на греческом, арабском, турецком, славянских языках.

Положение Византии стало особенно трудным с образованием султаната Рум со столицей Никеей, основателем и первым государем которой был сельджукид Сулейман (1081 г.). Феодальное дробление ослабило и эту турецкую державу, и византийско-латинские княжества сумели приобрести доминирующее значение. Завоевания монголов в XIII в. заставили Константинополь пустить в ход не только оружие, но и дипломатию. Михаил Палеолог упрочил свою связь с монгольскими владиками, отдав одному из них в жены свою побочную дочь. Сестра Андроника, Мария, заняла у них положение царицы. Заключение такого рода личных союзов было обычным приемом византийской политики.

Когда давление монголов ослабело, то турки вновь попытались занять прежнее положение, но их мелкие княжества не смогли сохранить за собой никакого престижа. Исключением был султан сельджукской Конии Алаэддин. Чтобы оказать сопротивление Византии, он призвал на помощь турок, вытесненных из Хорасана монголами. Осман (1288—1326), оставаясь вассалом Кони, присоединял одну область за другой, отторгая их от Византии. После смерти Алаэддина (1299 г.) Осман принял титул султана. При Османе и Урхане (1326—1359) продолжались завоевания византийских областей, турки овладели Никеей в 1330 г. Их внутренняя политика замечательна тем, что культура, с которой турки столкнулись в областях Малой Азии, осваивалась ими, они поддерживали и земледелие, и торговлю, вступали в тесный контакт и общение с греками, устраивали по-новому свое государство. Методы управления, которое осуществлялось главным образом через брата султана, его визиря, в значительной мере были заимствованы или созданы под византийским влиянием. В 1356 г. Сулейман взял Галлиполи, а при Мураде (1359—1389) столицей стал Адрианополь. Константинополь и небольшая полоса земли были захвачены Мухаммедом II в 1453 г., последний византийский император Константин Палеолог погиб на поле брани. Так кончила свое политическое существование Византия.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ И ГОСУДАРСТВА ВОСТОКА

Для изучения социальных отношений и экономики Римской империи исключительное значение имели частные документы, сохранившиеся на папирусе в Египте. Написанные преимущественно на греческом языке, они легли в основу исследований внутренней истории Рима и анализа такого социального явления, как колонат.

Для изучения Византии не меньшее значение имела «провинция Африка», так как именно папирусы византийского периода, особенно найденные в Афродито, вдохнули жизнь в сухие формы византийского законодательства. Расписки о внесении налогов натурального и денежного характера, указания на надбавки (ἐπιβολή), регламентация налогов и податей, отдельные документы, связанные с управлением Египта, дали возможность развернуть картину деятельности административного и финансового ведомства Византии, их детальных разветвлений и виртуозных способов обложения и выжимания налогов. Специальное исследование о фиске на основании папирологического материала дало картину этого ведомства по ограблению собственного народа, по меткому выражению Маркса. Привлечение папирусов на коптском языке может еще в большей степени способствовать уяснению экономической жизни Византии. Со времени утраты Египта для Византии эти важные памятники уже не могут привлекаться к ее изучению. Житница Константинополя отошла к арабскому халифату.

После немногих надписей папирусы представляют хронологически одни из первых образцов арабского письма. Они позволяют судить об управлении Египта при Омейядах и в период его самостоятельности. Система арабской администрации копировала византийскую, и греческий язык лишь исподволь уступал место арабскому, как в свое время коптский уступал его греческому. В течение длительного времени уделом Египта вновь стало двуязычие, поэтому греческие папирусы имеют большое значение для изучения времени Омейядов. В этом случае на сравнительном изучении греческой и арабской социальной терминологии можно дать бесспорные, точные выводы, которые представляют большой интерес для характеристики феодальных отношений и их развития в арабском халифате. Такие сопоставления и анализ позволяют выявить генетические связи и уяснить особенности феодализма арабского периода.

Сравнительное изучение разноязычных византийских источников дает исследователю наиболее полные результаты, так как создает возможность сопоставления локальных традиций с официальными установлениями; это оказалось возможным при привлечении сирийских хроник для истории византийской провинции Месопотамии и города Эдессы. Социальная терминология сирийских источников при сопоставлении с греческими эквивалентами привела к новым выводам относительно общественных отношений Византии — наличия свободного крестьянства, колоната, среднего земледельческого слоя и, наконец, париков задолго до того времени, к которому принято было относить их появление на церковных и епископских землях. Византийское право через посредство «Сирийского законника» послужило основой для выработки системы обложения в сасанидском Иране. Арабы в значительной степени переняли эту систему у персов. Таким образом, внутренняя история халифата, вопросы экономики и классовых отношений, которые отражены в Китаб-ал-харадж, в хрониках Табари, Балазури и др., дадут особенно яркую картину, если генетические связи и развитие этих отношений будут соответственным образом проанализированы. Прав был автор книги «Византия и арабы», когда писал: «Конечно, изучением одних только политических отношений огра-

ничиться нам не хотелось бы, поднимаются вопросы о внутреннем устройстве обоих государств, о их культуре, о их взаимном влиянии. Изучение внутреннего строя Византии и халифата могло бы осветить многие стороны внутреннего устройства древней Руси». Такое углубленное изучение даст совершенно новые выводы и для истории Средней Азии.

Несомненно, что и вопрос о турецком феодализме может быть решен только в самом тесном сопоставлении с историей феодальных институтов Византии: светской и духовной экуссии, прони, харистикия. Ряд терминов феодальных отношений Турции может дать точный смысл именно при таком сопоставлении. Только при сличении турецкого и византийского законодательств можно выделить те элементы своеобразия, которые заключаются в первом и ведут свое начало от обычного права тюркских народов.

Характеристика общественных отношений граничивших с Византией народов и государств часто оказывается возможной лишь на основании византийских источников. Общественные отношения, слагавшиеся в племенных союзах, которыми жили арабы VII в., могли быть охарактеризованы лишь на основании того, что сообщила Византия о своих то дружественных, то враждебных соседях. Внутренняя история арабов до ислама, изученная на основании греческих и сирийских источников, привела нас к выводу, что родоплеменной строй их имел ту структуру, которая запечатлена в классическом определении Энгельса. Источники перечисляют все основные черты воинственных племенных союзов, которые были отмечены основоположниками марксизма на основании изучения западных материалов.

ГОРОД

Выдающаяся роль, которую играла Византия, единодушно признается как латинским Западом, так и ирано-арабским Востоком. Все средневековые писатели, сирийские и армянские историки, арабские и персидские географы согласно говорят о ее могуществе и значении. Анналы, составлявшиеся мандаринами Небесной империи, осведомлены о великой державе дальнего Запада. Высокий уровень материальной культуры и широкие торговые связи были наиболее важными причинами ее господства и могущества. Она унаследовала свои владения от Рима, горделиво раскинувшись на трех материках, хотя и потеряла значительную их часть уже в VII в. Притягательная сила Византии, ее авторитет, влияние не только не понизились, но возросли в течение значительного периода. Веками действовало очарование «второго Рима» — Константинополя. Привлекали его мощные стены, величественные дворцы и храмы, пышность и богатство царского двора, торжественность приемов, блеск обстановки, войска и свита, выстраивавшиеся бесконечными рядами, весь ритуал.

И, быть может, самое удивительное заключалось в том, что очарование и притягательная сила Византии не уменьшились и тогда, когда ее власть и мощь стали чисто условными.

Царьград является признанным центром в глазах славян, арабов, Руси, тюрков, влечение к нему непреодолимо. Описания Константинополя надо искать поэтому не только в греческих, но и в восточных летописях и сказаниях.

Городская жизнь вообще имела большое значение в истории Византийской империи. Уцелевшие остатки торговли в глухом средневековье были причиной ее живучести. Действительно, ремесло и торговля не замирали в Византийской империи. Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса на Евфрате, Майферкат и Двин в Армении, множество малоазийских городов, Херсонес в Таврике, Солунь на Балканском полуострове

были опорными пунктами областей, находились на перепутье торговых и стратегических дорог.

Столица Византии, как и другие ее центры, как города халифата и государств, возникших из него, жили в этот период полной жизнью. На Ближнем Востоке и в Средней Азии, как и в Византии, городские центры возникли с древнейших времен. Возникновение Тира и Сидона, Вавилона и Дамаска, городов Малой Азии теряется в легендах. Эти старые центры то меняют свое имя, как Амида — Дيارбекр, Эдесса — Урха — Орфа, то строятся заново, лишь незначительно меняя местоположение близ старого центра, как Ктесифон — Багдад.

С незапамятных времен эти города являются центрами не только местной, но и караванной торговли. Достаточно вспомнить о таком памятнике, как Пальмирский тариф, на греческом и арамейском языках, которым справедливо гордится Государственный Эрмитаж. Караваны приходили и уходили, появляясь в одних и уходя в другие ворота города, которых обычно было четыре, по четырем концам света. Города по побережью Сирии, по реке Евфрату были портовыми центрами. На знаменитые ярмарки в Серуге (Батнана) приходили корабли из Индии и Цейлона, заходя из Персидского залива прямо в устье реки.

Но все пути вели во второй Рим, Царьград, мировую столицу. Константинополь, политический, административный, торговый и умственный центр империи, был «огромным торговым рынком» до того времени, пока не было найдено «прямого пути в Индию» (К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 382). Сюда стекались товары с самых отдаленных мировых рынков. Из Китая и Средней Азии привозили шелк-сырец, который переходил из рук согдийских купцов к персам и сирийцам, доставлявшим его в прибрежные города, а оттуда в саму столицу. Русские и скандинавские ладьи по Черному морю доставляли воск, пушнину и мед. Царьградский гость Козьма, прозванный Индикопловом, в поисках «далекой Индии чудес» по Красному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану достиг самого Цейлона, откуда вывозили жемчуг, пряности и заморские диковины.

Из Ирана и Аравии на колыхающихся верблюдах в гавани сирийского побережья доставляли изюм, урюк, миндаль, финики, вино, сарацинские ткани, ковры и широко славившиеся готовые одежды. Отсюда большие и малые корабли перевозили товар к Босфору. Из Египта шло зерно, а из глубины Африки — золотой песок и слоновая кость. Столица жадно поглощала огромные количества свежей и соленой рыбы, которую свозили со всего Средиземноморья и Черноморья. Это была пища беднейшего населения городов. Скот пригоняли в Никомедию из областей Малой Азии. Табуны лошадей паслись во Фракии, откуда их перегоняли в предместья столицы. Оливковое масло поступало из Малой Азии, Элады, Пелопоннеса.

Константинополь в полном смысле слова был международным центром. В многолюдной толпе встречались представители всех рас, всех народов. Можно было встретить «черных» жителей Нубии, аварских послов с длинными «нечесаными» волосами, славян в вышитых льняных одеждах. В грекоязычной столице говорили на многих языках и наречиях. Внешняя, показная сторона, роскошь и красота столицы имели чарующую, притягательную силу. При приближении к ней с моря и с суши издали уже виднелись высокие башни, златоглавы дворцы и храмы. В город, опоясанный крепостной стеной, вели разные ворота. «Золотые ворота» открывались на главную улицу — Среднюю, которая вела к храму Софии, ставшему при турецком владычестве мечетью. Это грандиозное создание византийского зодчества VI в. оставило глубокий след во всей средневековой культуре и вдохновляло своеобразное и самобытное в своем разви-

тии славянское и русское зодчество. Большой дворец византийских владык объединял величайший комплекс строений, где помещались канцелярии, гвардия, царский караул, личные покои царя и царицы. Пышный церемониал двора, красота залов, украшенных мозаикой, роскошь одежд — все это было рассчитано на то, чтобы поразить умы и заставить трепетать перед особой императора.

Материальная культура Византии создавалась рабочими руками бесчисленного множества мастеров и ремесленников. Городские ремесленники были организованы в корпорации, во многом превосходившие цеховое устройство западных городов в средневековье. Работа велась как в крупных мастерских, в которых бывало несколько десятков мастеров и подручных, так и в малых, где, кроме мастера-хозяина и его подмастерья, не было никого. Чаще всего ремесленник сам сбывал свой товар, продавая его тут же в лавочке, где он занимался его производством. Были и скупщики, которые скупали товар партиями, чтобы вывозить его на продажу.

Корпорации объединяли ремесленников и торговцев, занятых одним и тем же производством или товаром, а все корпорации вместе были подчинены в столице епарху, в других городах — эгемону, префекту. Интереснейший византийский памятник X в. «Книга епарха» свидетельствует о положении корпораций, издавна сложившихся в империи. Род ремесел, о которых там идет речь, их организация, поставка и продажа различных товаров дают живое представление о жизни столицы.

Столицы областей, портовые и караванные города, административные и хозяйственные центры в то же время были центрами ремесла. Средневековый город на греческом, иранском, арабском, армянском и среднеазиатском Востоке не имеет резких различий в своем устройстве. Если было бы больше уделено внимания проблеме организации ремесла, то многое стало бы яснее и для ремесленных предместий (рабад) арабо-иранских городов, и для истоков византийской организации ремесел и торговли, запечатленной в «Книге епарха». Кварталы, где селятся ремесленники одной и той же профессии, объединены старшиной или главой еще в сасанидском городе. Организация ремесленных корпораций восточного города во многом подобна цеховому устройству Византии и латинского Запада. Сопоставление и сравнительное изучение вопроса о ремесле могут дать исключительно плодотворные результаты. В этом убеждает, например, то, что было сделано для сасанидского города на основании сирийских материалов. Особенности восточных городов носят скорее внешний, декоративный характер, по существу их возникновение и жизнь подлежат рассмотрению на основании общих законов истории, установленных основоположниками марксизма. На Ближнем и Среднем Востоке, как нам неоднократно приходилось это высказывать в печати, многие города существовали как караванные города-государства. Как и в греко-римском городе-государстве, город и тяготевавшая к нему область составляли одно целое и жили своей собственной жизнью, а во внутреннем устройстве во многом повторяли общие черты, характерные для данного исторического положения. И в этом случае законосообразно развитие городов как на Востоке, Ближнем и Среднем, так и в Византии.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИЗАНТИИ И ВОСТОКА

Право и историография

Культурные связи и взаимное влияние Византии и Востока чрезвычайно разнообразны. Знание восточных языков в Византии и греческого на Ближнем Востоке было распространено среди культурных верхов

общества, в связи с чем взаимное культурное влияние и могло осуществляться. Достаточно сказать, что высшая юридическая школа — юридическая академия — находилась в Бейруте, что изучение доюстиниановского законодательства невозможно без привлечения «Сирийского законника», сборника V в., сравнение которого со сборниками Феодосия и Гермогена привело к новым выводам. Не случайно и то, что «Сирийский законник», ни в какой мере не могущий служить образцом юридических памятников империи, оказался переведенным на все языки Ближнего Востока, тогда как жизнь посмеялась над ученым трудом Требониана. Получившее широкое развитие мусульманское право — фикх, — которое в начальной своей стадии опиралось на обычное право арабов, усвоило некоторые традиции римско-византийского права. В дальнейшем фикх разрабатывался в высших слоях арабского общества на классическом, литературном арабском языке. В противоположность образцам мусульманского права можно указать на написанные простонародным, вульгарным языком памятники христиано-арабской письменности.

Греческие Номоканоны, имевшие столь большое значение для славянских литератур, должны изучаться в теснейшей связи с сирийскими, армянскими и арабскими каноническими сборниками, которые содержат самостоятельные своеобразные данные по сравнению с исходными греческими.

В подобном положении находится и вопрос о византийской историографии. Существенно отметить ее влияние на ближневосточную. В зависимости от нее оказались армянская, сирийская, эфиопская и арабская христианская хронография как по содержанию, так и по своей литературной форме. Так, хроника Иоанна Малалы написана безыскусственным греческим языком, развившимся из той *κοινή*, на которой говорило все Средиземноморье с I в. до н. э. Эта народная хроника, очень важная для истории Византии памятник, свыше ста лет не переиздается, все еще приходится работать по Боннскому изданию 1831 г. или его перепечатке в греческой патрологии. Причина заключается в том, что для издания этой хроники необходимо привлечь эфиопскую хронику Иоанна Никиусского и извлечь ряд статей из сирийской хроники пс. Дионисия Тельмахрского, попавших в ее состав через утерянные ныне части хроники Иоанна Ефесского. Наконец, необходимо поработать и над славянским переводом, воспроизведенным Истриным, не считая многочисленных справок из ряда христианских арабских историков. При таких условиях переиздание этого греческого памятника может быть осуществлено лишь с большим трудом. Состав утерянной греческой хроники Евстафия Епифанийского был установлен на основании сравнения истории Прокопия Кесарийского и сирийской хроники Иешу Стилита.

Влияние византийской историографии несомненно косвенно простиралось и на традиции арабо-персoturецкой мусульманской исторической литературы, которая в то же время выработала своеобразные формы и особенности, которым оставалась верна на протяжении веков.

Всестороннее освещение истории Византии в любой хронологический период, с учетом всей международной и политической обстановки, возможно только при одновременном изучении восточных источников.

Такое же значение имеют иные страны арабских географов. Топографию Константинополя нельзя восстановить без восточных материалов. Греческую столицу описал ал-Масуди. Взятый в плен под Аскалоном Харун ибн Яхья оставил описание церемоний византийского двора, при которых он присутствовал в 912/13 г. Нападения славян и арабов на Константинополь имеют не только подробные описания. Спасение от «варваров» столицы, не раз казавшееся чудом, запечатлено и в миниатюрах греческих рукописей, и в иконописи, образцы которой имеются в Государственном Эрмитаже. Из греческих и восточных летописей можно вычитать

ценнейшие сообщения о жизни славянских племен и народов, о начале Русского государства, о торговле и походах киевских князей. Они сообщают и о предках народов СССР, населявших Кавказ и Среднюю Азию, и дают возможность воссоздать забытые страницы их истории.

Философия и наука

Общеизвестно, что философия и наука античности, встряхнувшие схоластический латинский мир, пришли с арабами. Арабы получили эти сокровища из Византии через сирийцев. Факел науки в империи не угас. Высшая школа, монастырские библиотеки и скриптории хранили классическую мудрость, часть памятников которой, однако, уничтожена невежественным фанатизмом.

На первых стадиях своего приобщения к культуре арабы восприняли ее из рук сирийцев, которые превосходно понимали арабский, несколько родственный им язык и хорошо ориентировались в греческом.

Между V и VIII в. сирийцы перевели на родной язык ряд греческих философских сочинений, в том числе Аристотеля и Порфирия. Искусные врачи, они превосходно знали сочинения Гиппократа и Галена. Сирийский врач Сергий Решайнский в VI в. перевел весь *Corpus Galeni*. К тому же времени относятся сирийские переводы астрономических и алхимических трактатов, сочинений по математике и логике. На арабский язык переводили с сирийского, таким образом арабам стали доступны классики греческой науки и философии. В IX в. врач Хунайн ибн Исхак, сириец, считавший родным языком арабский, не только переводил Галена с сирийского на арабский, но с помощью своего племянника сверял этот перевод с греческим подлинником и критиковал несовершенство тех или иных рукописей. Высшее образование — философское и медицинское — в течение VIII—IX вв. проделало путь от старого эллинистического центра наук, каким была Александрия, в Багдад через Антиохию и Харран. Столица халифата обладала достаточной притягательной силой, и первым меценатом был сам халиф. Если при сасанидах последних греческих языческих философов, изгнанных из Афин Юстинианом, приютил Ктесифон, то и в Багдаде охотно принимали греческих ученых.

Самый факт, что античное знание перешло к сирийцам и арабам, говорит о том, что разные отрасли науки не прекращали своего существования и в самой Византии. О том же говорит высшая школа Царьграда. Сирийцы получали свои знания и завершали свое образование в центрах византийской науки, в самой столице, в Александрии и Антиохии, где процветали философия и медицина, в Бейруте, где учили юриспруденции. Школа византийского типа оказала влияние на развитие арабской школы, но не столько непосредственно, сколько через сирийцев. Монофизиты и мелкиты жаловались на то, что несториане-сирийцы буквально в каждом селении устроили школу. При монастырях были школы и библиотеки, наконец, существовала высшая школа — Эдесская, а затем Нисибийская академия. К V и VI вв. относятся такие памятники сирийской литературы, как «Статуты Нисибийской академии» и «Трактат об основании школ» Бархадбешаббы Арабая, которые дают полное представление об организации и работе этого образовательного и научного центра.

Такие явления не прошли бесследно для всего Ближнего Востока, создав общую цепь традиции. Арабы скоро оставили далеко за собой своих учителей сирийцев. Они превзошли их во всех научных отраслях и развили их, особенно математику, географию, астрономию, к которым приобщили иранские и тюркские народы. Философское и научное наследие Эллады они перенесли в Кордовский халифат, где оно стало доступным латинскому Западу.

Еще при дворе сасанидских владык было принято устраивать философские и религиозные споры. Живой обмен словом, блестящее красноречие, умение сразить в словесном турнире противника были одним из развлечений при дворе халифов и подражавших им крупных феодалов. Это касалось и изящной литературы, стихов и поэм, экспромтов, которые читались и вызывали споры, остроумные ответы. В такой утонченной атмосфере двора происходил живой обмен мыслями и создавались условия для взаимных влияний.

Изящная литература

Взаимные связи византийских и восточных литератур многочисленны и разнообразны.

Ряд памятников апокрифической и агиологической литературы сохранился только на восточных языках, но несомненно имеет греческую основу и восходит к оригиналам византийской письменности: житие Петра Ивера, сохранившееся в сирийском и грузинском переводах; «Сказание о пленении Иерусалима персами в 614 г.», написанное по-гречески Антиохом Стратигом и переведенное на грузинский язык. Перевод этот был открыт Н. Я. Марром. Замечательный новозаветный апокриф, также восходящий к греческому утерянному оригиналу, сохранился лишь в арабской версии и издан И. Ю. Крачковским по рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Среди рукописей монастыря Саввы близ Иерусалима сохранились фрагменты Полиглотты IX в., в которой греческий, сирийский и арабский тексты приводятся в параллельных столбцах.

Культурные и литературные традиции Востока переносились в Византию, где они перерабатывались, изменялись, получали новые формы. Корнями своими уходит в легенды о Будде византийский роман о Варлааме и Иосифе. Его интерпретировали на арабском и грузинском языках, он получил широкое распространение в славянских странах. О глубоко впечаталении от этой повести говорят миниатюры греческой рукописи XI в. в Иерусалиме. Этой рукописью начинается серия иллюстраций к этому роману, которые имеются в рукописях XVII в., как в греческой рукописи № 71 Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде и даже более поздних. В XIV в. в молдавском монастыре Неамутчи роман о Варлааме и Иосифе вдохновил художника на стенную роспись удивительной красоты.

Индийская книга поучения государей «Калила и Димна» в сирийском имеет две версии, одну восходящую к пехлевийской, другую — к арабской. Арабский и греческий переводы этой книги известны во многих рукописях.

Особенно ярким примером взаимных влияний может служить поэма о Дигенисе Акрите. Родиной поэмы является Мелитена. На самой границе с мусульманским миром из общих корней с рыцарской арабской литературой выросла эта эпическая песня Византии. Арабский прототип поэмы о Дигенисе Акрите сквозит в героическом сказании XIV в. Саид Баттал, сохранившемся на турецком языке. Его утерянный арабский оригинал относился, вероятно, к X в., так как в нем отражены такие события, как восстание Бабека и разрушение Мелитены в 934 г. Арабская параллель для Дигениса имеется и в романе об Омаре ан-Нумане и его двух сыновьях. Их приключения составляют один из рассказов 1001 ночи. Все исследователи этого эпоса отмечают в нем смешение византийских, арабских и турецких элементов. Старый славянский перевод поэмы относится к XII—XIII вв. и свидетельствует о широком интересе к этому памятнику.

Живая, самобытная светская струя в византийской литературе недостаточно отмечалась. Наличие в ней героических и любовных тем, стихотворений, интереса к приключенческому роману роднит ее с группой своеобразных памятников на восточных языках, в том числе с арабским рыцарским романом, светской поэзией и сказкой.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ

Византия и Восток, имея много точек соприкосновения, оказывали друг на друга глубокое идеологическое влияние. Христианская полемика с зороастризмом и манихейством была вызвана не только желанием приобрести новых последователей, но и тем фактом, что манихейство с его ярко выраженным дуализмом пыталось стать в положение христианских сект. При последних сасанидах характерны явления синкретизма, как в позднеримской империи. Хосрой II, оставаясь зороастрийцем, посылал дары христианским святым, что, впрочем, не помешало ему при случае въехать верхом на лошади в алтарь храма.

Горячие полемические речи Иоанна Дамаскина против мусульманства обнаруживают его превосходное знание арабского языка и Корана. Но нельзя забывать, что иконоборчество, движение, в социальной сущности которого сомневаться не приходится, на начальных стадиях своего развития связывается с мусульманством. Противники иконоборцев брали их «сарациномыслящими». Здесь скрещивались как идеологические положения мусульманства, так и живые, освободительные тенденции арабов.

Христианизация Востока, как и славян, входила в политические расчеты Византии. Это было одним из верных способов оказывать влияние и приводить к повиновению своих ближних и дальних соседей. Если христианизация варварских народов имела государственное значение, то осуществлялась она не только клириками. Книги и новое учение привозили с собой и торговцы. Немалую роль играли и браки. Красные сафьяновые башмачки византийских цариц топтали не только терема киевских князей, но и гарем иранского шаха или вчерашнего кочевника — монгольского хана. Корсунь была возвращена Византии, «за вѣно царицы». «Ромеянка» Мариам соперничала во дворце Хосроя II с прекрасной Ширин, а сестра императора Андроника стала «монгольской царицей». С царицами вместе приезжал целый штат клириков, личной охраны и прислуги, мамушек и нянюшек, привозились книги, предметы культа, туалеты и украшения. С их появлением перестраивались дворцы, возводились новые храмы, при дворе вводили новый этикет. Новая религия и ее культ получали известные права. Византия сохраняла в качестве культового языка народный язык обращенных, этим самым он становился языком культуры, письменности и литературы. Следствием этого было создание того культурно-исторического целого, которое носит название христианского Востока, благодаря чему сохранились различные и замечательные памятники литературы на восточных языках, которые дают возможность воссоздать историю этих народов.

Взаимное влияние Византии и Востока во всех областях искусства настолько разнообразно и глубоко и имеет столь обширную литературу, что настоящее краткое сообщение сознательно оставляет эту область в стороне.

«Эллинизм» Византии надолго сохранил ей престиж. В империи даже в период феодальной раздробленности и отторжения отдельных областей эллинизм был тем цементом, который связывал эти *membra disjecta*. Именно эллинизм позволил Византии пережить ее политическую смерть. Молодые славянские государства наследовали с византийской культурой

и корни подлинного эллинизма. По своему положению и значимости Византия должна занимать центральное место в истории средневековья, будучи востоком для латинского Запада и западом для Ближнего и Дальнего Востока.

N. Pigoulevskaya

BYZANCE ET L'ORIENT

Le problème «Byzance et l'Orient» n'est pas nouvel. On oppose constamment Byzance, état médiéval oriental, à l'Occident latin. La politique extérieure de Byzance était orientée vers l'Orient, mais pour les peuples orientales le Byzance reste toujours un pays occidental.

Fondé sur les traditions hellénistiques et romaines, Byzance uncluait organiquement les provinces orientales de l'empire Romain — l'Égypte et Syrie — et exerçait une influence profonde sur le Califate arabe, sur les turcs et mongoles, en ressentant à son tour leur influence. C'est pourquoi les recherches de l'histoire byzantine sont extrêmement importantes pour l'histoire de l'Orient et de l'Occident.

Les relations sociales de Byzance et du Califate se développaient sur la même base; ils sont traités dans les sources similaires (par exemple, dans les papyrus grecs, coptes et arabes d'Égypte). Le développement des villes et des métiers dans l'empire byzantine et dans les pays orientaux suivait des voies parallèles. Cela montre la nécessité et les perspectives de leur recherche comparative.

Les relations culturelles de Byzance et de l'Orient étaient très multiples. L'article traite les problèmes des influences réciproques dans le droit et l'historiographie, dans la science et la philosophie, dans les belles-lettres et l'idéologie. L'ensemble des données permet de conclure: Byzance par sa position et sa signification occupait une place centrale dans l'histoire médiévale, comme «Orient» pour l'Occident latin et en même temps comme «Occident» pour l'Orient.

РУКОПИСИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

(Материалы для истории библиотек в Византии. II¹)

История библиотеки византийских императоров, как и других библиотек империи, изучена слабо. Наиболее полные сведения о ней собраны в общих трудах по истории библиотечного дела Фр. Милькау и Т. Томпсона.²

В общих трудах по истории Византии и ее культуры о библиотеках обычно не говорится, лишь в редких случаях этому вопросу уделяется кое-какое внимание.³

Прежде чем перейти к изложению имеющихся сведений об императорской библиотеке, следует определить, что разумеется под словами «императорская библиотека». Авторы указанных выше обзоров по истории библиотек в Византийской империи относят к императорской библиотеке все упоминания о книгах или книгохранилище, которые так или иначе могут быть связаны с деятельностью византийских императоров, с их распоряжениями, с именами кого-либо из членов императорского семейства.

Такой взгляд на интересующий нас вопрос является наиболее правильным, но при этом необходимо различать императорскую библиотеку — государственное книгохранилище и собрание императорского дворца, книги которого предназначались для торжественного богослужения, для царских выходов, для чтения или для обучения детей императора.

Учрежденная Константином Великим в середине IV в. императорская библиотека была с самого начала задумана как государственное книгохранилище. Тем самым была продолжена древняя традиция, согласно

¹ Первую мою статью на эту тему см.: Два неопубликованных средневековых каталога. (Материалы для истории библиотек в Византии. I). Эллинистический Восток, Византия и Иран. История и филология. Сб. в честь 70-летия члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 88—96.

² Handbuch der Bibliothekswissenschaft, begr. von Fr. Milkau. 2. Aufl., hrsgb. von G. Leyh. III. Bd. Geschichte der Bibliotheken. I. Hälfte. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1955. В этой книге императорской библиотеки касаются два очерка: 1) C. Wendel. Das griechisch-römische Altertum, S. 51—245; 2) V. Burg. Der byzantinische Kulturkreis, S. 146—187. См. также рецензию О. Фолька (O. Volk) на очерк Бурра: Byzantinische Zeitschrift, Bd. 48, 1955, S. 376—380. Т. W. Thompson. The medieval library. Chicago, 1939. Византийским библиотекам посвящена глава IX, составленная С. Падвером (S. K. Padover). См. также главу шестую в книге: E. M. Johnson. A history of libraries in the Western world. New York—London, 1965.

³ См.: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII—первая половина IX в. М.—Л., 1961; L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950 (L'évolution de l'humanité. Synthèse collective. Dirigée par H. Berr); H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959; Φ. Κορυτσός. Βυζαντινὸν βίβλιος καὶ πολιτισμὸς. 1—2. Ἐν Ἀθήναις, 1948.

которой просвещенному государю полагалось заботиться о процветании наук, об умножении книжных богатств и произведений искусства.

Императорская библиотека вместе с императорским скрипторием выполняла функции, близкие к тем, которые некогда выполняли знаменитая Александрийская библиотека и Александрийский музей, а именно функции сохранения, переписки и критического изучения текстов.

Император Валент в 372 г. назначил в библиотеку 7 писцов: 4 для переписки греческих текстов и 3 для переписки латинских текстов;⁴ появление этого указа связано с происходившей в IV в. заменой ветхих папирусных свитков новым видом книги — пергаменными кодексами. Одновременно с перепиской происходило редактирование текстов.

Роль центральной ученого учреждения страны сохранилась за этой библиотекой и скрипторием на всем протяжении их существования. Собранные там книги использовались византийскими филологами для написания собственных сочинений, как например Константином VII Порфирородным при составлении сборников эссе на разные темы.⁵

К книгам этой библиотеки обращался император Лев III Исавр при работах по упорядочению законодательства, о чем говорится в предисловии к «Эклоге» (составлена в 726 г.): «И так как мы (т. е. император Лев III Исавр и Константин V, — *Е. Г.*) заняты подобного рода заботами (о благополучии государства, — *Е. Г.*) и неусыпно устремляли разум в поисках того, что угодно богу и полезно обществу, почитая более всего земного справедливость — представительницу небесного, являющуюся у служащего ей более острой по своей силе, чем всякий меч в борьбе с врагами, и так как мы знаем, что законоположения, изданные прежними императорами, записаны во многих книгах и что одни могут достигнуть их смысл лишь с трудом, другим же, особенно живущим за пределами этого богохранимого города, смысл их и вовсе недоступен, мы созвали наших славнейших патриков и славнейшего квестора, и славнейших гипатов, и антиграфевсов, и прочих богобоязненных людей и приказали доставить к нам все собранные у них книги. Мы рассмотрели все тщательным образом; и в соответствии с тем, что в этих книгах содержится удачного, а также и с тем, что нами издано нового в отношении часто встречающихся дел и сделок по договорам, мы приказали соответствующие решения и наказания за преступления изложить именно в настоящей книге более ясным и более сжатым образом для лучшей обзорности и познания силы этих благочестивых законов и для более легкого и справедливого решения дел, и ради справедливого наказания преступления и возвращения и исправления тех, кто расположен их совершать».⁶

Именно для этого государственного книгохранилища в IX в. разыскивали книги по всей империи; вряд ли это делалось в интересах иконоборцев, искавших в собранных книгах подтверждения своим взглядам. Была и другая цель — собирание и изучение древних рукописей, свитков и кодексов, содержащих произведения античных авторов. В IX в. началась транслитерация минускульным письмом текстов, сохранившихся в унциальных кодексах. Одновременно производилась критическая обработка этих текстов, подобно тому, как это делалось при перенесении текстов из

⁴ V. Burg. Der byzantinische Kulturkreis, S. 149.

⁵ Я полагаю, что именно к этой библиотеке относится известная легенда о сожжении по приказанию Льва III Исавра здания университета вместе с находившимися там книгами и преподавателями. В этой легенде, включенной в хронику Георгия Амартола с намерением очернить императора-иконоборца, заключается важное свидетельство: такая библиотека действительно существовала и была связана с высшим учебным заведением Византийской империи. См.: Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 259—260.

⁶ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступит. статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, стр. 42.

папирусных свитков в пергаменные кодексы. Процесс транслитерации текстов тянулся вплоть до XII в. и имел громадное значение для развития византийской филологии.

Переписанные минускулом и отредактированные списки сочинений античных авторов хранились в дальнейшем в государственной библиотеке и служили как бы матрицами для изготовления новых списков этих сочинений.⁷

Подвояющее большинство таких рукописей, сохранившихся до нашего времени, находится в собраниях Италии и Франции. В Ленинграде рукописи, принадлежавшие некогда центральному книгохранилищу Византийской империи, до сих пор не выявлены. Возможно, таким кодексом является Номоканон X в., на полях которого имеются многочисленные схолии, но рукопись эта еще не обследована с кодикологических позиций.⁸

Хранящиеся в Ленинграде императорские кодексы должны быть отнесены к книжному собранию императорского дворца, которое не может быть названо «библиотекой» в настоящем смысле этого слова.

Находившиеся во дворце книги не были сосредоточены в каком-либо одном помещении, специально предназначенном для хранения книг. Как известно, императорский дворец представлял собой комплекс зданий, как бы небольшой городок, состоявший из разных жилых и служебных помещений, храмов, залов, лестниц, дворигов и т. п.⁹ Поэтому книги были разбросаны повсюду: в личных покоях членов императорского семейства, в помещениях для челяди, в дворцовых кладовых, в храмах; евангелие могло лежать на троне (во время какой-либо церемонии), а другие книги и документы лежали в шкафах, каких-либо ящиках, в особых сосудах, о чем упоминает, например, Никита Хониат. Во время мятежа 1195 г., в результате которого был свергнут император Исаак II Ангел и возведен на трон Алексей III Ангел (1195—1203), «грабеж простерся даже на храмы, находившиеся в царском дворце; и здесь сорваны были украшения со святых икон и даже украден тот священнейший сосуд (τὸ ἱερτάτου σκεῦος), в котором, как говорит давнишняя молва, дошедшая и до нас, хранилось письмо Господа, собственноручно написанное им к Авгарю».¹⁰

⁷ Во многих работах, посвященных процессу транслитерации текстов, попутно выявляется роль императорской библиотеки и императорского скриптория в истории византийской образованности. См.: А. Dain. *La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète*. *Dumbarton Oaks Papers*, n° 8, 1954, p. 31—47; F. Dvornik. *Photius et réorganisation de l'Académie patriarcale*. *Analecta Bollandiana*, t. 68, 1950, p. 38—41; B. Hemmerdinger. *La culture grecque classique du VIIe au IXe siècle*. *Byzantion*, XXXIV, 1964, p. 125—133; J. Irigoin. 1) *Un groupe de manuscrits du scriptorium impériale (Xe siècle)*. *Revue des études grecques*, t. 73, 1960, p. XXIX—XXX; 2) *Pour une étude des centres de copie byzantins*. *Scriptorium*, t. XII, 1958, p. 208—227; t. XIII, 1959, p. 178—209.

⁸ Часть этих схолий была опубликована В. Н. Бенешевичем в книге: *Канонический сборник XIV титулов*. СПб., 1905, passim. Об этой рукописи см.: Е. Э. Гранстрем. *Каталог греческих средневековых рукописей ленинградских хранилищ*, вып. 2. *Рукописи X века*. Визант. временник, XVIII, 1961, стр. 256—259, № 121.

⁹ Д. Ф. Беляев. *Byzantina*. I—III. СПб., 1891—1906, passim; в каждом храме была своя ризница (σκευοφυλάκιον), где хранились облачение, утварь, книги и пр. В обзоре Весселя говорится о помещении для государственного книгохранилища. См.: K. Wessel. *Bibliothek. Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Hrsgb. von K. Wessel unter Mitwirkung von M. Restle. Lieferung 4. Stuttgart, 1964, S. 612—615.

¹⁰ *Nicetae Choniatae Historia*. Ex recensione Imm. Bekkeri. *Bonnae*, 1835, p. 453. Русский перевод: Никиты Хониата *История*, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина, т. I (1118—1185). Перевод под ред. В. И. Долоцкого. СПб., 1860 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии), стр. 437. Письмо Христа к князю эдесскому Авгарю — апокриф, широко известный и в древнерусской письменности. Не следует удивляться тому, что письмо лежало в сосуде. Хранение документов в сосудах было обычным. Вспомним, что знаменитые свитки Мертвого моря были также спрятаны в кувшинах.

Состав книг, находившихся в помещениях дворца, был очень разнообразным.

Преобладали (как в средневековой письменности вообще) книги, необходимые для богослужения. В прилагаемом ниже перечне императорских рукописей, хранящихся в Ленинграде, к числу богослужебных относятся пурпурные кодексы (№№ 2—4), а также лист из так называемого Евангелия Иоанна Ватацы (№ 10).

Роскошно оформленные рукописи считались ценным подарком и могли быть поднесены императору или членам его семьи. Древнейшими подносными экземплярами следует считать так называемые ливеллярии (*τὸ λιβέλλαριον*), которые представляли собой «книжечку или свиток с поздравительными или хвалебными стихами, по своему содержанию соответствующими тому или иному празднику», в день которого димоты подносили императору ливеллярий; затем эти книжечки переходили в руки кувикулярия.¹¹ Ни одного экземпляра ливеллярия не сохранилось. Известны подносные экземпляры евангелий и других сочинений.¹² Среди ленинградских рукописей подносными являются два евангелия, описанные в перечне под №№ 8 и 9.

Книги, служившие учебниками, также были необходимы во дворце: по ним учились читать дети императора. Псалтирь, написанная для маленького императора и служившая ему учебником, описана в перечне под № 5.

Значительный интерес представляет известие Константина VII Порфирородного (912—959) о книгах, которые императору следовало брать с собой в поход.¹³ Эти книги, имеющие практическое значение, были, надо полагать, во дворце, в покоях императора. Согласно Константину, во время похода были необходимы «Книги: последование церковное; книги по стратегии; книги о машинах, содержащие сведения об осадных машинах и о метательных орудиях и о других средствах для войны и осады крепостей; книги исторические, особенно книги Полиена и Сириана;¹⁴ книга снотолкователь; книга о встречах, книга, содержащая (сведения) о хорошей и ненастной погоде и об урагане, о дожде и молниях, о громах и о направлении ветров. К тем же (книгам) громник и метание (*σεισμολόγιον* — книга о землетрясениях) и другие (книги), которыми пользуются моряки. Следует знать, что такая книга прилежно составлена и из многих книг собрана мною, Константином, во Христе предвечном царе императором ромеев». Книги такого рода относятся к числу астрологических рукописей. Ленинградские астрологические рукописи датируются XV—XVI вв., т. е. временем после падения империи.¹⁵

Наконец, во дворце были нужны книги для чтения — евангелия, псалтири, богословские трактаты и другие сочинения.

Книги читали, например, Никифор II Фока (963—969),¹⁶ императ-

¹¹ Д. Ф. Беляев. *Byzantina*, т. II, стр. 80; т. III, стр. 172 сл.

¹² Например, Венский список Диоскорида, поднесенный около 512 г. Юлиане Аниции, дочери консула Флавия Аниция Олибрия (463—528). Пурпурный кодекс, принадлежавший императору Василию I (867—886), описан: K. Weitzmann. *Ein kaiserliches Lektionar einer byzantinischen Hofschule*. Festschrift Karl M. Swoboda zum 28. Januar 1959, S. 308—320. В этой статье указаны и другие рукописи, принадлежавшие византийским императорам.

¹³ Constantini Porphyrogeniti imperatoris *De caerimoniis aulae Byzantinae libri duo*. Ed. Jo. Jac. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829, p. 467.

¹⁴ Поллен (*Πολύαινος*) — ритор и адвокат II в. н. э., написал трактат «Военные хитрости». Сириан (*Συριανός*) — александрийский ритор и софист V в. н. э.

¹⁵ Описание см.: *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, t. XII. *Codices Rossicos descripti* M. A. Sangin. Bruxelles, 1936.

¹⁶ H. M. Hussey. *Church and learning in the Byzantine Empire*. Oxford, 1937, p. 97.

рица Ирина, супруга Алексея I Комнина (1080—1118),¹⁷ автор «Алексиады» Анна Комнина и другие императоры и члены их семейств.

Гадательные и астрологические книги какой-то писец Мамал читал юному императору Алексею II Комнину (1180—1183); в этих книгах говорилось о будущих императорах, что возбуждало в Алексее желание царствовать.¹⁸ Взойдя на престол (1183 г.), император Андроник приказал сжечь эти книги вместе с писцом Мамалом.

Многие сведения об императорской библиотеке, сообщаемые нарративными источниками, еще не выявлены. Однако для истории средневековых библиотек не менее важен учет всех рукописей, принадлежавших ранее какой-либо библиотеке. Именно с этой целью составлен перечень рукописей из собрания императорского дворца, находящихся в настоящее время в Ленинграде.

1. Синайский кодекс Библии IV в. (Codex Sinaiticus), пять маленьких фрагментов которого хранятся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее ГПБ) под шифрами греч. 2, 259, 843. 347 листов кодекса находится в Британском музее (шифр: Add. № 43725), 43 листа — в университетской библиотеке Лейпцига (Codex Frederico-Augustanus). Эту рукопись предположительно считают возможным отнести к числу тех 50 списков Библии, которые император Константин в 332 г. приказал Евсевию епископу Кесарии Палестинской изготовить для новых церквей своей христианской столицы. Евсевий приводит это письмо в своем «Житии Константина»: «Победитель Константин, великий август — Евсевию. В соименном нам городе, по промыслению Спасителя Бога, святейшая церковь приобрела вновь очень много людей. С быстрым же умножением верующих оказывается весьма нужным и умножение церквей. Итак, прими со всей готовностью наше решение. Мы благорассудили объявить твоему благоразумию, чтобы ты приказал опытным, отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергамене 50 томов, удобных для чтения и легко переносимых для употребления. В этих томах должно содержаться божественное писание, какое, по твоему разумению, особенно нужно иметь и употреблять в церкви. Для сего от нашей кротости послана грамота к правителю округа, чтобы он озаботился доставкой тебе всего нужного для их приготовления. Наискорейшая же переписка их будет зависеть от твоих хлопот. Для перевозки написанных томов это письмо наше даст тебе право взять две общественные подводы, на которых особенно хорошо написанные кодексы легко будет доставить ко мне».¹⁹

В рукописи нет никаких данных для отнесения ее к числу 50 списков Библии, заказанных Константином. Основанием для такого предположения является лишь то обстоятельство, что Синайский кодекс, как и Ватиканский, является единственным известным нам пергаменным списком Библии середины IV в. Не случайно эти 50 списков Библии должны были быть написаны не в новой столице империи, а именно в Кесарии Палестинской, где была крупнейшая христианская библиотека раннего периода; эта библиотека, куда в свое время поступила библиотека Оригена, для

¹⁷ Annae Comnenae Porphyrogenitae. Alexias. Ex recensione A. Reifferscheidii. I. Lipsiae, 1884, p. 181—182. Русский перевод: Анна Комнина. Алексиада. Перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 174.

¹⁸ Nicetae Choniatae Historia, p. 403—404. Русский перевод: Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина, I, стр. 395.

¹⁹ См.: Сочинения Евсефия Памфила, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии, II. Изд. 2. СПб., 1850, стр. 254—255. Греческий текст см.: J.-P. Migne. Patrologia Graeca, t. 20, col. 1184_C—1185_B. В переводе вместо слова «кодексы» употреблено слово «свитки», однако находящееся в греческом тексте слово *βιβλία* правильнее переводить как «кодексы».

сохранения ранней христианской литературы имела то же значение, какое имела Александрийская библиотека для сохранения античной литературы.²⁰

См.: Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 1. Рукописи IV—IX вв. Визант. временник, XVI, 1959 (далее: Гранстрем. Каталог), стр. 220, № 2; The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus. Published by the Trustees of the British Museum. London, 2-nd ed. Oxford, 1963; H. J. M. Milne and T. C. Skeat. Scribes and correctors of the Codex Sinaiticus. London, 1938.

2. Пурпурное евангелие VI в. (Codex N, Сармисахлийское евангелие), хранящееся в ГПБ под шифром греч. 537. Пурпурный пергамен, текст написан серебром, Nomina Sacra — золотом. 182 листа. Листы из этого кодекса хранятся также в следующих библиотеках: а) Афины, Византийский музей, Fgr. 21 (К. Пр. 225) — 1 лист; б) Вена, Австрийская национальная библиотека, Gr. Theol. 31 — 2 листа; в) Лерма, Италия, коллекция маркиза Спинола (Spinola) — 1 лист; г) Лондон, Британский музей, Cotton Titus C. XV — 4 листа; д) Нью-Йорк, Библиотека Pierpont Morgan M-874 — 1 лист; е) Патмос, монастырь Иоанна Предтечи, № 67 — 33 листа; ж) Рим, Библиотека Ватикана, Gr. 2305 — 6 листов; з) Фессалоники, Университетская библиотека — 1 лист. Этот последний лист был найден всего несколько лет назад, о чем мне известно из письма профессора Фессалоникского университета Линоса Политиса. Цвет пергамента, серебро и золото для текста служат доказательством, что эта рукопись хранилась в императорском дворце и использовалась в торжественных церемониях.

См.: Гранстрем. Каталог, стр. 223, № 18; K. Treu. Die griechische Handschriften des neuen Testaments in der UdSSR. Berlin, 1966, S. 169—173 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, begr. von O. von Gebhardt und A. von Harnack, Bd. 91) (далее — Treu. Griechische HSS d. N. T.) В обоих описаниях дана библиография рукописи.

3. Два маленьких обрывка из Евангелия VI в., хранящиеся в ГПБ под шифром греч. 275. Текст написан золотом на пурпурном пергамене. Отрывки из этого же кодекса хранятся в Патриаршей библиотеке в Александрии под № 496; среди копий с греческих рукописей в собрании Порфирия Успенского в ГПБ имеются копии александрийских фрагментов. Основанием считать эту рукопись императорской служит пурпурный цвет пергамента.

См.: Гранстрем. Каталог, стр. 221, № 9; Treu. Griechische HSS d. N. T., S. 110—111.

4. Евангелие IX в. на темно-фиолетовом, почти черном. пергамене; хранится в ГПБ под шифром греч. 53. Текст написан золотом, колоннотитулы и схолии на полях — серебром, нынче почти выцветшим. 406 листов. 4 миниатюры, добавленные из других рукописей, и 4 заставки. Согласно преданию, эта рукопись написана императрицей Феодорой († после 867 г.). Цвет пергамента, роскошное убранство рукописи дают основание считать ее происходящей из императорского скриптория. Устное предание о написании этого кодекса Феодорой не подкрепляется никакими данными.²¹

²⁰ C. Wendel. Das griechisch-römische Altertum, S. 131—133.

²¹ Кроме перечисленных греческих рукописей, написанных на пурпурном пергамене, в собрании ГПБ имеются две латинских рукописи на пурпурном пергамене: 1) Lat.Q.v.1.26. Евангелие конца VIII в., написанное серебром (в настоящее время потускнело) с золотыми заголовками. См.: O. A. Dobiaš-Roždestvenskaia. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeiensis Lepinopolitani. Léningrad, 1934, p. 164—166; автор относит эту рукопись к числу корбийских на основании ее письма; 2) Lat.Q.v.1.11. Фрагмент Евангелия от Матфея VIII в

См.: J. Belsheim. Das Evangelium des Marcus nach dem griechischen Codex aureus Theodoraе Imperatricis purpureus Petropolitаnus aus dem 9. Jahrhundert. Christiania, 1885; Гранстрем. Каталог, стр. 236—237, № 81; Греу. Griechische HSS d. N. T., S. 45—48.

5. Псалтирь, около 1080 г., хранящаяся в ГПБ под шифром греч. 214. 329 листов. На л. 1 помещен инициал М, состоящий из трех фигур в царской одежде, с надписями. Первая фигура, изображающая мужчину, почти не сохранилась. Очевидно, здесь был изображен император — Михаил VII Дука (1071—1078) или Никифор Вотаниат (1078—1081). Вторая фигура изображает маленького царевича Константина Порфирородного (1074—1093/94) и его мать — императрицу Марию, супругу Михаила Дуки, а позднее — Никифора Вотаниата. Имеются также другие инициалы с крошечными миниатюрами превосходной работы, изящные заставки и концовки. Изображения членов императорского семейства на первом листе указывают, что псалтирь была написана для кого-либо из изображенных лиц, как принято считать, для Константина, который был тогда еще мальчиком и должен был учиться по этой рукописи. В. Н. Лазарев обращает внимание на близкое сходство ленинградской Псалтири с Апостолом 1072 г., который был написан для императора Михаила VII Дуки, а ныне находится в научной библиотеке Московского университета (№ 2280).

См.: В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая псалтирь XI в. Визант. временник, III, 1950, стр. 211—217, со снимками; Гранстрем. Каталог, вып. 3. Рукописи XI в. Визант. временник, XIX, 1961, стр. 208, № 213; Греу. Griechische HSS d. N. T., S. 328—331. Об Апостоле 1072 г. см.: Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи библиотеки Московского университета. ВДИ, 1967, № 4, стр. 99—100, с указанием, что рукопись была написана в царском скриптории. О том, как попала эта рукопись в Москву, неизвестно. Устное предание, связывающее ее судьбу с именем Софьи Палеолог, не подкрепляется конкретными сведениями.

6. Евангелие XI в., хранящееся в ГПБ под шифром греч. 801. 259 листов. 20 листов — в Москве, в ГБЛ под шифром греч. 12. Листы 124—125 об. и 201—202 об. — пурпурные; текст на листах 3—3 об., 80—81 об. и 201—202 об. написан золотом. Наличие четырех листов пурпурного пергамента, написанный золотом текст на пяти листах, миниатюры (4) и заставки прекрасной работы дают основание предполагать, что рукопись эта в свое время хранилась в библиотеке византийских императоров.

См.: В. Д. Лихачева. Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской Публичной библиотеки. Визант. временник, XIX, 1961, стр. 144—153, со снимками; Гранстрем. Каталог, вып. 3, стр. 226, № 254; Греу. Griechische HSS d. N. T., S. 195—197.

7. Пергаменный свиток конца XI—начала XII в., содержащий последование вечерни пятидесятницы и литургию преждеосвященных даров. 8 миниатюр (9-я миниатюра вытерта). Хранится в Библиотеке АН СССР в собрании Русского археологического института в Константинополе под № 1.

Этому свитку посвящено исследование Б. В. Фармаковского, выводы которого заключаются в следующем: 1) рукопись была написана в монастыре Иоанна Предтечи Пётра (Каменном) в Константинополе; 2) на одной из миниатюр изображен император Алексей I Комнин;

Текст написан золотом, капитальным рустичным письмом. См.: О. А. Добиаш-Рожественская. Древнейшие латинские рукописи. Каталог, ч. 2 (VIII—начало IX в.). Подготовили к печати Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова. Л., 1965. Ротатор, стр. 71—73, № 25. По мнению О. А. Добиаш-Рожественской, этот фрагмент был написан в дворцовой школе Карла Великого.

3) монастырь Иоанна Предтечи Пётра находился под покровительством императорской фамилии, а потому допустимо предположение, что ленинградский свиток был изготовлен для императорской библиотеки.

См.: Б. В. Фармаковский. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе. Изв. Русск. археол. института в Константинополе, VI, вып. 2—3, София, 1901, стр. 253—359; Гранстрем. Каталог, вып. 4. Рукописи XII в. Визант. временник, XXIII, 1963, стр. 169, № 309.

8. Евангелие XII в., хранящееся в ГПБ под шифром греч. 118. Рукопись эта в XV в. была поднесена деспотом Мореи Димитрием Палеологом (младший брат императора Иоанна VIII (1425—1448) и Константина XI (1449—1453)) какому-то знатному лицу в Италии, о чем свидетельствует находящееся в этой рукописи (л. 385 об.) изображение Димитрия, стоящего на коленях с протянутыми в умоляющем жесте руками. Над головой Димитрия написано его имя.

В рукописи, в начале каждого евангелия, имеются четыре миниатюры, изображающие евангелистов. В XIII в. были добавлены изображения императора Константина Великого и его матери Елены (л. 1 об.), императора Михаила VIII Палеолога (л. 22), герба византийского императорского дома (л. 3); в XV в. была добавлена упомянутая уже фигура деспота Димитрия, а еще позднее, в XVI—XVII вв., были написаны миниатюры итальянского происхождения на евангельские сюжеты.²² Наличие перечисленных миниатюр дает основание предполагать, что рукопись эта принадлежала императорской фамилии.

См.: В. Д. Лихачев а. Судьба одной византийской книги. (Рукопись ГПБ греч. № 118). Сб. «Книга», XVIII, М., 1969, стр. 201—209. Гранстрем. Каталог, вып. 4, стр. 187, № 352; Treu. Griechische HSS d.N.T., S. 71—73.

9. Карахиссарское евангелие XIII в., хранящееся в ГПБ под шифром греч. 105. В рукописи большое число миниатюр и заставок, много золота. 215 листов. По предположению Колуэлла и Виллоубай, издателей и исследователей этого кодекса, он был изготовлен в одно время и в одном скриптории со следующими кодексами: а) Афон, Лавра, В 26, Евангелие; б) Палермо, Национальный музей, греч. 1, Евангелие; в) Там же, шифр неизвестен, Псалтирь; г) Париж, Национальная библиотека, Coislin 200, Евангелие; д) Там же, Suppl. Grec n° 1335, Евангелие; е) Чикаго, Университетская библиотека, Ms. 965, Евангелие (ранее — в коллекции Рокфеллер—Мак-Кормик).

Все эти 7 (включая ленинградскую) рукописей были написаны в императорском скриптории либо в первой половине XIII в. в Никее, либо в 1260—1280 гг. в Константинополе при императоре Михаиле VIII Палеологе (1224—1282). Парижская рукопись Coislin 200 была преподнесена Михаилом VIII французскому королю Людовику IX (1214—1270). Есть основания предполагать, что обе палермские рукописи тем же императором были подарены королеве Констанции (1262—1300), супруге Петра III Арагонского (1236—1285). Общность происхождения всех кодексов доказывается сходством письма и оформления рукописей, которые представляют собой предметы роскоши, а не книги для чтения. По предположению Колуэлла, Карахиссарское евангелие было подарено в 1282 г. императором Михаилом VIII Палеологом Иоанну II Великому Комнину,

²² На Синае под № 2123 хранится рукопись 1242 г., в которой также имеются изображение Михаила VIII Палеолога и миниатюры итальянского происхождения XVI—XVII вв. См.: В. Н. Бенешевич. Памятники Синая, I. Л., 1925, стр. 48—52, табл. 33—36.

императору Трапезунтской империи (1280—1297), в качестве свадебного подарка, когда дочь Михаила Евдокия выходила замуж за Иоанна.²³

См.: E. C. Colwell and H. R. Willoughby. The four gospels of Karahissar, vol. 1—2. Chicago, 1936 (о судьбе всех семи рукописей см. vol. 1, p. 3—14); Гранстрем. Каталог, вып. 5/2. Рукописи XIII в. Визант. временник, XXIV, 1964, стр. 174, № 443; Треу. Griechische HSS d.N.T., S. 67—70.

10. «Евангелие Иоанна Ватаци». Рукопись известна мне по прориси на кальке, выполненной красками и находящейся в собрании Порфирия Успенского в ГПБ. Текст написан золотом. Помета Порфирия гласит, что Евангелие это хранится в Хиландарском монастыре на Афоне. Сп. Ламброс²⁴ указывает лишь одно евангелие среди рукописей Хиландарского монастыря, написанное золотом, но датирует его XIV в. Также относит эту рукопись к XIV в. и К. Аланд,²⁵ причем оба автора ничего не говорят о принадлежности этой рукописи Никейскому императору Иоанну Ватаци (1222—1255).

E. E. Granstrom

MANUSCRIPTS FROM THE IMPERIAL PALACE OF CONSTANTINOPLE IN Leningrad

History of libraries makes an important part of the cultural history of Byzantium but one can see only few attention to this problem.

The imperial library in Constantinople was a state library. But the books which have been kept in the imperial palace belonged to members of imperial family or to the churches in palace. There are ten manuscripts and fragments of manuscripts in Leningrad collections which formerly belonged to the imperial family: 1) Codex Sinaiticus (three little fragments), IV century; 2) Evangelium of Sarmisakly (Codex N), VI century; 3) Two little pieces of the purple Evangelium, VI century; 4) Evangelium written on the dark violet vellum, IX century; 5) Psalterium, near 1080; 6) Evangelium, XI century; 7) A liturgical roll, XII century; 8) Evangelium, XII century; 9) Evangelium of Karahissar, XIII century; 10) One folio of the Evangelium of the emperor John Vatatzis, XIII century (a copy).

---

²³ В ГПБ имеется еще одно евангелие XIII в. (греч. 204), близко напоминающее письмом и оформлением Карахиссарское евангелие. Миниатюр в этом евангелии нет. См.: Гранстрем. Каталог, вып. 5/2, стр. 201, № 477; Треу. Griechische HSS d.N.T., S. 77—79, с датировкой рукописи XII в.

²⁴ Sp. Lambros. Catalogue of the greek manuscripts on Mount Athos, I. Cambridge, 1895, p. 30, n° 326 (105). Ламброс упоминает в своем описании о легенде, будто это евангелие написано рукой Иоанна Златоуста(!).

²⁵ K. Aland. Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des neuen Testaments. I. Gesamtübersicht. Berlin, 1963 (Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung, Bd. 1), S. 248. Фотография прориси «Евангелия Иоанна Ватаци» помещена в моей статье: К вопросу о византийском минускуле. Визант. временник, XIII, 1958, стр. 235, рис. 9; также см. стр. 231, прим. 33.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БИБЛИОТЕК

Библиотека Иверского монастыря на Афоне в конце XV—начале XVI в. (I)

Среди греческих рукописей, привезенных в Москву в 1655 г. Арсением Сухановым из Иверского монастыря на Афоне и хранящихся ныне в Государственном Историческом музее, имеются семь древних кодексов, изучение которых позволяет осветить один из моментов жизни библиотеки крупнейшей афонской обители на рубеже XV—XVI вв.:

- 1) № 361, XI в., пергамен; миная-четья на ноябрь;
- 2) № 372, XI в., пергамен; миная-четья на декабрь и январь;
- 3) № 378, XI в., пергамен; жития святых;
- 4) № 388, XI в., пергамен; жития святых;
- 5) № 391, XIII—XIV вв., пергамен (л. 1—32, 91, 94) и бумага (л. 33—90, 92—93, 95—314); жития святых и другие статьи;
- 6) № 393, XIV, XVI вв., бумага; жития святых и другие статьи;
- 7) № 413, XIV в., бумага; творения Иоанна Дамаскина и Феодора Продрома.¹

Все эти рукописи в конце XV—начале XVI в. были реставрированы в том книгохранилище, где судьба соединила их в указанное время.

Судя по тому, что рукопись № 388 с момента своего появления на свет до середины XVII в. принадлежала Иверскому монастырю,² можно заключить, что реставрация наших манускриптов была проведена в библиотеке Ивера. Этот вывод подтверждается наличием в рукописи № 391 грузинских помет XIII—XIV вв. (л. 1, нижнее поле; 314 об.) и кусочка пергамена с остатками грузинского афонского письма XI в. (которым подклеен л. 89), а в рукописи № 413 — записи о принадлежности книги Иверу в XV—XVI вв. (л. 273 об.).

Датировка реставрации рубежом XV—XVI вв. определяется филигранями бумаги, использованной для подклейки листов рукописей и дополнения утраченного текста: Briquet¹ 11154 (1479, 1480, 1482 гг.; № 391), 11159 (1483 г.; № 372), 6662 (1496 г.; № 361, 393), 10718 (1499—1500 гг.; № 413), 12845 (1518 г.; № 413).

¹ Номера рукописей приводятся по каталогу архим. Владимира: Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. Сост. архим. Владимир. М., 1894.

² Рукопись написана иверским писцом Феофаном в начале XI в. См.: Б. Л. Фонкич. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI века. Палест. сборник, вып. 19 (82), 1969, стр. 165. Помета των Ἱβήρων, имеющаяся в рукописях №№ 388, 372, 378, 391, 393 и 413, проставлена иверским библиотекарем в 1654 г., во время покупки этих кодексов Арсением Сухановым.

При реставрации манускриптов была проведена следующая работа:
1) подклейка бумаг (№ 391, л. 89, 194 — пергаменом) обветшавших и разорванных листов, углов и полей, заклейка дыр (№ 372, 388, 391, 393, 413);

2) восполнение текста утраченных листов рукописей (№ 372, л. 2—5 об., 173—174; № 393, л. 2—3 об.; № 413, л. 263—269 об.);

3) восполнение текста утраченных частей отдельных листов (№ 413, л. 191—199);

4) составление пинакса (оглавления) реставрируемой книги (№ 361, л. 2; № 372, л. 1 об.; № 378, л. 1 об.; № 391, л. 1 об.; № 393, л. 1), нумерация в соответствии с пинаксом каждого текста в самой рукописи и указание количества листов, занимаемых в рукописи данным текстом (№ 361, 378, 391, 393).

Нужно думать, что работа по реставрации и систематизации (см. ниже) рукописного фонда была проведена иверским библиотекарем, хранителем «книжной казны».

Судя по почерку, которым восполнен текст утраченных листов рукописей и писаны оглавления, реставрацией книг занимались два человека: первый работал с кодексами № 361, 372, 378, 393, 413; второй — с № 388, 391. Почерки, бумага, использованная для подклейки листов и дополнений текста, приемы реставрации рукописей позволяют признать работу обоих реставраторов одновременной и предполагать, что один из них (первый) был «главным» библиотекарем, другой — его помощником.

Иверские книгохранители не ограничились реставрацией манускриптов. Встречающиеся в житийных сборниках принадлежащие им пометы: βιβλίον β^{ον} τὸ πανηγυρικόν (№ 388, л. 1 об.), βιβλίον πανηγυρικόν ε^{ον} (№ 378, л. 1 об.), βιβλίον ε^{ον} τὸ πανηγυρικόν (№ 391, л. 1 об.), βιβλίον πανηγυρικόν ιβ^{ον} (№ 393, л. 1 об.),³ — дают возможность считать, что библиотекари Иверского монастыря на грани XV—XVI вв. занимались систематизацией своего фонда, либо закрепив в указанной нумерации уже существовавший порядок расположения рукописей на полках, либо предложив свою систему группировки кодексов по содержанию.⁴

B. L. Fonkitch

MATERIAUX POUR SERVIR À L'HISTOIRE DES BIBLIOTHÈQUES GRECQUES DU MOYEN ÂGE

L'auteur pose les problèmes de la restauration des manuscrits et de l'ordre de la disposition des livres à la bibliothèque du monastère d'Iviron du Mont Athos à la fin du XV-e au début du XVI-e siècle (d'après les matériaux du Musée historique de Moscou).

---

³ В рукописи № 372 «главный» библиотекарь в нижнем углу подклеенного им л. 176 сделал помету (л. 176 об.): ὁ παρὸν λόγος τῆς ἁγίας μελάνης τῆς ῥωμαίας ὑπάρχει εἰς τὸ γ^{ον} πανηγυρικόν καὶ ζῆτει ἐκεῖσε λόγον η^{ον}.

⁴ Ср. порядок расстановки книг в библиотеке Лавры св. Афанасия: Б. Л. Ф о н к и ч. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. Палест. сборник, вып. 17 (80), 1967, стр. 172, 174.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ «АЛЕКСИАДЫ» И ИХ ПЕЧАТИ

При рассмотрении византийской свинцовой подвесной печати (моливдовула) всегда встают вопросы: кому она принадлежала, кем был, когда жил и чем знаменит ее владелец?

Из легенды моливдовула становятся известными лишь краткие официальные сведения: имя, чин, звание, должность, иногда географические указания. Достоверность этих данных несомненна, ибо печать — памятник на отдельный случай и легенда фиксирует то положение собственника моливдовула, которое он в этот момент занимал (изменение в титулатуре требовало заказа новой матрицы). В отражении реальных фактов заключено достоинство сфрагистики, неоднократно отмеченное в исследованиях по византийской сигиллографии Г. Шлюмберже, Н. П. Лихачевым, Б. А. Панченко.

Работа над каталогом печатей, хранящихся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, позволила выделить большую группу моливдовулов с личными и фамильными именами тех, кому они принадлежали.

Чтобы представить себе стоящих за печатями живых людей, определить время их жизни и деятельности, следует выйти за пределы сфрагистики и обратиться к иному рода источникам. В поисках сведений об интересующих лицах автор статьи использовал широко известное сочинение замечательного византийского историка Анны Комниной «Алексиада» (лишь в отдельных случаях привлечены произведения других авторов). Труд Анны помог отыскать свыше 40 имен, упомянутых в легендах эрмитажных печатей. На фоне событий I крестового похода, многочисленных войн Византии с норманнами, печенегами и сельджуками, сложных перипетий внутри империи Анна Комнина указывает место и роль каждого из действующих лиц «Алексиады» в истории государства. Это имеет особое значение для нас, ибо дает возможность достойным образом оценить те вещественные памятники, которые относятся к XI—XII вв.

При изучении разнохарактерных источников наиболее важными представляются учет и сопоставление сведений, извлекаемых из легенд моливдовулов, с письменными свидетельствами.

Естественно, что использование одного лишь письменного памятника, к тому же отнюдь не беспристрастного, каким является «Алексиада», исключает полную характеристику того или иного деятеля. Но воссоздание полных биографий и не входило в задачу настоящей работы. Ее следует рассматривать только как начальную ступень на пути исследования моливдовулов, с одной стороны, и нарративных источников — с другой.

Число исторических деятелей, героев «Алексиады», бывших владельцами эрмитажных печатей, столь велико, что в пределах одной статьи го-

ворить о них невозможно. Нами избрана группа лиц, которые в значительной степени относятся к категории военачальников: Борил, Георгий Мономахат, Никифор Мелиссин, Лев Никерит, Георгий Декан. Этих людей объединяло время и место военных действий или другого рода событий, участниками которых они были.

Среди тех, кого называет Анна Комнина — Борил. Его имя встречается на трех эрмитажных печатях: М-3009 (табл. I, 1), М-6853 и М-6864.¹

На лицевой стороне святой воин в рост, с копьем в правой и щитом в левой руке, определяемый надписью по сторонам изображения как святой Димитрий. На обороте — шестистрочная надпись, с трудом разбираемая на моливдовулах М-6853 и М-6864 и довольно четкая на экземпляре М-3009:

+ ΚΕΡ,Θ,	+ Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
ΡΟΡΙΛΡΟ	Βορίλ προ-
ΕΔΡΩΚΑΙΜ,	ἐδρω καὶ μ(ε)γ(άλ)ω
Π.ΝΙΚΗΡ,	π[ρ]ημικηρ(ίω)
ΤΩΝΕΘΝΙ	τῶν ἐθνικῶν
Κ,	κ(ῶν)

+ Κύριε βοήθει Βορίλ προἔδρω καὶ μεγάλω πριμικηρίω τῶν ἐθνικῶν — «Господи, помоги Борилу, проедру и великому примикирию...» (последнее слово легенды требует специального пояснения).

Особенности письма: открытая форма беты R, характерная для X—XI вв.; использование лигатуры M для передачи слова МEGAC «великий»:

Чтение легенды не вызывает сомнения, однако о нем приходится говорить в связи с публикацией печати М-6864 Г. Шлюмберже. Возможно, из-за плохой сохранности моливдовула (после реставрации буквы видны более отчетливо) издатель пропустил слово МEGAC и в конце легенды прочел ΤΩΝ ΕΡΑΓΩΝ, тем самым причислив Борила к чиновникам благотворительных церковных учреждений. Как пишет сам ученый, ему не удалось найти специальных сведений о должности примикирия τῶν εὐαγῶν. Кстати сказать, сохранилась рукописная карточка Н. П. Лихачева, где относительно издания печати написано: «Имя Борила сомнительно. Надо чтение Schl. проверить!». Моливдовул с неверным чтением Шлюмберже (это не относится к имени «Борил» — оно бесспорно) вошел в литературу, в частности в работы Ек. Христофилопулос,² Р. Гийяна, Ив. Дуйчева.

¹ Материал о Бориле предварительно изложен в нашей заметке «Печать с именем Борила», см.: Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа, XXXI, 1970, стр. 46—48. Печать М-3009 из собрания б. Русского археологического института в Константинополе (РАИК). Размер 2.8×2.7 см. Отдельные буквы не оттиснулись; два сквозных отверстия в верхней части — след вторичного прикрепления моливдовула. Сохранность: вертикальные трещины с обеих сторон. Не издана. Печать М-6853 из коллекции Н. П. Лихачева. Размер 2.2×2.1 см. Сохранность: выщерблен большой кусок сверху слева (повреждена надпись), выбоины на поверхности. Не издана. Печать М-6864 из собрания Г. Шлюмберже. Размер 2.0×2.1 см. Сохранность: вертикальная трещина с выпадением металла на обороте моливдовула; буквы на лицевой стороне стерты. Издана: G. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884 (далее: G. Schlumberger, Sig.), p. 395. Сохранность моливдовулов не позволяет уточнить, оттиснуты ли они одной матрицей или разными.

² Работа — Δίχ. Χριστοφιλοπούλου, 'Η σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν Κράτος, 'Επετηρίς τοῦ Ἀρχαίου τῆς Ἱστορίας τοῦ Ἑλληνικοῦ δικαίου τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, 2, 1949 — мне недоступна.

Р. Гийян, видный специалист по истории византийской администрации, приводя печать Борила в перечне печатей примикириев, указывает, что она принадлежит к тем моливдовулам, которые трудно датировать определенно.³ Между прочим, у Р. Гийяна мы встречаем мимолетное упоминание о печати Борила, проедра и великого примикирия τῶν ἐθνικῶν, ставшую ему известной благодаря В. Лорану.⁴

Имя Борила хорошо засвидетельствовано источниками. Оно встречается у византийских историков и хронистов XI—XII вв.: Скилицы (или Продолжателя Скилицы?), Никифора Вриенния, Анны Комниной, Иоанна Зонары, Феодора Скутариота.

У царя Никифора Вотаниата (1078—1081) было два «раба», один по имени Борил, другой — Герман, сообщают Скилица⁵ и Зонара.⁶ Они — οἱ γὰρ βάρβαροι δοῦλοι τοῦ αὐτοκράτορος — «варвары — рабы самодержца», — пишет Анна Комнина,⁷ οἱ Σκύθοι «скифы» (А. С., I, р. 57), οἱ βάρβαροι Σθλαβογενεῖς «варвары-славяне» (А. С., II, р. 64); ὁ γὰρ Βορίλος τῶν ἀμφὶ τὸν Βοτανειάτην οἰκειότατος βάρβαρος — «Борил — варвар из числа наиболее приближенных к Вотаниату людей» (А. С., I, р. 28). Никифор Вриенний говорит о Бориле как об одном из самых верных императору рабов: ἓνα τῶν πιστότατων αὐτῶ οἰκετῶν, ᾧ Βορίλλιος ἦν ὄνομα.⁸ Император имел πιστότατον καὶ οἰκειότατον ἄνδρα, εἴτε Σκύθην, εἴτε Μυσόν (Βορίλας ἦν τοῦτω τὸ ὄνομα) ὃν πρωτοπρόεδρον τιμῆσας ἐθνάρχην — «вернейшего и самого близкого к себе мужа, не то скифа, не то мисийца, его имя Борил, которого он возвел в протопроедры и этнархи».⁹

Вопросы происхождения и деятельности Борила и Германа интересовали болгарского историка В. Златарского.¹⁰ Значительно позже образы двух «варваров» привлекли пристальное внимание известного ученого Ив. Дуйчева в связи с изучением им одной из миниатюр Cod. Coislin 79 Парижской национальной библиотеки.¹¹

Считая, что происхождение, деятельность и значение Борила и Германа в византийской истории выяснены не полностью, а данные исторических источников времени Никифора III Вотаниата использованы недостаточно, Ив. Дуйчев подвергает все письменные свидетельства глубокому анализу. Интересно, что в болгарских нарративных памятниках какие-либо сведения о Бориле и Германе отсутствуют.

В противоположность В. Златарскому Дуйчев приходит к выводу, что Борил и Герман были лицами не куманского,¹² а болгарского происхождения. Именование их «рабами» следует понимать не в смысле их социального положения. По мнению ученого, Златарский прав, полагая, что речь

³ R. Guillard, Recherches sur les Institutions byzantines, I. Amsterdam, 1967, p. 312.

⁴ Там же, стр. 320 и № 380.

⁵ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab. I. Bekkero suppletus et emendatus, v. II. Bonnae, 1839 (далее: Scyl.), p. 743.

⁶ Iohannis Zonarae Epitomae historiarum, ed. Th. Büttner—Wobst, v. III, Bonnae, 1897 (далее: Zon.), XVIII.

⁷ Anna Comnena. Alexiade. Texte établi et traduit par B. Lieb. T. I—III. Paris, 1937—1945; I, p. 57 (далее ссылки — А. С. — даются в тексте). Автор статьи обращается в ряде случаев к переводу «Алексиады» на русский язык, внося порой необходимые коррективы. См.: Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. Вступ. статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского.

⁸ Nicephori Bryennii commentarii, Bonnae, 1836 (далее: Nic. Br.), III, 22.

⁹ Nic. Br., IV, 16.

¹⁰ В. Н. Златарски. 1) Потеклото на Петра и Асеня, водачите на въстанието в 1185 год. Описание на Българската академия на науките, кн. XLV (22), София, 1933, стр. 7—48; 2) История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1958, стр. 165—166.

¹¹ Ив. Дуйчев. Образы на двама българи от XI в. Изследвания в чест на акад. Д. Дечев, София, 1958, стр. 747—758.

¹² В. Златарски. История, II, стр. 166.

идет не о купленных рабах, а скорее о наемниках, т. е. чуждых Византии людям.¹³

Деятельность Борила падает на 70-е годы XI в. Судя по сообщениям источников, он пользовался особым доверием императора и имел большую силу. Не случайно Анна Комнина называет Борила и Германа *οἱ παραδυναστεύοντες δοῦλοι* (А. С., II, р. 68). Толкование слова *παραδυναστεύων* дает Бек.¹⁴ По своим функциям это — «первый министр», «президент», *terminus technicus* в применении к различным высшим должностным лицам. В том случае, когда слово дано во множественном числе, под ним понимаются те, которые пользуются доверием императора.¹⁵

Скилица, Комнина, Зонара пишут, что Борил и Герман всем командовали и *πάν τὸ αὐτοῖς βουλευτὸν διαπραττόμενοι* «совершали все, что им вздумается».¹⁶ Они достигали того, чего хотели, нередко прибегая к доносам, клевете, интригам.¹⁷ Отношение источников к этим людям различно. Если Скилица называет Борила *ἀνδρα γενναῖον καὶ δραστήριον* «благородным и деятельным»,¹⁸ то Никифор Вриенний говорит о Бориле и Германе, что они *ἀγενεῖς καὶ ἀσυνέτοι παντάπασι τοῦ καλοῦ* «низкого рода и совершенно глухи к добру».¹⁹ Отношение к ним Анны Комниной резко отрицательное. Она пишет, что Борил и Герман с ненавистью относились к братьям Комнинам, видя расположение к ним императора. Они старались воспрепятствовать укреплению влияния Комнинов и всяческими способами тайно и явно пытались их погубить. Особенно проявили себя Борил и Герман в период мятежа Комнинов против царствовавшего императора. Анна гневно обрушивается на противников Комнинов, быть может, желая тем самым оправдать политику своего отца. Несмотря на все усилия, приближенным Никифора Вотаниата не удается отстоять его власть. Последняя попытка была предпринята, когда Комнины вошли в город. Борил, решив воспользоваться создавшейся обстановкой (грабежи и бесчинства войска; рассосредоточение сил неприятеля), «собрал воинов, носящих мечи на плечах, и тех, кто был родом из Хомы» (А. С., II, р. 100), и приготовился дать сражение. Однако оно не произошло, ибо Никифор Вотаниат не оказал никакого сопротивления и согласился отречься от власти.

В «Алексиаде» приведен любопытный эпизод: когда Никифор Вотаниат, вынужденный отказаться от престола, входил в св. Софию, не сняв с себя еще царского облачения, *ὁ δὲ Βορίλος ἐπιστραφεὶς καὶ ἀψάμενος τῶν περὶ τὸν βραχίονα κελολλημένων διὰ μαργάρων πέπλων παραλύει τριηκὰτα τῆς ἐσθῆτος φάμενος μετὰ τινος μικτῆρος καὶ σεσηρότος ἤθους ὡς τοιοῦτον ἡμῖν ἐπ' ἀληθείας προσήκει νῦν* — «Борил, повернувшись и схватив украшенную жемчугами нарукавную нашивку, отрывает ее от (остального) облачения, говоря с насмешкой и презрением: „Такое поистине нам теперь подобает“» (А. С., II, р. 101).²⁰ В этом сказывается безусловно осуждение Борилом позиции, занятой Никифором Вотаниатом. Возможно, приводя такой факт, Анна Комнина хочет подкрепить упомянутые ею слухи, будто Борил во всех своих поступках исходил не из любви к Никифору Вотаниату,

¹³ Ив. Дуйчев. Образы на двама българи, стр. 751.

¹⁴ H.-G. Beck. Der byzantinische «Ministerpräsident». Byzantinische Zeitschrift. Bd. 48, H. 2, 1955, S. 330.

¹⁵ Там же, стр. 336.

¹⁶ Scyl., II, р. 743; Zon., XVIII, 19.

¹⁷ Zon., XVIII, 20; Nic. Br., Praef.; А. С., I, р. 58; II, р. 71—72.

¹⁸ Scyl., II, р. 734.

¹⁹ Nic. Br., Praef., р. 8.

²⁰ С переводом отрывка Я. Н. Любарского позволю себе не согласиться: «Но Борил, повернувшись к нему, хватает накидку, которая была прикреплена к руке Вотаниата жемчужной застежкой, отрывает ее от платья и говорит с иронической усмешкой: „Теперь эта вещь поистине больше подходит мне“» (Алексиада, стр. 116).

а сам мечтал о воцарении и считал себя достойным императорской короны (А. С., II, р. 72).

При приходе к власти Алексея I Комнина Борил некоторое время оставался в столице, о чем можно судить по замечанию Анны Комниной относительно существования опасности переворота «со стороны известных уже нам рабов или хоматинцев» (А. С., III, р. 103).

Дальнейшая судьба Борила неизвестна. В. Златарский полагал, что он поневоле или по собственному желанию отправился в свое поместье в северной Болгарии, которое несомненно имел благодаря высокому положению, занимаемому им в Византии.²¹ Ив. Дуйчев подчеркивает неубедительность и того, что Борил мог удалиться «в свое земельное владение» в болгарские земли и что позже от его рода произошли Асени, руководители восстания 1185 г.²²

Итак, на основании свидетельств письменных источников, в особенности «Алексиады», можно получить представление о той большой роли, которую Борил и Герман играли в период правления Никифора II Вотаниата. Несомненно, между Борилом и Никифором существовали прежние прочные связи. О них ничего не сказано, но вряд ли случайно Борил становится самым близким и верным человеком императора, пользующимся большой властью.

Борил имел высокое звание и занимал важные посты. Заметим, что Ив. Дуйчев, используя изданную Г. Шлюмберже печать Борила, считал, что последний исполнял должность примикирия императорских монастырей и богоугодных заведений. Он пишет: «Это, очевидно, связано с политической покровительства духовенству со стороны императора», которому духовенство оказало поддержку при вступлении на трон.²³ На самом деле речь может идти только о тех должностях, которые нам известны из сообщения Никифора Вриенния и из легенды эрмитажных печатей.

Никифор Вриенний указывает, что Борил был возведен в протопроедры и этнархи.²⁴ В легенде моливдовулов Борил назван проедром и великим примикирием τῶν ἐθνικῶν. Согласно табели о рангах константинопольского двора, проедр²⁵ занимал шестое место, в то время как протопроедру отводилось пятое. Чиновники первых двенадцати степеней входили в состав синклита. Различие данных печати и сочинения Никифора Вриенния отражает скорее всего фактическое положение дел: сначала Борил был проедром, а затем протопроедром, т. е. стал рангом выше. Если принять мнение Н. Скабалановича о том, что в XI в. чины проедра и протопроедра не всегда различались историками (они были новы по происхождению),²⁶ то разногласий в сообщениях моливдовула и письменного источника не будет.

Должность великого примикирия, по предположению Р. Гийяна,²⁷ появилась при императоре Алексее I Комнине. При императорском дворе она была главным образом почетная: во время церемоний великий примикирий подавал императору скипетр.²⁸ В армии он был командующим

²¹ В. Златарски. Потеклото, стр. 19.

²² Ив. Дуйчев. Образы на двама българи, стр. 757.

²³ Там же, стр. 752.

²⁴ Nic. Br., IV, 16. См.: R. Guillard. Recherches, I, p. 394.

²⁵ О титуле «проедр» см.: Ch. Diehl. De la signification du titre «proèdre» à Byzance. Mélanges offerts à Schlumberger, I, Paris, 1924, p. 105—117; R. Guillard. Recherches, II. Index des titres, s. v.

²⁶ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 152.

²⁷ R. Guillard. Recherches, I, p. 312.

²⁸ Относительно времени появления и характера этой должности см. ниже.

1

2

3

Т а б л и ц а I. 1 — печать Борила (М-3009); 2 — печать Георгия Мономахата (М-6118); 3 — печать Георгия Мономахата (М-8415).

Т а б л и ц а II. 1 — печать Никифора Мелиссина (М-3); 2 — печать Льва Никерита (М-6521); 3 — печать Георгия Декана (М-3010); 4 — печать Георгия Декана (М-3063).

императорским эскортом. «В XI в. при Алексее Комнине великий примикирий как будто командовал вспомогательными отрядами турок».²⁹

На степень распространения этой должности в Византии косвенно указывает ее бытование в болгарской армии в XII—XIV вв.³⁰ Однако Борил назван на печати не просто великим примикирием, а великим примикирием τῶν ἔθνικῶν. Под последним словом понимаются «иноземцы, иноплеменники»; упоминания о них довольно часты в источниках. Так, например, в сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» приведены образцы обращений в письмах к τοῦς ἔθνικούς, в понятие которых включены жители Армении, Иверии, Албании, Африки, Египта, Индии, Галлии, Болгарии, Хазарии, Руси, Моравии и др.³¹ Из разноплеменных наемников (печенеги, половцы, армяне, грузины, франки) формировались союзные войска, или, как они назывались, войска народов (τῶν ἔθνῶν, τῶν βαρβάρων).³² В XI—XII вв. императорам в силу напряженной внешнеполитической ситуации, главным же образом в силу внутренних причин, все больше приходилось рассчитывать на иноземные войска. Так, восстание 1072—1073 гг., вспыхнувшее в западной Болгарии, было подавлено византийцами лишь силами наемных отрядов. «Варваризация» войска, зашедшая далеко при предшественниках императора Алексея Комнина, продолжалась и в правление Комнинов. Положение изменилось лишь в отношении управления войсками: в XI в. армия находилась под командованием иноземцев, Комнины старались сохранить командование войсками в своих руках.³³

Хотя до настоящего времени ни в источниках, ни в литературе мне не удалось найти указания должности великого примикирия τῶν ἔθνικῶν, думаю, что речь идет о командующем войсками иноплеменников. Это, возможно, подтверждается тем, что Борил, по сообщению Врениния, был этнархом, т. е. начальником войск народов. Он управлял союзным войском ἐξ ἔθνῶν.³⁴ Пока еще трудно говорить, каково было соотношение терминов «этнарх» и «великий примикирий τῶν ἔθνικῶν»; недостаточно ясны реальные функции того или другого (например, осуществлял ли этнарх фактическое командование отрядами народов),³⁵ но одно, по моему, очевидно: под властью Борила находились иноплеменники. Нет ли здесь какой-либо связи с болгарским происхождением самого Борила?! Исходя из того, что большинство из великих примикириев, указанных Р. Гийяном,³⁶ действительно предводительствовало воинскими частями, мне кажется, что Борил был командующим не de jure, а de facto.

Печать Борила — первая дошедшая до нашего времени печать великого примикирия вообще и великого примикирия τῶν ἔθνικῶν в частности.

Легенда моливодувала позволяет утверждать, что должность великого примикирия появилась не при Алексее I Комнине, как думает Р. Гийян, а раньше. Известное доказательство этому — миниатюра Cod. Coislin 79 Парижской национальной библиотеки с изображением императора Никифора Вотаниата в окружении четырех (стоящих по сторонам от него)

²⁹ R. Guillard. Recherches, I, p. 313.

³⁰ Ц. Атанасов, Ив. Дуйчев, Д. Ангелов. Болгарското военно изкуство през феодализма. Държавно военно издателство при МНО. 1958, стр. 53.

³¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae libri duo, rec. I. Reiske. I. Bonnae, 1829, p. 686 sq.

³² Н. Скабаланович. Византийское государство, стр. 339.

³³ История Византии, т. II, М., 1967, гл. IX, стр. 289, 302—303.

³⁴ Н. Скабаланович. Византийское государство, стр. 345. Р. Гийян называет имена двух этнархов — главнокомандующих византийской армии, состоящей из наемных иноземцев: Никифора Врениния и Борила. См.: R. Guillard. Recherches, I, p. 394.

³⁵ Н. Скабаланович. Византийское государство, стр. 345.

³⁶ R. Guillard. Recherches, I, p. 313.

высокопоставленных должностных лиц. Судя по надписям возле каждой фигуры, это $\acute{\omicron}$ $\rho\tau\omega\theta\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\rho\iota\omicron\varsigma$, $\acute{\omicron}$ $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ $\rho\tau\iota\mu\acute{\iota}\chi\eta\rho\iota\omicron\varsigma$, $\acute{\omicron}$ $\delta\epsilon\kappa\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ и $\acute{\omicron}$ $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\chi\alpha\upsilon\kappa\lambda\epsilon\iota\omicron\upsilon$.³⁷ На существование великого примикирия на миниатюре обратил внимание еще Ш. Диль.³⁸ Это дало повод Е. Штейну и Л. Брейе³⁹ говорить о том, что, начиная со времени правления Никифора Вотаниата, великий примикирий — главный управляющий дворцовыми службами. Р. Гийян считает утверждение Брейе лишенным основания и неверным, ибо Брейе исходит из заявления Ш. Диль, которое «n'est là qu'une pure hypothèse».⁴⁰

Не берясь судить о существовании должности великого примикирия при Никифоре Вотаниате, предложенном Е. Штейном и Л. Брейе, возможным изменении ее характера при Алексее Комнине, нельзя тем не менее согласиться с высказыванием Р. Гийяна относительно Ш. Диль. Последний был совершенно прав. Даже при обращении к воспроизведению миниатюры, а не к оригиналу надписи, указывающие должности, читаются довольно ясно. Статья Ив. Дуйчева подтверждает это. Кстати сказать, в работе о деканах, опубликованной в 1947 г.,⁴¹ Гийян не возражал, что в числе изображенных был великий примикирий. Однако в статье, посвященной примикириям, появившейся в 1955 г., Р. Гийян, не ограничиваясь возражением Ш. Дилью и Л. Брейе, выдвигает предположение, что речь, вероятно, идет не о великом примикирии, а о простом примикирии, ибо облачение первого в описании Омона отлично от того, которое свойственно этому должностному лицу у Псевдо-Кодина в XIV в.⁴² Поскольку исходным моментом служит надпись $\acute{\omicron}$ $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\varsigma$ $\rho\tau\iota\mu\acute{\iota}\chi\eta\rho\iota\omicron\varsigma$ на миниатюре, это предположение вряд ли правомерно.

Кроме обозначения должностей, на миниатюре можно прочесть чины лиц, близких к императору. Все они проедры, а не протопредры, как указано в ряде изданий.⁴³ Нельзя не заметить, что это указание совпадает с данными легенды моливдовулов.

Таким образом, должность великого примикирия существовала уже при Никифоре III Вотаниате, свидетельством чему служат печать Борила и миниатюра Cod. Coislin 79, на которой представлен портрет Борила. Как пишет Ив. Дуйчев, «парижская миниатюра хорошо дополняет известия письменных исторических источников о роли Борила и Германа в период 1078—81 гг., с другой стороны, она дает образы двух болгар эпохи византийского владычества в Болгарии, для времени которого исторические свидетельства далеки не многочисленны и удовлетворительны».⁴⁴ Фиксация на моливдовуле должности великого примикирия $\tau\omicron\upsilon\upsilon$ $\epsilon\delta\upsilon\iota\kappa\omicron\upsilon\upsilon$, до сих пор неизвестной науке, является исключительной принадлежностью сфрагистического памятника. Ознакомление с новой должностью позволяет расширить наши знания относительно византийской администрации и ее титулатуры.

³⁷ H. O m o n t. Miniatures de plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI au XIV siècle. Paris, 1929, pl. LXIII.

³⁸ Ch. Diehl. Manuel de l'art byzantin, I. Paris, 1925, p. 403, fig. 190; II, Paris, 1926, p. 630—631.

³⁹ G. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinische Verfassung und Wirtschaftsgeschichte. Mitteil. zur Osmanischen Geschichte, 2, 1923—1925, S. 43; L. Bréhier. Les Institutions de l'Empire Byzantin. Paris, 1949, p. 148.

⁴⁰ R. Guillard. Recherches, I, p. 312, № 262.

⁴¹ Статья вошла в сборник статей Р. Гийяна (R. Guillard. Recherches, II, p. 95).

⁴² R. Guillard. Recherches, I, p. 320.

⁴³ Ch. Diehl. De la signification, p. 116; H. O m o n t. Miniatures, описание табл. LXIII; R. Guillard. Recherches, II, p. 95; Ив. Дуйчев. Образы на двама българи, стр. 747.

⁴⁴ Ив. Дуйчев. Образы на двама българи, стр. 757.

Одно из действующих лиц «Алексиады» — Георгий Мономахат. Из византийских авторов о нем сообщает только Анна Комнина. Она характеризует Мономаха как человека умного, способного в любой сложной обстановке проявлять заботу о собственном благе.

Из повествования Анны мы узнаем, что — *δοῦξ δὲ τῆνικαῦτα ἐτόγγυαν παντός τοῦ Ἰλλυρικοῦ Γεώργιος ὁ Μονομαχάτος παρὰ τοῦ αὐτοκράτορος Βοτανειάτου ἀποσταλείς* — «дукой всего Иллирика был в то время Георгий Мономахат, назначенный самодержцем Вотаниатом» (А. С., I, p. 57). Мономахат не был склонен исполнять эту должность, однако обстоятельства вынудили его покинуть родину и близких. По словам Анны, Георгий жестоко страдал от ненависти к нему Борила и Германа, которые возвели на него напраслину и настолько очернили его, что император даже заподозрил в нем «врага ромейской империи». Мономахату ничего не оставалось делать, как просить у Вотаниата службы в Диррахии, куда он отправился, *τὰς ἐπὶ τῇ δοουκικῇ ζώνῃ προσταίεις ἐγγάφως ἀνειληφώς* — «получив в письменном виде предписания о поясе дуки» (А. С., I, p. 58), т. е. получив назначение на должность дуки.

Во время пребывания в Диррахии Георгию Мономахату постоянно приходится сталкиваться с опасностью острых конфликтов: мятеж Алексея Комнина против правящего императора, угроза нападения Роберта Гвискара, свержение Никифора Вотаниата и захват власти Алексеем. Обладая несомненными дипломатическими способностями, Георгий умело лавирует между противниками, он осторожен и предусмотрителен. Так, в период подготовки восстания Алексея Комнина, когда Алексею понадобилась помощь и деньги, Мономахат, бывший друг Алексея, отказывает ему под предлогом, что он дал клятву верности Никифору Вотаниату. Тем не менее это не мешает ему заявить: «Если высший промысел возведет тебя на царство, я, как прежде был верным другом, так и после этого буду преданнейшим рабом» (А. С., I, p. 59).

Неизвестность дальнейшей судьбы восстания и опасность со стороны Роберта, готовящего экспедицию в Диррахий, заставляют Мономаха, который возлагает надежды и на Алексея, и на Гвискара, подумать на всякий случай о своей безопасности. Когда Комнин одерживает победу и посылает в Диррахий посла с приказом Георгию уйти из города без боя (А. С., III, p. 132) (Алексей боится перехода Мономаха, как и других правителей прибрежных городов и островов, на сторону Роберта), становится известным, что Георгий Мономахат уже оставил город, переметнувшись к сербскому князю Михаилу и его сыну Бодину. В стремлении вернуть Мономаха Алексей Комнин посылает ему гарантирующий полную безопасность хрисовул, где Георгий именуется стратигом Диррахия.⁴⁵ Поняв, что ничто не угрожает и Алексей не отомстит за его прежний отказ в помощи, Мономахат возвращается обратно.

Посмотрим, что сообщают о Георгии Мономахе его печати. Несколько мне известно, их имеет только Эрмитаж. На лицевой стороне моливдовула М-6118 (табл. I, 2)⁴⁶ изображение Богоматери типа Одигитрии⁴⁷ в рост, с младенцем на левой руке, по сторонам титлы, на обороте — шестистрочная надпись:

⁴⁵ Fr. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*, II. Berlin—München, 1925, 1066 (до 17 июня 1081 г.).

⁴⁶ Моливдовул М-6118 поступил из Института истории АН СССР в 1938 г. Размер 2,0×2,2 см. Отгиск сдвинут, некоторые буквы не оттиснулись. Сохранность: погнут, вышерблен сверху и снизу. Не издан.

⁴⁷ Изображение Богоматери типа Одигитрии, очень редкое на византийских монетах, «едва ли не наиболее распространенное на византийских печатях», отмечает Н. П. Лихачев в работе «Историческое значение итало-греческой живописи» (СПб., 1911, стр. 110). На стр. 108 и 134 указано, что моливдовулы с Богоматерью Одигитрией в рост особенно интересны, так как в иконописи Одигитрия в рост почти не встречается.

...[R,Θ]	[+ Θεοτό)κε β(οή)θ(ει)]
[Γ]ΕΩΡΓΙΩ	[Γ]εωργίω
.ΑΕΔΡΩΣ.	[(πρωτο)] (προ)έδρω (καί) [?]
ΔΥΡΡΑΧΙΩ..	Δυρραχίου [τῷ]
ΜΟΝΟΜΑ	Μονομα-
ΧΑΤΩ	χάτω

+ Θεοτόκε βοήθει Γεωργίω πρωτοπροέδρω καί ... Δυρραχίου τῷ Μονομαχάτω — «Богородица, помоги Георгию Мономахату, протопроедру и... Диррахия».

На сохранившейся рукописной карточке Н. П. Лихачева отсутствует чтение первой строки, на третьей дано ΑΕΔΡΩ (S или TV?) Указана дата: «XI—XII (скорее XII, даже наверное)».

Зная из «Алексиады», что Георгий Мономахат был дукой Диррахия, мы можем предполагать, что в легенде пропущено обозначение должности «дуки», т. е. после союза ΚΑΙ стояло слово ΔΟΥΚΙ (вероятно, слово было написано не полностью).

На лицевой стороне моливдовула М-8415 (табл. I, 3)⁴⁸ можно видеть Богоматерь типа Одигитрии с младенцем на правой руке.⁴⁹ На обороте — семистрочная надпись:

+ΘΚΕΡ,Θ,	+ Θε(οτό)κε β(οή)θ(ει)
ΤΩΣΩΔΥΛ,	τῷ σῶ δούλ(ω)
ΓΕΩΡΓΙΩΡΕ	Γεωργίω βέ-
ΣΤΗΣΚΑΤΕ	στη (καί) κατε-
ΠΑΝΩΤ.(Μ)Ο	πάνω τῷ Μ]ο-
ΝΩΜΑ..	νωμα χά]
ΤΨ	τω

+ Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλω Γεωργίω βέστη καί κατεπάνω τῷ Μονομαχάτω — «Богородица, помоги твоему рабу Георгию Мономахату, весту и катепану».

В рукописной карточке Н. П. Лихачева дано предположительное чтение пятой—седьмой строк: T(ON?)O или TΩO/ΩΩMA[ϣ]A/TΩ? После реставрации чтение стало более ясным.

Если действительно наше чтение легенды М-8415 правильно и владельцем обоих моливдовулов был Георгий Мономахат, то, судя по указанным в надписях чином, он прошел путь от веста, занимавшего девятое место в иерархии чинов, до протопроедра (пятое место). Произошло ли это повышение в период службы в Диррахии, трудно сказать, однако не совсем исключено. Анна подчеркивает, как не хотелось Георгию покидать столицу, но, будучи вынужденным, он домогается службы именно в Диррахии. О службе Георгия в другом каком-нибудь месте мы не знаем.

Что касается указания должностей на моливдовулах, то в легенде М-6118 предположительно читается «дука», из надписи печати М-8415

⁴⁸ М-8415 поступил из Института истории АН СССР в 1938 г. Размер 2,5×2,4 см. Сохранность удовлетворительная. Не издан.

⁴⁹ Это так называемая «обратная» Одигитрия. Богоматерь держит младенца на правой руке. По сравнению с обычной Одигитрией этот тип менее распространен.

известно, что Георгий Мономахат был катепаном. В XI в. «катепан» означает высокое должностное лицо в армии, которое стоит во главе некоторых фем, значительно уменьшившихся в данное время по размеру. Слово, однако, имеет также значение правителя фемы или стратига и в этом смысле употребляется наряду с термином «дука».⁵⁰

В легенде М-8415 не содержится географического указания, но это не исключительное явление в сфрагистике, ибо, кроме печатей катепанов, имеющих эти сведения,⁵¹ есть и такие, которые лишены топонимических данных. Аналогией к нашему моливдовулу может служить печать Михаила Маврика, вестарха и катепана, из собрания Г. Шлюмберже⁵² или Михаила Маврика, магистра, веста и катепана, из Афинского музея.⁵³ Если на этих моливдовулах не названо место действия, то печать из коллекции А. Мортмана его дает: Михаил Маврика был вестархом и катепаном Диррахия.⁵⁴

Поскольку в нашем распоряжении две печати, на одной из которых указана должность катепана без обозначения места службы, а на другой фигурирует название «Диррахий», нельзя ли предположить, что Георгий был катепаном последнего, учитывая при этом, что разграничить употребление терминов «дука» и «катепан» трудно. Е. Гликаци-Арвейлер указывает на их сосуществование в XI в. применительно к одной должности. Это относится к Болгарии, Западу, Антиохии, Диррахии, Адрианополю, Дристре (Параданувии), Фессалонике и др. В это время происходит поразительное явление: одно и то же лицо в один и тот же период своей карьеры называется часто в источнике то катепаном, то дукой. «Следует заметить, — говорит исследовательница, — что многие лица, известные как дуки или катепаны, имеют печати, носящие безразлично то или другое из этих званий».⁵⁵ Г. Г. Литаврин отмечает, что совершенно неясны организационные особенности и структура административных областей, управляемых катепаном, дукой, стратигом, и «ничего не дает нам попытка проследить употребление терминов, которыми обозначались правители этих различных административных единиц».⁵⁶

В какой промежуток времени Георгий Мономахат исполнял свои обязанности дуки в Диррахии, можно сказать довольно точно.⁵⁷ До начала правления Никифора Вотаниата дукой был Никифор Васиlaki, а затем выступает Георгий Мономахат, которого сменяет ставленник нового императора Алексея I Комнина Георгий Палеолог; таким образом, речь идет о 1078—1081 гг.

Ознакомление с моливдовулами и текстом «Алексиады» позволяет установить, что Георгий нес службу в Диррахии, занимая должность дуки (если принять наше чтение легенды М-6118). Должность катепана, а также титулы Мономахата «вест» и «протопроедр»⁵⁸ указаны лишь в легендах печатей.

⁵⁰ R. Guillard. Recherches, I, p. 393.

⁵¹ См., например, печать катепана Крита: A. Mordtmann. Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponnèse. Revue archéologique, nouv. sér., XXXIV, 1877, p. 59.

⁵² G. Schlumberger. Sig., p. 328, 19.

⁵³ K. Konstantopoulos. Βυζαντινά μολυβδόβουλλα. Journal Internationale d'archéologie numismatique, t. 7, 1904, p. 410β. См. также: G. Schlumberger. Sceaux byzantins inédits. Revue des Etudes grecques, t. XIII, Paris, 1900, p. 183.

⁵⁴ A. Mordtmann. Plombs, p. 52; G. Schlumberger. Sig., p. 204.

⁵⁵ H. Glykatzzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX—XI siècles. Athènes—Paris, 1960, p. 65, № 13.

⁵⁶ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия XI—XII вв. М., 1960, стр. 266.

⁵⁷ Н. С ка ба л а н о в и ч. Византийское государство, стр. 221.

⁵⁸ Впервые титул «протопроедр» встречается между 1060—1077 гг. В конце XI в. его носят начальники главных бюро центральной администрации, люди, близкие к императору, высшие должностные лица провинциальной администрации, катепаны Оптиматов, дуки Болгарии. См.: Ch. Diehl. De la signification, p. 116.

Эрмитажное собрание располагает двумя моливдовулами, владельцем которых был Никифор Мелиссин. Это имя встречается не только у византийских писателей, его знают армянские и западные источники. Никифор Мелиссин хорошо известен в истории Византии: это был малоазийский магнат, зять Алексея Комнина, поднявший мятеж против императора Никифора Вотаниата. Войдя в соглашение с турками, разбив посланные против него войска, Мелиссин отправляется в Константинополь с целью захватить престол. Однако выступление Комниных оказалось серьезным препятствием для осуществления его честолюбивых планов. Мелиссин предлагает Комниным разделить империю на две части с тем, чтобы на Западе управлял делами Алексей, а в Азии он сам. В ответ на это Комнины обещают «почтить Мелиссина саном кесаря, удостоить его диадемы и приветствия и всего прочего, что подобает такому сану, дать ему главный город Фессалии» (А. С., II, р. 88).

Комнины предпринимают все, чтобы как можно скорее захватить столицу, опередить Мелиссина, ибо император Вотаниат в это время стал думать, не передать ли власть Мелиссину. Однако победа была одержана Комниными. Алексей выполнил свое обещание: Никифору Мелиссину был пожалован титул кесаря. Это находит подтверждение в императорском хрисовуле от 8 апреля 1081 г.⁵⁹ Об этом же говорит и Зонара: вступив на престол, Алексей возводит Никифора в сан кесаря, отдает ему для поселения Фессалонику, оказывает денежную помощь.⁶⁰

В течение 1081—1092 гг. Никифор Мелиссин выступает участником войн с норманнами, печенегами, куманами. В 1083 г. при осаде Лариссы Боэмундом Никифор Мелиссин и Василий Куртикий⁶¹ были главнокомандующими. Во время битвы с печенегами в 1087 г. Никифор попадает в плен (А. С., VII, р. 103), но император выкупает его вместе с другими военнопленными. В начале 1091 г., как известно из письма императора,⁶² Мелиссину поручается формирование войска новобранцев «из числа болгар и влахов»⁶³ для борьбы с печенегами (А. С., VIII, р. 134).

Посмотрим, что дает нам сфрагистический материал. В Лораном издан один моливдовул из собрания G. Orghidan, где Никифор Мелиссин назван

⁵⁹ Fr. Dölger. Regesten, II, 1063.

⁶⁰ Zon., XVIII, 21.

⁶¹ В эрмитажной коллекции хранится моливдовул M-5761 Василия Куртикия. На лицевой стороне — погрудное изображение Богоматери типа Оранты, на груди — медальон с младенцем. Из титулов сохранилось справа $\theta\upsilon$. На обороте — пятистрочная надпись:

KERΘ	[Θ](εοτά)κε β(οή)θ(ει)
·ΨΩΔΗΛ	[τ]ψ σῶ δούλ(ω)
[R]ACIΛIO	[Βασιλίο]
ΤΟΚΟΥΡΤ	τὸ Κουρτ
ΙΚΙ	ίχι

Θεοτάκε βοήθει τῶ σῶ δούλῳ Βασιλεῖ(ω) τ(ψ) Κουρτίκῃ — «Богородица, помоги твоему рабу Василию Куртикия».

Моливдовул из собрания Feuardent. Размер 1.7×1.8 см. Оттиск сдвинут влево. Сохранность удовлетворительная. Не издан.

⁶² Fr. Dölger. Regesten, II, 1158.

⁶³ В статье M. Gyoni «Le nom de Βλάχοι dans d'Alexiade d'Anne Comnène» (Byzantinische Zeitschrift, Bd. 44, 1951, S. 247 ff.) даются сведения о Никифоре Мелиссине, указывается, что карьера кесаря известна лишь приблизительно. Он отрицает предположение A. Sacerdoteanu о том, что Никифор Мелиссин был дукой фемы Салоник: «ce rang eût été indigne d'un corégent» (S. 248). Его собственная гипотеза относительно возможности пребывания Мелиссина на посту великого domestika западных провинций не находит, однако, как он сам признает, подтверждения в источниках.

протопроедром и моностратигом фемы Анатолик.⁶⁴ Отмечая, что «эта печать без всякого сомнения принадлежит зятю Алексея I Комнина», В. Лоран датирует ее XI в. Несомненно, она появилась до того времени, когда Никифор Мелиссин стал кесарем, т. е. до 1081 г.

В нашем распоряжении имеются два моливдовула (М-3 и М-146), легенда которых также дает имя Никифора Мелиссина.

На печати М-3 (табл. II, 1)⁶⁵ с погрудным изображением на лицевой стороне Богоматери типа Одигитрии с младенцем на левой руке, в семистрочной надписи на обороте читаем:

+ ΘΚΕΡ,Θ,	+ Θ(εοτό)κε β(οή)θει
ΝΗΚΗΦΟΡ,	Νηκηφόρ(ω)
ΜΑΓΙΣΤΡΩ	μαγίστρω
ΣΔΥΚ,ΤΡΙ.	(καί) δουκ(i) Τρι[α]
ΔΙΤΣΗ,ΤΩ	δίτση(ς) τῷ
ΜΕΛΙΣΣΗ	Μελισσή-
ΝΩ	νῷ

+ Θεοτόκε βοήθει Νικηφόρω μαγίστρω καὶ δουκὶ Τριαδίτσης τῷ Μελισσηνῷ — «Богородица, помоги Никифору Мелиссину, магистру и дуге Триадицы».

Моливдовул М-146⁶⁶ имеет на лицевой стороне погрудное изображение Богоматери типа Одигитрии с младенцем на левой руке. Из титулов сохранилось справа ΜΡ. На обороте — восьмистрочная надпись, первая строка которой отсутствует:

Τ. ΣΩΔΥ	τ[ω] σῷ δού[λω]
ΝΙΚΗΦΟ,ΜΑ	Νικηφό(ρω) μα-
ΓΙΣΤΡΣΚΑ	γίστρ(ω) (καί) κα-
ΤΕΠΑΝΤΡ	τεπάν(ω) Τρ-
ΙΑΔ.ΣΗΤΩ	ιαδί[ς]ης τῷ
ΜΕΛΗΣΣΗ	Μελησση-
ΝΩ	νῷ

... τῷ σῷ δούλῳ Νικηφόρῳ μαγίστρῳ καὶ κατεπάνῳ Τριαδίτσης τῷ Μελισσηνῷ — «... твоему рабу Никифору Мелиссину, магистру и катепану Триадицы».

Обращает на себя внимание написание слова «Триадица»: следует читать ΤΡΙΑΔΤΣΗΣ либо ΤΡΙΑΔΣΗΣ; в обоих случаях между Δи Т, Δи Σ отсутствует йота.

Сравнивая обе печати, можно отметить их сходство и различие. Сходство — в выборе одного и того же изображения, в частности Богоматери типа Одигитрии. Различие касается характера легенды: легенда печати М-3 начинается словами «Богородица, помоги...», далее следует личное имя, титулатура, географическое указание, родовое имя; в легенде печати

⁶⁴ V. Laurent. Documents de sigillographie byzantine. La Collection G. Orghidan. Paris, 1952, № 196.

⁶⁵ Моливдовул М-3 из собрания б. РАИК. Размер 2,7×2,8 см. Оттиск сдвинут влево. Сквозное отверстие — след вторичного прикрепления печати. Сохранность хорошая. Не издан.

⁶⁶ Моливдовул М-146 из собрания б. РАИК. Размер 2,2×2,2 см. Сохранность: вертикальная трещина с выпадением металла на обороте, местами выщерблен по краю. Сильно потерт (это препятствует его воспроизведению). Не издан.

М-146 при отсутствии обращения, заключающего призыв помощи — скорее всего это обращение к Богоматери, — личному имени предшествуют слова «твоему рабу». При наличии одного и того же чина легенды моливдулов М-3 и М-146 различаются указанием должности: в первом случае — дука, во втором — катепан. По-видимому, здесь имеет место лишь формальное различие в наименовании должности.

Факт бытования двух моливдулов магистра Никифора Мелиссина, на одном из которых он фигурирует как дука, а на другом как катепан Триадицы, служит, вероятно, еще одним примером сосуществования в XI в. терминов «дука» и «катепан» при всей трудности разграничения их смыслового содержания.

Географическое указание надписей печатей приводит нас в Болгарию. Триадица — одно из названий столицы Болгарии: Сердика, Триадица, София.⁶⁷ Правитель столицы являлся по существу правителем фемы. После Андроника Филокала, который был катепаном Болгарии в 1065—1066 гг., правители Болгарии имеют резиденцию в Сердике и носят название дук.⁶⁸

Можно ли считать, что Никифор Мелиссин в качестве дуки или катепана Триадицы входил в число правителей Болгарии? Мы не встречаем его имени в известных перечнях наместников-управителей Болгарии,⁶⁹ однако не исключено, что более широкое использование источников и исследовательской литературы позволило бы ответить на этот вопрос положительно, пока же он остается открытым. Что касается времени правления Никифора Мелиссина в Триадице, то это могли быть 60-е годы XI в.

Упоминание Триадицы в работе Е. Гликаци-Арвейлер⁷⁰ среди существовавших в XI—XII вв. небольших фем заставляет посмотреть на правление Никифора Мелиссина в Триадице с иной точки зрения.

«Термин „фема“ утратил к этому времени (XI в., — В. III.) свое прежнее значение (как, впрочем, и термины «турма» и «банда»); он мог употребляться теперь также для обозначения административных единиц, на которые делились прежние фемы, его смысл стал нечетким, многозначным», — говорит Г. Г. Литаврин, приводя пример, когда, по одним источникам, вся Болгария зовется фемой, а по другим источникам конца XI в., Болгария состояла из многих фем.⁷¹ В отношении фемы Триадицы Е. Гликаци-Арвейлер дает ссылку на Феофилакта Болгарского (XII в.). Триадица в числе провинций-фем упоминается также хрисовулом Алексею III от 1199 г.⁷² Остается не совсем ясным, существовала ли фема Триадица ранее XII в., т. е. в XI в. Вероятно, все-таки существовала. В начале 60-х годов XI в. Роман Диоген (будущий император Роман IV Диоген) был, согласно сообщению Скилицы, «дукой Сердики».⁷³ Никифор Мелиссин, можно думать, был правителем этой небольшой провинциальной фемы — Триадицы. Сказать в этом случае, к какому времени мог относиться период его правления, трудно.

Итак, Никифор Мелиссин известен нам как кесарь (сообщения Анны Комниной и Зонары, хрисовул), протопроедр и моностратиг фемы Ана-

⁶⁷ О названии Триадицы см.: M. Vasmer. Die Slawen in Griechenland. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1941, Philosoph.-hist. Kl., № 12, S. 259.

⁶⁸ Н. Скабаланич. Византийское государство, стр. 266.

⁶⁹ N. Vănescu. Unbekannte Statthalter der Themen Paristrion und Bulgarien. Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, S. 443; В. Златарски. История, т. II, стр. 534.

⁷⁰ H. Gylkatzki-Ahrweiler. Recherches, p. 87.

⁷¹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 268.

⁷² Jus Graeco-Romanum, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, III, Lipsiae, 1857, p. 560.

⁷³ Scyl., II, 663.

толик (моливдовул, изданный В. Лораном), магистр и дука Триадицы, магистр и катепан Триадицы (эрмитажные печати). В том случае, если все эти сведения относятся к Никифору Мелиссину, хорошо известному в византийской истории, то перед нами его *cursus honorum*. На основании упоминания в легендах эрмитажных моливдовулов чина магистра, занимавшего седьмое место в табели о рангах, эти печати должны быть отнесены к более раннему времени, чем моливдовул, изданный Лораном,⁷⁴ где Никифор выступает как протопроедр. Таким образом, судя по имеющимся данным, Никифор Мелиссин прошел путь от магистра и дуки (катепана) Триадицы до кесаря, которому после введения нового чина «севастократор» было отведено третье место после императора.

Об идентификации Никифора Мелиссина, владельца эрмитажных печатей, со знаменитым Никифором Мелиссиным можно говорить лишь предположительно. Мы не располагаем пока сведениями о существовании в XI в. второго Никифора Мелиссина,⁷⁵ однако такой факт не исключен.

С историей Болгарии в известной степени связано также имя византийского полководца Льва Никерита.

Использование различного рода источников дает возможность проследить его служебную карьеру: анфипат и стратег Пелопоннеса, протопроедр и анаграфевс Пелопоннеса, дука фемы Паристрион; новелиссим, великий дука и анаграфевс острова Кипр; протоновелиссим и *οικετότατος* Алексея I Комнина. Так пройденный Никеритом путь представлен в работе В. Лорана, издавшего моливдовул Льва Никерита, протопроедра и анаграфевса Пелопоннеса из собрания Ватикана.⁷⁶ Экземпляр этой печати хранится в Эрмитаже.⁷⁷

В эрмитажной коллекции имеется еще один моливдовул, в легенде которого упоминается Лев Никерит. Печать М-6521 (табл. II, 2)⁷⁸ эпиграфического типа: с обеих сторон по три строки:

CFPA	Σφρα-	ΔΟ[V]	δου-
ΓΙΣΛΕ	γίς Λέ-	ΚΟΣΤΟΥ	κός τοῦ
ΟΝΤΟΣ	οντος	ΝΙΚΕΡΙ	Νικερί-
		ΤΟΥ	του

Σφραγίς Λέοντος δουκός τοῦ Νικερίτου — «Печать Льва Никерита, дуки».

Надпись стихотворная, написана ямбическим триметром. Место правления дуки в легенде не обозначено. Как отмечал Г. Шлюмберже, печати, на которых стоит имя и должность дуки без географического указания, известны.⁷⁹

⁷⁴ Палеографические признаки М-3 и моливдовула из собрания G. Orghidan, судя по воспроизведению последнего, как будто позволяют думать о возможной хронологической близости этих печатей.

⁷⁵ Никифор Мелиссин, прозванный Мелисургом, сын севастократора Льва Мелиссина, жил в эпоху Палеологов.

⁷⁶ V. Laurent. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Vaticano, 1962, № 110.

⁷⁷ Моливдовул М-2033 из собрания б. РАИК. Размер 2.1×2.0 см. Оттиск сдвинут влево. Сохранность: погнут.

⁷⁸ Моливдовул М-6521 поступил из Института истории АН СССР. Размер 2.5×2.3 см. Сохранность: погнут, вертикальная трещина в нижней части с лицевой стороны. Другой экземпляр печати см.: Ebersolt. Sceaux byzantins du Musée de Constantinople. Revue numismatique, 4 sér., t. XVIII, 1914, № 377 (364).

⁷⁹ G. Schlumberger. Sig., p. 342.

Из текста «Алексиады» мы знаем, что Лев Никерит был евнухом, с детства он воспитывался среди воинов и слыл человеком весьма уважаемым (А. С., VII, р. 93). В 1091 г. Никерит — дука Параданувия (Паристриона) (А. С., VIII, р. 155).⁸⁰ В 1107—1108 гг. он участвует в борьбе с норманнами, возглавляя большое войско по охране Девра, в 1116—1117 гг. сражается против турок.

Поскольку известно, что местом правления дуки Льва Никерита был Паристрион и вступление в должность произошло после мая 1091 г., судя по дате письма, направленного ему императором Алексеем Комниным, эрмитажный моливдовул М-6521 может быть датирован 90-ми годами XI в.; он появился хронологически позже моливдовула, изданного Лораном, и М-2033. Заметим, что данные легенды моливдовулов, где Лев Никерит — протопроедр и анаграфевс Пелопоннеса, неизвестны по письменным источникам.

Во время исполнения Никеритом своих обязанностей в Паристрионе к нему был отправлен с письмом Георгий Декан. Упоминания о Георгии Декане⁸¹ в «Алексиаде» очень кратки (сообщений о нем у других писателей нет). Его имя называет Анна в связи с сыном трапезундского правителя Феодора Гавры — Григорием Гаврой, который жил при византийском дворе (император преследовал определенные цели, задерживая его при себе) и, тяготясь своим пребыванием в столице, стал замышлять бегство к отцу. В числе тех, с кем Гавра поделился своим замыслом, были представители константинопольской знати: «Георгий, сын Декана, Евстафий Камица⁸² и Михаил-виночерпий... очень храбрые мужи и весьма близкие императору люди» (А. С., VIII, р. 154). Заговор Гавры был раскрыт: он сам был взят под стражу, не избеги наказания и сообшники. После мая 1091 г. попал в Паристрион под надзор Льва Никерита Георгий Декан. В 1111—1112 гг. Георгий выступает в роли командующего войском, направленного против мятежника Михаила из Аматриды, правителя крепости Акруна. Трехмесячная осада города завершилась победой Георгия Декана.

Судя по словам писательницы, Георгий предстает перед нами человеком, близко стоящим к императору, доблестным воином, способным на решительные действия.

В Эрмитаже хранятся три моливдовула Георгия Декана: М-3010, М-8340 и М-3063. Два первых (табл. II, 3),⁸³ сделанные одной матрицей, имеют на лицевой стороне изображение святого Георгия в рост, с копьем в правой и щитом в левой руке. По сторонам надпись: Ο ΑΓΙΟΥΣ — ΓΕΩΡΓΙΟΥΣ — Ὁ ἄγιος Γεώργιος. На обороте — шестистрочная надпись:

⁸⁰ Письмо императора к Льву Никериту — дуке Паристриона (после мая 1091 г.). Fr. Dölger. Regesten, II, 1162; N. Banesu. Unbekannte Statthalter, S. 440.

⁸¹ Р. Гийан отмечает, что, кроме термина ὁ δεκανός, означающего должностное лицо в Византии, существует род, фамилия которого δεκανός. Анна Комнина сообщает о Георгии и Никифоре Деканах. R. Guillard. Recherches, II, р. 95.

⁸² В Эрмитаже хранятся моливдовулы Евстафия Камицы: М-6804 и М-329. Первый вырезан в форме крестика и служил, по-видимому, амулетом. Издан: G. Schlumberger. Sig., р. 548, 630. Г. Шлюмберже полагал, что в легенде указан чин новеллссима. Судя по изданному В. Лораном моливдовулу (М-329) представляет собой экземпляр этой печати, но худшей сохранности, который сохранил свою обычную округлую форму, Евстафий Камица — протоновеллссим. См.: V. Laurent. Documents, № 97.

⁸³ Моливдовул М-3010 из собрания б. РАИК. Размер 2,0×1,9 см. Сохранность удовлетворительная. Не издан. Моливдовул М-8340 поступил из Института истории АН СССР. Размер 1,7×1,8 см. Оттиск сдвинут вправо. Сохранность: потерт. Не издан.

+ ΚΕΡ,Θ,	+ Κ(ύρι)ε βο(ή)θ(ει)
ΤΨCΨΔ,	τῷ σῶ δ(ούλ)ω
ΓΕΨΡΓΨΚΥ	Γεωργ(ί)ω κου-
ΡΟΠΑΛΑΤΙ	ροπαλάτι
ΤΨΔΕΚΑ	τῷ Δεκα-
Ν'	ν(ῶ)

+ Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Γεωργίῳ κουροπαλάτῃ τῷ Δεκανῶ — «Господи, помоги твоему рабу Георгию Декану, куропалату».

На лицевой стороне моливдовула М-3063 (табл. II, 4)⁸⁴ изображение святого Георгия в рост с копьем в правой и щитом в левой руке. По сторонам надпись: Ο. ΓΙΟΣ — ΓΕΩ. ΓΙΟΣ — Ο [ᾗ]γιος Γεώ[ρ]γιος. На обороте пятистрочная надпись:

+ Κ̄ΕΡΟΝΘ	+ Κ(ύρι)ε βοήθ-
ΓΕΨΡΓΙΨΑ	[ει] Γεωργίῳ (πρωτο)-
ΝΟΡΕΜΙCΗ	νοβελλισῆ —
ΜΟΤΟΔΕΚΑ	μο τῷ Δεκα
ΝΟ	νῶ

+ Κύριε βοήθει Γεωργίῳ πρωτονωβελλισ(σ)ίμ(ω) τ(ῶ) Δεκαν(ῶ) — «Господи, помоги Георгию Декану, протоновелиссиму».

Как известно, куропалат и протоновелиссим в XI в. — высокие придворные чины, причем куропалат стоит ниже протоновелиссима. Это обстоятельство позволяет сказать, что печати относятся к различным периодам жизни Георгия Декана. Те моливдовулы, где он назван куропалатом, более ранние. Дальнейшее повышение в чине заставило Декана позаботиться о заказе новой матрицы.

Приведенные в легендах моливдовулов данные о чинах Георгия Декана не упомянуты в «Алексиаде», и это придает печатям особую ценность.

Отыскание имен владельцев моливдовулов в нарративных источниках, в частности в «Алексиаде», позволяет говорить прежде всего о времени жизни и деятельности этих лиц (XI—XII вв.). Исследователь должен быть, однако, очень осторожен: перед ним встает нелегкая проблема идентификации, ибо легенды печатей содержат порой имена и фамилии-омонимы. Как справедливо отметил В. Лоран, «точная идентификация фамильных имен — одна из самых трудных и часто весьма бесплодных задач в сигиллографической эпиграфике».⁸⁵ Автор статьи отчетливо представляет себе, что для подтверждения высказанных им предположений, касающихся отдельных лиц, необходим в дальнейшем поиск всех персонажей с данным именем на основании изучения широкого круга источников (нарративные памятники, юридические документы, акты церковных соборов и др.).

При изучении моливдовулов очень важна их датировка. Она предусматривает рассмотрение легенды, иконографический, палеографический и

⁸⁴ Моливдовул М-3063 из собрания б. РАИК. Размер 2.0×2.0. Сохранность: портрет, выщерблен с боков, окись. Не издан.

⁸⁵ V. Laurent. Legendes sigillographiques et familles byzantines. Echos d'Orient, 1932, An. 35, № 167, p. 335.

стилистический анализ. В силу определенной направленности статьи основное внимание было обращено на содержание легенды. Относительно других критериев, несомненно также важных для хронологической атрибуции, ограничимся лишь несколькими замечаниями:⁸⁶ иконографический и палеографический анализ не всегда, к сожалению, дает желаемые результаты; хронологические рамки распространения определенного иконографического типа бывают слишком широки, а из-за отсутствия характерных особенностей в начертании букв тоже не всегда удается сузить границы датировки.

На печатях избранных нами деятелей «Алексиады» можно встретить изображения Богоматери и святых (Георгий и Димитрий). Известно, что владелец разных печатей избирает либо одни и те же образы, либо различные. Георгий Декан берет образ своего покровителя св. Георгия; на печатях Никифора Мелиссина — погрудное изображение Богоматери типа Одигитрии с младенцем на левой руке; Георгий Мономахат использует образ Богоматери типа Одигитрии в рост, но на одной печати Богоматерь держит младенца на левой руке, на другой — на правой. «Наличие разных печатей важно для определения типов печатей конца XI—начала XII в. (это, конечно, относится не только к этому времени, — В. III.) и для соображений о разнообразии изображений, избиравшихся владельцами булл».⁸⁷

Датировка моливдовулов исторических деятелей открывает возможность для хронологического определения однотипных сфрагистических памятников.

Одновременная работа над печатями и «Алексиадой» позволила сопоставить даваемые ими сведения об интересующих нас лицах. Если обобщить полученные результаты, то оказывается следующее.

Оба источника содержат одно и то же сообщение. Например, они указывают, что Лев Никерит был дукой. Краткое сообщение моливдовула уточняется в «Алексиаде»: Лев Никерит — дука Параданувия (Паристриона).

Данные, касающиеся в основном титулатуры и топонимики, зафиксированы только легендами печатей: Борил — великий примикирий τῶν ἐδύκων, Георгий Мономахат — вест и катепан, Георгий Декан — протоновеллссим (M-3063), куропалат (M-8340). Единственным исключением является указание должности дуки, которую исполнял Георгий Мономахат в Диррахии. Оно взято нами из «Алексиады» и использовано при расшифровке легенды моливдовула M-6118.

Наличие в легендах печатей сведений, отсутствующих в письменных памятниках, представляет особый интерес. Это прежде всего определяет значение моливдовулов как исторических источников.

W. Schandrowskaja

EINIGE HISTORISCHE PERSÖNLICHKEITEN DES «ALEXIAS» UND IHRE SIEGEL

In der Sammlung der Staatlichen Ermitage (Leningrad) befindet sich eine nicht geringe Anzahl von Bleisiegeln mit persönlichen- und Familiennamen ihrer Besitzer. Über 40 Namen werden in «Alexias» von Anna Komnena er-

---

⁸⁶ Часть замечаний дана при описании соответствующих печатей.

⁸⁷ Н. П. Лихачев. Историческое значение, стр. 75.

wähnt. Der Verfasser dieses Artikels nimmt nur eine Gruppe dieser historischen Persönlichkeiten vor: Borilos, Georgios Monomachatos, Nicephoros Melissenos, Leon Nikeritos, Georgios Dekanos. Die Siegel dieser Personen sind nur zum Teil veröffentlicht.

Es ist bekannt, daß die genaue Identification der Familiennamen sehr compliciert ist; deshalb begränzt sich der Verfasser in einzählnen Fällen mit einigen Voraussetzungen.

Die parallelen Untersuchungen über den Bleisiegeln der Staatlichen Ermitage und des Textes des «Alexias» erlauben folgende Schlüsse zu ziehen:

Beide Quellen erhalten gleiche Zeugnisse; in einigen Fällen ergänzt der Text des Werk von Anna Komnena die kurzen Angaben der Legenden der Siegel.

Die Ergebnisse der Haupttitulaturen und der Toponymique finden sich meistens in den Legenden der Siegel (z. B. Borilos — ὁ μέγας περιμικτήριος τῶν ἐθνικῶν. Georgios Monomachatos — ὁ βέστης und ὁ κατεπάνω u s. w.).

Die Datierung der Bleisiegel der historischen Persönlichkeiten des «Alexias», XI—XII Jahrh., gibt uns die Möglichkeit die Chronologie der gleichartigen sphragistischen Denkmäler zu bestimmen.

Der vorliegende Artikel ist nur der Beginn einer vielseitigen Untersuchung der mannigfaltigen Materialien, nämlich der schriftlichen Werken und der Sigillographie, als eine wichtige historische Quelle.

ГЕММЫ — СТЕАТИТЫ — МОЛИВДОВУЛЫ

(О роли сфрагистики для изучения византийского прикладного искусства)

Исследование произведений византийского прикладного искусства чрезвычайно осложнено скудостью данных для их датировки и тем более для локализации. Подавляющее большинство дошедших до нас предметов происходит из церковных сокровищниц или из частных коллекций; лишь в очень немногих случаях удастся проследить судьбу вещей вплоть до средневековья. Сравнительно невелико и число образцов, происходящих из археологических раскопок, стратиграфические условия находки которых позволяют определить хотя бы их верхнюю дату. Встречающиеся на отдельных памятниках надписи очень редко упоминают имя владельца или императора, в царствование которого они были исполнены. Вещевая палеография разработана слабо, а на длительно бытовавших вещах иной раз надписи нанесены позднее. Все эти трудности особенно ощутимы при изучении византийской глиптики и некоторых других групп изделий из камня. Сравнение отдельных экземпляров порой позволяет расположить их в определенные ряды, однако исходные данные чрезвычайно приближительны.

Автору этих строк уже приходилось привлекать в качестве аналогий для византийских камней материалы нумизматики и сфрагистики.¹

Самые размеры, наиболее распространенные формы и сюжеты позволяют сравнивать эти памятники. Крупнейший исследователь средневековой глиптики Г. Вентцель, первоначально отрицавший возможность сближения камней и монет, в дальнейшем стал привлекать подобные аналогии.² Если массовый характер изготовления монет влечет за собой известное огрубение форм, то более индивидуальное назначение моливдуволов, их подчас достаточно высокое качество исполнения дают более твердые основания для сближения с камнями. Смена того или иного иконографического типа Христа или Богородицы на монетах едва ли не абсолютно совпадает с изменениями, наблюдаемыми в сфрагистике. Трудно сомневаться в том, что она была синхронна и в сфере глиптики.

Несравненно реже, как известно, встречаются на монетах другие образы, среди которых господствуют появляющиеся в конце XI в. святые

¹ А. В. Банк. 1) Несколько византийских камней из собрания Государственного Эрмитажа. Визант. временник, XVI, 1959, стр. 206—215; 2) Византийская камея с изображением Христа на троне. Сборник радова Византолошког института, VIII, I. Mélanges G. Ostrogorsky, Београд, 1963, стр. 39—42.

² H. Wentzel. 1) Die byzantinischen Kameen in Kassel. Zur Problematik der Datierung byzantinischen Kameen. Museion, Studien aus Kunst und Geschichte für Otto Förster, Köln, 1960, S. 94; 2) Die Kamee der Kaiserin Anne. Festschrift Ulrich Middeldorf, Berlin, 1968, S. 5, Anm. 28, S. 10; о печатях: Anm. 16, S. 9.

воины.³ Растущее значение почитания святых воинов, засвидетельствованное разнообразными письменными и вещественными источниками, подтверждается и данными сфрагистики: святой Георгий занимает здесь второе место после Николая.⁴ Несколько реже изображаются Феодор и Димитрий. В глиптике, как и в резьбе по слоновой кости,⁵ имеются отдельные экземпляры, на которых эти святые даны в более раннем, мученическом типе, с крестиком в руках. На знаменитых триптихах из слоновой кости встречается и смешанный тип: некоторые святые (в частности, Димитрий) представлены мучениками, а другие — воинами.⁶ Возникает вопрос, не отражает ли такое постепенное вытеснение одного варианта другим хронологическое различие, уточнение которого в этой отрасли прикладного искусства вызывает большие затруднения.

Сравнительно невелико число моливдовулов со святыми Георгием, Феодором и Димитрием в образе мучеников. Следует при этом подчеркнуть, что изданные печати этого рода датируются IX, чаще всего X в., немногие — началом XI в.⁷ Напротив, среди опубликованных образцов, представляющих те же персонажи в воинских одеждах и с соответственными атрибутами, почти отсутствуют печати X в., а подавляющее большинство относится к XI—XII вв.⁸

Отмеченное обстоятельство имеет, думается, большое значение для датировки камней и стеатитов, а быть может, и для других видов прикладного искусства, внося некоторые коррективы в построение В. Н. Лазарева.⁹ Так, в частности, этим укрепляется предложенная ранее дата для камней с изображением Георгия и Димитрия из собрания Эрмитажа и Лондонского музея.¹⁰ Следует задуматься и над тем, могут ли быть отнесены ко времени ранее XI в. те образцы резьбы по слоновой кости, на которых указанные святые даны в воинском образе.

На византийских подвесных печатях нередко изображаются и два, а то и три воина.¹¹ Особый интерес представляет при этом сцена, привлекавшая наше внимание при изучении стеатитовых иконок и глиптики. Имею в виду сюжет венчания воинов Христом, встречающийся в двух вариантах: на одном воины представлены в фас, держащими щиты или опирающимися на щиты с копьями или мечами.¹² Другой тип, на котором

³ W. Wroth. *Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum*. London, 1908, vol. II, pl. LXIX, 9—11; LXX, 1—2; LXXIII, 4—6; LXXVI, 4—5.

⁴ G. Schlumberger. *Sigillographie byzantine*. Paris, 1884, p. 19—20.

⁵ А. В. Банк. Несколько византийских камней, табл. II; H. Wentzel. *Die Kamee mit dem Hl. Georg im Schloss zu Windsor*. Festschrift Friedrich Gerke, Baden-Baden, 1962, Abb. 2.

⁶ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. *Die byzantinischen Elfenbeinsculpturen*, Bd. II. Berlin, 1934, № 32, 33, 38, Taf. XI, XIII, XV.

⁷ V. Laurent. *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin*, t. V, Paris, 1963—1965, № 167, 287, 350, 449, 453, 454, 766, 853.

⁸ Там же, стр. 520 и 522. Немногие исключения, имеющиеся в других каталогах того же автора, не дают точных оснований для их датировки X в. См. соответствующие номера по иконографическому указателю под именем этих святых.

⁹ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. *Визант. временник*, VI, 1953, стр. 199—202.

¹⁰ А. В. Банк. Несколько византийских камней, стр. 215. Имеющаяся на обороте одной из эрмитажных камней (там же, стр. 210, табл. 1, 3—4) надпись — *Χριστὸς ὁ θεὸς, ὁ εἰς αἰὲς ἐλπίων οὐκ ἀποτυγχάνει* — сохраняет полную аналогию в надписи, обращенной к Богоматери, на печати из собрания Эрмитажа М-8411. Ср.: G. Schlumberger. *Sigillographie byzantine*, p. 55; см. также: Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. СПб., 1911, стр. 162, рис. 370—371.

¹¹ Б. А. Панченко. Каталог моливдовулов. Изв. РАИК, VIII, 1903, № 59 (60) = М-4718 (Эрмитаж), № 72 (73) = М-4383, табл. XXXI, 5; т. XIII, 1908, № 346 (366) = 4356, табл. II, 10.

¹² См.: В. Н. Лазарев. Новый памятник, рис. 3; А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.—Л., 1966, № 156—157; А. Банк.

воины даны в трехчетвертичном повороте, изредка почти в профиль, с молитвенно воздетыми руками; между фигурами помещены щиты миндалевидной формы, как бы воткнутые в землю; иногда эти щиты подвешены

Рис. 1. Стеатитовая иконка с изображением святых Георгия и Феодора. Берлин-Далем. Государственный музей.

на копья.¹³ Вверху, в сегменте неба, изображается полуфигура Христа, часто с венцами в руках (рис. 1). Эта последняя композиция привлекла внимание Н. В. Измайловой при публикации ею фрагмента иконки, най-

Les stéatites. Essai de classification, méthodes des recherches. Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1970, fig. 3.

¹³ W. F. Volbach. L'arte bizantina nel Medioevo. Biblioteca Apostolica Vaticana. Museo Sacro, Guida, I. Roma, 1935, tav. 13; R. Righetti. Opere di Glit'ica dei Musei Sacro e Profano. Biblioteca Apostolica Vaticana. Museo Sacro, Guida, VII. Citta del Vaticano, 1953. N 31; Handbook of the Byzantine Collection. Dumbarton Oaks, Washington, 1967, N 296.

денной в Херсонесе.¹⁴ Она выдвинула ряд аргументов против господствовавшего до тех пор воззрения на позднее возникновение рассматриваемой сцены (не ранее конца XIII в.) и отнесла херсонесский экземпляр к XII в.

Число известных автору этой публикации памятников в настоящее время можно увеличить,¹⁵ а для ее предварительных заключений предложить бесспорные подтверждения. Оба варианта интересующей нас сцены имеются на камнях: один великолепный образец камерезного искусства (не ускользнувший от внимания Н. В. Измайловой) из собрания Парижской национальной библиотеки¹⁶ представляет Георгия с мечом на плече и Дмитрия, опирающегося на копье, почти в фас; сильно суживающиеся книзу щиты, приближающиеся к треугольнику формы указывают на время, едва ли ранее конца XI, вернее XII в.¹⁷ Во всяком случае этот тип щита исключает иногда встречающуюся датировку камня X в. К более позднему периоду относятся, как мне представляется, и начертание надписи (в частности, усложненное обозначение титлов), а также утонченные аристократические пропорции фигур, предвещающие искусство палеологовского времени.

Близка ко второму варианту композиции агатовая камея, хранящаяся в Оружейной палате в Москве,¹⁸ где Георгий и Дмитрий расположены в необычном порядке (Дмитрий слева, а Георгий справа), в профиль, в позе моления. Большее место, чем обычно, здесь занимает полуфигура Христа, руки которого положены на головы святых. Сложные лигатуры надписей, положение фигур с запрокинутыми назад головами дают основание для отнесения памятника к концу XIII или XIV в. Укороченные пропорции, плоскостная трактовка, общая грубоватость исполнения свидетельствуют скорее всего о провинциальном его происхождении.

Не буду приводить серию стеатитовых икон, которые стали известны после выхода в свет статьи Н. В. Измайловой, поскольку мне уже приходилось о них говорить.¹⁹ Для уточнения их дат опять-таки дает ценный материал сфрагистика. Хотя Н. В. Измайлова не оставила вне поля зрения и этот источник,²⁰ он не оказал ей той помощи, которую может дать ныне.

В полном виде интересующая нас композиция изображена на нескольких моливдовулах, среди которых имеются опубликованные, но неверно истолкованные. Г. Шлюмберже издал одну из таких печатей в прорисовке, ошибочно усмотрев между фигурами двух воинов кипарисы, олицетворяющие идею бессмертия.²¹ В. Лоран недавно повторил эту ошибку, несмотря на то что на двух воспроизведенных им репродукциях с печатей изображена сцена благословения оружия воинов. Копья, стоящие за щи-

¹⁴ N. Izmailov. Une stéatite byzantine du Musée de Chersonèse. L'art byzantin chez les slaves, II, Paris, 1932, p. 35—48.

¹⁵ Л. Мавродинова. Св. Геодор — развитие и особенности на иконографским тип в средновековната на живописи. Известия на Института за изкуствознание, т. XIII, 1969, стр. 40—52.

¹⁶ H. Wentzel. Die Kamee mit dem Hl. Georg, Abb. 3.

¹⁷ Helmut Nickel. Der mittelalterliche Reiterschild des Abendlandes. Berlin, 1958, Abb. 25; Ada Bruna Hoffmeyer. Military equipment in the byzantine manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nazionale in Madrid. Gladius, V, Granada, 1966, fig. 14, 1—5.

¹⁸ Л. Писарская. Памятники византийского искусства V—XV вв. в Государственной оружейной палате. М.—Л., 1964, № XLI.

¹⁹ A. Bank. 1) Quelques monuments de l'art appliqué byzantin des IXe—XIIe siècles, provenant des fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années. Actes du XIIe Congrès International des études byzantines, III, Beograd, 1954, p. 13—21; 2) Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. Proceedings of the XIIIe International Congress of Byzantine Studies, London, 1967, p. 236—239; 3) Les stéatites, p. 355—370.

²⁰ N. Izmailov. Une stéatite, p. 37.

²¹ G. Schlumberger. Sceaux byzantins inédits. Mélanges d'archéologie byzantine, Paris, 1895, N 33, p. 217—218.

тами, осмыслены им как кипарисы, представленные к тому же в таком случае вверх ногами. На одном из моливдовулов Афинского музея (изданном ранее Г. Шлюмберже) изображены в $\frac{3}{4}$ два Феодора; на другом (из коллекции Думбартон-окс), согласно Лорану, — Георгий и Феодор (рис. 2); мне же представляется — по типу и следам надписи — два Феодора. Именно эти два моливдовула дают основание для уточнения времени существования этой композиции — бесспорно в допалеологовский период.²² Как явствует из надписи, афинский экземпляр принадлежал митрополиту Серр Феодору и датируется с большой точностью около 1166 г. Аналогичный памятник из собрания Думбартон-окс принадлежал некоему Иоанну (очевидно, тоже духовному лицу) также из Серр и датируется концом XII в.²³

Рис. 2. Моливдовул с изображением святых воинов Феодора Тирона и Феодора Стратилата. Музей Думбартон-окс.

Н. П. Кондаков описал (но, к сожалению, не воспроизвел) камю Х—XII вв. с изображением Христа, благословляющего святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата. Она вставлена в медальон, составляющий часть энколпиона, принадлежавшего митрополиту Геннадию из Серр, строителю трапезы Лавры св. Афанасия на Афоне в середине XV в. По-видимому, камя, как и моливдовулы, воспроизводила престольную икону, существовавшую в соборной церкви г. Серр, посвященной двум Феодорам. Интересно, что в этом соборе хранились реликвии св. Феодоров — их головы и мечи.²⁴ Можно предполагать, что именно в Серрах зародилась интересующая нас композиция. Та же сцена имеется на одной неопубликованной подвесной печати, хранящейся в Эрмитаже, происходящей из собрания Русского археологического института в Константинополе.²⁵ К сожалению, неизвестно, при каких обстоятельствах она поступила в этот музей. На моливдовуле в трехчетвертном повороте (близком к фасу) представлены два воина, судя по остаткам надписей и типу, ско-

²² V. Laurent. *Le corpus des sceaux*, t. V, 1. Paris, 1963, NN 778—779; p. 597—598, pl. 106; N 778: Θεοδώρου ἀρχαῖσιμα Σερρῶν ποιμένος; № 779: Γραφῶν ἀρχαῖσιμα τοῦ Σερρῶν Ἰωάννου.

²³ В. Лоран выдвигает предположение, что этот Иоанн был приемником Феодора и упомянут как член синода в 1191 г.

²⁴ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 220; Л. Мавродинова. Св. Теодор, стр. 45; Π. Παπαγεωργίου. Αἱ Σέρραι καὶ τὰ πρῶταίτα. Τὰ περὶ τὰς Σέρρας καὶ ἡ μονὴ Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. *Byzantinische Zeitschrift*, III, 1894, S. 250.

²⁵ Инв. № М-4720. Дям. 2.6 и 2.9 см. Сохранность в целом хорошая.

рее всего два Феодора, с приподнятыми в жесте моления руками. Вверху — оплечное изображение Христа. Между воинами расположены суживающиеся книзу, миндалевидные и как будто орнаментированные щиты, за которыми помещены копья (рис. 3). Надписи на лицевой стороне, как и на оборотной, неполные, частично срезаны. На обратной стороне срезаны первые буквы легенды в каждой строке. Утрачена, к сожалению, первая строка (здесь предположительно можно прочесть лишь одну букву). Далее следуют пять строк, которые, очевидно, читаются следующим образом: [C]ΚΕΡΟΙCΜΕ / [Δ]ΥΑCΜΑΡΤΥΡΩ[N] / [Π]ΕΡΙΛΑ-ΕΠΗΤΩΝ / [Π]ΡΩΤΟΚΟΥΡΟ / [Π]ΑΛΑΤΗΝ = Ἐκεῖνοις με δύοc μαρτύρων περιβλέπτῃ τὸν πρωτοκουροπάλατην. Это означает: «Призрите меня, протокуропалата, преславные двое мучеников...». Подобные обращения к защите δύοc μαρτύρων (двух мучеников) имеются на нескольких печатях с изображением двух святых на лицевой стороне;²⁶ встречается также

Рис. 3. Моливдовул с изображением святых воинов Феодора Тирона и Феодора Стратилата (?). Государственный Эрмитаж.

обращение к покровительству пяти мучеников (πέντας μαρτύρων) на экземплярах, где представлено пять святых (вкруг расположенной в центре фигуры в рост, четыре погрудных).²⁷

Слово περιβλέπτῃ обычно применялось в качестве эпитета Богоматери и не встречено мною в качестве эпитета святых воинов.

К сожалению, зная титул владельца печати — протокуропалата, установить его имя, очевидно находившееся в первой строке, не удастся, и едва ли возможно его будет определить. Тем самым утрачена возможность точной датировки, подобная той, что установлена для двух других моливдовулов. Можно лишь высказать предположение, что и она датируется XII в., поскольку характер композиции, если и не полностью совпадает с приведенными аналогиями, то скорее (исходя, например, из разворота фигур) обнаруживает большую архаичность. Что касается характера начертания надписи, то он также не противоречит XII в. К XII в. (иногда к XI—XII вв.) относятся и те моливдовулы, на которых имеется аналогичное обращение к покровительству двух или пяти мучеников.

Поскольку печать Эрмитажа, в противоположность двум другим с тем же изображением, принадлежала не представителям клира, а протокуропалату, т. е. придворному чину, занимавшему достаточно высокое по-

²⁶ V. Laurent. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine, N 112 (=M-5733 Эрмитажа) и N 113 ('Ελληνικά, ἔτος Δ: 'Αθήναι, 1931, σελ. 321—322); № 261 (ἔτος ε', 1932, σελ. 150).

²⁷ Там же, NN 584 и 624. 'Ελληνικά, ἔτος ζ: 'Αθήναι, 1934, σελ. 71, № 286. V. Laurent. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, N 499, p. 247.

ложение при дворе,²⁸ можно сказать, что интересующая нас сцена была распространена в XII в. в различной среде и, по-видимому, в разных центрах. Печати, таким образом, окончательно разрешают спор о ее возникновении в период, предшествующий воцарению Палеологов.

Приведенные примеры отнюдь не ограничивают тот материал, который можно почерпнуть из сфрагистики для выяснения некоторых неясных вопросов в области прикладного искусства Византии. Это один из первых этюдов, который повлечет за собой другие, указывающие на необходимость параллельного изучения дошедших до нас памятников византийской культуры.

Alice Bank

LES CAMÉES, LES SCEAUX, LES STÉATITES

(sur le rôle de la sphragistique pour les études
des monuments des arts mineurs byzantins)

L'article est consacré au problème du rôle de la sphragistique pour les études des arts mineurs byzantins. A l'aide de la comparaison des sceaux datés avec assurance et des images des saints guerriers des camées et des icônes en stéatite, l'auteur précise la chronologie des celles-ci.

Quelques sceaux du XIIe siècle (y compris celui, non publié, de l'Ermitage) à l'image du «Christ bénissant les armes des saints guerriers» font possible non seulement à dater les échantions de la plastique mineure, mais témoigne aussi de l'apparition plus précoce de cette scène, qu'on en considèrerait d'habitude. On peut supposer, que cette scène a pour lieu d'origine la ville de Sèrres, où étaient conservées les reliques des saints guerriers Théodores.

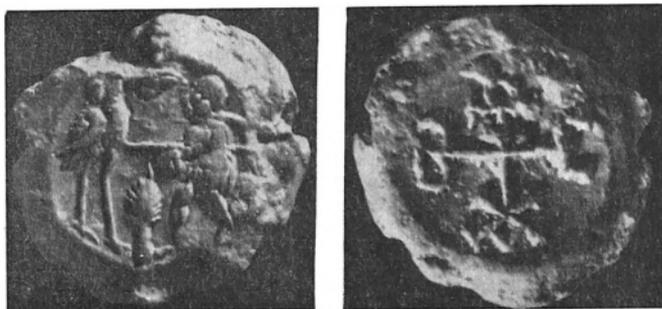
---

²⁸ Об эволюции значения титула куропалатов и протокуропалатов см.: A. Vogt. Basile I. Paris, 1908, p. 67. До нас дошло значительное число моливдовулов, принадлежавших разным протокуропалатам, преимущественно XI—XII вв. Так, в собрании Эрмитажа М-5767, М-6810, М-6762, М-8027. См.: V. Laurent. 1) La collection C. Orghidan, № 114, 227; 2) Les sceaux byzantins du Medaillier Vatican. Citta del Vaticano, 1962, N 113 etc.

ВИЗАНТИЙСКИЙ МОЛИВДОВУЛ С АНТИЧНЫМ СЮЖЕТОМ¹

При классификации вислых печатей эрмитажной коллекции привлек к себе внимание весьма любопытный экземпляр, донныне не публиковавшийся: округлая, неправильной формы печать диаметром 2,3 см, толщиной 0,25 см, с каналом для шнура (инв. № М-12079).² Сохранность моливдовула довольно хорошая, хотя местами есть выщерблены.

На лицевой стороне печати представлена сюжетная сцена: изображенный в профиль (влево) простоволосый босоногий мужчина в корот-

ком, доходящем до колен одеянии угрожает копьем большой длинношей и длинноклювой птице на голенастых ногах; между человеком и птицей — стилизованное деревце.

На обороте печати — крестообразная монограмма личного имени.³

Среди доступного нам материала не удалось обнаружить ни одной печати с подобным изображением. Обычно на моливдовулах представлены сюжетные композиции религиозного характера: благовещение, распятие, воскресение (сошествие во ад), усупение и т. д. Ввиду необычности изображения на нашей печати представляется интересным определить его сюжет и попытаться установить хотя бы примерную дату изготовления памятника.

¹ Приношу глубокую благодарность В. С. Шандровской за содействие при подготовке статьи.

² О происхождении известно лишь, что приобретена печать была у стамбульского торговца-антиквара Османа-Нури-бея. До 1965 г. находилась в Отделе нумизматики Эрмитажа, оттуда была передана в Отдел Востока.

³ Предположительное чтение монограммы возможно, по мнению В. С. Шандровской, как ΒΑΣΙΛΙΟΥ.

Мы полагаем, что сюжет моливдувала воспроизводит один из эпизодов «истории» пигмеев.⁴

Согласно преданию, дошедшему до нас в поэтической обработке Гомера,⁵ злейшими врагами пигмеев были журавли, каждую осень прилетавшие в их страну и опустошавшие возделываемые пигмеями поля.⁶ Различные эпизоды войны этого племени с пернатыми разбойниками, нередко комически интерпретированные, нашли свое отражение и в многочисленных памятниках древнего искусства. Сражающихся с журавлями пигмеев можно видеть в стенных росписях, на терракотовых поделках, «ритонах», геммах.⁷ Но особенной популярностью данный сюжет пользовался у мастеров античной вазовой живописи.⁸

Любопытно, что упоминания о пигмеях встречаются не только в античной мифологии и поэзии, но также и у древних историков, географов, мыслителей. О пигмеях говорят Геродот, Гекатей, Ктесий, Аристотель, Плиний-старший и многие другие. Некоторые из этих авторов пересказывают древние легенды о войнах пигмеев с журавлями.⁹

Разнообразные сведения о пигмеях дошли и до средневековья.

Латинские отцы церкви Иероним (IV в.) и блаженный Августин (V в.)¹⁰⁻¹¹ соглашались с фактом существования пигмеев, их маленьким ростом и ежегодными схватками с журавлями. К концу IV в. относятся упоминания о них греческого грамматика и лексикографа Гезихия.¹² Позднее реальность существования пигмеев подтверждал Стефан Византийский (V—VI вв.)¹³ и такой эрудит, как Исидор Севильский (VI—VII вв.)¹⁴ Известно сообщение посла греков к эфиопам Нонноса (VI в.) о том, что на одном из островов близ восточного побережья Африки оби-

⁴ Основная литература, посвященная пигмеям, приведена в следующих работах: Waser. Pygmaien. In: W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, t. III (2). 57 Lieferung. Leipzig, 1908, S. 3284—3291; Enciclopedia dell'arte antica. Classica e Orientale, t. VI. Roma, 1965, p. 167—169; Champfleury. Histoire de la caricature antique. Paris, s. a., p. 149—176; O. Navarre. Pygmées. In: Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, t. IV, I partie (N—Q). Paris, s. a., p. 782—784.

⁵ См. начало третьей песни «Илиады», где шумно выступающие против ахейцев жители Трои сравниваются с журавлями, летящими в страну пигмеев (Гомер. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. М., 1960, стр. 54).

⁶ Не затрагивая «звездной теории» борьбы пигмеев с журавлями (Л. Ф. Воеводский. Введение в мифологию Одиссея, ч. 1. Одесса, 1881, стр. 130—132), отметим, что, по одной античной версии, пигмеи сражались со своей матерью, превращенной в журавля злой Герой: богиня победила ее в соревновании в ткачестве и обрекла на такое жестокое испытание (И. Тренчени-Вальдапфель. Мифология. М., 1959, стр. 166—167). По другому преданию, врагом пигмеев была их бывшая правительница, превращенная за поношение Геры и Артемиды в длинноношую птицу и обреченная ежегодно воевать со своими бывшими подданными (L. Bréhier. Nouvelles recherches sur l'histoire de la sculpture byzantine. Nouvelles archives des mission scientifiques. . . , N. S., fasc. 9, Paris, 1913, p. 23).

⁷ См.: A. Baumeister. Denkmäler des klassischen Altertums zur Erläuterung des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitten. II Bd. München und Leipzig, 1889, S. 1428—1429; Waser. Pygmaien, Abb. 5—10, 14—16, 19—21; Antike Gemmen in deutschen Sammlungen, Bd. II. München 1969, S. 182, Taf. 87.

⁸ Примеры здесь столь многочисленны, что могли бы послужить темой самостоятельного исследования. Отметим лишь некоторые: Waser. Pygmaien, Abb. 1—4, 12, 13; Н. М. Лосева. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945—1958 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 171; А. А. Передольская. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967, стр. 70, табл. L, LI; Champfleury. Histoire de la caricature antique, p. 158.

⁹ Подробнее см.: Waser. Pygmaien, S. 3284—3291; Enciclopedia. . . , p. 167—168; Champfleury. Histoire de la caricature antique, p. 152—176; O. Navarre. Pygmées, p. 782—784.

¹⁰⁻¹¹ Champfleury. Histoire de la caricature antique, p. 157.

¹² O. Navarre. Pygmées, p. 783.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же; E. Mâle. L'art religieux du XIIe siècle en France. Paris, 1922, p. 330.

тают пигмеи.¹⁵ Любопытные сведения об этом племени встречаем у армянского ученого VII в. Анании Ширакаци. В его «Географии» на страницах, посвященных описанию Внутренней Ливии, читаем: «... в ней встречаются также пигмеи в Белой горе у океана».¹⁶ А далее приводятся более любопытные данные: «Насупротив Арии [восточная часть Ирана, — А. К.] в Индийском океане есть остров, на котором живут пигмеи ... ростом не выше трех пядей. Они постоянно воюют с журавлями за то, что те пасутся на их полях».¹⁷

Большей частью эти сведения основываются на древних преданиях,¹⁸ но каковы бы ни были их источники, нам важнее сейчас другое: факт знакомства людей раннего средневековья с «историями» о пигмеях вообще, в частности с древними рассказами о войнах их с журавлями.¹⁹

На средневековых памятниках изображения пигмеев²⁰ и воспроизведения сюжета их борьбы с журавлями²¹ довольно редки. Публикуемая печать эрмитажного собрания — самая ранняя среди таких памятников.

В отличие от большинства относительно сложных сцен, воспроизводящих данный сюжет на многих произведениях античного искусства,²² представленная на печати композиция очень проста. Объясняется это небольшими размерами самого памятника и в какой-то мере символическостью изобразительного языка средневекового искусства: в данном случае пигмей может олицетворять целую армию пигмеев, как журавль — стаю птиц, а пальмообразное деревце между ними должно намекать на место, где якобы происходили легендарные баталии, будь то ливийская пустыня, знойная Индия или солнечная Кария.

Толщина печати и грубоватый характер изображения свидетельствуют о том, что выполнена она в раннее время, скорее всего в доиконоборческий

¹⁵ O. Navarre. Pygmées, p. 783; Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менаандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом. СПб., 1860, стр. 487.

¹⁶ К. П. Патканов. Армянская география VII в. по р. х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877, стр. 25. Ср.: Saint-Martin. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. II. Paris, 1819, p. 344—345.

¹⁷ К. П. Патканов, Армянская география VII в., стр. 79; Saint-Martin. Mémoires, p. 372—373.

¹⁸ Известно, например, что Анания Ширакаци при написании своего труда пользовался *Χωρογραφία οἰκουμένης* («Всеобщей географией») Паппа Александрийского (жил в конце III в.), не дошедшей до нас. Папп же в свою очередь черпал сведения у Птолемея Клавдия, работавшего во второй половине II в. (К. П. Патканов. Армянская география VII в., стр. IV—V).

¹⁹ Сведения о пигмеях встречаются и в поздние времена. Упоминают о них церковные писатели XII в. Гонорий Отенский (E. Mâle. L'art religieux, p. 330) и Евстафий Солунский (Л. Ф. Воеводский. Введение в мифологию Одиссея, стр. 134; Waser. Pygmaien, S. 3284, 3285; L. Bréhier. Nouvelles recherches, p. 23; Enciclopedia..., p. 168; O. Navarre. Pygmées, p. 783), рукописи XV в. (Götze Pochat. Der Exotismus während des Mittelalters und der Renaissance. Stockholm, 1970, Abb. 34).

²⁰ Нам известно только одно позднее произведение западноевропейского искусства, на котором изображены пигмеи. Это большой рельеф в тимпане над главным входом из нартекса в неф церкви Сент-Мадлен в Везеле (XII в., Франция). Вокруг центральной композиции этого рельефа, представляющей «Совместие св. Духа на апостолов», среди народов земли можно видеть и пигмеев (E. Mâle. L'art religieux, p. 330, fig. 190).

²¹ Луи Брейе видит этот сюжет в барельефе капители византийской колонны (Афины, Византийский музей), относимой им ко второй половине XI в. (L. Bréhier. Nouvelles recherches, p. 20—27, pl. VIII, fig. 15).

В новых изданиях этот сюжет определяется как «борьба с драконом», а памятник датируется X в. (Ch. Delvoe. L'art byzantin. 1967, ill. 152, p. 277, 433).

²² Характерный пример — роспись так называемой «вазы Франсуа» (Флоренция, Археологический музей); на ножке этого кратера представлена настоящая баталия: пешие и восседающие на козлах пигмен, вооруженные дубинками, пращами и крючками, яростно схватились с журавлями (A. Furtwängler und K. Reichhold. Griechische Vasenmalerei..., Serie I, München, 1904, S. 7, Taf. 3).

период. Более определенные данные для решения интересующего нас вопроса дает изображение на лицевой стороне. Античные мифологические сюжеты различного содержания нередко встречаются на памятниках византийского происхождения, в том числе и печатях.²³ В научной литературе их принято обозначать как «византийский антик». Обычно все это произведения VI—VII вв.²⁴

Ввиду малых размеров фигурок на нашей печати трудно проводить детальные стилистические сопоставления с другими памятниками. Однако бросается в глаза сходство позы пигмея и покроя его одежд с таковыми же у участников цирковых сцен, изображенных на отдельных византийских диптихах VI в.²⁵ В трактовке фигур и одежд заметно некоторое родство с изображениями на византийских монетах VI—VII вв.²⁶ и одновременных им ампулах Монцы.²⁷

Наконец, представленное на эрмитажной печати между пигмеем и журавлем²⁸ стилизованное дерево (пальма или кипарис) встречается и на других византийских печатях, датируемых обычно не позднее VIII в.²⁹

Вот что дает в вопросе о датировке изображение лицевой стороны изучаемого памятника. Не может ли что-нибудь к этому добавить монограмма оборотной стороны?

Известно, что простые крестообразные именные монограммы характерны преимущественно для византийских памятников до VIII в.³⁰ Заметим, что особенности начертаний некоторых букв рассматриваемой монограммы типичны для памятников, датировка которых, как правило, не заходит за грань VII в.³¹

Отметим также, что монограмме на печати близки монограммы клейм на некоторых византийских серебряных изделиях VI—VII вв.³²

²³ А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.—Л. [1967], стр. 15. Большинство печатей с античными сюжетами эрмитажной коллекции относится к VI—VII вв. Например, М-5126 — «Ника» (VI в.); М-8263 — «Женская полуфигура (богиня?) с рогом изобилия» (VI в.); М-3679 — «Лучник и обнаженная фигура» (VI в.). Примыкает к ним пластинка с цирковыми сценами — М-12302.

²⁴ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Berlin, 1929.

²⁵ А. В. Банк. Византийское искусство, № 34, 35.

²⁶ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI. СПб., 1914, № 36—39 и др.; вып. VII, СПб., 1914, № 113, 117 и др.

²⁷ A. Grabar. Les ampoules de Terre Sainte. Paris, 1958.

²⁸ Напоминает журавля на издаваемом памятнике птица на фрагменте печати из бывшей коллекции Г. Шлюмберже (ныне в Эрмитаже — М-10593), определенная им предположительно как страус (G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 27).

²⁹ См.: В. С. Шандровская. Памятники византийской сфрагистики в Эрмитаже. Визант. временник, XXIX, 1969, стр. 251.

³⁰ G. Schlumberger. Sigillographie, p. 80.

³¹ Например, начертание альфы (с переломом перекадины) — типичный признак моливдулов VI—VII вв. (Б. А. Панченко. Каталог моливдулов. Изв. РАИК, VIII, София, 1903, стр. 236—237; В. С. Шандровская. Памятники византийской сфрагистики, стр. 251. Примеры: Н. П. Лихачев. Моливдулы греческого Востока. (Рукопись). Архив АН СССР, ф. Н. П. Лихачева, д. 246 — 1—119, табл. VIII, 17—М-6277 (VII в.); Б. А. Панченко. Каталог моливдулов. № 89 (90) (VI—VII вв.); V. Laurent. La collection C. Orghidan. Paris, 1952. N 281 (VI—VIII вв.), 608, 628 (VI—VII вв.). Такую же альфу видим в монограммах двух золотых перстней VII в., хранящихся в Эрмитаже (А. В. Банк. Византийское искусство, № 106 а, б); в надписи на свинцовом оттиске-шаблоне для благословенных хлебов (VII в.) из ризницы собора в Монце (Н. П. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине СПб., 1904, стр. 246, рис. 56); в надписях на некоторых памятниках художественного серебра VI—VII вв. (The Metropolitan Museum of Art Bulletin, January, 1968, p. 202—203, fig. 12) и др. Эрмитажные печати с подобной альфой: М-3457, М-3467, М-3479, М-3909, М-3967, М-5154, М-5269, М-5681, М-8286, М-8287.

³² M. Rosenberg. Der goldschmiede Merkzeichen, IV Bd. Berlin, 1928, S. 656—663; E. Cruikshank-Dodd. Byzantine silver stamps. Washington, 1961, p. 170—

Думается, что будет правдоподобным предположение о датировке эрмитажного моливдовула VI—VII вв. В этом случае мы получаем возможность ввести в круг известных уже византийских памятников еще одно, притом раннее произведение, расширяющее наши представления о роли античного наследия в византийском искусстве.

A. Kakovkin

ÜBER EIN BYZANTINISCHES SIEGEL MIT DEM ANTIKEN SUJET

Der Artikel hat die Aufgabe, das Sujet eines bisher noch nicht veröffentlichten Siegels aus der Ermitage (M-12079) zu bestimmen und das Monogramm auf seinem Revers zu entziffern.

Auf dem Avers dieses Siegels ist «Der Kampf der Pygmeen mit den Kranichen» dargestellt. Das Monogramm auf dessen Rückseite ist der Name des Besitzers des Siegels — ΒΑΣΙΛΙΟΥ.

Stilistisch-technische Besonderheiten des Siegels, Charakter des Monogramms selbst und Form dessen einzelnen Buchstaben ließen annehmen, daß dieses Siegel im VI. oder VII. Jahrhundert hergestellt mußte worden sein.

Dieses Denkmal ist von großer Bedeutung: es erweitert unsere Vorstellung von der Rolle des antiken Erbes auf die byzantinische Kunst.

177, № 54а, б; 55а, б; 56; 57. Кстати, О. Дальтон (в упоминавшейся работе М. Розенберга) и Э. Круиксханк-Додд расшифровывали эти монограммы как ΒΑΣΙΛΙΟΥ.

ПЕЧАТИ АННЫ ДАЛАССИНОЙ В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

В собрании памятников византийской сфрагистики Эрмитажа хранятся свинцовые подвесные печати, владельцами которых были представители известного в империи рода Далассиных:¹ Анна Далассина, Анастасий, Дамиан, Константин, Феодор, Феофилакт и Никифор Далассины.

Настоящая работа представляет собой опыт характеристики исторической личности — Анны Далассиной — по данным сфрагистических и нарративных памятников.²

Моливдовулы являются важным источником для изучения истории Византии. В легендах печатей часто упоминаются имена их владельцев, среди которых немало представителей крупных византийских фамилий. «Путем сопоставления сведений, представленных в легендах моливдовулов, с данными других источников удается иногда сделать наблюдения, интересные для характеристики как самих владельцев печатей, так и той общественной среды, в которой они жили».³

¹ Далассины — знатная византийская фамилия армянского происхождения, впервые появляется на исторической сцене в эпоху Василия II. См.: N. Adontz. *Études arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965, p. 163—177.

² Статьи В. Лорана об Анне Далассиной в «Echos d'Orient» (v. XXXVII, 1938) и в «Bulletin de la Section historique» de l'Académie Roumaine (XXVII, 1946), указанные в «Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin» (t. V₂, Paris, 1965, p. 293), нам недоступны.

³ В. С. Шандровская. Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа. *Визант. временник*, XVI, 1959, стр. 173.

В собрании Государственного Эрмитажа хранятся четыре моливдовула, на которых можно прочесть имя Анны Далассиной: М-10004, М-1623, М-1943, М-6197.

Печать М-10004. Поступила из Института истории АН СССР в 1938 г. Размер 2,3 × 2,4 см. Сохранность: склеена из двух частей по вертикали (см. рисунок).

На лицевой стороне — погрудное изображение Богоматери в фас, держащей двумя руками на груди медальон с младенцем. По сторонам изображения титлы, из которых сохранилась справа буква Θ.⁴ На обороте — четырехстрочная греческая надпись:

+ K̄ERO	+ K(ύρι)ε βο-
ΗΘΕΙΑΝΑ	ήθει 'Αν(ν)α
ΤΗΔΑΛΑ	τῆ Δαλα-
CC...	σσ [ηνῆ]

+ Κύριε βοήθει 'Αννα τῆ Δαλασσηνῆ — «Господи, помоги Анне Далассиной».

Печать не издана.

Датировать печать М-10004 очень трудно, так как в легенде не содержится никаких сведений, кроме имени владелицы. Сопоставление этой печати с другими печатями Анны Далассиной и данными нарративных источников позволяет отнести ее к первой половине XI в. Возможно, что М-10004 является самой ранней из всех известных нам печатей Анны Далассиной.

Печати М-1623,⁵ М-1943,⁶ М-6197 имеют четырехстрочные греческие надписи с обеих сторон и дают одно и то же чтение легенды (при разных матрицах),

Моливдовул М-6197 поступил из Института истории АН СССР в 1938 г. Размер 1,6 × 1,7 см. Сохранность: вертикальная трещина с выпадением металла на оборотной стороне.

Лицевая сторона

Оборотная сторона

+ K̄ERΘ	+ K(ύρι)ε β(οῆ)θ(ει)	ΤΗΜΗ	τῆ μη-
ΑΝΝΗΑ*	'Αννη (μον)αχ (ῆ)	ΤΡΙΤΟΥ	τρί τοῦ
ΤΗΔΑΛΑΣ	τῆ Δαλασ-	ΒΑΣΙΛΕ	βασιλέ-
СНН	σηνῆ	ΩС	ωс

+ Κύριε βοήθει 'Αννη μοναχῆ τῆ Δαλασσηνῆ τῆ μητρὶ τοῦ βασιλέως — «Господи, помоги Анне Далассиной, монахини, матери императора».

Моливдовул не издан.

Известны публикации других экземпляров рассмотренной нами печати.⁷ Следует заметить, что издатели Ж. Эберзольт и Г. Шлюмберже

⁴ Этот тип Богоматери известен под названием «Кириотисса» или «Никопея». Он появляется очень рано, но не должен быть вынесен за пределы XII в. См.: Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи изображения Богоматери в произведениях итало-греческих живописцев. СПб., 1911, раздел V, стр. 64—82

⁵ Печать М-1623 поступила из собрания бывшего РАИК. Размер 2,1 × 2,0 см. Сохранность: помята. Не издана.

⁶ Печать М-1943 поступила из собрания бывшего РАИК. Размер 2,1 × 2,0 см. Сохранность: выбоины по краю. Не издана. Особенностью легенды М-1943 является написание фамилии Далассиной: вместо двух сигм имеем одну — Δαλασσηνῆ.

⁷ J. Ebersolt. Sceaux byzantins du musée de Constantinople. Revue numismatique, sér. IV, t. 18, Paris, 1914, N 164, 165; G. Schlumberger. Sigillographie d'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 650, N 4; V. Laurent. Le Corpus..., t. V₂, N 1461.

читают легенду как «Господи, помоги Анне I Далассиной, матери императора». Такое чтение объясняется тем, что после имени они расшифровывают Λ' — $\pi\rho\acute{\omega}\tau\eta$, т. е. первая. В. Лоран указывает, что византийцы никогда не ставили число после имени своих императоров. Сокращение Λ^x в легенде⁸ он читает как $(\mu\omicron\nu)\alpha\chi\ \eta$ — «монахине». На наших печатях М-1623, М-1943 и М-6197 х над Λ видно отчетливо.

Вариантом подобных печатей является экземпляр, изданный А. Дориньи.⁹ Легенда этой печати читается: «Господи, помоги Анне Далассиной, матери императора».

Печати Анны Далассиной, монахини и матери императора, датируются второй половиной XI в., так как она стала монахиней после смерти мужа в 1067 г. Как считает В. Лоран, они были выполнены между 1081 и 1100 гг.¹⁰ Нам кажется, что эти печати относятся только к периоду регентства Анны, когда в ее руках была сосредоточена вся власть в империи.

Кроме рассмотренных нами моливдовулов, известны и другие печати с именем Анны Далассиной, хранящиеся в различных собраниях. Это печати Анны Далассиной, патрикии и куропалатиссы (из Смирны), куропалатиссы и domestikиссы, изданные Н. W. Bell.¹¹ С приведенной автором датировкой (конец XI в.) нельзя согласиться, ибо В. Лоран, издавший несомненно более позднюю печать Анны Далассиной, монахини и куропалатиссы, датирует моливдовул периодом 1067—1081 гг., т. е. отрезком времени между датой смерти мужа Анны, куропалата Иоанна Комнина, и воцарением ее сына Алексея I Комнина.¹² Известно, что Иоанн Комнин был произведен в чин куропалата и великого domestikа своим братом императором Исааком Комниным (1057—1059 гг.). Поскольку Анна Далассина стала монахиней после смерти своего мужа (хотя точно мы не знаем, когда именно она приняла монашеский сан), печати, опубликованные Н. W. Bell, можно предположительно датировать 1057—1059 и 1067 гг.

В. Лоран приписывает Анне Далассиной еще одну печать,¹³ на лицевой стороне которой погрудное изображение святого Иоанна Продрома в фас. На оборотной стороне надпись: «Богородица, помоги рабе твоей монахине Анне». В. Лоран датирует эту печать XI в. и считает ее печатью Анны Далассиной, так как по велению последней был сооружен монастырь святого Иоанна Продрома.

Таким образом, все рассмотренные печати Анны Далассиной, по мнению автора статьи, хронологически распределяются в следующем порядке:

1) М-10004 — первая половина XI в.

2) экземпляры, изданные Н. W. Bell, — середина XI в.

3) М-1623, М-1943, М-6197 и экземпляры, изданные А. Дориньи и В. Лораном, — вторая половина XI в.

Имя Анны Далассиной встречается в ряде письменных источников: в «Алексиаде» Анны Комниной, в «Исторических записках» Никифора Вриенни, в речи Феофилакта Болгарского, в хронике Иоанны Зонары и

⁸ О сокращениях см.: G. Schlumberger. Sigillographie, p. 70—72.

⁹ A. Sorlin-Dorigny. Sceaux et bulles des Comnènes. Revue archéologique, nouv. sér., XXXIII, Paris, 1877, p. 86. Цит. по: G. Schlumberger. Sigillographie, p. 651, N 5.

¹⁰ V. Laurent. Le Corpus..., t. V2, p. 293.

¹¹ Н. W. Bell. Byzantin sealings. Byzantinische Zeitschrift, Bd. 30, 1929—1930, S. 634—637, N 6, 7.

¹² V. Laurent. Le Corpus..., t. V2, N 1460. Заметим, что В. Лоран указал местонахождение экземпляра печати, изданного Н. П. Лихачевым (Историческое значение, стр. 90, рис. 190—191), Эрмитаж. Эта печать находится в собрании Исторического музея в Москве.

¹³ V. Laurent. Le Corpus..., t. V2, N 1459.

в хронике Михаила Глики.¹⁴ Однако к сообщениям этих источников следует относиться осторожно. Сведения об Анне Далассиной в хрониках весьма кратки.

Анна Далассина, мать императора Алексея I Комнина, принадлежала к высшим слоям византийского феодального общества. Это была образованная женщина, имя которой упоминается в числе византийских женщин-писательниц.¹⁵

Жизнь Анны Далассиной полна яркими событиями. Она жила в эпоху острой борьбы за власть между столичной аристократией и военной провинциальной знатью (к которой принадлежала сама), принимала активное участие в этой борьбе. Будучи чрезвычайно честолюбивой, Анна много сил отдала борьбе за императорскую корону. Не сумев получить ее для себя, она помогла своему сыну Алексею Комнину взойти на византийский престол.

В 1081 г., когда в результате военного переворота византийский престол занял Алексей Комнин, Анна, по свидетельству Зонары, приняла уже монашеский сан: *Ἡ μήτηρ τούτων παρασήμων μὴ μετασχούσα βασιλικῶν διὰ τὸ ἔνδριμα τὸ μοναχικὸν μήτε μὴν εὐφημίας καὶ ἀναρρήτῆως μόνου μετέτεχε τοῦ τῆς βασιλείας ὀνόματος* — «Мать этих славных мужей (имеются в виду Алексей и Исаак Комнины, — Н. А.) не была удостоена царских почестей из-за монашеского платья и не получила славословия и публичного объявления ни одним царским титулом».¹⁶

Не имея никакого царского титула, Анна Далассина обладала большой властью в империи. Как замечает византийский историк Михаил Глика, *παρ' αὐτοῖς οὐδ' ἡ βασιλεία καὶ τῇ μητρὶ αὐτῶν* — «При них царская власть была у матери их».¹⁷

Анна Комнина в своем сочинении называет свою бабушку «матерью Комниных»,¹⁸ подчеркивая этим не только родственную связь, но и ту важную роль, которую Анна Далассина сыграла в установлении на византийском престоле династии Комниных.

Феофилакт Болгарский, заканчивая свою похвальную речь Анне Далассиной, прямо говорит, что Алексей получил корону из рук матери: *Ἐξέλθετε καὶ ἴδετε ἐν τῷ στεφάνῳ ᾧ ἐστεφάνωσεν αὐτὸν ἡ μήτηρ αὐτοῦ ἐν ἡμέρᾳ εὐφροσύνης καρδίας αὐτοῦ* — «Выходите и смотрите на увенчанного короной, его мать увенчала его в день радости сердца его».¹⁹

Как можно видеть, письменные источники говорят о том, что Анна Далассина, несмотря на монашеское облачение, принимала участие не только в заговоре в пользу своего сына, но продолжала играть активную роль в управлении страной и после воцарения Алексея I Комнина.

Очень интересным периодом в жизни Анны Далассиной было время ее регентства. Когда император Алексей I Комнин в августе 1081 г. уехал из столицы, чтобы отразить наступление норманнов на западные границы империи, он издал специальный хрисовул, предоставляющий Анне Далассиной власть в империи: император на время похода передал общее

¹⁴ Anna Comnène. *Alexiade. Texte établi et traduit par V. Leib.* I—III. Paris, 1937—1945; русский перевод: Анна Комнина. *Алексиада.* Вступ. статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского М., 1965; *Nicéphori Bryennii. Commentarii.* Rec. A. Meineke. Bonn, 1836; русский перевод: Н. Вриенний. *Исторические записки.* СПб., 1858; P. Gautier. *Le discours de Theophylacte de Bulgarie à l'autocrator Alexis I Comnène (6 janvier 1088).* *Revue des Etudes byzantines*, XX, 1962; *Iohannes Zonaras. Epitome historiarum.* III ed. Büttner—Wobst, 1897; *Michaelis Glucas. Annales.* rec. I. Bekkerus, Bonn, 1836.

¹⁵ Е. Э. Липшиц. *Очерки истории византийского общества и культуры.* М.—Л., 1961, стр. 336.

¹⁶ I. Zonaras. *Epitome*, p. 731.

¹⁷ M. Glucas, *Annales*, p. 618.

¹⁸ Анна Комнина. *Алексиада*, стр. 98.

¹⁹ P. Gautier. *Le discours*, p. 118.

руководство административными, юридическими и финансовыми делами своей матери.²⁰

В византийских источниках содержатся противоположные оценки периода правления Анны Далассиной. Анна Комнина и Феофилакт Болгарский восторженно отзываются о государственной деятельности Анны Далассиной. Анна Комнина, например, пишет: «Моя бабушка была настолько искусна в своих действиях, с такой ловкостью устраивала государственные дела, что могла бы управлять не только ромейской державой, но и всеми другими царствами подлунного мира».²¹

Феофилакт Болгарский говорит о том, что при Анне Далассиной во дворце установились воздержание и благопристойность (σωφροσύνη καὶ δὲ εὐχοσμία). Он называет Анну источником всего хорошего, верным союзником Алексея I.²²

Совершенно противоположную характеристику правлению Анны дает византийский историк Иоанн Зонара: Ἡ μήτηρ δὲ τοῦ αὐτοκράτορος τοῦτου τῶν τῆς βασιλείας πραγμάτων ἀναδεξαμένη, . . . ὅθεν καὶ τὰ πρὸς κάκωσιν τῶν ὑπὸ κείνου τότε γινόμενα ἐκείνη οἱ πλείονες ἐπεγράφοντα — «Мать императора взяла в свои руки дела государства. . . вследствие чего бывшее тогда тяжелое положение подданных многие приписывали ей».²³ Этот отрывок показывает критическое отношение Зонары к А. Далассиной.

Источники сообщают также, что император со временем начал тяготиться властью своей матери. Когда Анна почувствовала это, она, не желая быть отстраненной от правления насильно, отказалась от власти сама и удалилась в монастырь, где и провела последние годы жизни. Ἡ μέντοι τοῦ βασιλέως μήτηρ τὴν βασιλείαν ἀπάσαν οἰκονομοῦσα ἦν, ἐφ' ᾧ καὶ ὁ κρατῶν ἠνιᾶτο ὡς ἔχων μόνον τὸ τῆς βασιλείας ὄνομα. τοῦτο οὖν ἡ μήτηρ γνοῦσα ἐκοῦσα ἐξέστη καὶ εἰς τὴν τοῦ παντεπόπτου μονήν, ἣν αὐτὴ εἰδείματο, κατοκεῖ — «Конечно мать императора управляла всем государством, из-за чего император, имея лишь имя самодержца, огорчился. Мать, узнав об этом, добровольно удалилась в монастырь, который сама основала, и поселилась там».²⁴

Сведения об Анне Далассиной, монахини и матери императора, которые мы получили благодаря сфрагистическим памятникам, находят свое подтверждение в письменных источниках. Однако указанные на печатях Анны Далассиной, изданных Н. W. Bell, звания патрикии и доместикисы у цитированных авторов не встречаются.

Таким образом, совокупность данных печатей и свидетельств византийских историков дает возможность шире осветить жизнь и деятельность Анны Далассиной.

N. N. Antokolskaja

LES SCEAUX D'ANNA DALASSÈNE DANS LA COLLECTION DE L'ERMITAGE

L'article contient l'exemple d'une caractéristique d'un personnage historique suivant les témoignages des sources littéraires et sphragistiques. Parmi ces derniers sont les sceaux d'Anna Dalassène de l'Ermitage comparés aux sceaux des autres collections.

²⁰ Fr. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, II. Berlin—München, 1925, 1073 (авг. 1081).

²¹ Анна Комнина. Алексиада, стр. 128—129.

²² P. Gautier. Le discours, p. 118.

²³ I. Zonaras. Epitome, p. 746.

²⁴ M. Glycas. Annales, p. 622.

БЫЛ ЛИ ЦЕХ ХАРТУЛЯРИЕВ В ВИЗАНТИИ?

В составе богатейшей коллекции византийских подвесных свинцовых печатей — моливдовулов — Государственного Эрмитажа в Ленинграде хранится печать под шифром М-4864. Она была издана Б. А. Панченко в его широко известном «Каталоге моливдовулов» под № 126 (125).¹ На лицевой стороне печати находится изображение св. Николая с надписью на поле: ὁ ἅγιος Νικόλαος.² На оборотной стороне — шестистрочная греческая надпись, палеографически датирующаяся X в., которая в издании Панченко читается следующим образом:

+ KĒ RΘ
TΩCΩΔΘ
NIKOLA,XT
TΩANEΨ,
TΘΠPΩT.
CΩM,T.

т. е. Κ(ύρι)ε, β(οή)θ(ει) τῷ σῶ δού(λῳ) Νικολ(άφ) χ(αρ)τ(ου)λαρίω τῷ ἀνεψ(ιῷ)
τοῦ πρώτ(ου) σώματος.

Отметив, что надпись читается ясно, Панченко тем не менее закончил ее вопросительным знаком, отнеся его, по-видимому, к последнему слову. Между тем именно это слово придает всей легенде выдающийся интерес. Панченко пришел к выводу, что эту легенду можно интерпретировать только так: «Господи, помоги рабу твоему Николаю хартулярию, члену первой корпорации (хартуляриев)».³ Для этого, говорит он, придется придать слову ἀνεψιός технический и до сих пор не наблюдавшийся смысл («член»). Поскольку о корпорации хартуляриев Панченко ничего не было известно, то он сопоставил данные моливдовула с данными книги Эпарха, в которой, по его словам, «первой корпорацией являются табулярии (нотариусы)». Окончательного вывода Панченко не делает, но, судя по всему, он мыслил «открытую» им корпорацию хартуляриев как эквивалент корпорации табуляриев. Однако в историографии публикация Панченко этой печати была расценена как «открытие» новой корпорации, корпорации хартуляриев.⁴

¹ Б. А. Панченко. Каталог моливдовулов. Изв. Русского археол. института в Константинополе, IX, София, 1904, стр. 342.

² Там же, табл. 1, фиг. 2.

³ Там же, стр. 342.

⁴ М. Я. Сюэюмов. 1) Византийская книга Эпарха. М., 1962, стр. 108; 2) Научное наследие Б. А. Панченко. Визант. временник, XXV, 1964, стр. 35.

Действительно, интерпретация Панченко представляется на первый взгляд весьма заманчивой. Наряду с наиболее часто встречающимися в источниках терминами *σύστημα* (лат. *collegium*) и *σωματεῖον* (лат. *corpus*)⁵ византийский «цех» обозначался также термином *σῶμα*. Впервые на это указал А. Штекле, который при этом ссылался на 43-ю и 59-ю новеллы Юстиниана и в особенности на VII эдикт.⁶ Правда, И. Ф. Фихман убедительно доказал, что в указанных новеллах *σῶμα* употребляется не в значении «корпорация», а в Ed. Just., VII это слово не встречается вообще,⁷ однако есть другие источники, которые применяют этот термин именно в значении «корпорация». В частности, Иоанн Лид упоминает о корпорации писцов-стенографов (*τῶν ταχυγράφων σῶμα*), которая распалась на *τάγματα καὶ πληρώματα*.⁸ Не было бы ничего удивительного, если бы термин *σῶμα*, который Панченко вычитал в легенде печати, а также термин *ἀνεψιός* приобрели тот смысл, который он им придавал. В этой связи остается только выразить удивление тем обстоятельством, что ученые (кроме М. Я. Сюзюмова) не обратили на эту, казалось бы, интереснейшую печать никакого внимания, хотя многие из них интенсивно использовали «Каталог моливдовулов» Панченко, в том числе и печати хартуляриев.⁹ Очевидно, здесь проявилось их недоверие к чтению легенды, завершившемуся вопросительным знаком.

Сейчас этот моливдовул реставрирован и позволяет констатировать, что никакого *σῶματος* в надписи нет. Правда, верх первой буквы последней (шестой) строки смят и нельзя с уверенностью сказать, «каппа» это (K) или «бета» (R), но то, что это не «сигма», несомненно. Следующие три буквы читаются совершенно отчетливо — *ΩΝΤ*. Если допустить, что первой буквой является R, а всю строчку читать как *RΩΝΤ*, то тогда значение этого слова для нас совершенно непонятно. Если же предположить на месте первой буквы «каппу» (K), то создается возможность прочесть слово как *KΩν(τ)τ(αντινου)*. Правда, нужно оговориться, что и эта интерпретация далеко не безупречна, прежде всего потому, что такое сокращение имени Константин не встречается в печатях. Чаще всего оно или пишется полностью, или сокращается как *KΩΝ*. Однако встречаются и другие, подчас очень странные сокращения, например *KΩ* и др. Поэтому мы сочли возможным именно так прочесть последнее слово нашей

⁵ Cod. Just., VI, 48, 1, 15; Basil. LIV 16.16, LX 32.2; Synopsis XII 1; Cf. A. Stöckle. Spätromische und byzantinische Zünfte. Klio, Beiheft 9, Leipzig; 1911, S. 10—11; М. Я. Сюзюмов. Византийская книга Эпарха, стр. 99; А. П. Каждан. 1) Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. Визант. временник, VI, 1953, стр. 137; 2) Деревня и город в Византии IX—X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960, стр. 306; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—сердине VII в. М., 1965, стр. 129. В «Пире» (51,7) даже указывается на различие между этими терминами: *συστήμα* здесь обозначает лиц неремесленной профессии, тех, которые сами не работают (*αὐτοὶ οὐκ ἐργάζονται*), в то время как *σωματεῖον* обозначает ремесленную корпорацию. См.: С. E. Zachariae von Lingenthal. Ius graeco-romanum, I. Lipsiae, 1856, p. 234.

⁶ A. Stöckle. Spätromische und byzantinische Zünfte, S. 10; Cf. F. Dölger. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt (V.—VIII. Jahrhundert). In: *Parastroph.*, Ettal, 1961, S. 132.

⁷ И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 129—130.

⁸ Joannis Lydi De magistratibus populi romani libri tres. Ed. R. Wuensch, Lipsiae, 1903, III 9, p. 94. Cf. E. Stein. Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian. Wien, 1922, S. 31.

⁹ См., например: J. B. Bury. The imperial administrative system in the ninth century with the revised text of the Kletorology of Philotheos. London, 1911; L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949; H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX-e—XI-e siècles. A'hènes—Paris, 1960; R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, I—II. Berlin—Amsterdam, 1967, etc.

надписи, в результате чего вся легенда приобрела следующий вид:

+ KĒ RΘ	+ χ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
TΩCΩΔΘ	τῷ σῷ δοῦλῳ
NIKOLX̄T	Νικολ(άφ) χ(αρ)τ(ου)λαρίῳ
TΩANĒΨ,	τῷ ἀνεψ(ιῷ)
TΘΠΡΩT,	τοῦ πρώτ(ου)
KΩN, T,	Κω(σ)τ(αντί)νου

+ Κύριε, βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ Νικολάφ χαρτουλαρίῳ τῷ ἀνεψιῷ τοῦ πρώτου Κωνσταντίνου, т. е. «Господи, помоги рабу твоему Николаю хартулярию, родственнику (племяннику?) прота Константина».

Разумеется, только обнаружение идентичного экземпляра этой печати могло бы ответить на вопрос, правильно ли прочитана надпись. Но во всяком случае весь тот многозначительный смысл, который был придан этой печати издателем, исчезает и она становится в ряд многих сохранившихся аналогичных ей печатей византийских хартуляриев. Интересно, что сам Б. А. Панченко далеко не сразу решился на то прочтение легенды, которое он в конце концов опубликовал. В Эрмитаже хранятся рукопис-

ные карточки, готовившиеся им для публикации моливдуволов. Карточка № 125 посвящена именно нашей печати М-4864, причем в написанной чернилами последней строке легенды дано чтение не CΩM.T, как это напечатано в каталоге, а RΩNT. Затем, по-видимому, после долгих размышлений, он карандашом поставил вместо R—C, а вместо N—M, вернее C поставил перед R, а от верхнего правого конца N опустил вниз палочку, образовав M, и поставил знак сокращения. Рядом он карандашом же написал ἀνεψιῳ του πρώτου σωματος и поставил знак вопроса.

Некоторые сомнения в правильности нашего прочтения надписи могли бы, нам кажется, быть подкреплены параллелями похожих чтений. Например, не совсем обычный порядок слов τοῦ πρώτου Κωνσταντίνου аналогичен порядку слов δεσπότης Κωνσταντίνου печати Ватиканского собрания.¹⁰ Сравнительно редкий случай фиксации родственных отношений в легенде печати аналогичен печати Мавриана Алулата (апоипата), сына Иоанна патрикия (υιου Ιωαννου π. τρικίου) из собрания Эрмитажа (М-7676), изданной Шлюмберже,¹¹ и т. д. Сама мысль зафиксировать

¹⁰ V. Laurent. Les sceaux byzantins du médaillier Vatican. Città del Vaticano, 1962, p. 40, N 55.

¹¹ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, p. 477—478.

родственные отношения в надписи не покажется необычной, если принять во внимание широко распространенную в Византии практику переосмысления терминов родства для характеристики гражданского статуса того или иного лица. Особенно если речь шла о родстве с каким-нибудь влиятельным сановником или даже самим императором, но в данном случае — с протом, крупным чином в высшей церковной иерархии. В Византии термином «прот» обозначались начальники нескольких монастырей, сгруппированных на определенной территории, в частности на Афоне, на Ганосе, на Папикие или на Латросе.¹²

Что касается вопроса о том, существовал ли на самом деле цех хартуляриев, то при данном состоянии изученности источников на него почти невозможно ответить. Известно только, что в ранний период империи (IV—VI вв.) хартулярии рисуются законодательством и книгой Иоанна Лида как одна из категорий писцов (exscriptores = ταχυγράφοι), входящих в штат бесчисленных канцелярий (scrinia), из которых в свою очередь состояли officia префектур.¹³ Свои обязанности в канцеляриях эксцепторы исполняют не как государственные служащие (milites), получающие содержание от государства (аннона),¹⁴ а как лица, занимающиеся свободным промыслом и вознаграждающиеся теми, кто извлекал из их услуг непосредственную пользу. По свидетельству Иоанна Лида, эксцепторы были организованы в 15 школ (ἐν πεντεκαίδεκα συναγωγαῖς, ἅς καλοῦσι σχολάς, συλλεγόμενοι),¹⁵ что дало основание Штейну говорить об их «цеховой организации» (zunftartige Organisation).¹⁶ Действительно, в некоторых источниках schola встречается в значении эквивалента латинского corpus,¹⁷ а если учесть, что одной из таких школ, как это видно из Cod. Just. I, 27, 1, § 38, была именно schola chartulariorum, состоящая из 50 членов,¹⁸ то ничто не мешает, казалось бы, сделать вывод о существовании специального цеха хартуляриев. Однако имеем ли мы для этого достаточные основания? Природа этих школ для нас остается неясной. Если даже допустить, что подобная schola chartulariorum имела что-то общее с римской корпорацией, то все же в гораздо большей степени приходится сомневаться, может ли она рассматриваться в качестве средневекового цеха.

По крайней мере для времени, к которому относится наша печать (X в.), мы не можем обнаружить никаких следов цеховой организации хартуляриев. Клеторологий Филофея и другие источники IX—XI вв. упоминают множество самых разнообразных служб, во главе которых стояли хартулярии: хартулярный фемы, хартулярный тагмы, хартулярный τοῦ σακελλίου, хартулярный Великой Церкви, хартулярный императорских конюшен (ὁ χαρτουλάριος καὶ ἐκ πρώτου τῶν βασιλικῶν σταβλῶν), хартулярный города (ὁ ἐσω χαρτουλάριος), великий хартулярный, хартулярный

¹² V. Laurent. Documents de la sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, p. 197, N 384. Несколько печатей, принадлежащих протам по имени Константин, того же времени, что и наша печать, изданы также Лораном. См.: V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, tome V: L'Eglise (2). Paris, 1965, p. 225; N 1309, 1310 и др. Ср. также: F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Bergen. München, 1949, S. 245, N 91, Anm. 68.

¹³ О сложном бюрократическом аппарате этих officia см.: Bethman—Hollweg. Der römische Civilprozess, III. 1866, S. 133 ff., § 142; E. Stein. Untersuchungen; Singen. The officium of the Urban prefecture during the Later Roman Empire. 1957.

¹⁴ Cod. Theod. VIII, 7, 17 (385 г.): Exscriptores omnes iudicibus obsequentes, qui neque militiam sustinent, neque ullas a fisco consequuntur annonas.

¹⁵ Ioannis Lydi De magistratibus, p. 91 (III, 6).

¹⁶ E. Stein. Untersuchungen, S. 20.

¹⁷ Cod. Just., I, 23, 7 (477 г.): corpus aut schola. Cf. L. M. Hartmann. Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter. In: Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten, Gotha, 1904, S. 20. Anm. 1; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 129 и прим. 41.

¹⁸ Ср.: Pauly-Wissowa's Real-Encyclopädie, III, Stuttgart, 1899, S. 2193; E. Stein. Untersuchungen, S. 75.

флота, хартулярий провинции (ὁ ἕξω χαρτουλάριος) и т. д.¹⁹ По-видимому, термин «хартулярий» в значительной мере утратил свое первоначальное значение, а сам хартуляриат как институт эволюционировал в сторону приобретения его членами черт и статуса крупного чиновничества, хотя пережитки этого института в лице мелких хартуляриев — секретарей всевозможных архивов — сохраняются еще длительное время, особенно в церкви.²⁰ Приведем в заключение слова Н. П. Лихачева из его до сих пор не изданной рукописи о византийских печатях: «В Византийской империи должность и титул хартулярия были чрезвычайно распространены и обязанности этих чиновников разнообразны. Объединялось понятие об этой должности в одном — это были чиновники, а иногда и сановники с основой деятельности по письменной части. Отнюдь не архивариусы и не начальники архивов. Du Cange, правда, указывал, что «*χαρτουλάριος = chartularius, scriniarius, qui chartulas scivat*», но это не «*χαρτοφύλαξ*», но должность с оттенком письмоводителя, правителя дел».²¹

I. P. Medvedev

LA CORPORATION DES CHARTULAIRES, EXISTAIT-ELLE VRAIMENT À BYZANCE?

Un sceau de la collection des molybdeboules de l'Ermitage d'État à Léninegrad (M-4864) a été édité (par Pančenko, dans son Catalogue des molybdeboules, p. 342) avec la lecture fautive de la légende, d'où on a tiré la conclusion qu'il existait à Byzance une corporation spéciale (σῶμα) des chartulaires. La restauration de ce sceau, récemment faite, a montré qu'il n'y avait pas le mot σῶματος dans l'inscription, quoique la juste lecture de celle-ci se complique de ce, qu'une lettre de la dernière ligne de l'inscription est effacée. L'auteur met en doute la possibilité d'établir l'existence à Byzance d'une corporation des chartulaires même à partir d'autres sources. En particulier, la schola chartulariorum mentionnée dans de Cod. Just. (I, 27, 1, § 38) ne peut, selon l'auteur, être considérée comme la corporation des chartulaires.

---

¹⁹ См.: I. B. Bury. The imperial administrative system, p. 44, 58, 62, 66, 83, 85, 87—88, 90, 92—96, 98, 104—106, 110—111, 114, 117; L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin, p. 135, 150, 257; H. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin, p. 37, 43; R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, I, p. 56, 469, 470, 483, 536; II, p. 469; Д. Ангелов. Подбрани извори за историята на Византия. София, 1963, стр. 267. Rh. Argenti. The Jewish Community in Chios during the eleventh century. Polychronion, Festschrift Franz Dölger. Heidelberg, 1966, p. 41, note 6; V. Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jahrhundert. Wiesbaden, 1967, S. 112—113; F. Dölger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. 62, 110.

²⁰ Например, встречаются документы конца XI в., вышедшие из патриаршей канцелярии и скрепленные подписями хартуляриев, см. J. Dargouzes. Dossier sur le charisticariat. Polychronion, Festschrift Franz Dölger. Heidelberg, 1966, pp. 159, 163 et note 7.

²¹ Архив АН СССР, фонд Н. П. Лихачева (246), оп. 1, № 50.

ПЕЧАТИ ГЕОРГИЯ ЦУЛЫ И СОБЫТИЯ 1016 г. В ХЕРСОНЕ

В сочинении византийского писателя Скилицы есть буквально две строчки, сообщающие о военном эпизоде в Хазарии. Он пишет: «Император, возвратясь в Константинополь, в январе месяце 6524 года послал в Хазарию экспедицию; экзархом ее был Монг, сын Андроника, дуки Лиды. Совместно со Сфенгом, братом Владимира, братом императора, подчинил страну, пленив архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении».¹

Это крохотное сообщение привлекается тремя видными советскими исследователями — М. И. Артамоновым, М. В. Левченко и А. Л. Якобсоном — в трех капитальных трудах на три различные темы: история Хазарии, история русско-византийских отношений и история Херсона.

М. В. Левченко, буквально понимая источник, говорит, что, «предпринимая этот поход, Византия хотела покончить с остатками враждебного ей хазарского каганата в Крыму». Поход был успешным: «Правитель хазар, Георг Цула, взят в плен», «византийская власть в Крыму была полностью восстановлена»; Сугдея и Боспор отошли Византии.²

М. И. Артамонов, привлекая, помимо хроники Скилицы, печать стратега Херсона Георгия Цулы, считает, что «эпизод с Георгием Цуло не имеет никакого отношения к истории Хазарского государства, хотя этот потомок болгарских ханов и мог опираться на хазаро-болгарское население Крыма». Цула происходил, по всей вероятности, из аристократического хазарского, а скорее всего болгарского рода, но находился на службе Византии и получил важный чин протоспафария и управление византийскими владениями в Крыму. «Дело, следовательно, касается не войны с независимым Хазарским государством, а восстания против Византии правителя-стратига Херсонской области империи в Крыму».³

В своем выводе М. И. Артамонов присоединяется, таким образом, к гипотезе, высказанной Е. Ч. Скржинской в рецензии на книгу А. Л. Якобсона,⁴ о восстании Херсона во главе с его византийским стратигом Георгием Цулой, но с той только разницей, что М. И. Артамонов подчеркивает местное происхождение стратега. Предположения А. Л. Якобсона о захвате Херсона хазарами, высказанного им в книге

¹ Georgius Cedrenus. Historia, ed. Bonn, p. 464.

² М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 384.

³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 436.

⁴ Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. Визант. временник, VI, 1953, стр. 266—267.

«Средневековый Херсонес»,⁵ касаться не будем, поскольку автор принял точку зрения своего рецензента.⁶

Печать, которую привлекают А. Л. Якобсон, Е. Ч. Скржинская и М. И. Артамонов, была найдена в Херсонесе в 1884 г. во время раскопок, проводившихся Одесским обществом истории древностей. Она опубликована впервые в «Отчетах»⁷ Одесского общества В. Юргевичем, затем переиздана И. И. Толстым⁸ и дважды самим В. Юргевичем.⁹ На печати помещена двусторонняя надпись:

Лицевая сторона

Оборотная сторона

ΓΕΟ[Ρ]	Γεορ-	[Κ].ΣΤΡΑ	[καί] στρα-
.....	[γίο βασι]	ΤΗΓΟΧΕΡ	τηγὸ Χερ-
ΛΙΚΟΑ΄Σ	λικὸ (πρωτο)σ-	ΣΟΝΟС..	σόνοσ <τῶ>
ΠΑΘΑΡ	παθαρ(ίψ)	ΤΖΔΛΑ	Τζούλα

Γεωργίῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ στρατηγῷ Χερσῶνος τῷ Τζούλα — «Георгиу Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона».

Моливдовул находился в Одесском археологическом музее. В настоящее время он там не числится. В эрмитажной коллекции хранится экземпляр тех же матриц, поступивший в музей с коллекцией И. И. Толстого (М-11910, диам. 27 мм. Воспроизводится по эрмитажному экземпляру).

Помимо этой печати, существует еще несколько с именем Цулы. Одна была издана в 1884 г. в капитальном труде по византийской сигиллографии Г. Шлюмберже.

Лицевая сторона. Шестиконечный крест на голгофе, по сторонам которого расположены два небольших крестика. По кругу надпись: ΚΕΡΟ...ΤΩΣΩΔΣΛ' — Κ(ύρι)ε βο(ή)θει τῶ σῶ δούλ(ω).

Оборотная сторона. Четырехстрочная надпись:

ΤΖΔΛ	Τζούλ-
ΑΡΣΠΑΘ	α βασιλικῷ) σπαθ-
ΑΡΗΧΡ	αρήψ Χρ-
ΕΣΩΝΟ.	εσῶνο[ς]

Κύριε βοήθει τῶ σῶ δούλῳ Τζούλα βασιλικῷ σπαθαρίῳ Χερσῶνος — «Господи, помоги твоему рабу Цуле, императорскому спафарию Херсона».

По типологическим признакам Г. Шлюмберже датировал ее XI в.¹⁰ Из других печатей, обнаруженных в собраниях Эрмитажа, Исторического и Херсонесского музеев, удалось прочесть пока три.

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 16.

⁶ А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса. Херсонесский сборник, вып. V, 1959, стр. 230.

⁷ Отчеты Одесского общества истории древностей за 1883—1884 гг., стр. 20—21 и титульный лист.

⁸ И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы. Зап. Русского археологического общ., т. II, СПб., 1887, стр. 28—44.

⁹ В. Юргевич. 1) Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. Зап. Одесского общества истории древностей, т. XIV, 1886, стр. 5—10; 2) Свинцовые печати, хранящиеся в музее. Там же, т. XV, 1889, стр. 41—43.

¹⁰ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire byzantine, Paris, 1884, p. 238, N 8.

1. Государственный Исторический музей, № 159 (рис. 1).

Лицевая сторона. Погрудное изображение св. Георгия, справа остатки надписи: . . ΓΓ / Ο.

Оборотная сторона. Пятистрочная надпись:

+ΓΕΩ	+ Γεω-
ΓΑΣΠΑ[Θ]	[ρ]γ(ίου) (πρωτο)επαθ(αρίου)
·(Η)ΤΖ[Χ].Α	<τοῦ> Τζ[ούλ]α
·(ΗΠ)Ο[С]	<τοῦ> <Π>οσ-
ΦΟΡ	φόρ(ου)

Γεωργίου πρωτοεπαθαρίου τοῦ Τζούλα τοῦ Βοσπόρου — «... Георгия Цулы, протоспафария Босфора».

Диам. 21 мм. Печать очень плохой сохранности. Создается впечатление, что она была дважды оттиснута (например, в последней строчке после Р следует, как кажется, его повторение), поэтому чтение ее про-

Рис. 1.

блематично. Если во второй строке последняя буква, след которой с трудом просматривается, Θ , то на следующей строке буква, которую мы принимаем за лигатуру $\sigma\upsilon$ в артикле $\tau\omicron\upsilon$, дает указание на родительный падеж трех первых имен существительных, подразумевая зависимость от слова *σφραγίς*. Если же последняя буква второй строки — Θ , то повторение альфы (Λ), то первая следующей — Θ . В этом случае может стоять родительный (при слове *σφραγίς*) или дательный падеж (при подразумеваемой формуле призыва к божьей помощи).

2. Херсонесский археологический музей, № 9244 (рис. 2).

Лицевая сторона. Изображение птицы, повернутой вправо, с веткой в клюве.

Оборотная сторона. Четырехстрочная надпись, но первая строка не поместилась на печати, видны лишь концы двух букв:

ΦΥΛΑΚ	φυλάκ-
ΩΤΟΥΤΖ	ψ τοῦ Τζ-
ΟΥΛΛ	ούλα.

... φυλάκψ τοῦ Τζούλα — «... филаксу Цуле».

Диам. 16 мм, найдена в Херсонесе.

Из описанных выше моливдовулов печать с птицей представляет на первый взгляд наибольшие трудности для датировки. Как отмечает Г. Шлюмберже, изображение птицы или животного помещалось на сфрагистических памятниках, принадлежавших лицам не византийского происхождения или чиновникам из департамента «варваров». Аналогией нашей печати может быть именно тот экземпляр, который автор византийской сигиллографии оставил недатированным.¹¹

Надпись оборотной стороны состоит всего из двух слов, но они содержат, на наш взгляд, достаточно информации, чтобы датировать печать самым концом X—началом XI в. Дательный падеж, в котором стоит первое читаемое слово, указывает на то, что это слово заключает в себе наименование должности или титула владельца печати. Однако слово

Рис. 2.

φύλαξ без дополнительных определений, самостоятельно в качестве термина не употребляется,¹² но встречается много названий должностей, в которых оно является одним из компонентов: стратиотофилакс, тагма-тофилакс, кастрофилакс, хартофилакс, скейафилакс.¹³ Как видно из перечисления, часть терминов относится к церковным должностям, часть — к военным. Поскольку на исследуемой печати нет никаких христианских символов, невозможно предположить, чтобы ее владелец имел какое бы то ни было отношение к клирикам. С другой стороны, все известные печати с именем Дулы принадлежат военным чинам. Помещение птицы на печати подтверждает принадлежность владельца к числу воинов-иноземцев. Поэтому можно с уверенностью сказать, что легенда содержала наименование должности, воинского звания, в котором составным вторым элементом было слово φύλαξ. Важно отметить, что все воинские звания, включающие слово φύλαξ, встречаются в письменных источниках с XI в., а печати с подобными словами датируются издателями X—XI вв.¹⁴ Поскольку существование византийского чиновника-хазарина до последней четверти X в., по-видимому, исключается из-за враждебных отношений империи с каганатом, нижней границей печати можно считать конец X в.

Сопоставление величины штампа, букв и промежутков между строками показывает, что, помимо существующих, на печати могла быть только одна верхняя строчка. Она должна быть занята первой половиной слова-должности, т. е. для имени не остается места. Таким образом, как и владелец печати, опубликованной Г. Шлюмберже, владелец печати с птицей носил только хазарское имя Дула. Отсутствие христианской симво-

¹¹ Там же, стр. 447, 27, № 1.

¹² Встречающееся у Михаила Дуки выражение φύλαξ τοῦ κάστρου равнозначно *кастроφύλαξ* (Michael Ducas. *Historia*, ed. Bonn, p. 85). Подтверждает высказанное правило и употребление слова φύλαξ на печатях: V. Laurent. *Documents de la sigillographie byzantine. La collection d'Orghidan*. Paris, 1952, p. 143, N 26; G. Schlumberger. *Sigillographie*, p. 382.

¹³ G. Schlumberger. *Sigillographie*, p. 182, 327, 367, 369, 382—383; Arethusa, fasc. 16, 1927, p. 132.

¹⁴ Du Cange. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*, t. 1, p. 603; G. Schlumberger. *Sigillographie*, p. 327, 367, 369.

лики позволяет считать данную печать наиболее ранней из всех печатей с именем Цулы.

На печати Георгия Цулы с изображением св. Георгия наибольшие трудности представляет толкование последнего слова. Печать очень плохой сохранности, однако буквы Ο, Φ, Ο, Ρ (ο, φρρ) видны хорошо, σ просматривается с трудом. Начальная буква слова заплыла, нижний правый конец ее утрачен. Она может быть прочитана как R (ρ), но скорее как Π (π). Из двух первых букв предпоследней строки первая осталась за полем, вторая оттиснута нечетко, но кажется, что это лигатура ου, т. е. артикль τῶν. Поскольку строкой выше стоит родовое имя, на последних двух, на наш взгляд, следует видеть географическое название. Хотя написание Боспора как Посфор нам неизвестно, мы решаемся видеть в легенде печати указание на этот город Хазарии. Основанием служит то обстоятельство, что среди печатей с именем Цулы нет ни одной, где была бы совершенно правильная надпись. Так, на печати Цулы, опубликованной Г. Шлюмберже, вторая буква в имени записана не Z, а ζ, в слове Херсон переставлены буквы: Χρεζων. На печати стратига Георгия Цулы всюду вместо омеги стоит омикрон, а в начале легенды нет традиционного обращения к богу.

Итак, в нашем распоряжении оказываются печати кастрофилакса (?) Цулы, человека варварского происхождения, ничем не показывающего своей принадлежности к христианской религии и не имеющего никаких византийских титулов; спафария Цулы, хотя и не имеющего еще христианского имени, но на печати которого помещен христианский религиозный символ — крест; и две печати Георгия Цулы, носящего византийский титул протоспафария.

Нельзя утверждать, что две первые печати принадлежат тому же лицу, что и печати Георгия Цулы. Вполне возможно, что Георгий Цула был потомком хазарина Цулы, поступившего на византийскую службу, так же как и еще один Цула — Фотий Цула, печать которого хранится в ГИМе (№ 128).¹⁵ Важно, во-первых, что Георгий Цула был местного, херсонского происхождения и, во-вторых, что военачальник местного, херсонского происхождения стал в какой-то момент стратигом города. Как отмечал Константин Порфирородный, со времени императора Феофила стратига Херсона присылались из Константинополя. Указывая на стремление херсонцев к независимости, Константин подчеркивал обязательность этих назначений.¹⁶ Появление стратига из местных — аномалия, которая могла возникнуть при чрезвычайных обстоятельствах. На них указывает еще одна печать — протевона Херсона Михаила. Она была издана И. И. Толстым, хранится в настоящее время в Эрмитаже (М-11906).

Лицевая сторона. Шестиконечный крест на голгофе, по кругу надпись: ΚΕΡΟ... Κ(ύρι)ε βο[λήθει τῷ σῶ ἁνθ[ω]ῳ].

Оборотная сторона. Пятистрочная надпись:

+ ΜΙΧΑΝ	Μιχαῆ-
ΑΡΣΠΑΘΣΕ	ἂ β(ασιλικῶ) σπαθ(αρίῳ) (καί) ἐ-
ΠΙΤΩΝΟΙΚ'	πὶ τῶν οἰκ(ειακῶν)
[S]ΠΡΟΤΕΥ[Ω]	(καί) προτεύ[ο](ντι)
[X].ΡСОН	[Χε]ρσόν[ος]

¹⁵ По характеру шрифта печать может быть датирована X—XI вв. На важную роль рода Цул и продолжительность его существования в Крыму указывает найденная на Мангупе надпись 1503 г. с упоминанием Цулы.

¹⁶ Constantinae Porphyrogenitus De administrando imperio, cap. 42.

Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Μιχαήλ βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν καὶ πρωτεύοντι Χερσῶνος — «Господи, помоги твоему рабу Михаилу, императорскому спафарию, ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν и протевону Херсона».

Печать плохой сохранности, диам. 23 мм. X—XI вв.

В течение полутора веков существования фемы в Херсоне только четыре чиновника имели право ставить печати: стратиг, коммеркиарий, протонотарий и хартуларий.¹⁷ Печать протевона — главы самоуправления — такая же аномалия, как появление в качестве стратига Херсона местного хазарина Георгия Цулы.

В этой связи хочется обратить внимание на печать Цулы спафария: титул стоит здесь в необычной связи с названием города. Содержание слова «спафарий» в Византии менялось в течение веков. Первоначально спафариями называли телохранителей и солдат частного войска. В VIII в. существовала школа спафариев — телохранителей императора. Но уже тогда слово «спафарий» стало получать и другое значение — одного из высоких придворных титулов для военных чинов. Однако в течение X в. этот титул обесценивался, его стали носить люди самых различных должностей и даже лица, не имевшие отношения к государственной административной системе. Имелось ли у слова «спафарий» в XI в. какое-нибудь другое значение, кроме титула, неизвестно.¹⁸

Печати спафариев встречаются очень часто. Известны печати просто спафариев, печати императорских спафариев,¹⁹ но если на печати стоит географическое название, то в легенде рядом с титулом «спафарий» обязательно присутствует должность или звание чиновника. До сих пор не издано печати, на которой вслед за титулом шло бы географическое название.²⁰ Боспорская печать протоспафария Георгия Цулы и моливдовул спафария Цулы — исключение. Возможно, что на них из-за неопытности резчика матриц пропущена должность. Такое предположение кажется вероятным, так как все печати с именем Цул, как уже было сказано, показывают неумелость в исполнении легенды. Однако можно сделать и другое допущение: спафарий Херсона — представитель «частного войска», гарнизона Херсона, набиравшегося городом, а не императорским стратигом. Наличие хазарина во главе городского гарнизона, существование его печати и печати главы муниципалитета одновременно (тогда как в другое время печатей этих должностных лиц не встречается) усиливают такую возможность.

Сопоставляя описанные выше печати Цул и протевона с печатями фемы, можно констатировать, что в начале XI в. произошла смена управления городом, власть попала в руки жителей Херсона. Нельзя думать, чтобы такая смена произошла с согласия Константинополя, тем более что она была непродолжительна; надпись Льва Алиата и печати катепана и дуки Херсона²¹ свидетельствуют о возвращении города под управление центрального правительства не позднее середины XI в.

Трудно предполагать, был ли Георгий Цула поставлен стратигом восставшими или он сам явился одним из инициаторов движения, но печати

¹⁷ Автор основывает этот вывод на изучении печатей Херсонской фемы, как опубликованных, так и хранящихся в различных музеях СССР.

¹⁸ R. Guillard. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantine: le protospathère. Byzantion, XXV—XXVII, p. 649—650; Pauly—Wissowa. Real-Encyclopedie. p. 1546.

¹⁹ G. Schlumberger. Sigillographie, p. 592, N 12; p. 593, N 16; p. 589—592.

²⁰ В Эрмитажном собрании хранится печать, на которой вслед за титулом «спафарий» следует, возможно, географическое название. Однако плохая сохранность печати не дает бесспорного чтения.

²¹ Неопубликованные печати из собраний Эрмитажа (М-6263), Херсонесского музея (№ 6621) и частной коллекции Н. Н. Грандмезона.

показывают с несомненностью правильность гипотезы Е. Ч. Скржинской и М. И. Артамонова об обстоятельствах, при которых Георгий Цула появился в качестве стратига Херсона.

Молидвул Георгия Цулы с упоминанием Боспора объясняет, почему флот под командованием Монга был послан в Хазарию, а не в Херсон: в момент высылки экспедиции Цулы уже не было в Херсоне, он оказался правителем другого города — Боспора. Испугались ли херсонесцы хазарского засилия и сами избавились от своего военачальника или он был изгнан вновь прибывшим из Константинополя стратигом, можно только гадать и ожидать новых находок, которые осветят и эту страницу в истории города.

I. Sokolova

LES SCEAUX DE GEORGE TZOULA ET LES ÉVÉNEMENTS DE 1016 EN CHERSON

L'article renferme la publication de deux sceaux inédits avec le nom Tzoula et la description des trois sceaux chersonnés, qui misent en jour par G. Schlumberger, I. Tolstoï et V. Iurguevič.

L'auteur croit que Tzoula, les possesseurs des sceaux, ont été les chefs de l'armée et ont été en service de Cherson.

Les sceaux de George Tzoula, stratège de Cherson, et de Michel, proteus de Cherson, prouvent qu'au début du XIe siècle l'administration de Cherson se trouvait dans les mains des citoyens.

Il est difficile décider si George Tzoula a été posé en stratège par citoyens après l'insurrection, ou s'il a été un de celles qui en a pris l'initiative. Nous ne savons pas non plus, quelle était la cause qui a forcé George Tzoula quitter Cherson. Mais le molibdobulle qui porte le nom de Bospore, explique bien le texte de Cedrenus, qui communique de l'expédition du flotte byzantin en Chosarie contre George Tzoula.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ И ИКОНА
«СОШЕСТВИЕ СЯГОГО ДУХА НА АПОСТОЛОВ»
ЭРМИТАЖА

Перспективная система средневековой, в частности византийской, живописи до сих пор мало изучена. Прежде всего ее название, введенное впервые О. Вульфом,¹ неточно и условно. Определив перспективную систему как обратную, О. Вульф хотел подчеркнуть, что она искажает, как бы «переворачивает» ту перспективу, которую единственно следует считать настоящей и которую впервые стали последовательно применять итальянские художники XV в. Тем самым было ограничено значение средневековой перспективы: она признавалась не совсем точной, как бы перевернутой.

Исследование перспективы в произведениях средневекового искусства до сих пор шло по двум направлениям. Первое из них, несколько ранее возникшее, рассматривало исключительно философско-богословское значение перспективы. Только в последние десятилетия обратились к изучению роли перспективы как одного из средств построения композиции и организации пространства.² На примере памятников византийского и древнерусского искусства определялась композиционная функция перспективы и значение ракурса.³ Следует отметить работы, в которых указывалось на роль перспективы в семантической композиции произведений живописи.⁴

Особое значение для изучения средневекового искусства приобрела впервые опубликованная в 1967 г. работа П. А. Флоренского.⁵ В ней доказывалось существование определенной системы перспективы в произведениях древнерусской живописи XIV—XVI вв.

Первым поставил вопрос о связи перспективы с философским значением изображенного Е. Пановский.⁶ Однако нельзя согласиться с его точкой зрения, которая состоит в том, что перспективная система в каж-

¹ O. Wulff. Die umgekehrte Perspektive und die Niedersicht. Kunstwissenschaft Beitrage. Leipzig, 1907; Altchristliche und byzantinische Kunst, I. Berlin, 1913, p. 168.

² P. A. Michélis. Esthétique de l'art byzantin. Paris, 1959; G. Mathew. Byzantine aesthetics. London, 1963.

³ А. И. Некрасов. О явлениях ракурса в древнерусской живописи. Труды отделения искусствознания Института археологии и искусствознания, 1926.

⁴ Б. А. Успенский. К системе передачи изображения в русской иконописи. Уч. зап. Тартуск. гос. унив., вып. 181, 1965; Л. Ф. Жегин. Пространственно-временное единство живописного произведения. Там же; Язык живописного произведения. М., 1970.

⁵ П. А. Флоренский. Обратная перспектива. Уч. зап. Тартуск. гос. университета, вып. 198, 1967.

⁶ E. Panofsky. Die Perspektive als symbolische Form. Vorträge der Bibliothek. Warburg, 1921—1925.

дую эпоху представляет только символическую форму видения мира художником. Перспектива в средние века стала средством выразительного и наиболее правильного раскрытия всего содержания изображения, а не его символом.

Действительно, высокий или низкий горизонт, выбор углового или фронтального вида отдельного предмета, условия освещения организуют процесс созерцания произведения живописи.

Перспектива в византийской живописи⁷ предполагает наличие нескольких точек зрения.⁸ Зритель рассматривает предметы, изображенные с разных позиций. Такой обзор необходим для полного восприятия предметов. Вводя разные точки зрения, художник с их помощью подчеркивает самые значительные места в композиции произведения. Примером этого излюбленного в византийской живописи приема⁹ может служить мозаика «Перепись населения» в Кахрие Джамии (XIV в.). Оба введенные здесь по краям композиции здания повернуты так, что правое живописец изображает как бы находясь справа от него; левое строение он представляет, располагаясь слева. Горизонтальные линии, образующие эти здания, если их мысленно продолжить, сойдутся на фигурах переписчиков населения, на которые, по мысли художника, зритель должен прежде всего обратить внимание. Таким образом перспективные сокращения подводят взгляд зрителя к фигурам писцов. Этот прием выделения центрального элемента композиции с помощью перспективных изменений статичного антуража аналогичен другому, не менее распространенному в византийской живописи способу. Он состоит в том, что значительность центральной фигуры отмечается с помощью обращенных к ней фигур второстепенных персонажей. Ракурс боковых фигур создает движение, направляемое к центру изображения. В миниатюре Сочинений Иоанна Златоуста Парижской национальной библиотеки Coislin 79, л. 2 verso (XI в.) значительность Никифора Вотаниата подчеркнута не только его центральным положением, но и тем, что к нему поворачивается справа архангел Михаил, а слева — Иоанн Златоуст.

В первом примере неподвижные предметы представлены с разных точек зрения, во втором — фигуры изображены движущимися. В обоих примерах с помощью ракурсных изменений боковых элементов композиции отмечается важность ее центрального элемента. В произведениях византийской живописи, как и во всем средневековом искусстве, фигуры основных персонажей подвергаются меньшим перспективным изменениям, нежели второстепенные изображения.¹⁰

Введение нескольких точек зрения в композицию помогает художнику не только направить внимание зрителя на самое значительное место изображения, но и наиболее полно, всесторонне показать объект. Живописец изображает его не так, как он его видит в тот или иной случайный момент, а как он его знает вообще. Художник всегда стремится сообщить зрителю максимум информации об изображенном объекте. По этой причине средневековые живописцы предпочитают соединять две точки зрения: сверху и с высоты нормального человеческого роста. Скажем, стол всегда представляют так, что зритель целиком видит плоскость его столешницы

⁷ Основные положения, рассматриваемые в настоящей работе на примере памятников византийской живописи, относятся в равной степени к искусству древней Руси, унаследовавшему перспективную систему Византии.

⁸ Отмеченная особенность перспективной системы была определена П. А. Флоренским как «разноцентричность» в изображениях (Обратная перспектива, стр. 383).

⁹ Д. В. Айналов подробно разобрал значение композиционных приемов для раскрытия содержания мозаик Кахрие Джамии (Византийская живопись XIV столетия. Пгр., 1917).

¹⁰ Б. А. Успенский. К системе передачи изображения в русской иконописи. Зап. Тартуск. гос. университета, вып. 181, 1965.

как бы сверху. Это создает возможность показать все предметы, стоящие на столе, расстояние между ними, их расположение. Сами же предметы изображаются художником таким образом, что зритель их видит не сверху, а в прямой проекции. Благодаря этому мы получаем самое точное из возможных представление о форме предмета, его силуэте, не искаженном ракурсом.

Той же задаче передать зрителю максимум сведений о предмете, выявить его сущность подчинен и следующий прием. Довольно часто в византийском искусстве, когда художник изображает евангелиста, читающего евангелие, он обращает кодекс окладом к читающему его евангелисту, и зритель видит целиком листы, на которых написаны первые строки евангелия. Обычно, как в иконе «Евангелист Иоанн» Митилен (XV в.), сам представленный святой смотрит не на зрителя, а на свое писание. Поэтому связь, которая возникает в памятниках византийской живописи между изображенным святым и зрителем, благодаря фронтальному положению первого в данном случае ослабевает и, наоборот, подчеркивается значительность кодекса, на который направлено внимание зрителя. Аналогичным образом развернуты в сторону зрителя свитки в руках патриархов в композиции «Поклонение жертве» в Сопочанах (XIII в.).

В связи с тем что в произведениях византийской живописи отсутствует строго построенное единое перспективное изображение предметов в пространстве, мы лишены возможности точно определить положение горизонта. Его можно наметить только приблизительно. Обычно горизонт завышен. Высокий горизонт не только позволяет лучше изобразить отдельные предметы не заслоняющими друг друга, но и придать композиции особую значительность, репрезентативность.

Характерным примером рассматриваемого явления служит изображение сцены крещения Иисуса Христа. В этой композиции повышенный горизонт позволяет показать реку Иордан, в которой происходит крещение, ее протяженность. Фигура же Иисуса Христа изображается в прямой проекции, не искаженной ракурсом.

Со стремлением передать суть явления связано одновременное введение в композицию внутреннего и внешнего вида архитектурного стаффаж. Сцена, совершающаяся, как известно зрителю из Библии, внутри здания (благовещение, сошествие святого Духа на апостолов, сретение), всегда изображается на экстерьерном архитектурном фоне. Художник стремится дать зрителю самое полное и точное представление о всем здании, в котором происходит событие. Вот почему он изображает главный, характерный, т. е. внешний, вид здания. Этим способом в композиции могут совмещаться два события, которые в действительности можно наблюдать только в разное время. Тем самым художник вносит в произведение живописи длительность времени.

Художественное время имеет большую протяженность. Изображается не момент события, а вся его длительность. Тот же прием введения в изображение длительности времени типичен для тех тем, в которых передается в пределах одной композиции несколько происходящих одно за другим событий. Например, сцена рождения Иисуса Христа включает благовещение пастухам, изображение младенца в яслях, его омовение, поклонение ему волхвов.

Передать сущность явления помогает художнику Византии та система светотени, которую он применяет. Моделируя форму, он никогда не изображает объект освещенным из одной точки. Ведь при определенном источнике освещения могут оказаться в тени самые важные детали изображения и быть освещенными второстепенные. Резкие тени, четкие границы, отделяющие затененные части, могут придать предмету случайную, мгно-

венную характеристику. Рассеянное же освещение способствует передаче постоянной, вечной сущности явления.¹¹

При условном изображении, т. е. при отсутствии воздушной перспективы и многих из принципов линейной перспективы (дальние предметы не уменьшаются в размерах), многоплановость остается единственным средством, которым можно показать соотношение предметов в пространстве. Нельзя согласиться с проводимым в некоторых исследованиях положением, что в византийской живописи нет передачи пространства.¹² Пространство существует, но оно передается с помощью нескольких планов. Обычно это два плана: план фигуры и фон. В сложных же композициях с введением архитектуры возникает многоплановость. Вот почему невозможно считать правомерным утверждение, что архитектура в памятниках византийской живописи выполняет только декоративную роль.¹³ В действительности в композиции средневекового произведения четкие геометрические формы зданий, стоящих один за другим, передают глубину пространства.¹⁴ Например, икона «Троица» музея Бенаки в Афинах (XV в.) имеет три плана. Первый состоит из плоскости пола с поставленной на нем мебелью. Второй план образуют два высоких павильона, фланкирующие композицию справа и слева. Третий план представляет длинная стена, перед которой происходит действие и которая завершается с одной и другой стороны низкими башнями.

В тех же случаях, когда изображаемая сцена не позволяет византийскому художнику ввести архитектурные элементы, он придает четкие геометрические формы пейзажу. Недаром получили такое большое распространение в произведении византийского и древнерусского искусства «лещадные» горки. Прямоугольники «лещадок» помогают создать ощущение глубины, выполняя ту же роль, что и архитектура.

В византийской живописи размер изображенного предмета, в отличие от произведений, построенных по принципу линейной перспективы, не зависит от его положения в пространстве. Византийский художник не знает перспективного сокращения размера предметов, с помощью которого подчеркивается глубина. Размер предмета зависит по преимуществу от его смысловой роли в изображаемом сюжете. Так, в сцене рождения Иисуса Христа в мозаике Палатинской капеллы в Палермо (XII в.) масштабно выделена Богородица. Каждый же из остальных изображенных персонажей имеет меньший размер. Этот размер зависит от положения персонажа на иерархической лестнице христианских святых. Вслед за Богородицей крупнее остальных Иосиф, несколько меньше его волхвы, а затем — прислуживающие при омовении женщины.

Таким образом, средневековые художники обладали своей системой изображения пространства, которая не была отнюдь примитивной. Она служила определенным целям, идейной и эстетической сущности средневековой живописи.

Рассмотренные черты средневековой перспективы связаны также с тем, что иконописец строит свой мир со своим пространством в размерах иконы. Этим он отличен от художников Возрождения и последующих эпох, которые стремятся создать иллюзию реального пространства. В ренессансной живописи размеры показанных предметов не столь важны, так как главное не изображение, а изображаемое. Зритель как бы должен

¹¹ Таким образом, система освещения в византийской живописи противоположна принципу импрессионистов, стремящихся запечатлеть на полотне один преходящий момент.

¹² В. Н. Лазарев. История византийской живописи, I. М., 1947, стр. 30.

¹³ В. Н. Лазарев. Искусство Проторенессанса, I. М., 1956, стр. 145.

¹⁴ Эту особенность архитектуры хорошо поняли итальянские художники эпохи Возрождения, введя в интерьерные сцены изображение пола, покрытого плитам.

забыть, что перед ним картина, и видеть на холсте только повторенную реальность. Икона же важна сама по себе: она объект молитвы, с ней связаны легенды, от нее могут исходить чудеса, она священный предмет. Все изображенные объекты как бы «вложены» в икону, размещены в ней. Расположение объектов в иконе имеет большое значение. Каждая фигура и предмет живут самостоятельной жизнью в произведении средневекового искусства. Их размеры зависят от того, как они размещены в пространстве.¹⁵

Иллюзорное пространство в произведении Ренессанса и следующих эпох соответствует иллюзорности изображения времени. Здесь передается мгновение. Зритель не может перенестись в пространство, показанное художником, не перейдя и в схваченное им мгновение: конкретное пространство соединено с конкретным временем. Икона же не связана с конкретным пространством, а поэтому не изображает и конкретного мгновения. Каждый объект изображается ею «вообще», как таковой, как он существует в вечности.

Разнообразные приемы перспективы были закреплены, а некоторые впервые введены в византийское искусство со сложением и установлением иконографического канона. В палеологовскую эпоху, в XIII—XV вв., значение канона в произведении византийского искусства несколько ослабеваеет. Уже в XV в. возникают совершенно новые, незнакомые каноническому искусству приемы перспективы.

Появление новых черт в перспективной системе средневековой живописи особенно ясно можно проследить на примере произведения искусства XV в. — иконе Государственного Эрмитажа «Сошествие святого Духа на апостолов», которая еще ни разу не упоминалась в литературе по византийскому искусству.¹⁶ Последнее обстоятельство заставляет нас дать ее краткое предварительное описание.

Строго построенная композиция иконы характерна для позднепалеологовской живописи.¹⁷ Икона имеет удлинённый по вертикали формат. Центральная ось делит композицию на две уравновешенные части. Пещера внизу композиции, дверь, повторяющая ее форму, и еще выше золотой фон, в который вписан сегмент неба с лучами, составляют эту ось. С четкими линиями архитектуры и мебели живописно контрастируют фигуры апостолов, расположенные вокруг пещеры. Легкие повороты их голов, почти орнаментальный ритм постановки ног, многочисленные складки одежд, резко ломающиеся или мягко лепящие форму, вносят в композицию оживление.

Умелое использование иконописцем пробелов на ликах, руках и одеждах апостолов напоминает стремление выявить теми же средствами объем в иконе XV в. в соборании Эрмитажа «Георгий и Димитрий». Как боль-

¹⁵ Ярче всего рассмотренная особенность проявилась в романских французских рельефах, например в тимпанных композициях Суйака, Муасака, Везеля.

¹⁶ Инв. номер Эрмитажа I 428. Икона происходит из собрания Н. П. Лихачева, которое поступило в Русский музей, а отсюда частично в Эрмитаж. (См. рукопись «Список икон и предметов, составляющих собрание Лихачева, поступившее в Русский музей Александра III», отдел II, № 60, инв. номер Русского музея 1701). Размер иконы 73,5×46,7 см.

Сохранность иконы довольно хорошая. В некоторых местах видны следы жучка, уничтоженного реставрацией 1964 г. (Реставрационный номер Эрмитажа 8750). Красочный слой и грунт по краям произведения обильно влодь до паволоки. В связи с этим икона была помещена в деревянную рамку. Икона написана на трех досках. Шов соединения двух больших кусков дерева проходит по вертикали в правой части лицевой стороны. Он пересекает изображение антаблемента между колоннами. Третий кусок имеет небольшой размер и расположен в левом нижнем углу иконы. Его покрывает только левкас.

¹⁷ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, стр. 229.

шинство художников XV в., автор рассматриваемой иконы был сильным рисовальщиком, умело передающим сложные ракурсы.

«Сошествие святого Духа на апостолов» Эрмитажа отличается сухой четкостью исполнения. Этому способствует подчеркивание линий, рисующих фигуры и архитектуру; складки одежд, объем которых передают только локальные высветления, орнаментальность прядей волос, ясно определенные грани плави. Большая роль линии, приобретающей нередко орнаментальное значение, вообще свойственна работам XV в. Так, она особенно ясно ощущается в византийской иконе с изображением Пантократора в собрании Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Графичность и сдержанность исполнения связаны в основном с цветовым решением эрмитажного произведения. Краски, наложенные тонкой кистью, локально заполняют отведенные им места, очерченные светлорыжевным контуром. В нижней части иконы красочный слой отсутствует, и это позволяет получить представление о процессе работы. Художник рисовал по белому левкасу охряной линией, а затем накладывал краску, но не успел заполнить ею узкую полосу в нижней части композиции.¹⁸

Одежды апостолов иконы Эрмитажа окрашены зелеными, синими и красно-коричневыми тонами. Ограниченность палитры в их передаче уничтожает представление о пестроты. Голубовато-зеленая архитектура в затененных частях окрашена в темно-зеленый цвет. Состоящий из голубой и синей полос сегмент неба связан с небольшим пространством фона синими лучами и золотыми шраффировками. Царь в центре выделен ярко-красной одеждой. Сильная сторона живописца как колориста заключается в том, что он не боится глубокого черного цвета, которым заполняет все проемы архитектуры. Доминирующее в иконе сочетание красных и зеленых тонов типично для середины XV в. и напоминает цветовой строй иконы «Рождество Иоанна Предтечи» Эрмитажа. Применение в иконе «Сошествие святого Духа на апостолов» золотых шраффировок и минимальная роль, отводимая в ней золотому фону, позволяют отнести ее к концу эпохи Палеологов.

Большое внимание в иконе «Сошествие святого Духа на апостолов» уделено архитектурному декору. Мраморные колонны коринфского ордера поддерживают прямоугольные антаблемента портиков. Импосты колонн имеют вогнутую форму с розеткой в центре. Опоры округлостью своего ствола и базы, декоративностью прожилок мрамора, четкой лепкой акантовых листьев капителей напоминают колонны кивория иконы «Введение Богоматери во храм» собора Хилондарского монастыря на Афоне (около 1370 г.).¹⁹ Орнаменты входа в пещеру и стен, к которым примыкают колонны, построены по принципу отдельно стоящих ов. Декор пещеры имеет широкие расстояния между элементами узора. Тот же мотив разорванных звеньев орнамента повторяется двенадцатью свитками; положенными на убрис царя-космоса на одинаковом расстоянии друг от друга.

Художник эрмитажной иконы «Сошествие святого Духа на апостолов» не был глубоким психологом и тонким портретистом. У всех апостолов он изобразил одинаковые лица, которые отличаются бородами, прическами и

¹⁸ Рисунок, сделанный художником до наложения краски, иногда можно видеть и в произведениях настенной византийской живописи. Пример этого — части фигуры Иисуса Христа во фресках Кахрие Джамии, XIV в. (P. Underwood. Third report of the restoration of the frescoes in the Kariye Camii at Istanbul by the Byzantine Institute, 1956. *Dumbarton Oaks Papers*, XII, 1958, p. 235—256).

¹⁹ S. Radojčić. Die serbische Ikonenmalerei vom XII Jahrhundert bis zum Jahre 1459. *Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft*, Graz—Köln, 1956, S. 79, fig. 20.

Икона „Сошествие святого Духа на апостолов“. Эрмитаж.

расположением морщин. Как обычно в византийском искусстве, иконописец стремился достичь выразительности лица, резко скашивая в сторону глаза. В отличие от художников допалеологовского времени он обратил основное внимание на настроение апостолов. Как все мастера XV в., он создает эмоциональный акцент чисто внешними средствами, добиваясь определенной при этом экспрессии. Основное значение он придает жестам апостолов, выражающих свое отношение к происходящему событию, но также обращает внимание на повороты голов, положение тел и ног.²⁰

Находящийся в центре, справа от зрителя, Павел сидит прямо. У него в руках Евангелие. Его ноги поставлены близко друг к другу, одна выше другой. Он полон строгости и величия. Иначе охарактеризован молодой ученик Иисуса Христа. Он склонил голову и сгорбился, опустив руку на колено. Плавные, текучие линии фигуры наполняют его движение лирической задумчивостью и тихой грустью. Апостол Петр, сидящий слева от зрителя в центре, задумчиво благословляет правой рукой. Прямо сидит рядом с ним седой апостол, положив руки на колени. Его сосед пишет, обратив голову назад. Три ученика Иисуса Христа рядом с ним изображены в момент спокойной беседы. Вся группа торжественно воспринимает происходящее.

Рассмотренные особенности иконы Эрмитажа свидетельствуют о том, что она была создана в позднепалеологовское время или же во второй половине XV в., когда византийские художники в завоеванной турками империи стремились как можно точнее следовать традициям, установленным их предшественниками.

Обратимся же к тому, как использованы в этой иконе XV в. перспективные приемы, возникшие в византийской живописи со сложением иконографического канона, и каковы новые, не знакомые предшествующему искусству черты в построении пространства. Совершенно по-новому для средневекового искусства представлена в иконе архитектура. Ей придается в композиции подчеркнуто большое значение. Ее изображение как бы заполняет и обрамляет всю сцену. Сидящие фигуры апостолов почти не заслоняют ее, но расположены в глубину и среди нее. Здания состоят из двух торжественных портиков справа и слева композиции, соединенных в центре стеной с дверным проемом.

В отличие от икон предшествующего времени изображение архитектуры имеет в своем построении одну точку зрения, единый горизонт и строго соблюденный масштаб, т. е. подчинено законам линейной перспективы. Главная точка схода расположена при этом в проеме двери, над фигурами апостолов.

Но теория перспективы, впервые разработанная итальянскими художниками кватторченто, не была знакома еще автору иконы «Сошествие святого Духа на апостолов». Подобно живописцам Италии треченто, он следовал перспективным законам интуитивно, математические исчисления не были ему известны. Отсюда отход во второстепенных деталях от единого построения, которому он, однако, следует при изображении целого, т. е. всего архитектурного стаффажа. Карниз и примыкающие к нему капители колонн представлены с пониженной точки зрения, базы же даны так, как будто бы зритель смотрит на них сверху. Дверной проем в центральной стене изображен с боковой точки зрения.

В иконе как бы совмещены два изображения: с одной стороны — выполненная согласно правилам линейной перспективы архитектура, с другой — апостолы, скамьи, на которых они сидят, часть пола под их ногами. В последней части композиции соединены, как обычно в визан-

²⁰ Сравни с отсутствием интереса к настроению в иконе той же темы XII в. в Эрмитаже (инв. номер I 8, размер 31.5×18.0 см).

тийских произведениях живописи, две точки зрения. Вся группа дана с повышенным горизонтом, так что фигуры расположены одна над другой. Каждый же из персонажей представлен в прямой проекции, т. е. с высоты нормального человеческого роста.

Однако обе части иконы — архитектура и апостолы — объединяются в единую композицию. Это происходит за счет того, что художник совмещает точку зрения, выбранную им при изображении архитектуры, с той, согласной которой он представляет всю группу апостолов. Она расположена в центре композиции и сильно занижена. Она основная и главная. От нее иконописец отходит только во второстепенных частях композиции, в деталях.

При изображении архитектуры иконописец, как обычно в канонических композициях, предпочитает представлять основной, внешний вид здания, а не его интерьер, который считается второстепенным. Таким образом, изображение действия, происходящего в интерьере, то, что так интересовало итальянских художников, начиная с П. Каваллини,²¹ осталось чуждо автору «Сошествия святого Духа на апостолов».

Последовательное применение линейной перспективы было легче всего ввести первым начавшим интересоваться ею византийским художникам при изображении архитектуры. В этом отношении они повторили опыт своих итальянских собратьев. Четкие объемы зданий, строго прямые, «строящие» линии архитектуры позволяли художнику яснее подчеркнуть свою идею. Икона Эрмитажа не единственный пример того, что византийские живописцы XV в. начинают вводить не просто элементы линейной перспективы, как случайно они это делали до сих пор, но изображать архитектурные постройки согласно ее правилам.²²

Появление линейной перспективы, а не ее элементов, как ранее, — характерная черта византийского искусства XV в., проявившаяся в изображении архитектуры иконы «Сошествие святого Духа на апостолов». Эта особенность, возникшая в позднепалеологовское время, свидетельствует об отходе художников от канонических принципов, одним из которых до сих пор были правила пространственного решения, рассмотренные в работе.

V. Likhatcheva

SOME FEATURES OF PERSPECTIVE SYSTEM IN BYZANTINE PAINTING AND THE HERMITAGE ICON «THE PENTECOST»

In byzantine painting all the main principles of system of perspective such as different views, high horizon, light and shade are canonized. The importance of this canon decreases during the final phase of byzantine history (from 1261 to 1453). At the end of this period there appear new features of perspective. From this point of view of particular interest is the fifteenth century Hermitage icon «The Pentecost». Here the architecture is depicted not according to the elements of the central perspective as before, but according to the system as a whole. The use of the central perspective in the representation of architecture became a characteristic feature of the fifteenth century byzantine painting.

---

²¹ В. Н. Лазарев. Искусство Проторенессанса, стр. 150.

²² Например, на недавно открытой фреске в пареклезии Кахрие Джами, изображающей стоящую перед Богоматерью женщину, подножие и пол представлены согласно правилам линейной перспективы.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ГРУПП СИРИЙСКИХ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ

(По материалам бронзового литья Эрмитажа)

В собрании Эрмитажа имеется ряд литых бронзовых кадил полушаровидной формы, с чрезвычайно грубо исполненными изображениями сцен из Нового завета.¹ Персонажи представленных композиций отличаются укороченными пропорциями, ограничены глубоко врезанными в поверхность металла линиями и как бы составлены из отдельных шарообразных поверхностей. Черты лиц едва намечены и потому с трудом различимы. Фриз с рядом сцен, как правило, ограничен двумя декоративными полосами (вверху и внизу), заполненными гравированным орнаментом.

Подобные кадила имеются в разных музеях мира. Их традиционная датировка — VI—VII вв.²

Специальные исследования этим памятникам посвятили О. Пелка,³ впервые уделивший внимание орнаменту на кадилах, и Г. де Жерфанион,⁴ составивший каталог известных ему предметов. Эти исследователи, учитывая иконографию, детали орнамента и отчасти места находок памятников, связывали такие кадила с Сирией и Палестиной.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что схожие на первый взгляд кадила далеко не однородны и, очевидно, разновременны. Взяв за основу иконографию сцен, их подбор и количество, а также характер орнамента, можно предварительно подразделить известные в настоящее время памятники на три группы. Так, можно выделить группу предметов⁵ (в Эрмитаже имеются два таких экземпляра — ω-123, ω-315 — см. рис. 1 и 2),⁶ на которых представлено всего пять сцен: благовеще-

¹ Инв. №№ ω-123, ω-315, СА-12758, СК-885, СК-7239, 1820/1.

² См.: E. Poeschel. Ein syro-palästinensisches Rauchfass im schweizerischen Landesmuseum. Jahrbuch schweizerischen Museen, Zürich, 1947, S. 67—74.

³ O. Pelka. Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß. Mitteilungen aus dem Germanischen Nationalmuseum, Nürnberg, 1906, S. 85—92.

⁴ G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien et la série des objets similaires. Mélanges Syriens offerts à R. Dussaud, vol. I, Paris, 1939, p. 297—312.

⁵ O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Bd. III, Teil 1. Berlin, 1909, Taf. XLVII, N 970—971; O. M. Dalton. Catalogue of early antiquities and objects from the British Museum. London, 1901, p. 107—108; M. Gerspach. Un bénitier du VIIme siècle. Revue de l'art chrétien, vol. LI, an. 46, sér. 4, Paris, 1903, p. 313; G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, N 18—19; Exposition d'art byzantin à Paris. Paris, 1931, N 750—751; E. Poeschel. Ein syro-palästinensisches Rauchfass, S. 67—74; Early christian and byzantine art. An Exhibition held at the Baltimore Museum of Art, Baltimore, 1947, N 279—180; одно — в Институте истории искусств ГрузССР.

⁶ Кадила ω-123 найдено в 1896 г. в Любече Черниговской губ. и куплено А. А. Бобринским для Эрмитажа (Архив ГЭ, оп. VI, св. 74, д. 16, стр. 26); кадила

ние, рождество, крещение, распятие, жены-мироносицы у гроба; орнамент составлен из волнообразной линии, от которой по обе стороны ответвляются половины пальметок.

Кадила этой группы имеют конусообразную ножку простого профиля, на которой помещена выполненная в технике литья с последующей гравировкой восьмилепестковая розетка. Иконография сцен, представленных на рассматриваемых памятниках, отличается известным архаизмом. Так, в композиции благовещения ангел представлен стреми-

Рис. 1. Кадила. Найдено в Любече Черниговской области. Эрмитаж.

тельно бегущим с поднятыми крыльями, что соответствует раннему иконографическому типу. Также к ранней иконографии относится изображение Богоматери в сцене рождества: она сидит, повернувшись лицом к зрителю, поддерживая левой рукой голову.⁷

Подбор сцен, данный на рассматриваемых предметах, соответствует «паломническому циклу» (так как именно такие изображения имелись на амулах, которые паломники привозили из святых мест) и характерен для памятников VI—VII вв.⁸ В это время данные композиции вошли в число великих праздников,⁹ и именно их чаще всего воспроизводили на культовых предметах массового производства, каковыми и являются кадила.

Ф-315 приобретено Н. И. Репниковым в Феодосии (Акт передачи из ГАИМКа от 25 V 1925).

⁷ G. Millet, Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIVme, XVme et XVIme siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macedoine et du Mont-Athos. Paris, 1916, p. 87, 101—102.

⁸ A. Grabar, Les ampoules de terre sainte. Paris, 1958, Pl. V, XLVII—LII, LV.

⁹ G. Millet, Recherches sur l'iconographie, p. 18—21.

Это обстоятельство, а также архаизм иконографии, возможно, явились причиной того, что такие кадилы датировались большинством исследователей VI—VII вв.

Однако, обращаясь к рассмотрению декора полос, можно обнаружить, что орнамент такого типа не встречается на памятниках VI—VII вв. Зато этот орнамент можно видеть на коптских костяных пластинках арабского времени¹⁰ (некоторые из них имеют надписи арабским курсивом)

Рис. 2. Кадило. Происходит из Феодосии. Эрмитаж.

и на арабских надгробных плитах, которые имеют точные даты (832 г., 833 г., 840 г. и т. д.).¹¹

В византийских рукописях этот орнамент появляется не ранее IX в.¹²

На эрмитажном кадиле (ω-123), принадлежащем к данной группе, имеется арабская надпись: «Благословение от Аллаха». Палеография этой надписи, а также характер самой формулы хронологически соответствуют IX—X вв.¹³

Распространение описанного выше орнамента падает на VIII, особенно на IX в., и именно это время можно считать нижней границей данной группы памятников. Учитывая то обстоятельство, что арабская надпись

¹⁰ O. Wulff. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*, S. 154, Taf. XXVIII.

¹¹ J. Strzygowski. *Mschatta. Kunstwissenschaftliche Untersuchung. Jahrbuch der königlich-preussischen Kunstsammlungen*, Bd. XXV, Berlin, 1904, S. 283, Abb. 59—62.

¹² A. Frantz. *Byzantine illuminated Ornament. The Art Bulletin*, vol. XVI, New York, 1934, Pl. XIII, N 2—5.

¹³ Приношу благодарность Л. Т. Гюзалью за прочтение и палеографическое определение надписи.

не могла быть выполнена позже X в., можно считать эту дату верхней хронологической границей.

Таким образом, если учитывать характер орнаментации и арабскую надпись, то эту группу вероятнее всего следует датировать IX в.

Для другой группы кадил¹⁴ (в Эрмитаже — один экземпляр СА-12758¹⁵) характерно наличие шести сцен: благовещение, встреча Марии и Елизаветы, рождество, крещение, распятие, жены-мироносицы у гроба. Характер передачи фигур и заполнения поверхности, а также иконография почти тождественны той, которая определяет памятники первой группы.

Как и в первом случае, существенное значение для датировки имеют декоративные полосы с орнаментом, обрамляющие фриз с фигурными сценами. На кадиле СА-12758 в верхней части расположены две такие полосы: одна из них, самая верхняя, включает бордюры из трилистников, другая, несколько ниже, заполнена тесно примыкающими друг к другу концентрическими дужками. Внизу, при переходе от ножки к тулову, имеется полоса, состоящая из вписанных друг в друга треугольников: поле каждого треугольника верхнего ряда заполнено пунктиром, а нижнего — одним большим кружком, помещенным в центре. Кадило имеет конусообразную ножку, украшенную гравированным орнаментом, состоящим из сильно стилизованных растительных побегов; на дне — рельефный равноконечный крест с большими бусинами на концах. Два других памятника, почти тождественные эрмитажному, имеют следующие незначительные отличия: на кадиле из Берлин-Далема нижний бордюры составлен из сильно деформированных треугольников, которые не создают столь ярко выраженного рисунка, как это можно видеть на нашем предмете; на кадиле из музея г. Бруклина верхний бордюры из трифолиев заменен рядом треугольников, а ряд из концентрических дужек повторен дважды, вверх и вниз.

При определении территории, откуда происходит эта группа предметов, важны следующие соображения. Иконография сцен почти тождественна той, которую можно видеть на таких широко известных памятниках, как ампулы Монцы. Сиро-палестинское происхождение последних в настоящее время считается общепризнанным. Существенным подтверждением сирийского происхождения данной группы предметов является факт находки одного из памятников в с. Ургут. Важно отметить, что этот центр и прилегающие к нему территории издревле были известны как места христианских поселений.¹⁶ По свидетельству Ибн-Хаукаля, несториане (известно, что основным толком христианства, распространившегося в Средней Азии, было несторианство¹⁷) имели здесь церковь и монастырь. Северо-западнее Ургута были найдены христианские граффити с изображениями креста и сирийскими надписями.¹⁸ Упомянутый несторианский монастырь существовал еще и в X в.¹⁹ В XI в. в Самар-

¹⁴ O. Wulff, *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*, Taf. XLVII, N 969; *Early christian and byzantine art*, Pl. XLI, N 281.

¹⁵ Кадило было приобретено 20 VIII 1916 у самаркандского торговца Давуда Мирзэб Мехди Юсупова. По его словам, оно было найдено летом 1916 г. в с. Ургут (Книга для записывания предметов, поступивших в отделение эпохи Возрождения и Средних веков императорского Эрмитажа, № 7824, стр. 104—105).

¹⁶ В. В. Бартольд. Еще о христианстве в Средней Азии. Собр. соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 315.

¹⁷ F. Nau. *L'expansion néstorienne en Asie*. *Annales du Musée Guimet*, vol. XL, Paris, 1913, p. 245—249.

¹⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Гл. I. Географический очерк Мавераннахра. Собр. соч., т. I, М., 1963, стр. 145.

¹⁹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Гл. II. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах. Собр. соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 122.

канде, вблизи которого находился Ургут, продолжала существовать несторианская метрополия.²⁰

Приведенные данные и особенно тот факт, что вблизи Ургута были найдены сирийские граффиты, могут явиться подтверждением сирийского происхождения нашего кадила, следовательно, и всей группы близких ему памятников.

Традиционная датировка (VI—VII вв.), как и в случае с уже рассмотренной группой, не представляется бесспорной. Для выяснения даты следует обратить внимание на некоторые элементы декора полос. Поскольку восточное, точнее, сирийское, происхождение данного предмета очевидно, в качестве аналогий могут быть привлечены изделия из металла: византийские, сасанидские и постсасанидские.

Как было отмечено, иконография изображений на нашем кадиле вполне могла бы указывать на VI—VII вв. Однако есть некоторые элементы декора, которые не соответствуют этой дате. Прежде всего следует подчеркнуть, что орнамент помещен на пунктированном фоне (фон, покрытый кружками). Такое применение пунктира не встречается на византийских и сирийских памятниках VI—VII вв., оно становится характерным лишь с конца VII в. для постсасанидских изделий и для украшений пришедших с востока кочевников, датированных археологически VIII—X вв.²¹ Проникновение этого приема в Сирию не могло произойти ранее VIII в. Таким образом, применение пунктира для разделки фона указывает на VIII в. как на нижнюю дату данной группы предметов.

Раскрытие даты помогает рассмотрение орнамента, заполняющего декоративные полосы. Орнамент второй полосы состоит из концентрических дужек. Подобная стилизация античного киматгона получила распространение в искусстве стран Ближнего Востока. Речь идет о мотиве, появившемся еще в VI—VII вв., но применявшемся в восточной и византийской торевтике и в более позднее время.²² Орнамент в виде двух рядов вписанных друг в друга треугольников, из которых один ряд заполнен пунктиром, встречается на восточных памятниках не ранее VIII в.,²³ а на украшениях кочевников — не ранее IX в.²⁴

Таким образом, декор орнаментальных полос и пунктированный фон указывают на VIII—IX вв. как на предполагаемую нижнюю дату. Для выяснения верхней границы необходимо остановиться на ряде других предметов, условно отнесенных нами к третьей группе. В последнюю входят предметы, имеющие изображения не 5—6 сцен, а несколько более — до 9 сцен.²⁵ Появляются еще композиции: поклонение волхвов, благовеще-

²⁰ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Зап. Вост. отд. Русского археол. общества, т. VIII, вып. 1—2, СПб., 1894, стр. 23.

²¹ Л. Г. Нидерле. Из могильника в Старом Месте на Мораве. *Seminarium Kondakovianum*, III, Прага, 1929, стр. 41—44, табл. IX, № 2; K. V e n d a. *Stříbrný terč se Sokolníkem ze Starého Města u Uherského Hradiště. Památky Archeologické, Ročník LIV, Praha, 1963, 41—66; J. Poulík. Kostbare Grabfunde aus der Zeit des Grossmährischen Reiches. Alte und moderne Kunst, H. 85, Wien, 1966, S. 20—26, Abb. 1d, 8, 17—18, 19b.*

²² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 48, 52—53, 55; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. CV, № 89; А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. Визант. временник, XIV, 1958, рис. 6; Г. Н. Чубинишвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, табл. 14, 15, 18—20, 24 и др.

²³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. LXV, № 113.

²⁴ K. V e n d a. *Stříbrný, fig. 12.*

²⁵ *Catalogo del Museo Nazionale di Firenze. Roma, 1898, p. 35, N 241; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Taf. XLVII, N 967—968; G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, N 22; G. Maspero. Un encensoir copte. Annales du Service des Antiquités, 1908, p. 148—149, pl. I—IV; Н. П. Кондаков. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1881, стр. 233, № 9; Материалы по археологии Кавказа, вып. X, 1904, стр. 145—146.*

ние пастухам, вход в Иерусалим, неверие Фомы. Уже по самому подбору сцен эта группа, вероятно, будет не ранее X в., если учитывать два обстоятельства, а именно, что на таком массовом материале, как кадила, изображались наиболее чтимые сцены, а также то, что праздничные сцены «Вход в Иерусалим» и «Неверие Фомы», хотя и известны еще на раннехристианских памятниках, но не ранее X в.,²⁶ были отнесены к числу великих. Следует заметить, что эти предметы имеют и известные стилистические отличия: фигуры переданы очень мелкими дробными плоскостями, каждая из которых нередко орнаментально разработана; усложняется профиль ножки, вокруг которой часто располагаются медальоны с изображениями двенадцати апостолов.²⁷ Орнаментальные полосы на предметах этой группы занимают незначительную часть поверхности; бывает, как правило, одна такая полоса, которую заполняют разного вида пальметки или кружки с крестиками. Вполне возможно предположить, что этот тип кадила приходит на смену двум другим, описанным выше. Видимо, с X в. появляется новый тип памятников: с большим подбором сцен, с более упрощенной орнаментацией и более мелочной разделкой поверхности. Предположительно можно считать X в. верхней границей второй группы. Приняв во внимание сказанное, можно считать VIII—IX вв. наиболее вероятным временем возникновения последней. Эта приблизительная дата косвенно подтверждается некоторыми соображениями, касающимися входящего в эту группу ургутского кадила. В VIII—IX вв., особенно в период понтификата патриарха Тимофея I (760—823 гг.), усиливается миссионерская деятельность несторианского духовенства.²⁸ Следовательно, именно в это время в несторианских монастырях Средней Азии, в том числе и в монастыре близ Ургута, мог наблюдаться приток различных литургических предметов, доставлявшихся из Сирии. Возможно, не случайно на дне кадила из Ургута изображен рельефный равноконечный крест, имеющий форму, весьма распространенную в несторианских кругах: стоит вспомнить крест на стеле из Си-нган-фу²⁹ или на несторианских надгробиях из Средней Азии.³⁰ Сочетание креста такой формы с вполне обычной православной иконографией не должно смущать, так как известно, что несториане не создали своей иконографии и в халдейской церкви в средние века продолжала жить древняя иконографическая традиция.³¹

Уже было отмечено, что в третью группу вошли в основном кадила, имеющие более шести сцен и отличающиеся по стилю от памятников, рассмотренных выше.

Предметы третьей группы неоднородны. Учитывая стилистическую общность и места находок, можно наметить отдельные локальные подгруппы: коптскую, армянскую, возможно крымскую. Подобные предметы

рис. 72—73; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении. Ереван. Т. I, 1958, табл. XVI, XVIII; т. II, 1964, табл. XXVI, XXXI; два — в Историческом музее Грузии; М. С. Ross. Byzantine bronze. Arts in Virginia, vol. 10, N 2, Richmond, 1970, p. 40.

²⁶ G. Millet. Recherches sur l'iconographie, p. 19—21.

²⁷ См.: G. Maspero. Un encensoir copte, Pl. I—IV; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Taf. XLVII, N 967; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, рис. 27—27а.

²⁸ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане, стр. 10; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. Проблемы востоковедения, № 5, 1959, стр. 168.

²⁹ J. Strzykowski. L'art chrétien de Syrie. Paris, 1936, pl. III.

³⁰ П. К. Кокорцев. Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии. Изв. Академии наук, сер. VI, № 12, 1907, стр. 427—458, табл. I—II.

³¹ J. Dauvillier. Quelques temoignages littéraires et archéologiques sur la présence et sur le culte des images dans l'ancienne Eglise chaldéenne. L'Orient syrien, vol. I. N 3, Paris, 1956, p. 303.

продолжали изготовляться и на территории самой Сибири. К последним может быть отнесено кадило, найденное в Камехлие, в районе Мосула.³² На этом предмете представлено одиннадцать сцен: благовещение, встреча Марии и Елизаветы, рождество, благовещение пастухам, поклонение волхвов, крещение, въезд в Иерусалим, распятие, жены-мироносицы у гроба, неверие Фомы, вознесение. Для всех изображений характерно сильное измельчание формы, фигуры дробятся глубокими бороздами на множество мелких делений. Данный памятник попадает в ту группу, которая отнесена ко времени позже X в. Верхняя граница пока остается спорной, поскольку старые модели воспроизводились и такой тип кадил мог долго существовать.

Среди рассматриваемых памятников самым поздним является коптское кадило XIV в., происходящее из Дейр-Амба Шенудах около Сохада.³³ На кадиле имеются следующие изображения: благовещение, рождество, бегство в Египет, распятие, основание церкви гроба господня Константином и Еленой. При переходе от ножки к тулову — двенадцать медальонов с изображениями апостолов. На бортике помещены равноконечные кресты с расширяющимися концами и коптская надпись, из которой следует, что данный предмет является ex-voto некоего человека, который передал данный предмет в монастырь. Посвятитель был сыном дьякона Иоанна. По мнению Г. Масперо, надпись выполнена на мемфисском диалекте и эпиграфические особенности указывают на XIV в. Этот пример показывает, как долго бытует в несколько измененном виде данный тип кадил.

Значительное число памятников было найдено на территории Армении.³⁴ Ряд предметов происходит из раскопок храма св. Георгия в Ани. Эти кадила не представляют единой группы. Одно из них (№ 1265) стилистически и иконографически входит в первую группу памятников, которую мы отнесли к IX в. Другие предметы стилистически весьма своеобразны и образуют обособленную подгруппу. К этой подгруппе близко кадило из Эрмитажа, найденное в Закатальском округе. На данных памятниках представлено шесть сцен. Орнаментальные полосы отсутствуют, только на одном кадиле можно видеть слабый намек на стилизованный растительный орнамент. Огрубление формы достигает пределов. Характерен орнаментальный подход к изображаемому: мастера стремились покрыть орнаментом все выступающие части поверхности. Так, например, в сцене распятия³⁵ фигуры разбойников превращены в маленькие (почти треть фигуры Христа) столбики, покрытые орнаментом в виде елочки и увенчанные квадратной головкой со слегка намеченными чертами. Часто используется орнамент в виде волнистой линии, которая декорирует крылья голубя в сцене крещения и одежды Богоматери и Иоанна в сцене распятия.

Не останавливаясь специально на данных памятниках, следует отметить их большое своеобразие, что выделяет их в особую группу, относительно которой можно согласиться с Б. Н. Аракеляном, считающим их местными армянскими изделиями XI—XIII вв.

³² G. de Jerphanion. Un nouvel encensoir syrien, p. 297.

³³ G. Maspero. Un encensoir copte, p. 148—149; кадило, аналогичное изданному Г. Масперо, было на выставке коптского искусства в Париже (L'art copte. Petit Palais, Paris, 1964, N 128).

³⁴ Кадила, происходящие из раскопок круглого храма св. Григория в Ани, хранятся в Историческом музее Армении, см.: Н. Я. Марр. Краткий каталог Анийского музея. СПб., 1906, стр. 25; Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении, т. I, табл. XVI, XVIII; т. II, табл. XXVI, XXXI; кадило, найденное в Закатальском округе близ с. Казмалар в 1886 г., поступило в Эрмитаж из Археологической комиссии (отношение № 774 от 1887 г.; дело А. К. 1887-14, ст. № 7101).

³⁵ Б. Н. Аракелян. Города и ремесла Армении, т. II, табл. XXXI.

Ряд кадил третьей группы происходит из Крыма.³⁶ Возможно, это также некие локальные варианты, продолжающие древние традиции.

Все рассмотренные памятники далеко не однородны как в отношении времени их изготовления, так и места их производства.

Сирийское происхождение наиболее древних экземпляров очевидно. Они (первая и вторая группы) датируются нами предположительно IX в., но их иконографическая связь с сиро-палестинскими памятниками VI—VII вв. несомненна. Видимо, данный тип предметов сложился именно в это время, но наиболее древние экземпляры до нас не дошли. Возможно, к последним, если учесть иконографию и орнамент, имеющий прямые параллели в сирийских каменных рельефах V—VI вв. и в миниатюрах кодекса Равулы, могли бы относиться кадило, хранившееся в Нюрнберге,³⁷ и кадило, происходящее из монастыря Мидиат близ Амиды.³⁸

Большинство же рассмотренных памятников являются не столько древними, сколько воспроизводящими древние образцы. Часть из них действительно происходит из Сирии, а другая — представляет локальные варианты сирийских образцов.

V. N. Zaleskaya

SUR LA DÉFINITION DE LA DATE DE QUELQUES GROUPES D'OBJETS SYRIAQUES ECCLESIASTIQUES

(les bronzes de l'Ermitage)

Dans la collection de l'Ermitage se trouvent six encensoirs demisphériques ornées de représentations des scènes du Nouveau Testament (ω-123, ω-315, CA-12758, CK-885, CK-7239, 1820/1).

Nous divisons ces objets en trois groupes qui se distinguent par le caractère de l'ornementation, des traits stylistiques et du groupement des scènes.

I gr. L'ornement en forme d'une ligne ondulatoire de laquelle s'écartent des demi-palmettes (ω-123, ω-315).

II gr. L'ornement composé de triphylles, du kymation et de triangles. Le nombre des scènes sacrées dans les deux groupes est identique (C'est l'Annonciation, la Rencontre, la Nativité, le Baptême, le Crucifix, les saintes femmes au tombeau) et correspond avec le cycle soi-disant des pèlerins.

III gr. L'ornement occupe très peu de place. Le nombre des scènes représentées augmente jusqu'à neuf. Dans ce groupe on peut indiquer des variantes locales: transcaucasienne (CK-885, CK-7239), égyptienne, provenant de Crimée (1820/1).

L'analyse de l'ornementation des deux premiers groupes d'encensoires date ces objets du VIII—IX ss. Les traits iconographiques et stylistiques des objets du troisième groupe montrent que la date ante quem est le X-ème siècle.

Tous cela réduit à la conclusion que les monuments examinés ne sont pas du VI—VII ss. (date traditionnelle), mais qu'ils reproduisent des modèles anciens.

---

³⁶ Н. П. Кондаков. Указатель, стр. 233, № 9; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV, стр. 34—35, рис. 27—27а, 28—28а.

³⁷ O. Pelka. Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß, S. 85—92, Taf. IV—V.

³⁸ S. Pétridès. Un encensoir syro-byzantin. Echos d'Orient, t. VII, Paris, 1904, p. 148—151.

ПЕХЛЕВИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Материалы к истории отношений Ирана и Византии на рубеже IV—V вв. пополнились теперь хотя и весьма скромным, но вместе с тем очень интересным документом. В Стамбуле летом 1964 г. во время археологических работ на территории Педагогического училища в квартале Джапа сотрудник Археологического музея Н. Фиратли нашел каменный саркофаг древневизантийского типа, на крышке которого начертана пехлевийская надпись — эпитафия, состоящая из двух строк и приписки над первой строкой. В ходе раскопок, которые проводились на протяжении нескольких лет, было установлено, что в этом районе находилось византийское кладбище. Оно было закрыто, как предполагают, при сооружении стены Феодосия, что позволяет датировать надпись временем не позже 430 г.¹

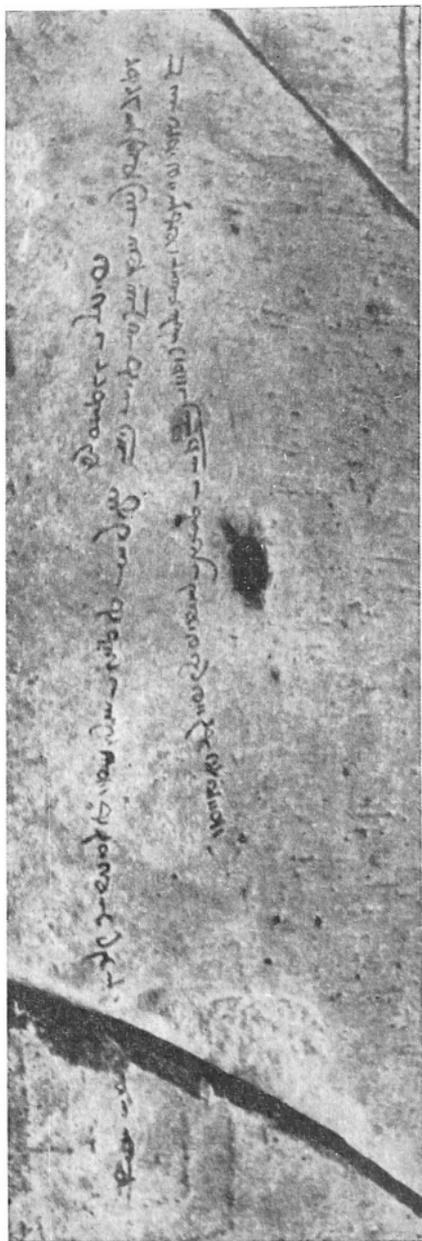
Замечательно письмо надписи. Пехлевийский книжный курсив, которым она написана, с таким изумительным мастерством воспроизведен резчиком, что строки, начертанные на камне, производят впечатление написанных искусным писцом на мягком материале. Сходство надписи с рукописным документом придает ей исключительное значение в истории пехлевийского книжного письма. В ней есть некоторые архаизмы (у буквы k отсутствует петля, s имеет лишь одну форму, p — начальную и среднюю формы, буквы типа 'h и g/d пишутся подряд, без соединительной дуги) и некоторые особенности (например, способ соединения n и 'h к стволу m), но в остальном она написана типичным пехлеви с элементами скорописи. Последнее особенно важно, поскольку надпись датируется таким ранним периодом, как рубеж IV—V вв.

Необычайно интересна надпись и по содержанию. Она посвящена памяти христианина, выходящего из пределов Ираншахра — Иранского государства, скончавшегося в Константинополе. В первой строке приведено имя покойного (поверх строки добавлено имя его отца), названы государство, округ, деревня, откуда он происходил. Во второй строке указана продолжительность (год или три года) его пребывания в Византии, сказано в ней и еще несколько слов. Эти слова, ниже можно видеть, как по-разному их читают и интерпретируют, составляют труднейшую часть надписи. Особенно же трудны здесь для прочтения два неперсидских, сирийских слова, соединенных персидским изафетом. Де Менаш,² первым исследовавший надпись и установивший ее чтение и содержание,

¹ Надпись опубликована: Istanbul arkeoloji müzeleri yilligi. Annual of the Archaeological Museums of Istanbul, 1966, № 13—14, p. 118—120.

² J. P. de Menasce. L'inscription funéraire pehlevie d'Istanbul. Iranica antiqua, vol. VII, 1967, p. 59—71.

ограничился переводом персидских слов данного места, приведя оба сирийских лишь в условной транслитерации — b'l'nt' у mysddb. Значительный вклад в истолкование надписи внес Нюберг,³ указавший, что захоронение в саркофаге и слова надписи, соответствующие теперешнему персидскому выражению *xudā-yaš biyāmurzad* «да простит его господь», свидетельствуют о том, что похороненный был христианином. Он предложил также полный перевод трудного места надписи, но его нельзя принять, поскольку сирийское слово, оканчивающееся на -t' (в том, что в исходе слова находится -t', сомнений нет), он представляет с окончанием на -kn' и с начальным p-, тогда как в надписи это слово начинается с b-. Вслед за Нюбергом надпись читал Жиньу.⁴ Его увлекло сходство сирийского слова надписи в его чтении b'l'wt' *balāutā с отмеченным в Словаре Пейн-Смита сирийским произношением *bālāutā*, собств. *bolouṭo*, греческого титула *βουλευτής* «советник». Он подчинил этому титулу интерпретацию окружающих слов, и получилось, что покойный оказался в Византии во исполнение желания и просьбы «советника Мёзии». Какое-то странное появление постороннего лица в эпитафии, составитель которой явно стремился сообщить о покойном исчерпывающие данные: эта могила такого-то, сына такого-то, происходящего из Ираншахра, из округа *čk'n*, из деревни *'št*, который находился один год/три года в Византии...; после столь точных сведений ожидалось бы, что читатель узнает из дальнейшего также о том, кем был и чем занимался покойный, но неожиданно, если удовлетвориться переводом Жиньу, далее идет речь о каком-то безымянном «советнике Мёзии, справедливом и победоносном», исполняя волю которого неизвестно чем занимавшийся выходец из Ирана длительное время пребывал в Византии. Видимо, в надписи все же нет слов b'l'wt'

³ H. S. Nyberg. L'inscription pehlevie d'Istanbul. *Byzantion*, t. 38, 1968, p. 112—122.

⁴ Ph. Gignoux. A propos de l'inscription pehlevie d'Istanbul. *Le Muséon*, t. 82, 1969, p. 443—449.

Ymysy' «sénateur de Mésie». На их месте я предлагаю читать b'ḥwt' ZY mḥsyud (см. ниже).

Ниже приводится надпись в чтении де Менаша (А), Ньюберга (В) и Жинью (С).

А

- (1) pwsł y 'whrmzd'fryt
  - (2) ZNH gwr hwr..t r'd 'YT 'YKš MR'Ḥ BR' 'mwrc'd MN m'n y 'yr'n štr MN rwtst'k crk'n [MN M]T' 'št
  - (3) 'YK 'y (ou:3) ŠNT' p'' 'wmyt xw'st'ryh krt °D b'l'nt' y mysddb y r'st pyrc p'' rwm BYN YHWWNt
  - (1) pusar i Ohrmazdāfrit
  - (2) ēn gōr ..... rād hast ku.š xvatāy bē āmurzād hac mān i Ērān Šahr hac rōtastāk Carkān<hac deh>Ašt
  - (3) ku.ē (ou:sē) sāl pat ōmēt xvāstārih kart tā b'l'nt' i mysddb i rāst pir.c pat Rōm andar būt
1. Fils d'Ohrmazdāfrit
  2. ce tombeau est pour.....que le Seigneur l'ait en miséricorde, du pays d'Ērānšahr, du district de Carkān, du village d'Ašt,
  3. où, durant un an (ou: trois ans) il fit avec espérance œuvre pacifique, jusqu'à ce qu'il se trouvât à Rome ... .. juste et vieillard (ou: ancien).

В

(Titre) pwsł ZY 'whrmzd plyt

- (1) ZNH gwl hwł't l'd 'YK-š MRWḤ(Y) 'mwlc'y MN m'n ZY 'yl'n štr' MN lwtst'k clk'n (MN) (M)T' 'št
- (2) 'YK 60(!) ŠNT' PWN 'wmyt' 'w'st'lyh krtn ZY B'L'WKN' MSY'Y ZY l'st pylc PWN lwm BYN YHWWNt'

pusar i Ohurmazd-āfrit

- (1) ēn gōr hurāt rād ku.š xvatāi āmurzāi hac mān i Ērān-šahr hac rōtastāk *Carakān hac deh *Ašt
- (2) kū 60 sāl pat ōmēt avāstārēh kartan i PĀRŌQAN(Ā) MAŠĪĀI i rāst pir-ic pat Rōm andar būt.

Le fils de Hormezd-āfrit:

- (1) Ce tombeau est pour le bienheureux — que le Seigneur l'ait en miséricorde! — qui était du pays d'Ēran-chahr, du district de *Tcharakan, du village ce *Acht,
- (2) qui pendant 60 ans — espérant que notre Sauveur Messie le Juste le marquerait de son sceau — fut prêtre à Rome (= Byzance, Constantinople).

С

pwsł Y 'whrmzd'plyt

- (1) ZNH gwl *ḥwl(d't) l'd 'YT 'YKš MR'Ḥ BR' 'mwlc'y MN m'n Y 'yl'nštr' MN lwtst'k clk'n [MN] [M]T' 'št
- (2) 'YK HD ŠNT' PWN 'wmyt W ḥw'st'lyh krtn' Y b'l'wt' Y mysy' Y l'st W pyl(w)c PWN lwm BYN YHWWNt'

- (1) ēn gōr Xordād rāy ast kū-š xvadāy bē āmurzā az mān i Erānšahr az rōdistāg *Caragān az deh *Ašt
 (2) kū ē(v) sāl pad ummēd ud xvāštārih kardan i *bālāutā i mēsyā i rāst ud pērōz pad Rōm andar būd

fils d'Ohrmazd-āfrīd

- (1) Ce tombeau est pour Khordād, que le Seigneur lui fasse miséricorde, du pays d'Erānšahr, du district du Caragān, du village de Ašt,
 (2) qui pendant un an, demeura à Rome (Byzance), pour réaliser l'espoir (= le projet) et la demande du sénateur de Mésie, juste et victorieux.

В приведенных транслитерациях отразились различные взгляды на то, как передавали изафет в пехлевийской письменности. В сасанидских надписях и в Псалмах изафет обозначен идеограммой ZY. В книжном пехлеви, в том числе и в надписях, для изафета используется лигатура, скорописный знак, такой, как в данной надписи, или в форме лунки. В надписи у креста из южной Индии употреблены два знака: лунка и тильда. В форме тильды и лунки ZY пишется также в надписях, происходящих из Tang-i Sarvak и из Shimbār.⁵ Нет никаких оснований считать, что под этими скорописными знаками скрывается что-нибудь иное, кроме ZY. Поскольку, однако, в книжном пехлеви ZY применительно к союзу i, вводящему придаточное предложение, сохранилось в полном написании, приходится различать скорописное ZY — лигатуру и ZY в полном написании. Лигатуру можно передавать в виде Z(Y), поскольку утратилась вторая буква — Y, как и в идеограмме для местоимения 1-го л. ед. ч. man L(Y); что же касается буквы Z, то в данном случае она имеет форму, которая находится в ZNH, 'whrmzd.

В том, как написано и. сб. 'whrmzd'plyt, есть нечто от «пехлевийского шекесте»: в сочетании lyt линия от l идет вниз и в форме тильды с острой вершиной упирается в основание ствола буквы t, выписанной движением руки снизу вверх; буквы zd' расположены подряд, без соединительной дуги, они переходят непосредственно в завиток p; в 'w, hr буквы 'h, лишённые зубчиков, мягко, с закруглением переходят в линию ствола w, r. Заслуживает внимания группа букв zd'. Для zd' должны быть выписаны четыре зубчика. Но между m и r ясно видны только три зубчика, обращенные остриями вверх, четвертого зубчика нет. Де Менаш считает, что алеф наполовину поглощен петлей буквы p. По мнению Нюберга, алеф пропущен, он транслитерирует: 'whrmzd plyt. Я вижу буквы zd' в следующих начертаниях: линия петли m резко опускается книзу и далее под прямым углом протягивается к первому зубчику — поворот линии под прямым углом влево, и первый зубчик я принимаю за zd, остающиеся два зубчика приходятся на алеф. Такой же переход линии петли m, чуть приспущенной книзу, под прямым углом к следующему зубчику повторен в строке 2, в девятом слове: между буквами m и s в нем помещен не один зубчик, а два за счет угла, расположенного вплотную к петле m, и зубчика с острой вершиной с левой стороны. Между m и s я читаю не y, а h, а все слово как mhšyud (см. ниже). Слова pwsł ZY 'whrmzd'plyt были внесены в надпись и расположены над первой строкой, к тексту которой они относятся, уже после того, как вся надпись была вырезана. Отсюда и

⁵ См.: A. D. H. Bivar and S. Shaked. The inscriptions at Shimbar. BSOAS, XXVII, 1964, p. 270.

более крупный шрифт в pwsI, и свойственный личным подписям курсив в имени собственном.

К и. сб. Xōrdād можно добавить чтение Xvarzād, поскольку в надписи нет z иной формы, чем в ZNH и 'whrmzd. Xvarzād объясняется из Xwarza-zāta с выпадением -za-, ср. авест. и. сб. hvarəz- Air. Wb. 1850. Представляется, что перед сочетанием букв из трех зубчиков есть еще один зубчик, плотно прижатый к середине ствола l; возможно, писец внес здесь пропущенную букву. В этом случае между l и t находятся не три, а четыре зубчика и и. сб. читается ḥwlzd't Xvarzdād из Xwarza-dāta.

Форма 'mwlc'd не поддается объяснению, если ее относить к 3-му л. ед. ч., тем более что единственно возможным ее чтением является āmurzāy. У этого глагола в засвидетельствованных случаях причастие, инфинитив имеют в исходе суффикс -id(an), ср. пехл. 'mwlc'yt'n', псалм. 'mwlc'yt, н.-п. āmurzidan. Но допустима также диалектальная форма с исходом на -ād(an): āmurzād(an), ср. тадж. aftidan и aftādan «падать». Основа настоящего времени от āmurzādan «прощать» взята составителем надписи в форме 'mwlc'd āmurzāy по типу основы 'phš'd араб. хшāу «смиловаться», «проявить милосердие». Последний глагол в контексте, подобно нашему, употребляли во 2-м л. ед. ч. повелит. накл., ср. 'phš'd(m)n MDM MR'ḤY Ps. 122, 3 «помилуй нас, господи», MR'Ḥmn mšyḥ' 'phš'd MDM ... (надпись у креста из южной Индии) «господи наш, Иисусе, смилуйся над...». В выражении -š MR'Ḥ BR' 'mwlc'd -š xvādāy bē āmurzāy также употреблена форма 2-го л. ед. ч. повелит. накл.: «прости его, господи». В новоперсидском 3-е л. ед. ч. в этом выражении — xudā-yaš biyāmurzād, xudā biyāmurzad-aš—появилось под влиянием араб. raḥimahu-l-lāhu.

Трудно согласиться с тем, как прочитано слово, находящееся между MN и 'yl'nštr'. Сочетание букв 'n/ḥw/'w можно видеть в ḥwl[z]d/z't, 'yl'n, čk'n, 'wmyt, ḥw'st'lyḥ, b'l'/ḥwt': зубчики 'ḥ в них выписаны резко, соединительная черта 'ḥ упирается в ствол w/n чуть ниже его верхнего края. Иначе написаны 'w, ḥr в 'whrmzd'plyt. В слове, стоящем перед 'yl'nštr', которое читают m'n, сочетание букв, следующих за m, не походит ни на 'w в 'wmyt, ни на 'w в 'whrmzd'plyt. Петля m соединена чертой с двумя зубчиками, далее линия, наподобие соединительной, опускается вниз и таким же образом, как и в 'w/ḥr, в 'whrmzd'plyt, но с большими наклоном и закруглением, переходит в ствол w/n. Я вижу в этом слове не три буквы — m'n, а пять — myd'n; алеф изображен без зубчиков, в форме простой черты, как 'ḥ в начале 'whrmzd'plyt. Слово m'n «дом», «жилище» не подходит к контексту, и выражение аз mān ī Ērānšahr не означает «du pays d'Ērānšahr». В сирийском в названиях стран, областей, районов, образованных с baitā «дом», в качестве второго компонента выступают наименования народов, племен, лиц, нарицательные имена существительные, но не представлены сочетания baitā «дом» с названиями государств, стран, калькой с которых явился бы оборот аз mān ī Ērānšahr. В среднеперсидском переводе Псалмов (135: 11) miyān «середина» встречается в следующем контексте: 'Pš BR' ḤYMYWNt 'dyl' MNšn myd'n «и вывел И(зра)иля из его (букв. их) пределов (из пределов Египта)». Здесь аз miyān «из (пределов)» передает сир. mn bynthwn (= евр. mittōk). Трудно сказать, был ли предлог аз miyān ī «из (пределов)» свойствен языку писавшего или же над ним тяготели переводы библейских текстов. И то и другое возможно. Вместо аз mān ī Ērānšahr я читаю MN myd'n ZY 'yl'nštr' аз miyān ī Ērānšahr «из пределов Ираншахра».

В графеме, стоящей перед ŠNT' sāl «год», де Менаш усматривает два значения: числительного «один», написанного фонетически — 'y, и

цифры 3, собственно III; Ньюберг — цифры 60; Жиньбу — числительного «один», переданного идеограммой HD ēv. В том, что следует эту графему читать HD (не 'у), прав Жиньбу, сославшийся на соответствующие места из надписей Картира.⁶ Значение 60 отпадает по графическому несходству, но значение тройки остается в силе, поскольку в надписи № 3 из Дербента единицы изображены таким же способом.⁷ Приходится в этом месте надписи учитывать обе возможности понимания: HD/III ŠNT' ēv/III sāl «один год/три года». Жиньбу соединил 'wmyt' и hw'st'lyh союзом ('wmyt W hw'st'lyh), как однородные члены. По-моему, PWN 'wmyt' имеет самостоятельное значение и выполняет роль обстоятельства «с надеждой», «в надежде». Изафетная цепь, следующая за PWN 'wmyt', также представляет собою обстоятельственный член предложения, который введен инфинитивом цели hw'st'lyh krtn': «он один год/три года находился в Византии в надежде (с)делать hw'st'lyh...». Подобный инфинитив цели содержит, например, следующая фраза из Kārnamag ī Ardaxšīr ī Pābagān (V, 2): W 'HL MN ZK sp'h ZY gnd 'l'stk LWTH BRH ZY NPŠN 'L p'ls 'HDWNtn ZY 'lthšyl ŠDRWNyt «И затем, снарядив большое войско, послал (его) со своим сыном схватить Ардашира».

Сложный глагол hw'st'lyh krtn', в котором Жиньбу, как мне представляется, правильно пояснил hw'st'lyh через перс. xvästāri «просьба», выступает в надписи не в основном значении «просить», а в дополнительном. Это дополнительное значение не получило развития в персидском языке, но оно несомненно было, поскольку в словарях при xvästār приводится значение «исследователь», как и у араб. ṭālib. Араб. ṭalaba, помимо основных значений «искать», «просить», имеет дополнительные «учить», «изучать», ṭālib(-ul-'ilm) «учащийся», «студент». Я допускаю, что глагол xvästāri kardan исторически имел те же значения, что и араб. ṭalaba, включая и дополнительное значение «учить», «изучать», и вполне возможно, что у ṭalaba эти значения появились под влиянием перс. xvästāri kardan. Вот, следовательно, с какой целью находился год или три года в Константинополе христианин из государства Сасанидов: он приехал в Византию PWN 'wmyt' hw'st'lyh krtn' ZY ... «с надеждой изучать...». Он был xvästār (= араб. ṭālib) «учащийся», «студент». Чему же и у кого учился xvästār Xōrdād в Константинополе? Предмет его занятий назван сирийским словом в персидской передаче — b'lhwt' bāruхūtā из сир. bārōkūtā. В словарях этого слова нет. Но форма его ясна. Подобно kātōbuṭā «ars scribendi», «писцовое искусство», qārōyūtā «officium lectoris», «обязанности чтеца», образованным от kātōbā «писец», qārōyā «чтец», bārōkūtā должно означать в буквальном смысле слова «ars, officium benedictendi», «искусство, обязанности благословляющего» от bārōkā. В мандейском словом baruka называли священника, исполнявшего определенный обряд.⁸ Так же и по-сирийски в какой-то среде термином nom. agent. bārōkā могли называть христианское духовное лицо, имевшее право благословения (например, иерея). Отсюда в той же среде и nom. abstr. bārōkūtā как термин, обозначающий сумму знаний, обязанностей священника. Слово, следующее за b'lhwt', я читаю mḥsyud. В книжном пехлеви сочетание yd на конце слов с буквой d, увеличенной до размеров b, служит для обозначения

⁶ См.: Ph. Gignoux. L'inscription de Kartir à Sar Mašhad. Journal asiatique, N 256, 1968, p. 418, n. 82.

⁷ См.: Е. А. Пахомов. Пехлеви́йские надписи Дербенда. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. V, Баку, 1929, табл. I, III, стр. 29. Г. С. Ньюберг. Материалы по истолкованию пехлеви́йских надписей Дербенда. Там же.

⁸ E. S. Drower and R. Macuch. A Mandaic dictionary. Oxford, 1963, p. 50.

звук -ē, -ī, например *dlyd drē* «море», *zlyd zrē* «панцирь», *YBLWNyd barē* «ты несешь», *M'nyd Māni*. Во фрагментах среднеперсидского перевода Псалмов -ē, -ī обозначались через -*udy*, например *rušydy rēši* «перед», *lḥmydy raḥmē* «милости». Последний пример особенно важен, поскольку *raḥmē* «милости» является введенной в среднеперсидский текст формой множественного числа сирийского слова *raḥmā* «милость», ср.: *MḤš 'čšy 'wlwny ḤWHnd lḥmydy* (Ps. 129, 7) *čē-š az-aš-ōrōn hēnd raḥmē* «потому что у него к тому милости», где при *raḥmē* глагол-связка стоит в 3-м л. мн. ч. Также и *mḥsyud* я считаю сирийским словом, имеющим форму множественного числа с исходом на -ē. В обсуждаемом слове де Менаш и Жиньбу после *m* читают *y*. Как было сказано выше в связи с *'whrmzd'plyt*, между *m* и *s* я вижу букву *ḥ*, образованную линией, опущенной от завитка *m* немного книзу и затем направленной под углом чуть вверх влево к зубчику (который принимают за *y*); угол справа у петли и зубчик слева образуют *ḥ*; от зубчика *ḥ* отведена соединительная линия, которая далее переходит в *s*. В *'whrmzd'plyt* резчик таким же приемом изобразил сочетание букв *zd* (в *'whrmzd* сочетание *zd* пишется так же, как *'/h*). Сирийское страдательное причастие *Pa. mḥassayē* «*sancti*,» «*sanctificati*» я беру в значении древнерусского «святители» в применении этого термина к священнослужителям и иерархам. Слова эпитафии *ḥw'st'lyḥ krtn' ZY b'lḥwt' ZY mḥsyud* *xvāštāriḥ kardan ī bāruḫūtā ī mxassayē* получают следующий перевод: «изучать священнослужение святителей», «изучать священнослужение у святителей».

Изменение чтения *pylč* на *pyl(w)č* *pērōz* «победоносный», к которому прибег Жиньбу в поисках более подходящего эпитета, чем *pyl pīr* «старый», для своего «*sénateur de Mésie*», надпись не поддерживается. Писец в ряде случаев, когда буква *w* (*n*, *'*, *r*, *'*) не соединена с предшествующей, действительно сокращает ее линию почти до размеров точки, но в сопряженном состоянии, также в двух случаях сочетания *lw* — *lwtst'k*, *lwm*, линия *w* имеет достаточно большую протяженность. В *pylč* никаких следов *w* после *l* нет. Определения *r'st'* *pylč* *rāst pīr-č* «правый и старый», если они избраны как персидские соответствия сирийским *šrīrā* и *qšīšā* и греческим *ἀληθινός* и *πρεσβύτερος*, могут быть поняты как «истинный, настоящий» и «чтимый, мудрый, владычественный», «славный». Несколько удивляет *š* в *xvāštāriḥ* и *s* в *rāst*. Может быть, это различие диалектального порядка не является следствием простой случайности. Среди студентов-иранцев могли быть выходцы из разноязычных христианских общин Ирана, в том числе и из тех, где было в употреблении слово *pēr* «вера», известное во всех видах согдийской письменности, в согдийских переводах новозаветных текстов, в сакском языке — *pīr* «верить». Возможно, его употребляли и в Бактрии, и в Сеистане. И тогда *rāst pēr* — это «истинная вера», а *rāstpērč* «истинноверный», «православный». В написании *rāstpērč* этот термин явно персизован. Слишком ограничены наши сведения по части терминологии, употреблявшейся ираноязычными христианами. Поэтому наряду с чтением *l'st'pylč* *rāst pīr-č* «истинный и чтимый» я решаюсь привести и чтение *l'st'pylč* *rāstpērč* «истинноверный», «православный». Для составителя надписи *ḥw'st'lyḥ* и *l'st'pylč* не были словами одного порядка. Первое, слово обыденное, он написал как произносил — *xvāštāriḥ*, второе воспроизвел так, как его полагалось писать — с группой *st*.

В качестве сказуемого в строке 2 исследователи принимают *BYN* *YḤWWNt*. Если исходить из привычных норм, то *BYN* является в данном случае послелогом в предложно-послеложной конструкции обстоятельства места *PWN lwm BYN pad Rōm andar* «в Византии», «в Кон-

стантинополе». Сказуемое состоит лишь из глагола YHWWNt būd «(он) был», «находился, пребывал».

Я читаю эпитафию следующим образом:

Транслитерация

(1 bis) pwsł ZY 'wħrmzd'plyt

(1) ZNH gwl ħwld't (или ħwłz't, ħwłzd't) l'd 'YT 'YKš MR'Ĥ BR' 'mwlc'd MN myd'n ZY 'yl'nštr' MN lwtst'k clk'n [MN M] T' 'št (или ħšt)

(2) 'YK ĤD/III ŠNT' PWN 'wmyt' ħw'st'lyħ krtn' ZY b'lħwt' ZY mħsydd ZY l'st' pylc PWN lwm BYN YHWWNt'

Транскрипция

(1) ēn gōr Xōrdād (или Xvarzād, Xvarzdād) (1 bis) pusař ī Ōhrmazdāfrīd rāy ast kū-š xvadāy bē āmurzāy az miyān ī Erānšahr az rōdastāg (i) Caragān az dēh (i) Ašt (или Hašt, Xašt)

(2) kū ēv/III sāl pad ummēd xvāštārih kardan ī bāruḫūtā ī mxassayē ī rāst pīr-č (или rāstpērc) pad Rōm-andar būd

Перевод

(1) Эта могила Хордада (или Хварзада, Хварздада), сына Ормаздафрида, который — господи, помилуй его — (происходил) из пределов Ираншахра, из округа Чараган (или Чалаган), из деревни Ашт (или Хашт),

(2) который был один год/три года в Византии (Константинополе) в надежде изучить священнослужение истинных и чтимых (или истинноверных) святителей.

Едва ли бы эпитафию написали по-персидски, если бы в Константинополе в то время у иранца Хордада не было сверстников, наставников, которые, как и он, происходили из miyān ī Erānšahr «из пределов Ираншахра», и не предполагалось, что и в будущем в Константинополь будут приходить pad ummēd xvāštārih kardan «с надеждой научиться» люди, обученные пехлевийскому письму. Те, кто составил и написал эпитафию, владели этим письмом в совершенстве, равно как и литературным слогом. В письме нет ничего, что отличало бы его от зороастрийского. Но в языке, помимо оборота -š xvadāy bē āmurzāy «прости его, господи», который указывает на профессиональную принадлежность покойного и его близких, с очевидностью обнаруживаются, несмотря на краткость текста, самостоятельные черты — прежде всего его несомненная близость к живой речи. Притяжательный оборот ēn gōr Xōrdād pusař ī Ōhrmazdāfrīd rāy ast, обстоятельство pad Rōm-andar, союз kū в роли определительного союза «который», инфинитив цели xvāštārih kardan, диалектальная группа št в xvāštārih, форма āmurzāy, образованная по типу abaxšāy, в достаточной мере показательны в этом отношении. Сюда же нужно отнести профессионализмы, два сирийских слова, соединенные персидским изафетом, которые бытовали в обыденной речи учащихся. По написанию видно, что эти слова не были книжными заимствованиями. Самостоятельность в языковой ориентации заметна в словопотреблении предлога az miyān ī и глагола xvāštārih kardan в переносном значении «учить», «изучать».

Как древнейший образец пехлевийского письма и литературного среднеперсидского языка христиан Ирана пехлевийская надпись из Константинополя является историческим документом исключительно большого значения.

THE PAHLAVI INSCRIPTION FROM CONSTANTINOPLE

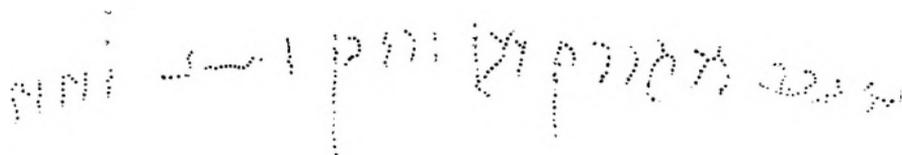
Ph. Gigneux taking into account the pers. *xvāstāri* has found the adequate reading for the *hw'st'lyh* of the inscription. Like arab. *ṭalaba* m.-pers. *xvāstārih kardan* meant not only «to demand», but also «to study». Accordingly, Xordād son of Ohrmazdāfrīd, a Christian from the Sasanian empire, *az miyān ī Erānšahr*, to whom the funeral inscription is dedicated, came to Byzantium *pad ummēd xvāstārih kardan* (inf. of purpose), with the hope of studying the priest's practice — *bāruxtā* (< syr. *bārō-kuṭā* nom. abstr. from *bārōkā* lit. «blesser») — of the just and reverend (or: orthodox) hierarchs — *mxassayē* (< syr. part. pass. Pa. pl. from. *ḥsy*).

СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУД С АРАМЕЙСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ФОРУГИ

В седьмом томе «*Iranica antiqua*» опубликовано описание сасанидского серебряного сосуда, находящегося в коллекции Форуги в Иране. На внутренней поверхности сосуда, имеющего 23 см в диаметре, изображена сцена охоты, на его внешней кромке расположена надпись, выполненная арамейскими буквами, нанесенными на металл путем накола. Сосуд весит 430 г. Место его происхождения неизвестно. Описание сосуда сделала Азарпей, чтение надписи принадлежит Хеннингу.¹

По мнению Хеннинга, шрифт надписи сходен с парфянским, пехлевийским, согдийским, хорезмийским ответвлениями арамейского письма, но не идентичен ни одной из этих ветвей. Уверенный в том, что надпись

все же является иранской по языку, он допустил, что она представляет самостоятельную провинциальную форму среднеиранской письменности, употреблявшуюся, возможно, в прикаспийском горном районе, Гиляне, Табаристане. Надпись состоит из четырех слов и цифры. Два последних слова и цифры Хеннинг прочитал следующим образом:

MN ZWZYN I-C III II

«(сделан) из (серебра весом) 105 драхм». Форма множественного числа на -уп от *zwz*, встречающаяся в пальмирских надписях, иудейско-арамейском, но не засвидетельствованная в имперско-арамейском и среднеиранской письменности, скорее указывала бы на то, что надпись сделана по-арамейски, а не на одном из среднеиранских языков. Но Хеннинг предположил, что *ZWZYN*, как идеограмма, указывает на самостоятельный характер данной среднеиранской, как он думал, письменности. Изменить мнение о языке надписи заставляет слово, стоящее перед *zwzup*. Хеннинг принял в нем вторую букву за *t* по сходству последней с *t* из письма *pārsik* сасанидских надписей и прочитал во втором слове *mtwrwn*, полагая, что *mtwrwn* представляет собой слово иранского

¹ Guitty Azarpay and W. B. Henning. A hunting scene on an inscribed sassanian silver vessel. *Iranica antiqua*, vol. VII, Leiden, 1967, p. 145—152.

происхождения, обозначающее предмет, на котором оно написано, и имеющее то же значение, что и $\varphi\acute{\iota}\lambda\lambda\eta$. Однако вторая буква в этом слове, если не выходить за рамки собственно арамейского письма и не обращаться к стилизованной письменности parsik сасанидских надписей, неотделима от арамейского šādē. Также и последняя, пятая буква в этом слове, которую Хеннинг принимал за две буквы — wп, представляет собой арам. рē того типа, который известен из арамейских надписей Хатры и Грузии. В прорисовке, данной в «Iranica antiqua», линия проведена по вертикально расположенным точкам, образуя nпп, и по точкам, находящимся справа, в которых Хеннинг видел wāw. Но проведем линию, соединяя точки, образующие дугу мнимого wāw, с продолжением ствола мнимого nпп ниже его излома у пятой точки, и представим верхнюю часть этого ствола (точки 1—5) как левый завиток головки, и мы получим типичный рē. При таком определении второй и пятой букв второго слова оно получает чтение не mtwrwn, а mšwрr. Последнее слово является пассивным причастием Pa. от арам. ŠRP «очищать металл от примесей», «выплавлять», «отливать», mšwрr «очищенный от примесей», «отлитый», ср. в арамейских папирусах с Элефантины ksp šрр, ksp šрr «очищенное или чистое серебро»,² к рtср. Pa. pass. mšwрr ср. в Таргуме Онкелоса mbwšl «сваренный», mрwqd «уполномоченный», mрwпq «изнеженный», mšwbr «соединенный».³

mšwрr mn zwzyn I-C III II

«отлит из (серебра весом) 150 зузов».

Буквенный состав первого слова не ясен. В конце его находится начертание, которое походит на hē из письменности pārsik сасанидских надписей, но только в том случае, если смотреть на надпись, перевернув ее вверх ногами. Первая буква и отдаленно не напоминает зауп. Слово не читается ни как ZNH, ни как DNH «этот», о которых думал Хеннинг. В прорисовке, приведенной в «Iranica antiqua», первая буква состоит из горизонтально положенной скобы с зубчиками, обращенными вверх, и короткого вертикального ствола, чуть сдвинутого вправо от середины горизонтальной линии и намеченного четырьмя точками. Это начертание могло бы представлять букву k. Справа от верхнего конца вертикального ствола этой буквы наколот треугольник. Если провести линию не по его основанию и правой стороне, как в «Iranica antiqua», а соединить его левую и правую стороны, то правый зубчик скобы будет направлен вниз и буква примет форму qāf несколько архаичного типа, точно такого же, какой можно видеть в первом слове арамейской надписи, выполненной проколами на серебряной пластинке из той же коллекции Форуи и датированной серединой III в. до н. э.⁴ Трудно сказать что-либо определенное о буквах, находящихся за k/q. Линия следующей буквы, под углом скошенная влево, может передавать 'ayin поздней формы. Далее идет буква с верхушкой, как у rēš, но с росчерком, направленным влево, или, может быть, этот росчерк принадлежит четвертой букве — ее форма необычна, возможно, она передает 'alef в скорописном начертании. Если состав букв именно такой,

² И. Н. Винников. Словарь арамейских надписей. Палест. сборник, вып. 13 (76), 1965, стр. 230.

³ G. Dalman. Grammatik des jüdisch-palästinischen Aramäisch. Darmstadt, 1960. S. 286.

⁴ Фотографии надписи см.: A. Dupont-Sommer. Une plaquette d'argent à inscription araméenne. Iranica antiqua, vol. IV, fasc. 2, 1964, p. 119; также: Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1964, juillet-décembre, Paris, 1965, p. 284.

как сказано выше, то первое слово читается q'ṛ'. Слово q'ṛ' со значением «блюдо», «миска», «чаша» представлено формами — евр. qə'ārāh, сир. q'ārətā, араб. qa'r (засвидетельствовано в классическом персидском), ср.: Числа 7 : 13 wəqārbānō qa'rat-keseṗ 'aḥaṭ šəlošim ūmē'āh mišqālāh «И приношение его — одно серебряное блюдо весом в сто тридцать сиклей». В нашей надписи читаем:

q'ṛ' mšwṛp mn zwzyn I-C III II

«Сосуд отлит из (серебра весом) в 105 зузов».

M. N. Bogoliubov

AN ARAMAIC INSCRIPTION ON A SILVER VESSEL IN THE COLLECTION OF M. FOUROUGHI

In aligning the dots of two initial words of this *pointillé* inscription in a different way than that has been made by W. B. Henning, who read it as follows : ZNH mtwṛwn MN ZWZYN I-C III II «this bowl (made) from (silver weighing) 105 drachms», arises a possibility of reading the text in Aramaic : q'ṛ' (?) mšwṛp mn zwzyn I-C III II «the vessel (?) is casted from (silver weighing) 105 zuzs».

ЭККУССИЯ В АРМЯНСКОЙ НАДПИСИ 1051 г.

Византийское завоевание Армении и последующее владычество в X—XI вв. изучалось преимущественно в аспекте политических отношений между империей и армянскими государствами. Данные нарративных источников — армянских, греческих, арабских, грузинских — позволяют в подробностях выявить процесс последовательного продвижения Византии на восток. То было время, когда армянские династы, терпя поражение в единоборстве с византийской дипломатией и не выдерживая натиска византийских войск, оставляли свои владения василевсам и обосновывались в малоазийских провинциях империи. Там они пополняли ряды армянской знати, на протяжении столетий искавшей в Византии убежища от тягот персидского, арабского, сельджукского владычества. Прочие аспекты армяно-византийских отношений изучены много хуже. Мы имеем довольно смутное представление о характере византийского владычества. Далеко не достаточно разработаны вопросы, связанные с византийской администрацией в Тароне, Васпуракане, Анийском и Карсском царствах. И уже совсем мало известно о влиянии Византии на социально-экономическую жизнь Армении, на общественные институты страны, развитие которой протекало столь отлично от империи. Решение последней проблемы наталкивается на чрезвычайную скудость источников; сведения, интересующие исследователя, приходится подбирать буквально по крохам. Тем не менее сравнительный анализ греческих и армянских источников, в частности правильное осмысление армяно-византийской терминологии, позволяет и здесь прийти к более или менее определенным выводам.

В этой связи большой интерес представляет армянская надпись 1051 г., высеченная на южной стене церкви Богоматери в Кечаройке (ныне Цахкадзор, 40—50 км к северу от Еревана). Надпись располагается над окнами, занимает 6 строк, сохранность хорошая, чтение особых трудностей не представляет.

Надпись публиковалась четыре раза.¹ Адекватно текст воспроизведен лишь в последней из поименованных публикаций, в известном альбоме армянской палеографии, изданном Гарегином Овсепяном. Перевод надписи выполнен соответственно чтению Г. Овсепяна:

«В пятисотый год нашего торгомова счисления, в царствование святого и самодержавного императора Костандина Мавнумаха был доставлен сей золотой перстень, через который (զոր) могучий, доблестный и благо-

¹ Յ. Շ ա հ ի ա թ ու ն ե ա ն ց. *Ստորագրութիւն կաթողիկէ Էջմիածնի և հինգ դասակարգի Արարատայ. Էջմիածին*, 1842, стр. 490; Ղ. Ա լ ի շ ա ն. *Այրարատ. Վեհերիկ*, 1890, стр. 260; К. К о с т а н я н ц. *Летопись на камнях. Собрание-указатель армянских надписей*. СПб., 1913, стр. 23; Քարեգիկն [Յոզեբեկիան]. *Քարեկէջ հայ հնագրութեան. «Շողակաթ», Էջմիածին*, 1913, стр. 181—182 (№ 21) и табл. XIII.

честивый Григор Магистр, китавнит и дук Васпуракана и Таравна, Аршакид и hАйказн, многими трудами освободил (*սղախեալ էր*) великие и славные свои церкви. И ничего [взамен] он не требует, но только творить молитвы святому и самодержавному императору Костяндину, а с ним рабу христову Григору и чадам его.

И учредил память в церквах Кечаройка — пока Магистр здравствует, пусть каждую субботу поминают hАсана неукоснительно, а после кончины Магистра поминают [его] неукоснительно. Итак, если кто-либо попытается перечить этому непреложному постановлению — из настоятелей ли, ишханов или [простых] священнослужителей, таковой пусть будет проклят 318 патриархами и разделит участь Иуды и убивших господя иереев.

И написано это нами — Йованэсом, божьей благодатью епископом Бджни и святым и великим отцом Барсэлом. Если кто посмеет повредить эту надпись, на него пусть падет страшное проклятие святого просветителя Григория и всех святых, и наше. Благословены выполняющие повеление этой надписи!»

Подлинное написание начальных слов — *Ի հինգ հարիւրերորդի տի*, однако уже Г. Овсепян допускал, что второе из высеченных рядом г. лишнее. В таком случае надпись датируется 500-м годом торгового, т. е. армянского летосчисления, что соответствует 9 марта 1051 г. — 8 марта 1052 г. Климатические условия Кечаройка подсказывают, что надпись могла быть высечена в теплые месяцы 1051 г.²

Упомянутый в надписи Григорий Магистр — ученый-энциклопедист и писатель, политический и военный деятель, принадлежавший к могущественному феодальному роду Пахлавуни. Пахлавуни полагали себя потомками Григория Просветителя и армянских царей Аршакидов; Григорий Магистр шел дальше, имя hАйказн в надписи означает принадлежность к роду hАйка Титанида, легендарного прародителя и эпонима армян.³

В 40—50-х годах XI в. Григорий Магистр принимал самое действительное участие в политической жизни страны. Он был одним из тех, кто обеспечил приход к власти Гагика II, сына умершего в 1040 г. царя Ашота IV. «И собрались все нахарары Армении, — рассказывает Матфей Эдесский, — при патриархе владыке Петросе и помазали Гагика царем над всей страной армянской благодатью святого духа и повелением великого ишхана (повинуясь которому и помазал его [т. е. Гагика, — К. Ю.] пребывающий в святости великий Марцэн), а был он из рода hАйка (*հայկազան*) и по происхождению (*հայրենեօք*) Пахлавуни. Имя ему дано согласно предку его Григорию, и был он из рода святого Григория. Он кажется вторым Самуилом, который помазал Давида царем над всей страной Израильской. Он сделал Гагика царем над всей страной Армянской. . .»⁴ К. Костанянц полагает,⁵ что хронист имеет в виду не Григория

² Если в слове *հինգհարիւրերորդի* нет ошибки, тогда надпись следует датировать 503 г. армянского летосчисления, т. е. 1054 г. Предложенная выше датировка вероятнее, как в переводе, так и в последующем изложении она является исходной. Отмечу лишь, что обе датировки соответствуют годам правления Константина Мономаха (1042—1055) и на основные выводы настоящей статьи не влияют.

³ О Григории Магистре см.: М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. II. Ереван, 1946, стр. 15—32 [на арм. яз.]; Р. М. Бартикян. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католику. Палест. сборник, 7 (70), 1962 [здесь же и литература].

Особо следует выделить книгу: Կ. Կ ո ս տ ան Ե ն ջ. Գրիգոր Մագիստրոսի Քղթերը. Աղէքսանդրոպոլ, 1910 (далее — Послания). Издав письмовник Григория Магистра на высоком для своего времени уровне, К. Костанянц снабдил издание большой вступительной статьей и комментарием, содержащими богатые материалы для биографии интересующего нас лица.

⁴ Մատթէոս Առեանյեցի. Ժամանակագրութիւն. Վաղարշապատ, 1898, стр. 86—87.

⁵ Послания, стр. XXXVIII, прим. 2.

Магистра, а его дядю, прославленного полководца и главаря прогагиковской партии Вахрама Пахлавуни. Между тем нет ничего невероятного в том, что событиями руководил не престарелый Вахрам, а находящийся в расцвете сил Григорий. С католикосом он был в дружеских отношениях, первые 9 посланий письмовника адресованы Петросу. Бросается в глаза, что Григорий переписывается с архипастырем как равный с равным. Когда в 1037 г. Петрос впал в немилость, он оказался под домашним арестом в Бджни — родовом замке Григория Магистра. Мне кажется, что сомневаться в достоверности приведенного отрывка из Матфея Эдесского нет достаточных оснований.

Вскоре после воцарения Гагик II во главе войска направляется в Айрарат, чтобы отразить набег «персов» (по-видимому, тюркских отрядов). При нем был «великий ишхан» Григорий. Битва произошла у Бджни и кончилась победой армян. Но вслед за этим Григорий оказался в опале, и, изливая душу вардапету Саргису Анийскому, он с горечью писал о бедственном положении Армении и о ее неразумном правителе.⁶

В 1045 г. Константину Мономаху удалось выманить Гагика из Ани. Воля юного царя была сломлена, он согласился уступить Анийское царство, получив взамен земли в Византии. Современник событий Аристакеэ Ластивертци пишет: «И пока продолжалось это испытание, Григор, сын храброго Васака, направился к императору. Был он муж мудрый, а в божественном писании сведующий как никто, поэтому видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, он предстал перед императором и вручил ему ключи от Бджни, [передал ему] всю свою наследственную вотчину. Император воздал ему почести, Григорий получил чин магистра, [принял] назначенные в качестве местопребывания деревни и города в пределах Месопотамии, а вечное право передавать их из поколения в поколение было подтверждено грамотой и „златым перстнем“». ⁷ В этот рассказ вкралась неточность. Если верить Аристакеэсу, то Григорий стал магистром одновременно с переселением в Византию, т. е. в 1045 г. Между тем в надписи от 1042 г. (Текор), высеченной по распоряжению дочери, Григорий уже фигурирует в качестве магистра.⁸

В. Н. Бенешевич⁹ и Р. М. Бартикян¹⁰ обращают внимание на то обстоятельство, что Григорий Магистр умер в 1058 г., а уже в 1059 г. во главе фемы «Месопотамии» находился Аарон; таким образом, права Григория оказываются как будто нарушены. Но у Аристакеэса говорится о наследственных правах не на должность дука, а на владение пожалованными городами и селами в пределах «Месопотамии». Периодическая же смена стратигов, дуков, катепанов и пр. является характерной чертой фемной организации в Византии. Более того, сам Григорий поступился своими «наследственными» правами в «Месопотамии» и сделал это ради следующего — весьма значительного — шага в своей военно-административной карьере.

В 1048 г. Константин Мономах направил на Восток большое войско (до 60 000, согласно Аристакеэсу Ластивертци). Во главе были поставлены Катакалон Кекавмен, магистр Аарон и Григорий Магистр, к ним присоединился со своими отрядами грузинский князь Липарит. Кекавмен, «который имел власть над страной Армянской», был дуком бывшего Аний-

⁶ Послания, № XVIII—XX; № XXI относится к началу 50-х годов.

⁷ Повествование вардапета Аристакеэса Ластивертци. Перевод с древнеармянского... К. Н. Юзбашяна. М., 1968, стр. 84—85.

⁸ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 22.

⁹ В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, стр. 8—9.

¹⁰ Р. М. Бартикян. Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии. Вестн. Матенадарана, 1960, вып. 5, стр. 394, прим. 7 [на арм. яз.].

ского царства, Аарон правил Васпураканом, о должности Григория ничего не говорится, он, по-видимому, оставался еще стратигом или дуком «Месопотамии».¹¹ Но уже в нашей надписи Григорий именуется дуком Васпуракана и Тарона, объединяя под своей властью два весьма значительных военно-административных округа.¹² В заглавии известного послания сирийскому католикусу о тондракитах Григорий также именуется дуком Васпуракана и Тарона.¹³ Наконец, в письме, адресованном Гагику II, в то время как тот уже был в изгнании, Григорий именует себя тэром Васпуракана, Тарона, Маназкерта, Арчэша, Беркри, Месопотамии, магистром Мономаха, вестом и дуком.¹⁴

По своему происхождению Григорий Магистр принадлежал к тому слою армянской знати, на который стремилось опереться византийское правительство. Буквально все представители фамилии Пахлавуни были отмечены какими-либо византийскими титулами. Но было бы ошибкой считать Григория только проводником византийской политики в Армении, сторонником византийской политической ориентации. Григорий не был столь решителен, как его дядя Вахрам Пахлавуни, но и он стремился отвести удар в сторону. Правда, очень скоро, раньше, чем другие, он понял неотвратимость византийского завоевания и последующего владычества и в новых условиях сполна воспользовался своими данными, чтобы сделать карьеру на имперской службе. Заслуги его были оценены: он занимал наиболее высокие на Востоке должности, награждался высокими титулами. В цитированном выше LXXIII послании Гагику II он именует себя (помимо магистра) еще и вестом, а в нашей надписи китонитом. Тот же титул фигурирует и в заглавии принадлежащего ему толкования на грамматику Дионисия Фракийского.¹⁵ Этот титул носили весьма значительные лица. Так, китонитом был дядя великого мистика Симеона (X—XI вв.), выходца из зажиточной малоазийской фамилии, который, по словам агнографа, пользовался влиянием на императоров Василия и Константина.¹⁶ В своей карьере Григорий Магистр пошел дальше всех и в середине XI в. стал главным посредником между византийским правительством и населением армянских земель, включенных в состав империи. Нет ничего неожиданного в том, что именно Григорий, «китонит и дук Васпуракана и Тарона», осуществляет волю императора, изложенную в «златом перстне».

Нетрудно догадаться, что выражение «златой перстень» употреблено здесь в качестве технического термина. Это не что иное, как византийский хрисовул, золотопечатная грамота. Согласно Аристакезу Ластивертци, Григорий Магистр, как было сказано выше, получил деревни и города в феме Месопотамии грамотой и «златым перстнем». В пространной надписи на кафедральном соборе в Ани магистр Аарон оповещает население, что он

¹¹ Повествование Аристакеза Ластивертци, стр. 94; *Մամթէնս Ունայէցի* стр. 103—104. В источниках поход датируется 1048 или 1049 г.

¹² Интересные замечания о статусе подобных, сравнительно недавно приобретенных империей территориях см.: Tadeusz Wasilewski. Le thème byzantin de Serpium-Serbie au XIe et XIIe siècle. Recueil des travaux de l'Institut d'Études byzantines, VIII. Mélanges G. Ostrogorski. II. Београд, 1964, p. 471—472.

¹³ Послания, стр. 148; Р. М. Бартикийн. Ответное послание Григория Магистра, стр. 132.

¹⁴ Послания, стр. 213. Тэр — здесь правитель. В другом месте (стр. 48) Григорий пользуется древним термином *бдеш*, груз. *პიტიაშ*, греч. *πρωτάτης* в значении маркграф, правитель пограничной области. Григорий перечисляет свои одновременные должности.

¹⁵ Н. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пгр., 1915, стр. 223.

¹⁶ А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. *Byzantinoslavica*, I, 1967, p. 4—5.

«доставил грамоту освобождения, [скрепленную] золотым перстнем».¹⁷ Свое XLIV послание настоятелю Мармашэнской обители, озаглавленное «Отцу Состинэсу касательно золотого перстня» (*յարգազս ոսկի մատանի*), Григорий начинает словами: «Вот, высылаю грамоту с вестями, несущую на себе пышную царскую печать, [наложенную] драгоценным арабским камнем — из царского дворца, записанные цветисто и нарядно, особым образом и подписанные искристыми, пламенного цвета красными чернилами императорские строки, которые никогда не увянут и не иссякнут!».¹⁸ По словам Григория, эта грамота составлена по совету благомыслящих лиц из синклита, и вот Мономах высылает ее — «могущественное слово, снабженное золотой печатью». Это послание — как бы параллель нашей надписи. Григорий сообщает Состинэсу, что труды его увенчались успехом. В грамоте воздается хвала всемогущему, который не дал угаснуть лампаде веры и пр. «Но не только это. Сие — золотой перстень о весте, патрикии и протоспафарии; он [император, — К. Ю.] выслал моим братьям пять славных титулов (*այլ և վէստ և պարթիկ և պոռաւպաթար ոսկի մատանի, հինգ իշխանութեանս փառս առարեաց եղբարցս իմ*).» Император сделал это через посредство благочестивого ректора (имя которого не называется) и его, Григория. Далее Григорий еще и еще раз напоминает о своей роли в получении хрисовула и просит настоятеля либо самому явиться, либо выслать «братьев», чтобы принять «золотой перстень» (*զոսկի մատանի*).¹⁹

Итак, упомянутый в надписи «золотой перстень» — это византийский хрисовул, которым Константин Мономах жаловал «освобождение» церквям Кечаройка. Событие настолько значительное, что бджинийский епископ Йовһаннэс счел себя вправе высечь надпись по этому поводу (Кечаройк, очевидно, входил в его епархию). Чтобы не возвращаться более к частностям, отметим, что упомянутые в надписи Йовһаннэс и Барсэл известны только по данному тексту. Что касается ҺАсан, то это, возможно, отец другого магистра Григория, оставившего надпись от 1003 г. на той же южной стене церкви богородицы в Кечаройке. ҺАсан, как и его сын, принадлежали, по-видимому, к тому же роду Паһлавуни.²⁰

Привилегия, жалованная Константином Мономахом, сводится к «освобождению» церковью Кечаройка. Речь идет, разумеется, об освобождении (полном или частичном) от государственных налогов и податей. Примеры подобного осмысления терминов а зат 'свободный', а затем 'освободить', а з а т у т ю н, 'свобода' подобрать нетрудно. «Итак, сыны свободны», — говорит Иисус, имея в виду свободу от податей.²¹ Не останавливаясь на контекстах из нарративных источников,²² обратимся к надписям, которые датируются X—XI вв. В надписи от 901 г. автор оповещает иереев об освобождении от царских налогов — *ազատ արարի*.²³ Царь

¹⁷ САН, вып. I. Городище Ани. Составил И. А. Орбели. Ереван, 1966, стр. 38, № 107.

¹⁸ Послания, стр. 103—104.

¹⁹ Послания, стр. 104. Из текста явствует, что императорская милость распространялась на пятерых, получавших по одному из трех поименованных титулов — веста, патрикия или протоспафария.

²⁰ *Քարեղին [Յովսեփեան], Քարաէղ*, стр. 179 (№ 18), табл. XI. В «Летописи на камнях» (стр. 18) надпись датируется 1033 г. Это соответствует подлинному написанию (*ՆԶԲ*), но противоречит времени упомянутых в надписи царя Гагика II и католикоса Саргиса Севанского. Гарегин Овсепян безусловно прав, усматривая ошибку в дате и исправляя на *ՆԶԲ*.

²¹ Матф. 17, 26, ср.: ἐλευθεροί εἰσιν οἱ υἱοί греч. текста.

²² Некоторые примеры можно найти в «Новом словаре армянского языка», т. I, стр. 6.

²³ *Պատմութիւն նահանգին Սրտական արարեալ Ստեփաննոսի Օրբէկեան Թիֆլիս*, 1910, стр. 178.

Смбат II в надписи от 987 г. освобождает от повинности по доставке (на плечах) грузов — *ազատեցի... զշախախաւոր բաժէ*.²⁴ Царь Гагик в надписи от 992 г. освобождает от барщины — *ազատեալ եմ*.²⁵ Вдова Смбата II, мать Ашота IV, освобождает жителей Ерееройка от налога под названием тастак — *ազատեցի զերերիաց թաստակս*.²⁶ Гагик II в надписи от 1041 г. освобождает от налогов жителей Мрэна — *ազատեալ եմ*.²⁷ В упомянутой надписи магистра Аарона говорится о хрисуле, содержащем освобождение от пакта *բերի ոսկի մասանեաւ զիր ազատութեան*.²⁸ Наконец, в не менее известной надписи анийского катепана Баграта Вхкаци снятие ряда налогов, осуществленное повелением Константина IX Дуки, также трактуется как «освобождение» — *և ազատեցի զվեցկէ կողմ եւ զաշյի* и т. д.²⁹

Наряду с приведенными терминами «освобождение» может быть выражено глаголами *թողում*, *խափանեմ*.³⁰

Таким образом, в Армении, как и в Византии, «свобода» могла означать освобождение, полное или частичное, от государственных налогов и податей.³¹ Льготу именно такого характера жалует Константин Мономах церквям Кечаройка в хрисуле, упомянутом в надписи 1051 г. Характер же документа, время и обстоятельства его издания — все это наводит на мысль о родстве его с обычной экскусионной грамотой. Как отмечал еще К. Н. Успенский,³² самое существо экскусионного пожалования построено в двух формулах: 1) *ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων... — «освобождаются от постоя и т. д.»*; 2) *διὸ παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων — «посему мы возвещаем и обеспечиваем (ограждаем) всех от саклариев на все времена и т. д.»*. Глагол *ἐξκουσσεύω* — технический термин, он фигурирует в преобладающем большинстве грамот, жалующих экскусию, и означает освобождение от податной зависимости. Среди этих грамот встречаются оформленные таким образом, что можно говорить не только о родстве с ними, но и тождестве упомянутого в надписи хрисула об «освобождении». Так, в сигиллии Константина Мономаха от того же 1051 г., пожалованном хиосскому Новому монастырю, говорится, что император признал право собственности на местность Калофики и подарил монастырю 24 парика. В дальнейшем было подтверждено, что эти парики навсегда получают полную свободу и экскусию, им не угрожают насилия и «новшества», они свободны от всех казенных повинностей.³³ Из контекста явствует, что тер-

²⁴ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 9.

²⁵ Там же, стр. 10.

²⁶ *Գարեգին [Յովեբեհան], Գարսեղ*, стр. 179, 19, табл. XII. К. Костанянц (Летопись на камнях, стр. 21) ошибочно датирует 1038 г., в то время как действительный год появления надписи — 1028.

²⁷ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 22.

²⁸ Надпись датируется 1055—1056 гг., см.: В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи, стр. 9—10. У К. Костанянца (Летопись на камнях, стр. 27) неверная датировка 1045—1054 г. По мнению Р. М. Бартияна («Эникион» в Византии и столице армянских Багратидов Ани в эпоху византийского владычества (1045—1064 гг.). Историко-филолог. журнал, 1968, № 2), *պարսա տանդ* надписи — это налог, взимаемый с владельцев мастерских, а упомянутый выше тастак — налог, которым облагались торгавцы.

²⁹ САН, I, стр. 37, № 106, табл. XII.

³⁰ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 13—15, 26; САН, I, стр. 38, № 107.

³¹ Интересные замечания о различных категориях византийских «свободных» см.: В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. Уч. зап. Уральского гос. ун-в., серия истор., вып. 4, 1966, стр. 101 и сл., особенно прим. 62.

³² К. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. Визант. временник, XXIII, 1923, стр. 76—77.

³³ F. Miklošič et J. Müller. Acta et diplomata graeca..., V, p. 7—8.

мины «свобода» и «экскуссия» (ἐλευθερίας πάσης καὶ ἐξουσίας) фигурируют в качестве синонимов.

Определение, данное упомянутому в надписи документу, показывает, что экскуссия, которая в XI в. уже широко распространилась в Византии, начала проникать и в присоединенную к империи Армению. Разумеется, данные надписи слишком ограничены, чтобы рассмотреть экскуссию во всех подробностях или хотя бы выявить определенные ее черты на армянской почве. Однако если «золотой перстень» надписи не что иное, как экскуссионная грамота, то с известными оговорками мы вправе предположить, что суть экскуссии существенных изменений в Армении не претерпела.

Экскуссии посвящена немалая литература, этот институт относится к числу сравнительно хорошо изученных.³⁴ Византийская экскуссия «обычно отождествляется с западноевропейским иммунитетом»,³⁵ и делается это, надо сказать, с полным основанием. Представление о западноевропейском иммунитете как полном институте, оформляющем феодальные права на внеэкономическое принуждение, прочно вошло в нашу науку. В этом аспекте родилась новая по существу проблема — отношения между владельцем иммунитетной грамоты и подвластными ему крестьянами. Подобное представление об иммунитете было с успехом перенесено и на византийскую почву, экскуссионная грамота рассматривается как документ, отражающий отношения не только между государством и иммунитетом, но и иммунитетом и его париками. Таким образом, если к экскуссии-иммунитету подходить как к специфическому феодальному институту, то в нем следует выделить, с одной стороны, моменты, связанные с господством — подчинением, с другой — со способностью подчиненных создавать и обеспечивать себя средствами собственного существования. Иммунитет позволял феодалу реализовать санкционированные государством права на ренту и одновременно на личность непосредственного производителя, парика. Это обстоятельство важно подчеркнуть, потому что далеко не всякая экскуссия является иммунитетом. Из этого понятия надо исключить, например, податные льготы, которые Юстиниан II распространил на пожалованные им же церкви св. Димитрия солеварни.³⁶ По мнению А. Грегуара, эдикт Юстиниана II является прототипом бесчисленных, становящихся все более и более многословными документов, подтверждающих монастырям всякого рода иммунитеты (ἐξουσία).³⁷ Но можем ли мы

³⁴ См., например: А. П. Каждан. 1) Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 95—99; 2) Формирование феодального поместья в Византии X в. Визант. временник, т. XI, 1956; 3) Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 178—180, 182—187; 4) Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. Византийские очерки, 1961; Б. Т. Горянов. 1) Поздневизантийский иммунитет. Визант. временник, т. XI, 1956 [здесь хороший обзор старых работ] и т. XII, 1957; 2) Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 135 и сл.; Е. Э. Липшиц. Пути формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. Визант. временник, т. XIII, 1958; М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. Уч. зап. Великолукского гос. пед. института, т. 3, 1958; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. Визант. временник, т. XIII, 1958 (то же: Byzantion, XXVIII, 1958); Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 220 и сл.; В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 235 и сл. и др.

³⁵ История Византии, т. 2, М., 1967, стр. 133.

³⁶ A. Vasiliev. An edict of the emperor Justinian II, September, 688. Speculum, XVIII, 1943, January; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinian II, daté de septembre 688. Byzantion, XVII, 1944—1945.

³⁷ H. Grégoire. Un édit, p. 124a. Эта точка зрения принята Е. Э. Липшиц (О путях формирования феодальной собственности, стр. 4) и Г. А. Острогорским (К истории иммунитета в Византии, стр. 63).

говорить о феодальном иммунитете в случае, когда нам неизвестно, кто работал на солеварне и каковы были отношения между работниками и господами. Возможно, что на солеварне трудились наемные — мистии,³⁸ тогда налоговая льгота не могла влиять на отношения господства и подчинения. Не исключено, что сами монахи добывали и перерабатывали соль, и тогда податная экскуссия (этого термина, правда, в эдикте нет) далека от подлинного иммунитета.

Не является иммунитетом в интересующем нас смысле экскуссия на суда,³⁹ самовольное освобождение, «самоосвобождение», если можно так выразиться, влахов и болгар от уплаты налогов Лавре⁴⁰ и ряд других случаев, когда податная или иная льгота не регулирует отношений господства — подчинения.

Экскуссия является актом милости императора, оформляется императорским хрисовулом или (реже) документом, исходящим от высшего должностного лица. Во всех случаях государство поступает своими непосредственными выгодами в пользу отдельного лица, что создает своеобразные отношения между центральной властью и иммунитетом. С другой стороны, экскуссионная грамота, каков бы ни был характер перечисляемых в ней льгот, призвана удовлетворить в первую очередь экономическую заинтересованность иммунитета, заинтересованность в ренте, источником которой является труд зависимых или становящихся зависимыми крестьян. Эта черта находит отражение в византийских хрисовулах, в иммунитетных грамотах меровингских и каролингских времен и в королевских пожалованиях Англии IX и последующих столетий. Разумеется, нет оснований игнорировать существенное различие. В централизованной Византии заинтересованность в ренте удовлетворялась передачей иммунитету определенной доли государственных налогов, на западе — наделением феодала судебными и административными правами, которые позволяли ему самостоятельно взыскивать ренту. В реальной действительности, впрочем, противоположность эта носила не столь полярный характер. В Англии, например, фискальные привилегии феодалов вытекали из обретенной ими судебной власти, хотя нередко эти привилегии оформлялись иммунитетным пожалованием раньше, чем право юрисдикции.⁴¹ И в Византии можно наблюдать, как феодалы приобретают начатки судебных и административных прав.

Византийская экскуссия X—XII вв. не обеспечивала полной экзимированности поместья, не всегда передавала иммунитету всю сумму выплачиваемых крестьянами налогов. «И все-таки при всей ограниченности экскуссия способствовала дальнейшему формированию феодальных порядков: освобождая феодала от необходимости платить налоги за своих зависимых людей, экскуссия прежде всего расширяла права феодала; она избавляла, далее, его владения от обременительных поборов в пользу фемных судей, податных сборщиков и их прожорливой свиты; наконец, пожалование экскуссии имело принципиальное значение: оно превращало поместье в привилегированное, выделяло его из общей массы обязанных всеми родами повинностей земель».⁴²

---

³⁸ Менее квалифицированный труд выполняли мистии, см.: Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.). Визант. временник, XIV, 1958, стр. 44.

³⁹ G. Rouillard. Les taxes maritimes et commerciales d'après les actes de Patmos et de Lavra. Mélanges Ch. Diehl, I, 1930; H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1966, p. 417—418.

⁴⁰ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, N 47, p. 125. 15—17.

⁴¹ Е. В. Гутнова. К вопросу об иммунитете в Англии XII века. Средние века, т. III, 1950, стр. 103.

⁴² История Византии, т. 2, стр. 248.

Как было сказано, экскуссия была институтом, оформлявшим прежде всего отношения господства—подчинения. В Византии этот институт сложился в условиях, когда частная форма эксплуатации непосредственных производителей на земле все больше и больше вытесняла государственную, в условиях разрушения общины, наступления на мелкую земельную собственность, постепенного закрепощения крестьян. Подобные процессы протекали и в Армении XI в., но начались они задолго до византийского владычества. В IX—X вв. создаются независимые армянские государства, где ведущая роль принадлежит новой феодальной знати. Правда, говорить о полном и повсеместном исчезновении старой родовой знати — нахарарства⁴³ не приходится: у кормила Анийского и Васпураканского царств встали Багратиды и Арцруниды, в Тароне правили отпрыски Мамиконянов, а начало роду Пахлавуни положил один из потомков Камсараканов. Но тон задавали новые феодальные фамилии, которые обрели силы в условиях новой, пусть не всегда устойчивой, армянской государственности. Новая знать утверждала свои права владения землями упраздненных нахарарских родов, утверждала свою власть над крестьянами, обрабатывавшими эти земли. Ширилось также церковное и монастырское землевладение. Тарон, Васпуракан, Ширак, Вананд вошли в состав Византии, когда эти процессы достигли своей полной зрелости. Иммунитет в Армении, засвидетельствованный нашей надписью, вполне согласуется с исторической действительностью не только середины XI в., но и значительно более продолжительного времени. Следует думать, что в этом документе имелась в виду, как и в Византии, экскуссия крестьян, обрабатывавших земли кечаройских церквей и становящихся подвластными этим церквам, в то время как грамота трактовалась как отвечающая интересам прежде всего церковной братии. В таком случае эта грамота, как и в Византии, оформляла отношения господства—подчинения. История аграрных отношений в Византии X—XII вв. сохранила множество подробностей, относящихся к подобного рода актам, но распространять их и на данный случай при скудости материала было бы опрометчиво.

Явления, сходные с описанными, наблюдаются и в современной судьбе Грузии. Так, сиегель грузинского царя Баграта IV (1027—1072) от 1058 г. не что иное, как иммунитетная грамота, формуляр которой восходит к византийскому образцу — экскуSSIONному хрисовулу или родственному по назначению документу.⁴⁴ Близка этому сиегелю и грамота преемника Баграта IV Георгия II от 1072 г., жалующая иммунитет Шии-Мгвимской пустыни.⁴⁵ К этому же ряду относится дарственная грамота католикаса Мелкиседека мцхетскому храму Свети-Цховели.⁴⁶ Как и следовало ожидать, в Грузии подобные документы исходят от местных правителей, в то время как доставленный Григорием Магистром подписан и скреплен печатью византийского императора. Суть дела от этого не меняется: сложившиеся и в Армении, и в Грузии общественные отношения нуждались во внедрении такого института «внеэкономического принуждения», как иммунитет. В этой связи уместно вспомнить слова Н. Я. Марра: «В Армении был настолько родственными, если не тождественными с грузинскими, феодальный строй, что исследователь армянской жизни может смело пользоваться грузинскими богатыми документальными материалами для оживотворения тех отрывочных летописных данных, ко-

⁴³ Термин «нахарар» к этому времени почти не встречается и уж во всяком случае становится анахронизмом.

⁴⁴ Е. Такайшвили. Сиегель грузинского царя Баграта IV (1027—1072). ЗВОРАО, т. IX, 1896.

⁴⁵ С. С. Какабадзе. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967, стр. 42—43.

⁴⁶ Там же, стр. 329—330. Грамота датируется 1020 г.

торы можно черпать в армянских источниках». ⁴⁷ С тех пор, разумеется, наука далеко шагнула вперед, и наряду с общностью мы можем выявить и безусловные различия в социальном развитии грузин и армян. Однако идея эта не утратила своего научного значения, и новых результатов следует ожидать, в частности, при параллельном изучении армянских, грузинских, кавказско-албанских и, конечно, византийских институтов.

K. N. Yuzbashyan

L' ἑξουσία DANS UNE INSCRIPTION ARMÉNIENNE DE 1051

Analyse critique d'une inscription arménienne racontant qu'en 1051 pendant le règne de l'empereur Constantin Monomaque à Kečaroik fut apportée une «bague d'or» ou chrysobulle impériale et à l'aide de ce document Grégoire le Magistre «avait libéré» (*ազատեալ է*) les églises de Kečaroik. «Liberer» au sens technique veut dire «exempter d'impôts», il s'agit d'une franchise de ce même genre faite par le chrysobulle mentionné dans l'inscription. L'époque, le caractère du document et les circonstances de sa promulgation — tout cela suggère l'idée de son identité à une charte d' ἑξουσία c'est-à-dire d'immunité byzantine.

---

⁴⁷ В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. М.—Л., 1949, стр. 66.

ЭКФРАЗА XII МЕСЯЦЕВ ЕВМАТИЯ МАКРЕМВОЛИТА

Роман Евматия Макремволита по типу древнегреческих софистических романов, в частности по типу романа Ахилла Тамия, послужившего ему образцом, расцвечен экфразами. Среди них описание XII месяцев является наиболее показательным для искусства автора.

В основу этой экфразы легли впечатления от знакомства с памятниками распространенного в XI и особенно в XII в. жанра византийской живописи, представлявшими каждый месяц в виде антропоморфной фигуры с соответствующими атрибутами,¹ возможно, и письменные источники, поскольку к экфразе существовали современные ей литературные параллели.² Наиболее близко стоит к ней прозаическое «Описание месяцев, символически изображенных художником», принадлежащее анонимному автору XII в. Точек соприкосновения между «Описанием» и экфразой Евматия столько, что, несмотря на разницу в трактовке материала — экфраза поэтична и чужда интереса к конкретному, «Описание», напротив, имеет прозаически-бытовой характер, — приходится думать либо о наличии общего для обоих произведений источника, что весьма вероятно, поскольку описания месяцев были популярным литературным жанром, либо видеть в одном из текстов переработку другого.

В связи со сказанным очерчиваются задачи настоящей статьи: она ставит себе целью выяснить трактовку Евматием этого сюжета и, насколько позволяет материал, взаимоотношения его экфразы и «Описания» анонима.³

¹ Мысль о знакомстве Евматия с живописными изображениями месяцев высказал Стржиговский (J. Strzygowski. Die Monatszyklen der byzantinischen Kunst. Repertorium f. Kunstwissenschaft, 11, 1887—1888, S. 43). Он же опубликовал эти изображения и установил трафарет обрисовки отдельных месяцев. Но так как исследователь не располагал позднее его статьи изданным текстом «Описание месяцев, символически изображенных художником», которое, может быть, послужило Евматию источником, он, естественно, основывал свой взгляд на совпадениях экфразы Евматия с живописным трафаретом. После введения в научный оборот «Описания» одних совпадений с канонном недостаточно для установления аутопсии Евматия, поскольку при неясности взаимоотношений обоих текстов эти совпадения могли быть следствием использования Евматием «Описания». Точка зрения Стржиговского подтверждается, однако, чертами живописного трафарета, встречающимися в экфразе Евматия, но отсутствующими в «Описании», например наличие у романиста фигуры III месяца, отвечающей живописному канону и пропущенной автором «Описания».

² Разбросанные по малодоступным изданиям стихотворные описания месяцев XII—XIV вв. собраны и образцово изданы: В. Keil. Die Monatszyklen der byzantinischen Kunst in spätgriecher Literatur, Wiener Studien, 11, 1889; прозаическое «Описание месяцев, символически изображенных художником» анонима XII в. опубликовано: L. Volz. Bemerkungen zu byzantinischen Monatslisten. Byzantinische Zeitschrift, 4, 1895.

³ Стихотворные экфразы вследствие своей чрезвычайной сжатости дают мало материала для сопоставления и потому привлекаются ограниченно.

Так как экфраза была тематически связана с аллегорией трансцендентной любви, составлявшей содержание романа,⁴ т. е. представляла собой аллгорию власти любви над миром (IV, 24), она потребовала той же абстрактно-символической техники изображения, которая была использована Евматием в повествовательной части «Повести». Сообразно с этим он ограждает свою экфразу от специфических черт византийской жизни, которые подсказывались имевшимся у него запасом впечатлений от бытового по своему характеру материала живописных календарей и от литературных описаний календарных циклов, которые были ему, вероятно, тоже известны.

Первый шаг в этом направлении — «разбитовляющие» поправки, внесенные им в облик символических фигур, воплощающих месяцы, и в компоненты фона, на котором они изображены.⁵

Поэтому вразрез с живописным трафаретом в руке косца, представляющего IV месяц,⁶ появляется гигантский серп, что придает его облику эмблематичность (IV, 8), вполне реальный образ виноградаря, воплощающий, согласно канону, VII месяц,⁷ превращается в фантастическое существо, у которого «левая рука уподоблена виноградной лозе, с пальцем, как с веток, свисают грозди; правая снимает виноград, бросая ягоды в рот, как в точило, где зубы, наподобие ног виноградарей, давят ягоды» (IV, 11); в описании XII месяца, символизированного, согласно живописной традиции, фигурой старца, греющегося перед очагом,⁸ у Евматия вместо обыденного очага возникают «полные огня котловины и пламя, полыхающее до самого неба, так что не понять, изливается ли огонь с высоты на землю или с земли взлетает до небес» (IV, 16).⁹

Историческая неопределенность обстановки достигается также отбором черт, лишённых византийской специфичности (характерные для Византии бытовые особенности в экфразу не попадают): Евматий не упоминает ни о штанах как предмете мужской одежды,¹⁰ ни о шелковых одеяниях, распространенных в обиходе богатых византийцев, ни, рисуя в VI, 12 птицелова, об охоте с ловчими птицами, чрезвычайно характерной для Византии и потому отраженной в живописном каноне, принятом для изображения этого месяца.¹¹

⁴ Византийская любовная проза. Перевод, статья и примечания С. Поляковой. М.—Л., 1965, стр. 126 сл.; С. Полякова. О некоторых художественных особенностях романа Евматия Макреволита «Повесть об Исмине и Исминии». VII Всесоюз. конф. византистов в Тбилиси, Тез. докладов, Тбилиси, 1965, стр. 112.

⁵ Единственным отступлением, не вызванным этой задачей, является образ VI месяца, который, согласно канону, изображался в виде страдающего от жары обнаженного человека в шляпе, с веером и кубком в руках; вместо этой фигуры в экфразе Евматия представлен омывшийся человек без одежды, стоящий с кубком перед дверьми бани. (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 42).

⁶ J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 29.

⁷ Там же, стр. 30 и 42.

⁸ Там же, стр. 33.

⁹ В другом месте (IV, 18, 13) полыхающее до небес пламя заменено очагом, что не противоречит ранее нарисованной картине, так как сочетание *ἔστιν ἐμπλαβόν* — дигата из Гесиода (Op. 734), употреблено в переносном смысле, чтобы сказать «вблизи пламени».

¹⁰ H. Weiss. Kostümkunde, II. Gesch. d. Tracht u. d. Geräts im Mittelalter, Stuttgart, 1864, S. 72. Древние греки, в отличие от римлян, не употребляли этой одежды, римские же черты отсутствуют в картине условной греческой античности, нарисованной в романе. Следует сказать, что Стржиговский в одной из опубликованных им миниатюр с фигурами месяцев (две другие дают поясные изображения) усматривает у некоторых из них не прикрытые одеждой ноги (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 29).

¹¹ Одним из атрибутов птицелова, символизирующего VIII месяц, был ловчий сокол (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 31). Охота с ловчими птицами в ее классическом варианте была неизвестна в Греции; существовал, хотя и был крайне редок, примитивный вид подобной охоты, состоявший в следующем: сокола привя-

Охоту же с помощью намазанных клеем тростинок¹² Евматий, по-видимому, описывает (текст в этой части не вполне ясен и допускает различные толкования):¹³ она принадлежала к тому роду бытовых особенностей, которые сохранились в обиходе византийцев его времени.

Далее. Евматий изображает только те предметы обихода и орудия, которые использовались в древности и сохранили свое назначение в средние века (точило, баня, плуг, серп¹⁴) и т. д. Большинство реалий, например хитон, пеллос, кубок, теряют при этом свою историческую конкретность, потому что только называются, а не описываются: при совпадении наименований предметы выглядели в Греции и Византии по-разному. Эту же неопределенность создают и суммарные определения при помощи формул типа «одет по-деревенски» (IV, 6) или «похож не на садовника, а скорее на человека богатого, роскошного, с головы до пят изысканного» (IV, 7), не дающих представления об изображаемом.¹⁵

Евматий не ограничивается культурно-исторически нивелированными описаниями вроде IV, 10 или IV, 13, одинаково возможными для античной и византийской среды, а нередко стилизует византийский материал календаря под ту условную древность, к которой приурочено действие основного повествования. Это осуществляется при помощи античных реминисценций. Рассмотрим их в порядке следования месяцев.

IV, 5. Автор провоцирует в описании война ассоциации с древностью: *δολιχὸν ἔγχος* вызывает в памяти *δολιχόσκιον ἔγχος* Гомера (II. III, 346; Od. XIX, 438), и фигура благодаря этому переключается в античный план.

IV, 6. Упоминание о боге Пане, которого призывает пастух, придает остальным, с точки зрения бытовых деталей, нейтральным составным частям картины безусловно античную окраску.

IV, 7. В этом описании (автопортрете Евматия, согласно Стржиговскому) появляются черты, не показательные для византийского быта, но типичные для древнегреческого: длинные локоны у мужчин и сандалии,

---

звали под кустами в расчете на то, что птички, испугавшись его вида, замрут без движения на ветках и охотник сможет их поймать. На римской почве в IV—V вв. соколиная охота достигла своего полного развития и была популярна. (V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1887, S. 331).

¹² Этот род охоты на птиц в Греции был самым распространенным способом их добывания и состоял в следующем: на открытом месте в землю втыкался шест, к верхнему концу которого были прикреплены намазанные клеем тростины, а вблизи помещались подсадные птицы, которые своим пением привлекали лесных. Те садились, на штангу с тростинками, так как поблизости не было деревьев, и, приклеившись, становились добычей птицелова. Об этом см.: K. Zacher. Leimruten. Hermes, 19, 1884, S. 432. Также продолжали охотиться и в Византии: Cinn. Epitome, rec. A. Meineke, Bonn, 1836, p. 266; Th. Prodromi. Στίχοι εἰς τὰς δώδεκα μῆνας, стих 43 сл. См.: В. Keil. Die Monatscyklen, S. 113 (впрочем, как отмечает издатель (S. 105), принадлежность этого сочинения Продрому не доказана, и автором, возможно, был его современник Каллик).

¹³ Так, Стржиговский в интересующем нас отрывке — *ὁ δ' οἰκίσκουος φέρετ' στρουθῶν πλάττει φυτόν, δόλον πλέκει κατὰ πτηνῶν... ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ* — видит охоту с приманкой, толкуя *πλάττει φυτόν* как приготовление приманки, а *ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ* как ее рассыпание по земле, что представляется весьма натянутым (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 31). Естественнее понимать в первом случае, что птицелов имитирует (*πλάττει*) при помощи шести куст или дерево (*φυτόν*) и в большом количестве «засаживает» ими луг (*ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ*). Такое значение глагола *φτεβεῖ* мы находим у Кедрина (Georgii Cedreni Historiarum Compendium, vol. I. Bonnae, 1838, p. 677, 5).

¹⁴ Th. Prodromi. Στίχοι... 19. См.: В. Keil. Die Monatscyklen, S. 111 — об употреблении серпа для срезания травы.

¹⁵ Стржиговский (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, 40 и сл.) странным образом видит в Евматии подлинного реалиста (*kräftiger Realist*), считая, что многие описания возникли на основании жизненных впечатлений автора. Даже насквозь литературное и далекое от византийского быта описание пастуха (IV, 6) он относит к этому типу, а в антикизированном образе богатого человека, воплощающего III месяц (IV, 7); усматривает даже автопортрет Евматия.

от которых византийцы почти совсем отказались, предпочитая им закрытую обувь разных фасонов.¹⁶

IV, 9. *πίλος ἀσκητόν* (Hes. Erga, 546) на голове жнеца — деталь, снова уводящая к древности.

IV, 11. Символический образ, воплощающий виноградаря, точило, лозу и источник вина, которым Евматий заменил традиционную для византийских календарей фигуру виноградаря, представляющего этот месяц, сконструирован по античному образцу (древний Амπελος).¹⁷

IV, 15. Сравнение фигуры охотника с зайцем в руках с античным образом идеального охотника обнаруживает то же стремление к стилизации под древность. Словарь Поллукса (V, 17) описывает охотника, каким он должен быть, в виде сильного юноши, одетого в хитон и хлену, т. е. дает образ, очень близкий к «юноше с сильным телом», в хитоне и пеплосе из этого раздела экфразы Евматия:

Поллукс

*νέος, θαρσαλέος, δρομικός,
ὄξύς, οὐ προαποκάμνων*

Евматий

*νεανίσκος σφριγγῶν τὸ σῶμα
καὶ τὸ βλέμμα θρασύς*

Условно-античная атмосфера создается и средствами языковой стилизации. Едва ли случайно Евматий в рамках своей короткой экфразы многократно употребляет архаический *dualis* и такие его редко встречающиеся разновидности, как *dualis* прилагательных (IV, 5; IV, 6; IV, 8; IV, 16). Благодаря этому сочетанию символических, условно-античных и равно характерных для Греции и Византии реалий календарь Евматия, в отличие от всех известных нам памятников этого жанра, отступал от реальной жизни.

«Разбытовление» изображаемого сказалось и на отсутствии интереса к специальным частностям сельскохозяйственной практики и житейского обихода, которым в литературных описаниях месяцев уделялось внимание: обычно они заключали земледельческие советы и нередко гигиенические наставления. У Евматия подобный материал почти не встречается и пояснения носят самый общий характер, не затрагивая практической стороны дела, вроде «Рассыпающий вслед за ними семена — это сеятель: он указывает на пору посева» (IV, 18, 11).

Эту свою задачу поднять экфразу над повседневностью и бытом, создать атмосферу исключительности автор осуществляет также при помощи поэтизации. Начать с того, что все описание выполнено в риторической манере, ритмизованной и рифмованной прозой, украшенной риторическими фигурами и повторениями одних и тех же слов и сочетаний, т. е. приближенной к поэзии,¹⁸ примером чего может служить следующий отрывок из IV, 5:

*ὁ μὲν γὰρ στρατιώτης ἦν· στρατιώτης τὸ σχῆμα, στρατιώτης τὸ βλέμμα,
στρατιώτης τὸ μέγεθος· ὅλος στρατιωτικῶς κατεπέφρακτο· τὴν κεφαλὴν, τῷ χεῖρει,
τὸ μεταφρένον, τὸ μέτωπον, τὸ στέρνον, τὴν ὄσφυν καὶ μέχρι ποδῶν· οὕτως ὁ τεχνίτης τὸν σίδηρον εἰς πέπλον ἐξόφανε·ν ἢ μᾶλλον ταῖς βαφαῖς τὸν σίδηρον ἐμιμήσατο·*

¹⁶ H. Weiss. *Kostümkunde*, S. 74. Этому не противоречит то обстоятельство, что месяц май в опубликованных Стржиговским миниатюрах тоже представлен с длинными волосами (J. Strzygowski. *Die Monatszyklen*, S. 28), так как изображаемые одеяния отставали от византийской моды, нередко сохраняя черты, присущие древности. A. Riegel. *Die mittelalterliche Kalenderillustration*. *Mitteil. d. Inst. f. österreich. Geschichtsforschung*, 1889, X, S. 70.

¹⁷ J. Strzygowski. *Die Monatszyklen*, S. 30.

¹⁸ Указанная особенность дикции Евматия неоднократно отмечалась в специальной литературе: E. Rohde. *Der griechische Roman und seine Vorläufer*.⁴ Berlin, 1960, S. 561; K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur*.² München, 1897,

οὐτὼ καὶ μέχρις ὀνόχων αὐτῶν τὸν στρατιώτην κατέφροσε. Φάρετρα περὶ τὴν ὀσφὺν καὶ σπίνθη ἀμφίκοπος· δολιχὸν ἔργος περὶ τὴν δεξιάν· ἀπίς ἐξήρτητο τῆς λαϊᾶς· τοῖν δέ γε ποδοῖν οὕτως εὐφρωσ εἶχε καὶ τεχνικῶς, ὡς εἴποις ἰδὼν κινεῖσθαι τὸν ἄνθρωπον¹⁹.

Не меньшую роль играет причудливая образность фраз: «живописец соткал из железа одеяние или, лучше сказать, передал железо красками» (IV, 5); «на ногах сандалии; даже ноги не оставлены без украшений: на сандалиях, как в зеркале, предстает луг» (IV, 7),¹⁹ «левая рука держит бич, эту кисть землепашцев, которая окунается в воловьую кровь и покрывает узорами землю» (IV, 13).

Сгущению поэтической обстановки содействуют и несущие поэтическую нагрузку детали. С одной стороны, Евматий изображает бесспорно поэтическое: складки одежды, стремительно развеваемые ветром, по-разному уложенные волосы, то «сбегающие по плечам и завивающиеся в красивые локоны», то живописно откинутые на затылок, всевозможные материи, головные уборы, «будто вытканые из золота, будто расшитые цветами хитоны», воинские одеяния из железа, «тонкие, как паутина, льняные ткани», искусно покрытые узором сандалии; с другой — задерживается на вещах низкого обихода: далекий от мира, где эти предметы повседневны и обычны, Евматий смотрит на них как на экзотический раритет. Подвязанные веревкой пеплосы, худые сапоги, шапки из валяной шерсти в его глазах притягательны из-за своей необычности и потому обладают не меньшей поэтической ценностью, чем вещи изысканного вкуса и дорогой работы. Те и другие равно поставлены над бытом; включены из него, так как лишены этнографической достоверности и перенесены в сферу условной поэтичности. Наиболее нагляден в этом смысле отрывок, где грубый пояс из веревки вызывает у автора ассоциации с плющом: «Все остальное, кончая пальцами, покрывает какой-то рваный пеплос, подвязанный, точно плющом, веревкой» (IV, 15).

Сочетание безусловно поэтического с опозитизированным прозаическим придает экфразе особую остроту.

Роль деталей, создающих поэтическую атмосферу, отчетливо проступает при сравнении с аналогичным по теме отрывком из «Описания» анонима; о втором месяце «Описание» сообщает следующее: «...изображен пастух, подле него ягнятся коза. А сам он играет на сиринге». Евматий дает здесь буколическую картинку, так как подробности, выбранные им для изображения пастуха (заботливая помощь ягнящейся козе, прославление ее родов и молитва к Пану), создают идиллическую атмосферу, которая характерна для буколической поэзии; даже детали внешнего облика (косматые волосы, сила, огромный рост) восходят к такой разновидности буколической поэзии, как XI идиллия Феокрита, где влюбленным пастухом выступает Киклоп: «Стоящий за ним с головы до пят одет по-деревенски и с головы до пят пастух. Голова не покрыта, волосы и борода в беспорядке, руки по локти обнажены. Хитон живописец нарисовал до колен, а ноги оставил голыми. Грудь пастуха косматая, космато и тело, что не прикрыто хитоном, бедра широкие и по-мужски крепкие. У ног пастуха изображена коза, приносящая двойняшек. Великан-пастух помогает козе: первенца держит в руках, второго козленка принимает.

S. 764; W. Schmid, Eumathios, Realenz d. kl. Altertums, Pauly-Wissowa, 1909, VI, 1075. О риторической прозе как заместительнице поэзии см.: С. Полякова. К вопросу о стиливых особенностях греческого романа. Сб. «Язык и стиль античных писателей», 1966, стр. 155 сл.

¹⁹ Речь идет о том, что сандалии покрыты рисунком, изображающим цветы, подобные цветам луга, на котором стоит обутый в сандалии человек.

И по-пастушьи наигрывая на свирели, он, кажется, славит роды и просит Пана, чтобы его козы часто и счастливо ягнлись» (IV, 6).

К такого рода подробностям, определяющим восприятие целого, относится и введенная Евматием в описание X месяца фраза: «Живописец не дает заметить, не затаились ли в бороздах птицы и не достанется ли какое семечко им» (IV, 14) — штрих, придающий описанию сева поэтический оттенок.

Особое впечатление поэтической неожиданности достигается также «остранением» штампа. В обязательный стандарт описания весны (III месяц) входили — по наследству от древнегреческой литературы — упоминания о теплых ветерках, журчащей воде, расцветающих цветах, начавших летать насекомых и птицах.²⁰ Помимо этих литературных трюизмов, на пути Евматия стоял еще живописный трафарет, предписывавший изображать фигуру III месяца в виде человека, держащего в руках цветы или нюхающего цветок.²¹ Но автор находит способ, не нарушая живописного канона, представить картину весны нетрадиционно: он рисует воплощение III месяца в виде человека, «точно пчела, прилетающего к цветам» (IV, 7). Стертые от долгого употребления образы проснувшейся весной пчелы и расцветших цветов обновляются сравнением, чтобы избежать давно приевшееся упоминание о том, что пчелы ожили, и традиционные компоненты картины перестают ощущаться как штампы.

Таковыми способами бытовое по своему характеру описание XII месяцев уводится от исторически определенного к условно-символическому, поднятому над повседневным и обыденным, и органически вписывается в «высокий» контекст аллегорического романа.

Нам осталось рассмотреть вопрос об отношении экфразы и «Описания» анонима. Оба текста начинают год с марта (такой тип календаря засвидетельствован для Византии)²² и строятся совершенно одинаково — за описанием символов и примет какого-нибудь месяца следует объяснительная часть, где эти символы и приметы истолковываются в соответствии с главнейшими работами и занятиями этой поры года. Единственное структурное различие — отсутствие у Евматия обозначения месяцев, которые в «Описании» всегда упоминаются и носят, согласно не чуждой Византии манере, древнегреческие наименования.²³ Близость не ограничивается этим: оба календаря, особенно в их объяснительной части, обнаруживают ряд фразеологических совпадений. Они выделены нами в тексте анонима.

²⁰ Ἐκφρασις μηνῶν ὑπὸ ζωγράφου καταγεγραμμένων συμβολικῶς

I. Ἀνὴρ ἐν γραφῇ ὅπλοις κατάφρακτος ἀρείκῃ πρὸς ἔργα χορεῖ. τί βούλεται τῶν ζωγράφων τὸ τέχνημα; μὴνὸς Ἑκατομβαιῶνος ἰδιῶμά σοι αἰνίττεται, καθ' ὃν πᾶς στρατιώτης εἰς στρατείαν παρασκευάζεται.

II. Αἰπόλος μετ' αὐτὸν ἀναγεγραπται, αἷς τε παρ' αὐτῷ τίκτει. ἀλλ' ἐμπνεῖ καὶ σύριγγι οὗτος αὐτός. ὁ ζωγράφος φραζέτω τὸν νοῦν τῆς γραφῆς. πάντως δ' οὐ πολλῆς σοι δεήσει τῆς δυσχερείας καταμαθεῖν τὸ σύμβολον, εἴπερ ἐννοήσεις τὸν μῆνα τὸν Ἀθηναῖον, καθ' ὃν ἐκ χειμῶνος μὲν ἐξάγει τὸ ποίμνιον ὁ ποιμὴν καὶ τὸ

²⁰ «Описание» анонима воспроизводит весь этот набор традиционных черт: «изображен столь прекрасный луг, что кажется, будто он цветет всевозможными цветами и изобилием красок, орошается водой, полн жужжания пчел» (III).

²¹ J. Strzykowski. Die Monatszyklen, S. 41—42.

²² Там же, стр. 25.

²³ P. Tannery. Les noms de mois attiques chez les Byzantines. Revue archéologique, III. sér. 9, Paris, 1887, p. 23; G. Arnakis. The names of the months in the history of Georgios Pachymeres. Byz.-Neugr. Jahrb. 18 (1945—1949), p. 144.

αἰπόλιον ὁ αἰπόλος εἰς πόαν, τίκτουςι δ' αἴγες, καὶ ὁ βουκόλος ἀρμόζεται οὐρίγγα καὶ πρὸς ἐξαγωγὴν τὸ βουκόλιον συγκροτεῖ.

III. Λειμῶν μετ' αὐτοῖς διαγράφεται, οὕτω καλός, ὡς παντοδαποῖς μὲν ἄνθει καὶ ζωμάτων θάλλειν τῷ περιττῷ, λιβαδίους δὲ περιρρεῖσθαι δοκεῖν καὶ μελίτταις καταβομβεῖσθαι, καὶ χωρίον ὅλως εἶναι χαρίτων, καὶ πολυπραγμονεῖν τοῖς θεομένοις τὸν σκοπὸν τοῦ γεγραφότος παρέχεσθαι. ὁ δὲ τὸν Μεταγεινιῶνα ζητεῖν σοι παρακελεύεται, τὸν τοῦ ἤρος καιρὸν κατανθίζοντα καὶ χειμερινὰν ἄπασαν νάρκην πάντων ἐκλύοντα.

IV. Ἐπὶ τούτοις πεδίον ἤπλωται χλοηφόρον, καὶ χόρτον γέγραπται τίλλων ἀγρότης. παρίστησι δ' ἐντεῦθεν ὁ ζωγράφος τὸν Βοηδρομιῶνα, καθ' ὃν ὁ χόρτος πεπαίνεται καὶ τὴν ἐκτομὴν ἀντικρυς ἐκκαλεῖται.

V. Ὁ τὸ δρέπανον ἔχων καὶ θερίζων τὸν στάχυν τὸν Πυανεψιῶνα μὲν σοι διαγράφει σαφῶς. παρεγγυᾷ δὲ τοὺς σιρούς εὐθετίζειν καὶ τὰ ὠρεῖα σαροῦν καὶ τᾶλλα παρασκευάζειν εἰς ὑποδοχὴν τῶν καρπῶν.

VI. Ἄνδρα σοι προύθηκεν ὁ ζωγράφος γυμνὸν πνίγους γέμοντα καὶ ἀνάμεστον πρὸς θερινοῦ καὶ πρὸς ποτὸν κεχυμένον, ὑπομιμνήσκων σε τοῦ Μαιμακτηριῶνος, ἐφ' οὗ τὸν οὐράνιον κύνα ἐπιτέλλειν φασὶ καὶ τοὺς οἴστρους ταῖς βουσί. . . τὰ κέντρα, ἐν ᾧ πᾶς τις ψυχαγωγίαν ποθεῖ καὶ πρὸς ψυχρὸν ὕδωρ ἐπέιγεται, καὶ ἀναπαύλης ὀδοιπόρος ἐπιθυμεῖ.

VII. Ὁ τὸν βότρυν ἐκθλίβων ἀνὴρ, ὁ τὸν βότρυν τρυγῶν ἐκ γραφῆς, τὸν Γαμηλιῶνα σοι μῆνα ἐνοστήναι προδείκνυσι καὶ πρὸς τρύγην σπεύδειν παρεγγυᾷ ὡς πεπεῖρους ἤδη τοὺς βότρυς τυγχάνοντας καὶ τομῆς δεομένους καὶ σεσαρωμένων ληνῶν.

VIII. Ὁ μετ' αὐτὸν ἰξευτῆς ὑπαινίττεναί σοι τὸν Ἀνθεστηριῶνα, καθ' ὃν τὰ πτενὰ τὸν χειμῶνα φρίσσοντα μεταίρει πρὸς τὸ θερμότερον.

IX. Ὁρᾶς τὸν ἀρότην ἐκεῖνον τὸν ἐχέτλης ἐπιλημμένον καὶ πρὸς τομὴν τὴν ὕιν ἰθύοντα; οὗτός ἐστιν ὁ καιρὸς, καθ' ὃν Ἡσίοδος ὁ ποιητῆς δυσσομενάων τῶν πληιάδων ἀρότιοι ἄρχεσθαι παρεγγυᾷ, μάλιστα Ἐλαφβολιῶνος ἐνισταμένου μηνός.

X. Ἦ χεῖρ ζωγράφου, ὡς εὖ ἐγεγραφέεις τὸν ταῖς αὐλαξὶ τοὺς καρπούς ἐνοσκοπιζόντα. εἰ δὲ τίς σου τὸν μῆνα, καθ' ὃν, ἐκπυθάνοιτο, Ποσειδεῶνα πάντως ἐρεῖς καὶ πρὸς τὸ σπεῖρειν ἐκκαλέσεις ἐπειγομένους ὡς τοῦ μετ' αὐτὸν ἀσυντελοῦς πρὸς τοῦτο τυγχάνοντος.

XI. Ὁρᾶς τὸν ἐν μέσῳ κυνῶν νεανίσκον μάλα γενναῖον, θηρατὴν ἄριστον ἐκκρεμαννύοντα λαγῶν τοῦ καρποῦ. οὗτος ὑποσαίνων τὰς κύνας Θαργηλιῶνα μὲν ἐρμηνεύει σοι παρεῖναι τὸν μῆνα, τῆς δὲ θήρας καιρὸν ὑπεμφαίνει. εἰ γοῦν συνῆκται σοι δαφιλῶς τάπιτῆδεα, πρὸς θήραν σαυτὸν ἐρέθιζε. τῷ γὰρ γεωργικῶς καὶ γηπονικῶς ἔχοντι ἀνεσις θήρας καὶ κυνηγεσίας καιρὸς ἀφωσιῶται.

XII. Ὁ πολὺς οὗτος καὶ ῥίγους πλέως ὁ τῆ ἐστία παρακαθήμενος ὦραν χεμέρινον καὶ δριμύτητα Σκιροφοριῶνος σαφῶς δεικνύσιν. εἰ δὲ τι καὶ ψυχρίαν γήρωσ αἰνίττοιο, μὴ σε διαφευγέτω τὰ τῶν σοφιστῶν σύμβολα, ὡς διὰ κόρης μὲν χειμῶν ἀπαλόχρους οὐ διάησι, τροχαλὸν δὲ γέροντα τίθησιν.

ПЕРЕВОД

ОПИСАНИЕ МЕСЯЦЕВ,

СИМВОЛИЧЕСКИ ИЗОБРАЖЕННЫХ ХУДОЖНИКОМ

I. Муж на картине, покрытый доспехами, выступает на дела Арея. Что хочет сказать произведение художников? Так оно намекает тебе на особенности месяца гекатомвиона, когда всякий воин собирается в поход.

II. Вслед за ним изображен пастух, подле него ягнятся коза. А сам он играет на сиринге. Пусть художник поясняет смысл этой картины. Но, конечно, тебе не потребуются большого труда, чтобы понять иносказание, если подумаешь о месяце линионе, когда после зимы овчар выгоняет на пастбище свое стадо, а козопас свое, ягнятся козы, волопас настраивает сирингу и ее звуками собирает коров на выгон.

III. После них изображен столь прекрасный луг, что кажется, будто он цветет всевозможными цветами и изобилием красок, орошается водой, полн жужжания пчел, истинно приют приятностей и заставляет смотрящих задуматься над замыслом живописца. А тот приглашает тебя вспомнить о метагитнионе, расцвечивающем пору весны и отовсюду прогоняющем зимнее оцепенение.

IV. Вслед за этим простирается зеленая равнина и нарисован поселянин, срезающий траву. Здесь живописец представляет воидромиион, когда высоко поднявшаяся трава ждет быстрого покоса.

V. Муж с серпом, жнуший колосья, ясно изображает тебе пианипсион. Этот месяц призывает приводить в порядок амбары, выметать сараи и готовить все прочее для хранения зерна.

VI. Живописец представил тебе обнаженного человека, задыхающегося от жары, утомленного летним зноем и утоляющего жажду, напоминая тебе мимактирион, с наступлением которого, говорят, восходит созвездие Пса и слепни [вонзают] жала в коров, когда всякий хочет усладиться и спешит к прохладной воде, а путник ищет место отдохновения.

VII. Человек, давящий виноград, человек, на картине собирающий виноград, показывают тебе, что наступил месяц гамиион, и призывают приняться за сбор винограда, так как грозди уже поспели и их надо срезать, а точила готовы.

VIII. Нарисованный вслед за ним птицелов намекает тебе на антистирион, когда птицы, боящиеся зимних холодов, улетают в теплые края.

IX. Видишь того пахаря за плугом, направляющего движение лемеха? Это пора, когда поэт Гесиод советует, «только Плеяды начнут заходить, пахать принимайся», точнее сказать, месяц элафииволион.

X. О рука живописца, как хорошо ты нарисовала человека, бросающего в борозды семена! Если кто спросит тебя о месяце, когда это происходит, ты, конечно, назовешь посидион и посоветуешь не медлить с посевом, так как следующий месяц не годится для этого.

XI. Видишь благородного юношу в окружении собак, отличного охотника, держащего на весу зайца? Этот ласкающий свою свору объясняет тебе, что настал месяц таргиалион, указывает на пору охоты. Если у тебя вдоволь запасено всего необходимого, готовься к охоте. Ведь для того, кто обеспечил себя плодами поля и огорода, наступает отдых — время охоты и травы.

XII. Этот седой старик, продоргший и сидящий у очага, ясно указывает на холодное и суровое время скирофориона. Если что-нибудь наметнет на зябкость старости, не оставь без внимания слов мудрых людей:

Ведь холод не продувает девушки с кожей нежной,
Но старца бежать заставляет.

Издатель «Описания» Фольц (никто после него этим вопросом не занимался) считает, что анонимный автор частично без изменений заимствовал, частично парафразировал Евматия.²⁴ В качестве единственного доказательства своей точки зрения он приводит отрывок из описания месяца гамииона — *ὁ τὸν βότριν ἐκθλίβων ἀνὴρ, ὁ τὸν βότριν τρυγῶν ἐκ γραφῆς*, — в котором, по его мнению, *ἐκ γραφῆς* содержит указание на использованный

²⁴ L. Volz. Bemerkungen, S. 550.

оригинал, а слова $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν являются цитатой из него (IV, 18, 8), читая: «человек, выжимающий виноград, т. е. человек, по словам романа Евматия, собирающий виноград».

В результате такого понимания Фольц констатирует смысловую шероховатость, свойственную искаженному чужой рукой оригиналу (между $\acute{o}$ ἐκθλίβων и $\acute{o}$ τρυγῶν, вопреки логике, поставлен знак равенства), и получает дополнительное свидетельство в пользу несамостоятельности анонима.

Однако подобное толкование по ряду причин не выдерживает критики. Исследователь цитирует Евматия по изд. Hercher'a (*Erotici scriptores graeci*, t. II. Lipsiae, 1859), основанному на ограниченном количестве рукописей. Между тем, как видно из аппарата различений, приведенного в позднейшем издании Hilberg'a (*Eusthatii Macriembolitae. De Hysmines et Hysminiae amoribus. Vindobonae. MDCCCLXXVI*), располагавшего 23 списками, сочетание $\acute{o}$ τὸν βότρυον ἐκθλίβων, $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν находило свое место в рукописном предании романа и подтверждено большим числом рукописей, что и дало Hilberg'у повод в таком виде включить его в свой текст.²⁵

Поскольку в составе IV, 18, 8 находилось сочетание $\acute{o}$ τὸν βότρυον ἐκθλίβων, $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν, нет оснований рассматривать $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν во фразе анонима $\acute{o}$ τὸν βότρυον ἐκθλίβων ἀνὴρ, $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν ἐκ γραφῆς как цитату из Евматия.

Сомнение вызывает, кроме того, самое толкование Фольцем сочетания ἐκ γραφῆς. Едва ли это намек на роман Евматия, поскольку ссылки на реальный или фиктивный живописный оригинал были типичны для литературных описаний картин и анонимный автор многократно упоминает то послужившую ему образцом картину, то создавшего ее живописца: ἀνὴρ ἐν γραφῇ, τέχνημα τῶν ζωγράφων (I); αἰπόλος ἀναγέγραπται, ζωγράφος, τὸν νοῦν τῆς γραφῆς (II), διαγράφεται, τοῦ γεγραφότος (III); γέγραπται, ὁ ζωγράφος (IV); ζωγράφος (VI); ὡ χεῖρ ζωγράφου ὡς εὖ ἐγεγραφέεις (X).

Если же прочитать этот отрывок, в отличие от Фольца рассматривая связь однородных членов как копулативную, мы получаем лишенный всякой шероховатости смысл: «Человек, выжимающий виноград, и человек, собирающий виноград, изображенные на картине...», показывают и т. д.».

Остановить на себе внимание может только наличие (вопреки традиции живописных календарей, которой обычно придерживается аноним) двух фигур, символизирующих месяц гамилеон.²⁶ Но это, возможно, следствие небрежности анонимного автора: несмотря на крайнюю сжатость сочинения, оно не свободно от такого рода погрешностей — в описании метагитниона (III) вообще отсутствует его антропоморфное изображение; в картинке I месяца (если это не ошибка переписчика) упомянуты произведения художников τῶν ζωγράφων τὸ τέχνημα, хотя в дальнейшем речь везде идет об одном живописце. Менее вероятно предполагать, что автор отступил от трафарета. Как бы то ни было, наличие двух фигур, иными словами, трактовке связи однородных членов $\acute{o}$ ἐκθλίβων и $\acute{o}$ τρυγῶν как копулативной, а не оппозиционной, не противоречит ни постановка единственного числа глагола в оригинале $\acute{o}$ τὸν βότρυον ἐκθλίβων ἀνὴρ, $\acute{o}$ τὸν βότρυον

²⁵ Чтение Hilberg'a — $\acute{o}$ τὸν βότρυον ἐκθλίβων, $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν; чтение Hercher'a — $\acute{o}$ τὸν βότρυον τρυγῶν.

²⁶ Стржиговский (J. Strzygowski. *Die Calenderbilder vom Jahre 354*. Berlin, 1888 = *Jahrbücher des Deutschen Archäologischen Instituts. Ergänzungsheft*, I, S. 75 u. 80) отмечает, что, в отличие от византийской традиции, некоторые средневековые итальянские миниатюры представляют многофигурные сценки, охватывающие несколько видов характерных для того или иного месяца занятий. Аналогично строились и древнегреческие живописные изображения месяцев.

τροπῶν... προβαίνουσι (поскольку в греческом языке, как в большинстве индоевропейских языков, при двух однородных членах такая конструкция широко употребительна),²⁷ ни единственное число местоимения в описании следующего месяца, возвращающее нас к гамилиону — ὁ μετ' αὐτὸν ἰξουτῆς ἵπαινύτταται, где под αὐτὸν подразумевается гамилион, о котором только что говорилось. Аноним не раз подобным образом вводит описание следующего месяца — μετ' αὐτούς, т. е. вслед за первыми двумя месяцами (III), ἐπὶ τούτοις (IV) и, может быть, μετ' αὐτὸν (II).

Подводя итоги рассмотрению аргументации Фольца, можно сказать, что в «Описании» не содержится ни прямых свидетельств использования романа, ни следов, косвенно указывающих на его переработку. Напротив, некоторые факты скорее говорят о том, что «Описание» не могло послужить оригиналом экфразы.

1. Если бы аноним пользовался Евматием, то, принимая во внимание близость обоих текстов, в его парафразу, вероятно, проникли бы какие-нибудь — пусть ничтожные — следы риторико-поэтической дикции оригинала. Между тем «Описание» совершенно свободно от них; только однажды — и, очевидно, произвольно — автор употребил чуждую украшенному стилю его сочинения риторическую фигуру — χωρίον ὅλωσ ἔιναι χάριτον (III), не встречающуюся, впрочем, у Евматия.

2. При предполагаемом Фольцем взаимоотношении текстов наличие у анонима в описании IX месяца цитаты из Гесиода (Op. 384), скрытой у Евматия за намеком ὁ καιρός, ὃν καὶ τις σοφός ἐκ τῶν Πηλιαδῶν εἰς ἄρστον ἤκριβῶσατο (IV, 18, 10), нуждается в объяснении. В самом деле, чтобы поверить в возможность превращения намека оригинала в цитату у копииста, надо предположить, что копиист, во-первых, был в состоянии по парафразе определить автора и вспомнить соответствующий стих из «Трудов и дней», во-вторых, желал насыщать свой текст цитатами.

С этим, однако, в других случаях не согласуется его практика. Так, аноним, если считать его копиистом, отказывается от двух использованных Евматием мест из этой поэмы: πῖλον ἀκρητόν Op. 546 (IV, 9) он пропускает совсем, а в ἐστὶν ἐμπελαδόν Op. 734 (IV, 18) то ли не узнает стиха Гесиода, то ли сознательно не хочет его сохранить, заменив эпико-ионическую форму ἐστὶν аттической ἐστία, а редкий предлог ἐμπελαδόν — причастием παρακαθήμενος, разрушающим дактилический ритм сочетания.

При обратном взаимоотношении текстов наличие этих цитат удовлетворительно объясняется: Евматий, как нам известно, был широко начитан в классической литературе и охотно украшал свой роман отрывками из поэтов, среди которых часто встречался Гесиод.²⁸ Поэтому он мог не только сохранить две имевшиеся у анонима цитаты из Гесиода, одну приведя текстуально (Op. 518 в описании XII месяца), другую щегольски украв в IV, 18 за τις σοφός (прием непрямой цитации в высшей степени характерен для произведений с риторической дикцией), но и добавить от себя еще два стиха из тех же «Трудов и дней» (в IV, 9 мы находим стих 546, а в IV, 18 — стих 734) — «массированная» цитация одного поэта в пределах коротких отрывков повествования для Евматия обычна.²⁹

3. Отмеченные непоследовательности, встречающиеся в тексте «Описания» (две фигуры для месяца гамилиона, отсутствие антропоморфного образа метагитиона, упоминание в описании I месяца живописцев), де-

²⁷ Она неоднократно представлена в экфразе XII месяцев Евматия (IV, 18, 4; IV, 18, 5), где, впрочем, глагол в единственном числе обслуживает даже три однородные члена.

²⁸ См.: Index scriptorum Hilberg'a, приложенный к изданию романа.

²⁹ Аналогичным образом используется, например, «Гекуба» Еврипида в IV, 24—V, 4 и в VI, 7—13.

лают маловероятным, чтобы аноним мог предпринять систематическую переработку экфразы, т. е. (без единого пропуска!) удалить из нее не только стилистические особенности манеры Евматия, но и те отступления от канона в описаниях календарных фигур, которые были им сделаны. Существенная же Евматием последовательная — даже в мелочах — переработка романа Ахилла Татия показывает, что такого рода задача соответствовала его возможностям и творческой практике.

S. Poljakova

ЕКПФРАСЕ ДЕР XII MONATE BEI EUMATHIUS MACREMBOLITES

Um die Ekphrase der XII Monate (IV, 5—18) mit dem Charakter der narrativen Partien seines Romans in Einklang zu bringen beseitigt Eumathius alle Spuren byzantinischen Lebens, die er in seinen Vorlagen (byzantinische Buchillustration, poetische und prosaische Beschreibungen der Monatszyklen) vorfinden konnte.

Demgemäß verlieren die Personifikationen einzelner Monate ihre veristische Alltäglichkeit und der ganze Realienbestand weist ein kulturhistorisch unbestimmtes Milieu auf, das von Byzanz wenig zu sagen weiß und eher allgemein antik anmutet. Mit anderen Worten, aus reinem Genre und Alltagslebenmaterial seiner Vorlagen formt der Autor ein abstraktes symbolisches und poetisches Stück. Offensichtlich benutzte Eumathius die von Volz edierte (B. Z., 1895, N 4) anonyme Monatszyklenbeschreibung aus dem XII Jahrhundert.

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)

В Константинополе XI в. все образованные люди хорошо знали друг друга. Византийская культура этого времени не только собрание громких имен эрудитов и писателей, но и совокупность связей и отношений между ними: политических, идейных и личных. Где кончаются последние и начинаются первые, подчас трудно определить: идейные позиции определяют личные симпатии и антипатии, но нередко происходит и обратное.

Первое место среди интеллектуальной элиты Византии середины XI в. занимает Михаил Пселл. Его многообразные связи с современниками — интереснейшая страница культурной истории этого времени.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. М. Пселл. Хронография (M. Psellos. Chronographie. Ed. Renaud. I—II, Paris, 1926—1928 — далее Chron.). В «Хронографии» содержится богатый материал для характеристики отношений Пселла с Мавроподом, Ксифилином и особенно Лихудом.¹ Наибольший интерес представляет пассаж Chron., II, p. 65—67. Пселл рассказывает о своем постриге. Его причиной было «неожиданное изменение обстоятельств». Под последним надо безусловно понимать опалу, в которую попала группа Лихуда—Пселла около 1050 г. Сообщив об этом, Пселл делает отступление и рассказывает о своей дружбе с двумя людьми: «Они были родом из других мест, но жили в священном Риме (т. е. Константинополе, — Я. Л.) и запечатали мой образ в глубинах своей души. Смыслом нашего союза стал смысл наших занятий. Они были старше меня — я много моложе». Получив доступ во дворец, Пселл одного из своих друзей тотчас приблизил к императору, а другого позже, «ибо тот не желал сразу явиться к самодержцу». Однако быстро насытившись благами придворной жизни, друзья стали мечтать о монастырском уединении. До времени они не обнаруживали своих намерений, и лишь действия императора, начавшего преследовать тех, кто «взошел на колесницу власти» (в первую очередь Константин Лихуд), заставили их поделиться затаенными мыслями, обменяться клятвами и договориться вместе принять постриг. Один из троицы друзей первым принимает монашество, за ним следует Пселл, о третьем наш автор не сообщает ничего. Первый из упомянутых друзей Пселла — Иоанн Ксифилин, второй — Иоанн Мавропод.²

2. Энкомий Пселла Константину Лихуду (Bibl. gr., IV, p. 388—421).³ Традиционная датировка энкомия 1063 г. неверна. Описывая силу красноречия своего героя, Пселл рассказывает, как Лихуд «сражался» с двумя одинаково доблестными мужами. Далее следует характеристика этих мужей, в которой среди прочего говорится: «Это были оба знаменитых Иоанна (так их звали), равные в речах, но разные в том отношении, что один превосходил другого в искусстве слова, но уступал в философии. Другой же ... но о нем я уже говорил. Они были подобны и равны друг другу совершенством своей добродетели. Один из них, достигнув почтенного возраста и боль-

¹ Вопрос о времени написания «Хронографии» или отдельных ее частей спорен и не может быть решен мимоходом. Последняя работа, в которой обстоятельно разбирается эта проблема: R. Anastasi. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello. Catania, 1969.

² См.: I. M. Hussey. Church and learning in the Byzantine Empire, 867—1185. London, 1935, p. 68—77 f.

³ Bibl. gr. = C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V, 1876.

шой учености, покинул этот мир в сиянии добродетели, другим же еще наслаждается земная жизнь. Он не только первый в каталоге мудрецов, но и занимает первое место среди архiereев, и ехваитская митрополия получила его в качестве жителя и, пожалуй, властителя города. Ему я задолжал похвальное слово, приличествующее человеку такой жизни, однако я откладываю до сих пор его сочинение, опасаясь, как бы кто не подумал, что я просрочил долг и отдаю меньше, чем полагается» (р. 393—394).

Два знаменитых Иоанна (*Ἰωάννης αἰδεσίμω τῷ Ἰωάννῃ*) из кружка Константина Лихуда — это, конечно, Иоанн Ксифилин и Иоанн Мавропод. Один из них (Ксифилин) уже умер (дата смерти — 1075 г.), другой (Мавропод) еще живет. Таким образом, энкомий Лихуду не мог быть написан ранее 1075 г. (Лихуд умер в 1063 г.).

Оба упомянутых выше источника интересны тем, что в них имена всех четверых — Пселла (автора), Ксифилина, Мавропода и Лихуда — встречаются вместе.

3. Энкомий Пселла Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 142—167).⁴ Приведенный отрывок из энкомия Лихуду дает *terminus post quem* и для похвального слова Мавроподу — 1075 г. (Пселла только еще обещает составить речь другу). Эта новая датировка (обычно речь относится к периоду Константина Мономаха) подкрепляется следующими данными из самого произведения.

а) О Константине Мономахе в речи постоянно говорится в прошедшем времени (Bibl. gr., V, p. 154).

б) Пселла пишет: «Извергающие пламя императоры (*βασίλεις πῦρ πνέοντες*) не испепелили только ее одну» (Bibl. gr., V, p. 158. 2—3, из контекста ясно, что речь идет об ехваитской церкви, — Я. Л.). На роль «извергающих пламя императоров» при всей риторической гиперболизации речи могут претендовать только Роман Диоген (1068—1071) и с натяжкой Исаак Комнин (1057—1059).

в) В конце энкомия Пселла пишет: «Ты получила от меня речь..., которую я обещал тебе давно и которую отдаю как долг» (р. 167. 3—5). Из этого высказывания ясно, что имеющийся в нашем распоряжении энкомий — то самое сочинение в честь Мавропода, которое Пселла «обещал» в энкомии Ксифилину.

г) Лишенный риторических прикрас, очень искренний по тону конец энкомия (р. 167) выдает в авторе старого человека, подводящего жизненные итоги.

4. Письма Пселла Мавроподу В издании К. Сафы опубликовано 6 писем Пселла к Мавроподу (Bibl. gr., V, ep. 40, 80, 173, 182, 183, 203). В издании Курца—Дрексля (Scr. min., II),⁵ кроме писем, уже в рукописи адресованных ехваитскому митрополиту (ep. 33, 34, 45, 46, 54, 105, 229), содержится также несколько посланий, отнесенных издателями Мавроподу предположительно (ep. 190, 217, 228, 265, 269). № 265 в Scr. min., II отнесен к Иоанну Ксифилину, однако в дальнейшем «переадресован» Дрекслем Иоанну Мавроподу.⁶ Судя по содержанию, только № 190 из них может быть без сомнений отнесен к ехваитскому митрополиту. Все письма должны относиться к периоду пребывания Мавропода на посту ехваитского митрополита и не могут быть датированы временем до конца 40-х годов.

5. Письма Мавропода Пселлу. Лишь одно письмо (Bibl. gr., V, ep. 202) имеет имя адресата, остальные атрибутируются Пселлу предположительно. Без сомнения, Пселла был получателем письма I. Euch., № 22.⁷ Кроме того, Пселлу скорее всего направлялись послания I. Euch., № 150, 158, 159, 169. Все письма были отправлены во время пребывания Мавропода в Евхаите.

6. Сочинение Пселла «Защита номофилака от Офриды» (Bibl. gr., V, p. 181—196). Произведение представляет собой речь, произнесенную перед учениками Константинопольского университета (в тексте содержится обращение $\omega\ \mu\epsilon\ \sigma\omicron\iota$ — р. 190, 6). Содержание речи — защита Ксифилина от нападок некоего судьи по имени Офрида. Время произнесения речи — конец 40-х — начало 50-х годов.

7. Письмо Пселла Ксифилину о Платоне (Bibl. gr., V, ep. 175). Письмо представляет собой возражение на послание Ксифилина, которое в свою очередь было ответом на другое письмо Пселла (р. 445.13), вызвавшее неудовольствие Иоанна.

По традиции письмо относится ко времени патриаршества Ксифилина.⁸ Между тем

⁴ Новое издание, выпущенное Р. Анастаси (Padova, 1968), осталось нам недоступным.

⁵ Scr. min.—E. Kurtz, F. Drexl. M. Pselli scripta minora, I—II, Milano, 1936—1941.

⁶ См.: F. Drexl. Index nominum zu den von Sathas, Boissonade Hase, Ruelle und Tafel edierten Psellos Briefen, BZ, 41, 1941, S. 310.

⁷ I. Euch.—Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice vaticano graeco 676 supersunt. P. de Lagarde edidit. Abhandl. d. hist.-philol. Cl. d. königl. Gesellsch. d. Wissenschaften zu Göttingen, Bd. 28, 1881. См.: W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des XI. Jahrhunderts. Plauen, 1883, S. 13, Anm. 7; F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Byzantinische Archiv, VIII, 1926, S. 30. Адресат письма назван Константином. Константин — светское имя Михаила (в монашестве) Пселла.

⁸ K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Ἐπιφύλιος, ὁ νομοφύλαξ, ὁ μοναχός, ὁ πατριάρχης καὶ ἡ ἐποχὴ αὐτοῦ. Ἀθήναι, σελ. 134.

уже П. Безобразов указал на ошибочность этого тезиса, хотя и сам не сумел предложить верной датировки.⁹

Письмо могло быть отправлено только между июлем 1054 и январем 1055 г.; Пселл в период его написания принял монашество, но еще не покинул столицу (р. 449.30—450.6).

8. Письма Пселла Ксифлину. *Scr. min.*, II, ep. 191; *Bibl. gr.*, V, ep. 36 (= *Scr. min.*, II, ep. 273), 37, 44. Второе из перечисленных писем в *Cod. Laug.* отнесено судье Опсикия. Мы, исходя из содержания, вслед за К. Сафой атрибулируем его Ксифлину, считая, что лемма «судье Опсикия» — результат ошибки переписчика (в письме упоминается монастырь τῶν Κελλιῶν, о котором говорится в ряде других писем к судье Опсикия).

Все письма написаны около 1054 г.: Ксифлин находится в монастыре Пселл все еще пребывает в Константинополе. *Scr. min.*, II, ep. 191 — возможно, то «первое» послание Пселла, в ответ на которое Ксифлин разразился обличительным письмом, вызвавшим в свою очередь ответ писателя (*Bibl. gr.*, V, ep. 175).¹⁰

9. Надгробное слово Ксифлину (*Bibl. gr.*, IV, p. 421—462). Сохранилось без конца, обычно датируется августом 1075 г. — временем смерти Ксифлина. Никакого подтверждения этому в тексте эпитафии нет. Вполне вероятно, что речь была произнесена и в одну из годовщин смерти патриарха (как, например, речи Кируларю и Лихуду). Р. Анастаси предположил, что имеющийся в нашем распоряжении текст представляет собой результат контаминации двух произведений: похвального слова Ксифлину (р. 421—459.17) и обличительного сочинения, направленного против него же (р. 459.18—462). Аргументы итальянского ученого следующие: 1) в эпитафии меняется лицо, вместо обычного третьего появляется второе — прямое обращение к Ксифлину (р. 459.18); 2) в рукописи спутана нумерация — сороковой лист предшествует тридцать девятому; 3) в конце эпитафии Пселл высказывает ряд положений, противоречащих его собственным утверждениям в начале.¹¹

Первый и второй аргументы не выдерживают критики. Изменение лица с третьего на второе — в эпитафиях явление обычное (*Bibl. gr.*, IV, p. 419, Лихуду; *Bibl. gr.*, V, p. 164, Мавроподу и др.), генетически оно восходит, видимо, к прямому обращению к покойному, над могилой которого произносится речь.

Ошибкой в нумерации листов не может быть доказательством механической контаминации, поскольку логического обрыва в тексте нет и фраза *οὐ δὲ μοι λέγε...* (р. 459.17), с которой начинается «новое» произведение, с помощью частицы *δέ* сопряжена с предыдущим.

Третий аргумент серьезен, поскольку противоречия касаются не только общего тона (резкое порицание приходит на смену гиперболизированному похвалам), но и конкретных деталей. И тем не менее предположить контаминацию невозможно, поскольку Пселл, заканчивая «порицание», пишет: «Я хотел бы иметь свободу порицать тебя, чтобы воспользоваться всем, что имею, но сделать это мне не позволяет эпитафия» (р. 462.7—8). Таким образом, «порицание» несомненно включено в состав речи самим Пселлом.¹²

9а. Императорский указ об основании юридической школы в Константинополе, принадлежащий руке Иоанна Мавропода (*Novella constitutio saec. XI medii*, ed. A. Salač, Praga, 1954). Время организации школы и, следовательно, написания указа можно определить приблизительно по сообщению Михаила Атталиата, согласно которому Мономах, «завершив это сражение (имеется в виду сражение с русскими летом 1043 г., — Я. Л.), пользовался покоем, с радостью принялся за государственные дела и учредил музей юриспруденции (*μουσεῖον τῆς νομοθετικῆς*)». Вслед за этим сообщением Атталиат переходит к рассказу о подавлении восстания Льва Торника осенью 1047 г. Таким образом, учреждение школы, по Атталиату (рассказ этого историка в большинстве случаев выдержан хронологически), следует датировать временем между 1044—1047 г.¹³

⁹ П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 161.

¹⁰ По меньшей мере два письма Пселла Ксифлину остаются не опубликованными поныне (*Vat. gr.*, 1912, p. 182—183v, 184v—185v). См.: P. Sarrat. Nouveaux inédits de Michel Psellos. REB, 1967, p. 52.

¹¹ R. Anastasi. Sull'epitafio di Psello per Giovanni Xiphilino. *Siculorum Gymnasium*, N. S. XIX, 1966, p. 52.

¹² Смена жанра в пределах одного сочинения вполне допускалась средневековой поэтикой. См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 44. Можно указать и на очень близкий пример у самого Пселла: в энкомии к Мавроподу, по словам самого писателя, соединены похвальная речь (*λόγος*) и увещание (*παράκλησις*). См.: *Bibl. gr.*, IV, p. 167.4 (авторское разделение соответствует реальной композиции энкомии).

¹³ *Michaelis Attaliotae historia*, rec. I. Bekkerus, Bonnae, 1853, p. 21. Традиционная дата для этого события (1045 г.) не обоснована источниками. Э. Фоллиери, считающая, что в конце 1043—начале 1044 г. Мавропода уже не было в Константинополе,

10. Письма Мавропода Иоанну Ксифлину (I. Euch., № 127, 128, 130). Ни одно письмо не имеет точной адресации и атрибутируются нами Иоанну Ксифлину гипотетично.

Основания: в письме № 127, явно написанном близкому другу, Мавропод употребляет латинское слово *familia*, «поскольку, — как объясняет автор, — речь обращена к италийцу и почитанию римлян» (*προς ἰταλικὸν τε καὶ φιλορωμαίων*). Эта характеристика сама по себе наводит на мысль о Ксифлине, так как «министр юстиции», знаток и толкователь римского права, естественно знал латынь, что не так часто встречалось в Византии того времени. Это предположение находит определенное подтверждение в следующем письме (в рукописях Мавропода, как и других византийских авторов, письма одному и тому же адресату нередко помещались рядом), обращенном к человеку по имени Иоанн и содержащем напоминание о «старом обычае ученых бесед» (*ἔθος ἀρχαίων ταῖς λογικαῖς ἡμῶν συνουσίαις*). Что касается письма № 130, то, даже делая скидку на риторическую гиперболизацию, можно догадаться, что оно было направлено главе византийской юриспруденции.

Поскольку письма Мавропода в рукописи расположены в хронологическом порядке,¹⁴ можно примерно определить время отправления посланий 1047 и 1050 гг.

11. Письма Пселла Лихуду (Bibl. gr., V, ep. 28, 68; Scr. min., II, ep. 245). По содержанию все три письма весьма традиционны. Первое (лемма: «протовастиарий Лихуду») может быть отнесено к периоду царствования Константина Мономаха, второе и третье (леммы: «патриарху Лихуду») — ко времени патриаршества Лихуда (1059—1063). Впрочем, и эта весьма неопределенная датировка может быть ошибочной, поскольку указания лемм нередко не соответствуют действительности. Лихуда, видимо, имеет в виду Пселл под «проэдром и протовастиарием» в письме, адресованном τῷ κρῖτῳ Χαρσιανῶν (Bibl. gr., V, ep. 73, p. 309, 2—3).

«Как живешь, мой брат и господин? Ты — отец моей учености, ты возделал почву души моей и бросил в нее первые семена наук или, лучше сказать, привил мне свои черенки и сообщил моим побегам свои добродетели». В этих словах благодарный ученик Пселл (ему в это время уже за тридцать, он первый ученый и занимает важные государственные посты) признает роль, которую сыграл Иоанн Мавропод в формировании его личности (Scr. min., II, p. 76).¹⁵

В «Панегирике матери» Пселл говорит о себе — шестнадцатилетнем: «Я только что прекратил слушать поэмы (Гомера, — Я. Л.) и с наслаждением погрузился в искусство слова» (Bibl. gr., V, p. 28. 25—28). Об этом же периоде своей жизни сообщает Пселл и в эпитафии своему соученику и коллеге по университету Никите: «Со временем моя страсть к учению постоянно увеличивалась, и я прежде всего заинтересовался риторикой (философия сделалась предметом моих занятий позже). Поэтому я стал искать того, кто стал бы наставником в моих занятиях. И я нашел, но не кого хотел, а того, кого почитало в то время юношество» (Bibl. gr., V, p. 88).

Из сопоставления этих высказываний ясно, что в возрасте примерно 16 лет Пселл начинает последний этап своего обучения — занятия риторикой. При этом он обращается к новому учителю-ритору. Этим новым учителем скорее всего был Иоанн Мавропод.

Последняя (риторическая) ступень образования Пселла должна была длиться примерно 3 года.¹⁶ Лет 19 Пселл уже чиновник, а затем и судья в провинции.

Через несколько десятилетий в связи со смертью своего школьного товарища — уже упомянутого Никиты — Пселл вспоминает об этих годах: ученики ходили насупленными и лохматыми, их главной заботой было не быть, а казаться мудрыми, они хвастались своими мнимыми успехами

вынуждена искусственно отнести открытие школы к очень раннему времени — второй половине 1043 г. (E. Follieri. Giovanni Mauropode. Otto Canoni. Roma, 1967, p. 14).

¹⁴ Этот тезис мы не имеем возможности доказывать в рамках настоящей статьи.

¹⁵ Ср.: Bibl. gr., V, p. 466.30—467.6.

¹⁶ Образование византийца заканчивалось обыкновенно к 19—20 годам (R. Brownig. Byzantinische Schulen und Schulmeister. Das Altertum, Bd. 9, Hf. 2, 1963, S. 111).

в науках и презирали новичков. Пселл и Никита, напротив, отличались приятностью нрава и наряду с усердным изучением наук, и особенно риторики, не пренебрегали удовольствиями.

Любопытным свидетельством этого периода жизни является письмо (возможно, самое раннее из всех сохранившихся!), обращенное Пселлом к своему учителю, скорее всего Иоанну Мавроподу (Scr. min., II, ep. 13). Пселл присутствует на какой-то пышной свадьбе. Однако брачные песни не радуют юношу, и он молит господу скорее прекратить празднество. Как только свадьба кончается, он спешит к своим обычным занятиям и жаждет насладиться преподаванием учителя — адресата письма. Однако бес, который, как известно, во все эпохи с особым удовольствием искушал школяров, на этот раз попутал Пселла, и он, «отказавшись от наслаждения милой и сладостной риторикой», отправился к храму Св. отцов, где в то время происходило празднество. Ехать надо было морем, стояла непогода,¹⁷ и в результате неудачного путешествия Пселл заболел. Считая себя на пороге смерти, он просит учителя прийти навестить его. Тому же адресату (т. е. скорее всего Иоанну Мавроподу) Пселл направляет и два других письма (Scr. min., II, ep. 14, 15). В одном из них он упрекает учителя за то, что тот все еще не пришел к нему, в другом (написанном уже после визита) выражает надежду «вновь насладиться речью, льющейся из его медовых уст». Оба послания пестрят заклинаниями в дружбе и упреками в пренебрежении ею. За строками писем (каждое из них, особенно первое, несмотря на риторические излишества, интереснейший человеческий документ) встает образ молодого Пселла, искренне преданного учению, в то же время не чурающегося светских удовольствий, хотя и стесняющегося своих слабостей. Пройдет полтора десятка лет, и, сам став учителем, Пселл будет сурово поучать своих нерадивых учеников.

Между Пселлом и его учителем — у нас нет прямых указаний, и мы не решаемся безоговорочно назвать его Мавроподом — существуют близкие дружеские и, видимо, весьма свободные отношения.

О школе, в которой обучался Пселл, кое-что можно узнать и из других источников. «О блаженнейший, — пишет племянник Мавропода, императорский нотариус Феодор Китонит, в стихах на смерть своего дяди, — слава твоя распространилась по всему свету, как во всеобщую школу (λογεῖον κοινόν), сзывала она в твой дом жаждущих познать науки».¹⁸

Наиболее интересные сведения сообщает сам Мавропод.¹⁹ Школа помещалась в его частном доме, причем Иоанн исполнял там, видимо, обязанности директора, обучение в школе было бесплатным.²⁰ Наряду со знаниями ученики получали также нравственное воспитание,²¹ многие из их числа стали высокопоставленными чиновниками и учителями (I. Euch., № 92, 49—50). В школе Мавропода завязывалась дружба между учениками, образовывались связи между учениками и учителями, не прерывавшиеся долгие годы.²²

¹⁷ Дело происходит в декабре. День св. отцов отмечался в последнее воскресенье перед рождеством. См.: V. Gruehl, Chronologie, Paris, 1958, p. 382.

¹⁸ Произведение Феодора опубликовано: S. Eustratides, Ἰωάννης ὁ Μαυρόπους μητροπολίτης Εὐχαρίτων, Χρυσόστομος Παπαδοπούλου ἀρχιεπ., Ἀθηνῶν Ἐκδοσιμα, Ἀθῆναι σελ. 431, 39—44.

¹⁹ «Я разрешал споры учеников и учителей и был готов ответить всем» (I. Euch., № 47, 26—27). Из этих слов можно также сделать вывод, что обучение велось по традиционной для Византии вопросно-ответной системе.

²⁰ «Многих юношей я сделал мудрыми бесплатно» (I. Euch., № 47, 31). В византийской школе не было твердо установленной платы за обучение. Ученики и их родители делали учителям «подарки» (R. Brown, Byzantinische Schulen, S. III).

²¹ «Я кое-что сделал и для нрава многих» (I. Euch., № 92, 44).

²² Об этом свидетельствуют письма как Мавропода, так и Пселла (I. Euch., № 123, 157; Scr. min., II, ep. 11, 16, 25, 26).

Где-то около 1037—1038 г. Пселл покидает школу Мавропода. Учитель и ученик на некоторое время должны были расстаться: Мавропод в конце 30-х годов удаляется в монастырь,²³ Пселл начинает свою служебную карьеру и, видимо, уезжает из Константинополя.

В начале царствования Константина Мономаха Пселл вновь в столице. По рекомендации друзей (возможно, Константина Лихуда, *Chron.*, I, p. 138) он введен в сенат, удостоен высших должностей, посвящен во все явные и тайные государственные дела (*Chron.* I, p. 124).

В это же время Пселл достигает ранга первого ученого и ритора государства. В середине 40-х годов он назначается ипатом философов — главой философско-риторической школы, открытой в Константинополе Константином Мономахом. Звезда Пселла находилась в зените до последних лет царствования императора. Только в самом конце 40-х или уже в 50-х годах он, равно как и его ближайшие друзья, попадает в опалу,²⁴ результатом которой был его постриг,²⁵ принятый вопреки императорской воле, а в дальнейшем (уже после смерти Константина в январе 1055 г.) и удаление в монастырь.

Каков был жизненный путь Мавропода в те годы, когда его любимым ученик делал столь блистательную карьеру при дворе Мономаха? По этому вопросу среди исследователей существуют давние и весьма серьезные расхождения. Не входя в существо спора, приведем здесь наиболее вероятную реконструкцию биографии Мавропода этого периода.

После 1043 г. Мавропод по ходатайству Пселла, несмотря на желание остаться в тени, приближается ко двору (*Chron.*, II, p. 65). Он не занимает никаких официальных должностей, но пользуется значительным влиянием (*I. Euch.*, № 118, 119). Между 1044 и 1047 гг. Мавропод оказывается в роли одного из организаторов так называемого константинопольского университета.²⁶ В конце 40-х—начале 50-х годов, видимо в связи с начавшимися гонениями на партию придворных интеллектуалов во главе с Лихудом, положение Мавропода при дворе пошатнулось: письма Иоанна этой поры изобилуют жалобами (№ 142, 144). В конце концов Мавропод вынужден принять назначение на митрополичью кафедру в далекую Евхаиту. Новый пост страшит «любителя тихой и независимой жизни», вызывает поток риторической ламентации (*I. Euch.*, № 147, 149). И по прибытии в Евхаиту не может Мавропод примириться с новой должностью, жалобы в письмах усиливаются и постепенно доходят до своего эмоционального предела (*I. Euch.*, № 153, 155, 160, 163, 166 и др.). Сколько времени Иоанн оставался на своем посту, определить трудно, хотя в 1075 г. (*terminus post quem* для энкомия Пселла Мавроподу) он еще был евхаитским митрополитом.

Все эти годы были временем близкого общения, более того, сотрудничества Мавропода и Пселла в науке, литературе, политике. К сожалению, у нас мало данных о взаимоотношении этих людей в период, когда они оба жили в Константинополе. Единственный сохранившийся документ

²³ См.: G. Dreves. Johannes Mauropus. Stimmen aus Maria Laach, 26, 1884, S. 162; Gudemann. RE, Hlbd. 18, col. 1750 ff.; S. Eustratides. Ἰωάννης ὁ Μαυρόπους, σελ. 408. Возражения см.: J. Dräseke. Johannes Mauropus. BZ, 2, 1893, S. 466 f.

²⁴ См. статью: P. Joannou. Psellos et le monastère Ta Napaou. BZ, 44, 1951, S. 284. Как можно понять из слов самого Пселла, неблагоприятная ситуация для него и его друзей возникла в связи с концом карьеры первого министра при дворе Мономаха Константина Лихуда, которого император заменил логофетом евнухом Иоанном. Время падения Лихуда, к сожалению, нельзя определить точнее, чем конец 40-х—начало 50-х годов XI в.

²⁵ В июле 1054 г. «ипат философов и вестарх Константий» (конечно Пселл!) передает Михаилу Кируларю послание Константина Мономаха (C. Will. Acta et scripta, quae de controversiis eccl. gr. et lat. saec. XI composita extant. Lipsiae et Marburgii, 1881, p. 166). Можно думать, что в это время Пселл еще не принял пострига.

²⁶ A. Sallač. Novella constitutio; ср.: I. Euch., № 122.

этого времени — письмо Мавропода (I. Euch., № 122), касающееся одного из центральных событий культурной жизни Византии XI в. — открытия так называемого константинопольского университета. Мавропод сообщает о том, что его окружил «святой хор божественной философии» (τῆς θείας φιλοσοφίας ὁ ἱερός χορός), под этим выражением надо, видимо, понимать студентов вновь открытой в Константинополе философской школы. Иоанн вступил с ними в беседу и остался чрезвычайно доволен их ревностным отношением к наукам и особенно их единодушным желанием видеть во главе своей школы Константина (т. е. Пселла). Мавропод обещал студентам поддержку перед самодержцем, а также «в том, что связано с согласием других молодых людей, которые интересуются ныне наукой и знанием». Мавропод желает Пселлу всяческого успеха, а также отдает себя целиком и полностью в распоряжение Пселла (... ἐπιδίωμι καὶ ἑμαυτὸν πρὸς ταῖς ἄλλοις ὅλον καὶ πάντα).

Некоторый комментарий это послание Мавропода получает в энциклопедии Пселла Иоанну Ксифилину (Bibl. gr., IV, p. 433), где говорится о борьбе, которая развернулась между будущими студентами «юристами» и «философами». Первые ратовали за открытие юридической школы во главе с Иоанном Ксифилином, вторые хотели школу философскую и Пселла в качестве ее шефа. Возможно, именно эти раздоры имел в виду Мавропод, обещая свою поддержку в том, что «связано с согласием других молодых людей». Император решил удовлетворить обе партии и приказал организовать две разные школы.

У нас нет оснований вслед за большинством исследователей утверждать, что Мавропод вместе с Пселлом сам преподавал в университете; ясно, однако, что отношения между бывшими учителем и учеником в ту пору были наилучшими.

Этим скудными данными собственно и ограничиваются свидетельства об отношениях Пселла и Мавропода в период их совместного пребывания в столице. Напротив, от того времени, когда между ними пролегли сотни миль труднопреодолимого пути (Мавропод жалуется, что в Евхаите нелегко найти человека, который бы доставил письмо в Константинополь — I. Euch., 163), мы имеем довольно много свидетельств, рисующих характер отношений учителя со своим бывшим учеником: оказавшись вдали друг от друга, Мавропод и Пселл ведут оживленную переписку.

Не все послания Пселла в рукописях имеют имя адресата, большинство отнесено Мавроподу издателями. Что касается евхаитского митрополита, то все его письма адресуются гипотетически.

Можно с достаточными основаниями предполагать, что уже первое дошедшее до нас письмо Иоанна, отправленное из Евхаиты (№ 150), обращено к Пселлу. Его адресат (Константин) — ближайший друг отправителя, человек, «достигший вершин мудрости». Мавропод обращается к нему с просьбой о помощи, а, как будет видно из дальнейшего, именно Пселл принял на себя роль заступника своего учителя перед императором.²⁷ Первая часть послания выдержана в чрезвычайно раздраженных тонах. Мавропод предан, продан, а затем и забыт своим другом. Не заботы о карьере Иоанна, не стремление обеспечить ему благоденствие и славу руководили им, а желание избавиться от Мавропода. Сам же он никогда не допускал никакой несправедливости по отношению к друзьям. Тем не менее, продолжает Мавропод, он и поныне сохраняет верность дружбе и, находясь в изгнании, вызывает в памяти образ друга, надеясь этим письмом растопить лед их нынешних отношений.

²⁷ По мнению Нейманна (K. Neumann, Theologische Literaturzeitung, № 24, 25, 1886, S. 598), это письмо адресовано другому Константину — Лихуду. Однако Мавропод, видимо, получил назначение в Евхаиту вслед за отставкой Лихуда, который уже, конечно, не смог бы оказать никакой помощи евхаитскому митрополиту.

Таким образом (если, конечно, адресат этого письма действительно Пселл), ученик Мавропода был как-то причастен к назначению своего учителя или, быть может, уговаривал Иоанна принять это назначение.²⁸ Видимо, Пселл действительно благожелательно относился к новому роду деятельности Мавропода. Об этом свидетельствует его письмо, отправленное, как явствует из содержания, вскоре после отбытия Мавропода из столицы (Scr. min., II, ep. 45). Это наиболее теплое и искреннее послание из всех тех, что отправил своему «страждущему» учителю преуспевающий ученик. До Пселла скорее всего еще не дошли жалобы Мавропода (путь до Евхаиты занимал два месяца (I. Euch., № 163), найти письмоносеца было нелегко!). Пселл спрашивает о самочувствии и настроении Иоанна, советует ему не огорчаться, если не все, что он нашел на месте, соответствует его желаниям; обеспокоен, не тяготят ли Мавропода его обязанности, убеждает митрополита в том, что, хотя тот и предпочитает тихую жизнь частного человека, истинное его призвание — «управлять и предводительствовать телами и душами».

К началу пребывания Мавропода в Евхаите можно отнести и другое письмо Пселла (Scr. min., II, ep. 34).²⁹ Писатель уже получил полные отчаянных жалоб письма митрополита и, отвечая на них, продолжает убеждать своего корреспондента в преимуществах его положения: «Ты обладаешь счастьем, — пишет Пселл, — здесь же нет ничего постоянного, ничего твердого, но все движется и меняется... а если где и вырастет животворное древо, доступ к нему преграждают мечи» (p. 54).

Константинопольскую придворную жизнь Пселл иронически называет Эдемом и в раздражении восклицает: «Если хочешь, давай меняться, бери себе дворец, а я возьму Евхаиту. Что же ты заулыбался? Оставь себе подиру и клобук, поменяемся только местами». Во время написания письма Пселл явно подвергается гонениям со стороны своих взявших верх противников при дворе.³⁰

Упреки и раздраженный тон характерны и для многих других писем Пселла к Мавроподу, распределителю которые во времени, к сожалению, не представляется возможным. Мавропод возложил на Пселла роль ходатая и заступника при императорском дворе,³¹ которую тот старается по мере сил добросовестно выполнять. В ряде писем Пселл живописует Иоанну свои усилия: «Ни в дружеских беседах, ни в разговорах с императором, ни в других обстоятельствах не забываю я твоей дружбы и твоей добродетели, о лучшей из моих друзей и философов, но при всяком случае я вплетаю в свою речь рассказы о твоей дружбе, прелести речи, тонченности нрава, высоте добродетели...» (Bibl. gr., V, p. 465).

В другом письме Пселл рассказывает, как ему удалось заставить замолчать евхаитцев, явившихся к императору с жалобами на Иоанна.

²⁸ Ср. следующее письмо (№ 151). Мавропод проклинает тех, кто по невежеству превозносит его в связи с его назначением. «Острова блаженных оказались призрачным счастьем», — сетует митрополит.

²⁹ Пселл пишет о том, что Мавропод еще недавно (*ὄυ πρό πολλοῦ*) «вкусал этот Эдем» (т. е. жил в Константинополе). Письмо, видимо, датируется самым концом 40-х годов.

³⁰ Тот же мотив звучит и в другом письме Пселла (Bibl. gr., V, ep. 173, p. 440—441): «Ты несчастлив, но счастлив, я же счастлив, но и несчастлив... ты несчастлив из-за чужбины и пренебрежения, но счастлив благодаря выпавшим на твою долю чинам и должностям, я счастлив тем, что имею родину, но несчастлив из-за того, что происходит в отчизне». В письмах этой поры, направленных другим лицам, также содержится немало жалоб, см.: Scr. min., II, ep. 191; Bibl. gr., V, ep. 37, p. 270—271 (Иоанну Ксифилину); Scr. min., II, ep. 198 (неизвестному лицу) и др.

³¹ Скорее всего именно Пселлу было адресовано письмо (I. Euch., № 158), в котором Мавропод благодарит за содействие и память о себе и сообщает о том, что направил новое послание императору в надежде на помощь друга. Ср.: K. Neumann, Theologische Literaturzeitung, № 25, S. 598.

По его словам, он сумел изменить мнение Мономаха об Иоанне, и тот, вместо того чтобы слушать обвинителей и самому обвинять, принял предвозносить Мавропода. Ипат философов в присутствии императора прочел письмо митрополита, сравнил его с сочинениями древних и признал превосходство слога своего друга (Bibl. gr., V, ep. 80).³²

Однако ходатайства Пселла не всегда достигали цели. В одном из посланий он сообщает, что, несмотря на свое влияние, ничего не может сделать, ибо «даже острым топором можно срубить не всякое дерево». Придет время, обещает придворный философ, и он склонит на свою сторону самодержца, для этого нужно только приступить к делу вовремя, и император может стать мягким и податливым.

Переписка Пселла и Мавропода характеризует не только их взаимоотношения, она в какой-то степени воссоздает духовную атмосферу константинопольского двора и рисует облик двух различных представителей византийской интеллигенции того времени. Наиболее интересным в этом отношении является обширное послание Пселла — Scg. min., II, ep. 229. Во второй его части речь идет о каком-то предполагаемом приезде Мавропода в Константинополь с целью испросить милость у императора. В связи с этим Пселл дает советы своему бывшему учителю. Войдя к императору, Иоанн не должен «хмурить брови», ни словом не упоминать ни о наветах, ни о своих страданиях, ни о желании бежать из Евхаиты. Мавроподу надо сменить «муз на харит», т. е. проявить приятность нрава. Ловкий придворный, как режиссер, подготавливает будущую сцену (используем выражение самого Пселла). Он опасается, как бы Мавропод не явился бы без маски (*ἀνυπόκριτος*) и не испортил бы все лицедейство (*τῆν ὑπόκρισιν*). Впрочем, и это не страшно: Пселл у самого порога «примет». Иоанна и тут же «приспособит к драме». Изворотливый царедворец, проникший во все тайны науки обхождения с жуиром на троне, Мономахом, искренне готов помочь почитаемому им Мавроподу. Не случайно, однако, бывший ученик предлагает ему себя на роль наставника в лицемерии: поклонник уединенных занятий, нечестолобивый и прямой Мавропод явно не приспособлен для готовящегося лицедейства.

Однако усилия Пселла, как и его сообщения из Константинополя, не удовлетворяют и вызывают раздражение у митрополита поневоле. Свидетельство этому — обширное письмо Мавропода (№ 159), которое с очень большой вероятностью может быть адресовано Михаилу Пселлу. «Недосуг мне много разглагольствовать, в том числе и с вами, мудрецы и любители наук, нет у меня времени на длинные речи, другие дела торопят меня... А те беседы, речи и блаженная жизнь, которых мы лишены ныне, прощайте! Это были, видно, сны и ничто более. Ныне другая жизнь, тяжкая... И что печальнее всего, нет мне проку от друзей в тяжелых обстоятельствах и даже от самого дорогого и горячо любимого! Он пребывает в бездействии. Ну и пусть! Он один, как говорится в мудрой трагедии, обладает благом, но не решается разделить с другим тяготы и протянуть руку помощи страждущему».

Попреки Мавропода в свою очередь раздражают Пселла, обвиняющего своего корреспондента в том, что его нрав изменился под воздействием обстоятельств. Ведь он, Пселл, остался прежним, он и раньше «лукавил» (*εἰρωνεύσάμενος*) в письмах, побуждая тем самым друзей к еще большему расположению к себе. Мавропод, зная его стиль, должен был бы правильно понять его послания, ибо ни у одного человека не встречал Пселл нрава столь «серьезного и в то же время сократического», как у своего учителя. Почему же теперь стал столь суров и сумрачен тот,

³² Вполне вероятно, что об этих волнениях евхаитцев идет речь в энкомии Пселла Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 157, 26 сл.).

кто раньше нередко бывал весел, умел обаятельно вести беседу и применяться к обстоятельствам?³³

Нет возможности восстановить все перипетии отношений Пселла и Мавропода. Ссоры в письмах, видимо, чередовались с примирениями, раздраженные отповеди с дружескими посланиями, риторические излиния с чисто деловыми сообщениями.

Только одно письмо Пселла резко отличается по своему тону от остальных (Scr. min., II, ep. 105). Возможно, оно было направлено уже не митрополиту евахитскому (хотя и адресовано в рукописи τῷ μητροπολίτῃ εὐχαίτων), а уже удалившемуся в монастырскую обитель Иоанну. Основанием для такого предположения является следующее: в этом письме Пселл чрезвычайно настойчиво подчеркивает «неземную природу» своего адресата (ἡ ἀπόγειος φύσις). «Что же тебе нужно еще на земле, тебе, чья обитель — небо, уже переступившему внешнюю оболочку. Я поражен, что тебя заботят горсть пшеницы и ты ценишь бутылочку масла, ведь ты уже насыщаешься из высших источников, предан одному богу и совершенно презрел природу. То, за что я прежде порицал тебя, теперь для меня достаточный повод для энкомия» (p. 135). Последняя фраза — скорее всего намек на то, что в свое время Пселл отговаривал Мавропода от пострига, ныне же хвалит его за это.³⁴ Если это так, мы получаем лишнее свидетельство тому, что Мавропод не оставался до конца дней на митрополичьей кафедре, а осуществил свое намерение и второй раз в своей жизни ушел в монастырь.

Письма Пселла и Мавропода друг другу — даже недоброжелательные — испещрены уверениями в дружбе. В таких излипаниях нет ничего необычного: они — наиболее распространенное «общее место» византийской эпистографии, использовать которое в разных вариантах рекомендуют еще позднеантичные письмовники.³⁵

Дружба, нашедшая столь изысканное выражение в эпистографии, отнюдь не была абсолютной ценностью в византийской этике. Еще в раннем христианстве эта прославленная с античных времен добродетель воспринималась по-разному.³⁶ Ее отвергал современник Пселла и Мавропода Кекавмен, решительно осуждал Симеон Новый Богослов. Стремление к богу и к индивидуальному спасению, проповедь абстрактной христианской любви к человечеству оборачивались у Симеона суровостью и недоброжелательством к конкретному человеку, фактическому отказу от любви и дружбы к ближнему.³⁷ Уже А. П. Каждан противопоставил в этом отношении Симеону и Кекавмену Михаила Пселла, для которого дружба была одной из основных добродетелей.³⁸ Можно сказать и больше: сам Пселл противопоставляет свою мораль той системе этики, которая ранее нашла законченное выражение в сочинениях Симеона. Мы имеем в виду в первую очередь письмо Пселла патриарху Михаилу Кируларию, которое почти целиком построено на противопоставлении земной доброты, снисходительности и терпимости автора суровой бескомпромиссности

³³ См.: Scr. min., II, ep. 229, p. 272—273. Аналогичные мотивы содержатся в двух других письмах Пселла Мавроподу (Bibl. gr., V, ep. 182, 183).

³⁴ См. в энкомии Мавроподу: Bibl. gr., V, p. 164 sq.

³⁵ См.: G. Karlsson. *Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine*. Uppsala, 1959, p. 16 sq. Данные античных письмовников приведены в кн.: *Античная эпистография*. М., 1967, стр. 5 и сл.

³⁶ См.: K. Треу. *Φιλία und Ἀγάπη*. Zur Terminologie der Freundschaft bei Basilii und Gregor von Nazianz. *Studii clasice*, 3, 1961, S. 421—427.

³⁷ См.: А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI в. Симеона. *Byzantinoslavica*, XXVIII, 1, 1967, p. 18.

³⁸ Там же, стр. 20. А. П. Каждан ссылается на одно из писем Пселла (Scr. min., II, p. 28). Можно было бы привести много аналогичных пассажей из сочинений этого писателя.

«небесного» адресата.³⁹ Придворный интриган Пселл в этом и других случаях явно переоценивает свою доброту и человечность. Знаменательно, однако, его сознательная позиция и то, в каком отношении противопоставляет он себя патриарху.

Не менее положительно оценивает дружбу и Мавропод. Перечислив в одном из своих «автобиографических» стихотворений те жизненные блага, в которых он не нуждается (богатство, чины и т. п.), он заявляет, что хочет сохранить для себя единственное «имущество» — верность другу.⁴⁰

Таким образом, в отличие от Симеона и Михаила Кирулария, принципиально отрицавших доброжелательно-дружеское отношение к «ближнему», Пселл, как и Мавропод, почитает дружбу — во всяком случае теоретически — нормой взаимоотношений между людьми.

Знаменательно, что мотив дружбы, неоднократно всплывающий в сочинениях и переписке Пселла и Мавропода, часто переплетается с другой темой — страсти обоих к науке и литературе: они обычно объединяются византийскими писателями в многозначном понятии «слова» (λόγος).

Именно общность литературных и научных интересов связывала столь непохожих людей, как независимый и гордый, хотя и не чуждый человеческим слабостям, «кабинетный» ученый Мавропод и лукавый царедворец, человек-Протей⁴¹ Пселл. Об этом недвусмысленно говорит сам Пселл в уже цитированном отрывке «Хронографии»: «Смыслом нашего союза стал смысл наших занятий» (Chron., II, p. 65).

Для атмосферы ученой дружбы, о которой шла речь выше, весьма характерен пролог Иоанна Евхаитского к сборнику его стихотворений: «Выбрав эти мои сочинения из многих других, стихотворных и нестихотворных, я только их преподношу любителям слова (τοῖς λόγοις φίλοις). Получив эти краткие строки, друзья, вы сами предпочтете, чтобы ваш друг угодил вам своими делами, а не длинными речами». Мавропод адресует свой сборник друзьям, а друзья его и есть одновременно «друзья слова» (I. Euch., I).

В посланиях Пселла и Мавропода друг другу видна та игра и любовь «словом», которые были столь характерны для образованных византийцев. Пселл видит в своем адресате человека, который в состоянии оценить его умение обращаться со «словом». Так, даже в письме, прославляющем «неземную» и божественную природу Мавропода, Пселл отмечает, что его адресат все же «загрязнен в той степени, в какой он восхищается красотой слова, гармонией и тщательностью композиции».⁴²

Однако наиболее характерным в этом отношении является другое письмо Пселла, написанное, видимо, в нелегкий для автора период гонений и интриг. Упрекнув друга за нерегулярность его посланий, Пселл продолжает: «Мы же не изменяемся в зависимости от перемены судьбы и обстоятельств и, в отличие от большинства, не выбираем в соответствии с ними слова и не соразмеряем по ним дружеские чувства. Пусть же они (перемены судьбы и обстоятельств, — Я. Л.) извне окружают нас, а слово утвердится (πεπήχθη δὲ ὁ λόγος), как мы и условились друг с другом. Несчастия же следует переносить».

³⁹ См.: Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. Визант. вестник, XXX, 1969, стр. 91.

⁴⁰ I. Euch., № 90.23.

⁴¹ О «протезизме», т. е. способности занимать любую позицию, характерной для Пселла, см.: Я. Любарский. Михаил Пселл, стр. 88.

⁴² Мы имеем в виду письмо (Scr. min., II, ep. 105), написанное, возможно, в бытность Мавропода уже монахом.

Понятия «слова» и «дружбы» употребляются здесь как бы на одном уровне. И то и другое одинаково не зависит от внешних обстоятельств, и то и другое составляет внутреннюю духовную связь между друзьями, беречь которую они договорились.

В то время как для Пселла и Мавропода темы дружбы и любви к «слову» тесно связаны между собой, для их антиподов в этических вопросах — уже упомянутых Симеона и Михаила Кирулария — принципиальный отказ от доброжелательного отношения к ближнему сочетается с отрицанием всякого человеческого (в отличие от божественного!) знания. Симеон сам неоднократно декларирует свое пренебрежение земными науками;⁴³ об этой черте Михаила Кирулария пишет, противопоставляя себя патриарху, в уже упомянутом письме Пселл.⁴⁴

Такая связь в отношениях к понятиям *φιλία* и *λόγος* (как в негативном, так и в позитивном смысле) не кажется нам парадоксальной. Для Симеона и Кирулария *φιλία* и *λόγος* одинаково отвлекают человека от аскезы и служения господу; для Пселла и в значительной степени Мавропода они составляют смысл их посюсторонней жизни.

Общие ученые интересы и любовь к «слову» связывали Пселла и Мавропода тесно потому, что в середине XI в. люди этого типа еще ощущали себя островком в «море невежества» (используем выражение самого Пселла). «Таков мой истинный философ и учитель, — пишет Пселл в энокмии Мавроподу, — непохожий на многих, занимающихся теперь наукой, и на тех других, которые ее презирают и считают излишней мудростью; усвоив наше учение (т. е. христианское, — Я. Л.), они не испытывают нужды ни в каком прочем. Иные же не знают и не изучали даже нашего учения. Слово мое обращено к некоторым из тех, кто так считает» (р. 151, 152). «Те, кто не изучил египетскую, халдейскую и иудейскую мудрость, — продолжает Пселл, — те, кто не превзошел эллинские науки и не использовал всего, что есть в них полезного, должны стыдиться своего невежества». Новым укором в адрес тех, кто «презирает образование и делает наше (т. е. христианское, — Я. Л.) учение предлогом небрежения и легкомыслия», заканчивает Пселл свои рассуждения. Среди хулителей героя энокмии были, видимо, и те «пренебрегающие нехристианскими науками», иными словами, ортодоксальные фанатики и обскуранты, которые в других обстоятельствах выступали и против самого Пселла. Отсюда прямые обращения и резкий полемический тон писателя. Защищая Мавропода, Пселл защищает не только друга, но и единомышленника.

Отношения Пселла и Мавропода не были замкнутой двусторонней дружеской связью. Уже в разобранных нами свидетельствах неоднократно всплывала фигура другого Иоанна — знаменитого Ксифилина, будущего патриарха, образованнейшего человека своего времени, сыгравшего немалую роль в жизни как Пселла, так и Мавропода.

Первое знакомство Пселла и Ксифилина произошло, вероятно, в школе Мавропода в начале 30-х годов. Рассказ об их взаимоотношениях этого периода, сохранившийся в эпитафии (Bibl. gr., IV, p. 427.8 sq.), выдержан в идеальных тонах и пересыпан терминами, обычно сопровождающими изображение идеальной византийской *φιλία*. Единственные реальные сведения сводятся к тому, что сам Пселл занимался главным образом риторикой и философией, Ксифилин отдавал предпочтение юриспруденции, и друзья взаимно обучали друг друга. Вскоре после прихода к власти Константина Мономаха Ксифилин по рекомендации Пселла

⁴³ А. П. К а ж д а н. Предварительные замечания, стр. 36.

⁴⁴ Bibl. gr., V, p. 507. 7 sq. Характерно, что скрытые упреки в пренебрежении науками стоят у Пселла рядом с обвинениями в негуманном отношении к людям.

представляется ко двору,⁴⁵ получает высокие должности судьи ипподрома и эксактора, а затем назначается номофилаком, т. е. ректором вновь открытой юридической школы.⁴⁶ При организации юридической и философской школ не обошлось без трений, хотя разногласия среди учащихся, видимо, и не привели к серьезному конфликту между наставниками.

Нападки на придворных интеллектуалов около 1050 г. коснулись Ксифилина одним из первых. «Удары и копыя, — пишет Пселл, — сыпались на него не только сзади, но и спереди, как говорят, прямо в грудь» (Bibl. gr., IV, p. 436. 21—22). Одним из этих «ударов в спину» и был донос, подписанный Офридой, на который Пселл отвечал в публично произнесенной перед учениками речи.

Для характеристики отношения Пселла к Ксифилину это произведение имеет значение непосредственного отклика. Если написанная в старости эпитафия изображает события ретроспективно, то «апология» создана молодым Пселлом по горячим следам событий. Основной пафос произведения — противопоставление двух людей, «обвиняемого» и «обвинителя», Ксифилина и Офриды. «Апология» так и начинается: «От человека дурного и недостойного я защищаю мужа, во всем ему противоположного, украшенного добродетелями и привлекательностью, которых тот лишен» (Bibl. gr., IV, p. 181—182). Противопоставление проводится главным образом в сфере интеллектуальной. Ксифилин изучил всю грамматику, достиг вершин искусства поэтического лицедейства (ποιητικῆς δὲ τὸ ὑποκριτικόν εἰς ἄκρον ἐξήρτησεν), никому не уступает в орфографии, не имеет себе равных в риторике и т. д. Напротив, красноречие Офриды оставляет желать лучшего: когда он говорит, то «разевает свою пасть медленнее морского чудовища ... языком двигает как мельничным жерновом» (p. 185). Если Ксифилин в совершенстве знает законы и овладел искусством юриста, то потуги Офриды в этом отношении просто смехотворны (p. 186—187).

Молодость, по Пселлу, вопреки мнению Офриды, вовсе не является препятствием для того, чтобы стать мудрым и красноречивым человеком. Апогея противопоставление Ксифилина и Офриды достигает тогда, когда Пселл, сопоставляя человеческую душу с воском, на котором отпечатываются знания, говорит, что «воск» Ксифилина мягкий и податливый, а «воск» Офриды тугой и застывший (p. 187). «Офрида, — еще более подчеркивает свою мысль Пселл, — сколько ни смотрит на солнце, может после долгого напряжения увидеть лишь крохотный лучик, а Ксифилин своим могучим взором сразу видит все солнце (т. е. «свет знания», — Я. Л.)».

В этом сочинении видно то упоение силой ума и знания, которое, видимо, свойственно было кружку молодых интеллектуалов, группировавшихся при дворе Константина Мономаха. Всякая попытка опорочить членов этого кружка, предпринятая к тому же с обскурантистских позиций, встречает немедленную отповедь. Знаменательно, что обвинитель Ксифилина принадлежит к монашеским кругам, а апология Пселла имеет определенный светский колорит и построена почти целиком на античных примерах и ассоциациях.

Можно думать, что между Пселлом и Ксифилином в этот период существовали те же отношения «ученой дружбы единомышленников»,

⁴⁵ Утвердившаяся в некоторых исследованиях дата этого события — июнь 1043 г. — ни на чем не основана (K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Σιφίλιος, σελ. 29, со ссылкой на Bibl. gr., IV, p. XL, ὑποσ. 2)

⁴⁶ П. Безобразов (Михаил Пселл, стр. 19—20) на основании неверно переданной мысли Фишера (W. Fischer. Studien, S. 14) считает, что Ксифилин занимал должность ὁ ἐπί τῶν κριτῶν. Поэтому он ошибочно атрибутирует ему письма Пселла (Bibl. gr., V, p. 409—412).

которые связывали с Пселлом и Мавроподом. Интересно, что в том же ключе выдержаны те письма Мавропода, которые мы атрибуировали Ксифилину. Мавропод считает своего адресата ученым, справедливейшим человеком, украшенным всеми мыслимыми достоинствами (I. Euch., ep. 128, p. 72.17). Он лучший из судей, благодаря которому законы воцарились по всей земле (ep. 130, p. 73.21). Корреспондентов связывает дружба, украшенная всеми возможными прелестями (ep. 127, p. 71.33—34). Как явствует из слов Мавропода, Ксифилин со своей стороны тоже прославлял его в письмах (p. 71.35 sq.).

Придворная борьба кончилась поражением интеллектуалов. Во исполнение ранее заключенного с Пселлом и Мавроподом соглашения Ксифилин удаляется в монастырь.⁴⁷ Пселл медлит. Это время интенсивной эпистолярной связи между друзьями. Стремясь убедить Пселла исполнить условия их соглашения, Ксифилин требует от него переселения в монастырь и засыпает письмами, содержащими «блестящие посулы, обещания выздоровления, увещевания, плачи, стенания, слова, написанные не чернилами, а слезами, угрозы» (Bibl. gr., IV, p. 440. 27—29), напоминает Пселлу о «дружбе, благодеянии, преподавании, общении, ученом сотрудничестве, самой философии и т. д.». Данные энкомия вместе со свидетельствами ответных писем Пселла на эти несохранившиеся послания Ксифилина позволяют в общих чертах восстановить картину взаимоотношений друзей этого периода.

Опалу и необходимость оставить столицу они воспринимают очень по-разному. Если Пселл (как и Мавропод) чрезвычайно удручен и обескуражен случившимся, то Ксифилин, напротив, относится к событиям без всякого трагизма. «У него, — пишет Пселл, — был такой избыток блага, и жизнь была столь устремленной к богу, что преобразование для него прошло безболезненно» (Bibl. gr., IV, p. 440. 9—10). Вынужденная поначалу аскеза, видимо, не вызвала у Ксифилина никакого внутреннего сопротивления. В двух посланиях Пселла этой поры (Bibl. gr., V, ep. 44; Scr. min., II, ep. 191) высказывается осторожный упрек Ксифилину за молчание: последний не пишет ему из монастыря. В этих этикетных упреках есть нечто необычное: нежелание писать Ксифилина объясняется не тривиальным «пренебрежением», а требованиями аскетической морали, которым подчиняется корреспондент. «Я хвалю тебя за молчание, ибо знаю, плодом какой добродетели оно является» (Bibl. gr., V, p. 276. 19—20). Видимо, ограничение или запрещение переписки и устного общения предусматривалось уставом или обычаями монастыря, где находился Ксифилин: «Божественным мужам, окружающим тебя, — пишет Пселл в другом послании, — нравится первый вид философии, и они не разговаривают друг с другом» (Scr. min., II, ep. 191, p. 215.11—13). У Пселла этот обычай не вызывает никакого энтузиазма, его оскорбляет, что Ксифилин считает беседу с ним «неуместным занятием», в обоих письмах он ссылается на пример отцов церкви Василия и Григория, святость которых не была препятствием для дружеского общения, в том числе и эпистолярного (Bibl. gr., V, p. 277. 9—11; Scr. min., II, p. 215, 17—23). Ксифилину, для которого принятие схимы отнюдь не было простым формальным актом, кажется непонятной задержка Пселла в Константинополе, и последний делится с другом своими душевными сомнениями. Вдруг его стремление в монастырь на самом деле не «божественный порыв» (ὁ θεῖον ὄρημα), и за действием последует раскаяние (Scr. min., II, p. 218. 2—5).

⁴⁷ Фишер (W. Fischer. Studien, S. 19), а вслед за ним и Бонис (K. G. Bonis. Ἰωάννης ὁ Σκιφίλιος, σελ. 71) считают, что это произошло в 1054 г. Дата эта, однако, ни на чем не основана.

Скорее всего именно это послание вызвало гневную отповедь Ксифилина, ответом на которое и было известное письмо Пселла с воинственной защитой Платона (Bibl. gr., V, ep. 175).

Письмо это, неоднократно привлекавшее внимание исследователей как историко-философский памятник, для нас — интересный документ отношений Пселла и Ксифилина. То взаимное недовольство, которое, как это видно из предыдущих посланий, накапливалось постепенно, здесь выступает обнаженно. Пселл отвечает на два пункта обвинения, выставленного Ксифилином: 1) излишнее увлечение Платоном, Хрисиппом и рационалистическими методами в философии; 2) увлечение суетой городской жизни, пренебрежение «спасением» в Олимпийской обители.

Пселл действительно признает себя восторженным поклонником эллинских философов (poleмическое «Мой Платон!» трижды повторяется в письме). Однако склонность к древней науке, по Пселлу, отнюдь не означает отказа от христианских догм: «Смысл с себя соль, он возлюбил лишь прозрачную воду источника» (p. 445. 3), т. е., как и полагается ортодоксальному философу, заимствовал из эллинской науки лишь согласующееся с христианскими догмами.

Что касается второго обвинения, то «жизнь на горе» (т. е. на Вифинском Олимпе) сама по себе не может быть залогом добродетели и благодати. Постигание высшего знания, «озарение» невозможно без предварительного овладения земной наукой. Ксифилин должен сначала погрузиться в изучение книг «наших и не наших» (т. е. христианских и языческих), упражнять свой ум силлогизмами, а уже потом подняться до знания, «недоступного силлогизмам» (p. 446—447). Логическое мышление (τὸ συλλογιστικόν) не противно христианской догме, оно — орудие и средство достижения знания (p. 447).

Это письмо Г. Бек назвал истинным манифестом христианского гуманизма.⁴⁸ Можно было бы добавить, что это — воинствующий манифест, проникнутый poleмическим пафосом. Нападки Ксифилина философ называет дерзостью (ὕβρις), рождающей у него возмущение и гнев.

Пафос Пселла вызван не только личной обидой: позиция философа — это позиция защиты науки от невежества, знания от obscurантизма. Ксифилина Пселл показывает не только «ненавистником Платона» (μισοπλάτων), но и «ненавистником знания» (μισολόγη), если не сказать «ненавистником философов» (μισοφιλόσοφε) (p. 445. 15—16). Он все презирающий (p. 446.5) и т. д. Всякая добродетель, намекает Пселл на позицию Ксифилина, соединенная с чванством и самомнением, оборачивается худшим злом и есть результат невежества (p. 447. 1—2). Своего корреспондента он укоряет в незнакомстве с географией, незнании халдейской премудрости (p. 448) и т. д.

Письмо, утверждает Пселл в заключительных фразах, он написал не из личной ненависти, а с целью защитить Платона и всю светскую науку (p. 451).

Пять-семь лет отделяют это письмо от речи против Офриды. Мирозрение, доводы и даже пафос Пселла остались прежними, изменилась только позиция Ксифилина. Если раньше Пселл защищал будущего патриарха от Офриды, то теперь он уже защищает самого себя от Ксифилина. В обоих случаях он защищает просвещенность от obscurантистских тенденций.

После кратковременного пребывания в монастыре Пселл возвращается ко двору. 1058—1063 гг. прежние друзья живут вдали друг от друга, никаких свидетельств их связи этой поры не сохранилось.

⁴⁸ H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 541.

Когда в 1063 г. умер Константин Лихуд, Пселл — во всяком случае он сам так утверждает — предложил на патриарший престол кандидатуру Ксифилина (Bibl. gr., IV, p. 447). Прибывший в столицу новый патриарх отметил Пселла в толпе встречающих придворных, подошел к нему и имел краткую беседу, прерванную самим императором (p. 448. 4 sq.).

Единственный источник для позднего периода (времени патриаршества Ксифилина) — энкомий Пселла. Как уже отмечалось, он резко разделяется на две части, из которых первая — панегирическая речь, скрывающая истинное отношение к герою частоколом стандартных формул. Зато вторая — порицание — дает волю авторским чувствам.

Содержание порицания несколько неожиданно.

Покойному уже патриарху философ предьявляет в основном две претензии, уличая его в занятиях «халдейскими» науками (Bibl. gr., IV, p. 459—460) и в исповедовании физических и онтологических теорий Аристотеля (p. 460—462). Хорошо известно, что то и другое было предметом усердных занятий самого Пселла. Это обстоятельство, однако, не мешает писателю использовать самые сильные выражения для осуждения своего бывшего друга. Пселл «смеется» над всем, чем гордится патриарх, его наука для него — «театральное действо» (p. 460. 2—3).

Еще более неожиданными оказываются в порицании исходные позиции самого Пселла: писатель не может принять исповедуемые Ксифилином теории как «нечестие» (τὸ ἀσεβές) и «несоответствующие нашему учению» (πρὸς τὸν ἡμέτερον λόγον ἀσυντάλεις — p. 460. 18—20).

Сторонник светской образованности, проповедующий терпимость, Пселл вдруг становится в позу «охранителя устоев». В чем причина столь резкой перемены?

Теоретически можно себе представить это как результат эволюции мировоззрения писателя. Вероятнее другое.⁴⁹ Пселл остался тем же, однако в специфических условиях Византии (как и в любом государстве с безраздельным господством официальной доктрины) идейная борьба парадоксальным образом для обеих сторон превращается в уличение противника в «отступлении» от общеобязательных догм. Не впервые прибегает к этому приему и Михаил Пселл: составляя в 1058 г. речь против Кирулария, он уже уличал своего политического врага в «нечестии», «оскорблении святых», «занятии оккультными науками» и прочих грехах, обвинение в которых способно было произвести впечатление на суд и настроение общества.

Итак, в отношениях между прежними соратниками в последние годы возникает новая (уже третья!) ситуация: бывший защитник Ксифилина, позже вынужденный обороняться от его нападков, на этот раз сам оказывается, правда уже после смерти патриарха, в роли обвинителя.

Многие события биографии и карьеры Пселла, Мавропода и Ксифилина были так или иначе связаны с деятельностью видного политика, а позже патриарха Константина Лихуда, имя которого неоднократно упоминалось выше. Лихуд родился, видимо, в конце X в.,⁵⁰ в юные годы он делает придворную карьеру и уже при Михаиле IV (1034—1041) входит

⁴⁹ Предположить эволюцию взглядов Пселла трудно, так как, во-первых, в других произведениях этой поры мы не находим ничего подобного, во-вторых, как уже отмечалось, в энкомии Мавроподу, написанном после 1075 г., Пселл высказывает воззрения, прямо противоположные его позиции в последней части энкомия Ксифилину.

⁵⁰ Лихуд был старше Ксифилина и Мавропода (Bibl. gr., IV, p. 393.19). По свидетельству Скилицы (Scdr., II, p. 570), сын Лихуда в 40-х годах был уже страгигом Веспракана. Достоверность последнего свидетельства может быть оспорена: Никифор Вриенний в аналогичном контексте говорит не о сыне, а о дяде Лихуда (Nicephori Bryennii commentarii, rec. Meineke, Bonn, 1836, p. 31). Скутариот уже и вовсе считает Лихуда внухом.

в состав синклита (Bibl. gr., IV, p. 393. 18). Именно на эти годы приходятся ораторские диспуты Лихуда с Ксифилином и Мавроподом, о которых в конце жизни вспоминает присутствовавший на них Пселл (Bibl. gr., IV, p. 392. 28).⁵¹ Михаил V (1041—1042) отличает Лихуда, однако «не успевает» вручить ему бразды правления (Bibl. gr., IV, p. 398. 16). Это делает уже Константин Мономах (Bibl. gr., IV, p. 399). Лихуд, обладающий титулами проэдра и протовестиария (Cedr., II, p. 644; Attal., p. 66; Zon., p. 670), становится «первым министром» императорского дворца (Attal., p. 66; Cedr., II, p. 570, 644—645). Возвышение Лихуда повлекло за собой приближение ко двору Пселла, Ксифилина и Мавропода, а его отставка около 1050 г. привела к отстранению всех троих от активной деятельности. В царствование Феодоры (1055—1056) Лихуд «скромно жил в тихой гавани» (Bibl. gr., IV, p. 406. 9—10). Оставался в тени он и при Михаиле VI Стратиготике (1056—1057). Летом 1058 г. Лихуд вместе с Пселлом принимал участие в посольстве к мятежному Исааку Комнину (Bibl. gr., IV, p. 407; Chron., II, p. 93; Zon., p. 661). Новый император Исаак, несмотря на сомнения окружающих, вновь поручает ему заботы о государственных делах, а после смерти Кирулария (1058 г.) делает его патриархом (Bibl. gr., IV, p. 409; Cedr., II, p. 645).

К этому периоду относится единственное из трех писем Пселла Лихуду, которое позволяет судить о взаимоотношениях этих людей (Scr. min., II, p. 245). Философ жалуется на охлаждение к нему патриарха, пишет о наветах на него и о некоем «драконе», не подпускающем его к Лихуду. Речь без сомнения идет о каких-то расхождениях между друзьями, хотя, может быть (принимая во внимание свойственный византийской эпистографии гиперболизм), и не столь серьезных.⁵² Большинство исследователей полагает, что Лихуд был тем человеком («самым дорогим из людей»), по совету которого Пселл приступил к написанию «Хронографии».⁵³ На пятом году своего патриаршества в 1063 г. Лихуд умер.

О Лихуде и своем к нему отношении Пселл подробно пишет дважды: в «Хронографии» и «Энкомии». «Ум Лихуда не уступал речи, а речь — уму» (Chron., II, p. 93. 18). Благородство и ум политика он сочетал с жизнью священника, делами вершил не как ритор, а как философ, не разглагольствовал, не лицедействовал, но оставался самим собой при том и другом образе жизни и всегда оказывался на высоте положения. При всем этом ему свойственны были доступность, приветливость и качество, очень метко определяемое Пселлом как «улыбчатая серьезность» (μειδίωτη σερνότης) (Chron., II, p. 124.21). Столь идеальная характеристика в «Хронографии» могла бы быть, конечно, объяснена обыкновенной лестью, поскольку историческое сочинение, во всяком случае частично, пишется в период патриаршества Лихуда.

Вторично к образу Лихуда Пселл обращается по крайней мере через полтора десятилетия в энкомии умершему патриарху. Иное время, иное настроение у Пселла... Из трех друзей молодости двоих (Ксифилина и Лихуда) нет в живых, третий (Мавропод) находится в далекой и нелюбимой ему Евхаите. Для удалившегося от дел и уже очень немолодого Пселла наступил срок подведения итогов и «отдачи долгов» (выражение

⁵¹ Утверждение некоторых исследователей, что Лихуд — соученик Пселла (например, Chron., I, p. 16), не соответствует действительности.

⁵² П. Иоанну без всяких оснований полагает, что Лихуд в это время возбудил против Пселла процесс, в результате которого последний должен был вновь удалиться в монастырь (P. J o a n n o u. Psellos et le monastère Tà Nαρζοῦ, p. 286).

⁵³ См.: Chron., I, p. 152.26. Только в самое последнее время Р. Анастаси выдвинул гипотезу, согласно которой Пселл имеет в виду не Лихуда, а Мавропода (R. A n a s t a s i. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello, p. 23—24). Ни то, ни другое отождествление не является абсолютно достоверным.

самого писателя).⁵⁴ Одним из таких «долгов» и являлась речь Лихуду, написанная через много лет после смерти героя.

Характеристика Лихуда в «Энкомии» не менее идеальна, чем в «Хронографии». Лихуд оказывается средоточием всех добродетелей (Bibl. gr., IV, p. 388.4—5), он необыкновенно красноречив, необорим в споре (p. 391), великолепно изучил законы и овладел политическим искусством (p. 394 sq.); придя к власти, вовсе не изменил своей природе и оказался идеальным правителем государства, сохранив при этом простоту и приятность нрава. Как патриарх Лихуд проявил не меньше достоинств, чем в качестве первого министра (p. 411). Он заботился о бедных (первейшая обязанность священника!) и, что специально оговаривается, не забывал о своих родственниках и друзьях.⁵⁵

Главное свойство Лихуда — «сострадательность» (συμπάθεια). В отношении этого качества Пселл признавал полное превосходство патриарха над собой (p. 413). Чрезмерные похвалы Лихуду нетрудно, конечно, отнести за счет условностей жанра. Однако, предъявляя строгие требования к стилю, композиции и даже общему тону, жанр оставляет писателю свободу акцентов, расстановка которых позволяет судить о субъективном авторском отношении к объекту восхвалений. Интересно в этом отношении сопоставить образы Лихуда и Ксифилина в похвальных словах тому и другому.

Оба образа имеют немало сходного, определяемого по-средневековому суровыми требованиями жанра и необычайной общностью материала (в обоих случаях Пселл пишет о друзьях юности, ставших патриархами). Достоинства Ксифилина и Лихуда подаются в «превосходной степени», и тот и другой — непрезойденные образцы добродетели, прекрасные риторы, философы, юристы, благочестивейшие и милостивейшие патриархи. И тем не менее на фоне этого «родового» сходства явственно проступают «видовые» различия. В энкомии Ксифилину акцент ставится на отшельнической жизни, аскетизме, теологических теориях героя (Bibl. gr., IV, p. 451 sq.). Воспаря душой к богу, Ксифилин, особенно в начале своего патриаршества, питал отвращение к людям (p. 449), пренебрегал родней (p. 452). Напротив, как уже отмечалось, божественные добродетели Лихуда сочетались у него с успешной практической деятельностью, а абстрактное «милосердие» с конкретной заботой о ближнем. В образах Ксифилина и Лихуда в энкомиях мы встречаемся с вариантами уже знакомых нам двух типов людей, постоянно противопоставляемых Пселлом. Ксифилин какими-то своими сторонами похож на Кирулария и Льва Параспондила (Chron., II, p. 74 sq.), Лихуд — на Мавропода и самого Пселла. На протяжении всей сознательной жизни Константин Лихуд был для Пселла своего рода образцом идеального человека.

Во втором томе «Истории Византии»⁵⁶ говорится об «уважении к знаниям», «культе бескорыстной дружбы», существовавших в кружках интеллигенции комниновской эпохи и напоминавших «атмосферу более поздних кружков эпохи Возрождения». Эту характеристику можно с уверенностью отнести уже к середине XI в. Именно в рамках такого кружка и развивались дружеские связи между Ксифилином, Мавроподом, Лиху-

⁵⁴ См. окончание похвальной речи Пселла Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., IV, p. 167).

⁵⁵ Последнее обстоятельство дает писателю основание для очень интересных в данном контексте рассуждений о том, что преданность богу не исключает, как полагают некоторые, заботы о земных делах и особенно о родственниках и друзьях. Достойны осуждения, утверждает писатель, люди, «заглушающие голос своей природы» (p. 413.2—3). Такая точка зрения — принципиальная позиция писателя, которую он защищал всю свою жизнь.

⁵⁶ История Византии, т. 2, М., 1967, стр. 356.

дом и Пселлом, которых, особенно последнего, новые исследователи склонны считать предтечами гуманизма.⁵⁷

Вместе с тем приведенный материал позволяет, кажется, сделать и иной вывод, касающийся уже личности самого Пселла. Нельзя не видеть разницы в отношениях Пселла—Мавропода и Пселла—Лихуда, с одной стороны, и Пселла—Ксифилина—с другой. В первом случае, несмотря на все размолвки, многолетние дружеские связи, основанные на взаимных симпатиях и пиетете, во втором случае — постепенное охлаждение и расхождение сторон.

Пселл, Мавропод, Лихуд при всей разнице характеров, темпераментов в течение нескольких десятилетий оставались единомышленниками. Напротив, отход Ксифилина от взглядов и представлений юности сделал этих людей к концу жизни почти врагами. Современные исследователи часто и отнюдь не без видимых оснований называли Пселла наиболее печальным порождением «византинизма», т. е. сервиллизма и моральной беспринципности в их крайнем выражении. Однако в связях с Мавроподом, Ксифилином, Лихудом Пселл не таков: в целом его отношение к этим людям определяется не сиюминутными соображениями выгоды, а убеждениями и мироощущением образованного, широко мыслящего человека.

Ja. Ljubarskij

MICHAEL PSELLOS UND SEINE BEZIEHUNGEN ZU ZEITGENOSSEN

(Johannes Mauropus, Johannes Xiphilinos, Konstantin Lichudes)

Der Verfasser versucht einige Details und Daten, die die Beziehungen zwischen Psellos und drei seinen Zeitgenossen betreffen, festzustellen. Am ausführlichsten wird der Briefwechsel zwischen Psellos und Mauropus behandelt. Der Ausgangspunkt des Verfassers, daß die Briefe Mauropus im Manuskript chronologisch angeordnet sind, gibt die Möglichkeit sich die Entwicklung des gegenseitigen Verhältnisses zweier Schriftsteller besser vorzustellen. Es wird der Unterschied in der Haltung des Psellos zu Mauropus, Lichudes und Xiphilinos betont. Psellos, Mauropus und Lichudes waren Genossen und Gleichgesinnte, die trotz einzelner Auseinandersetzungen das ganze Leben hindurch eng befreundet blieben. Die Beziehungen zwischen Psellos und Xiphilinos dagegen veränderten sich sehr, weil Xiphilinos von den Anschauungen seiner Jugend abwich. Es wird behauptet, daß Psellos, der von der Vielzahl der modernen Wissenschaftler als die Verkörperung des Geistes des «Byzantinismus» bezeichnet wird, in seinen Beziehungen zu den engsten Freunden sich als ein großmütiger Mann erwies, der in seinem Benehmen durch seine Gesinnung geleitet wurde.

Die Beziehungen und der Briefwechsel zwischen Psellos und seinen Freunden sind nur unter Berücksichtigung der Intensivierung des kulturellen Lebens, der Entwicklung der weltlichen Tendenzen in der Gesellschaft richtig einzuschätzen.

⁵⁷ Есть основания предполагать, что рядом с этой элитой византийской культуры стояли и другие неизвестные нам по именам лица, их судьбой интересуются, им передают приветы наши корреспонденты. В письме, возможно направленном Ксифилину (обращение — Иоанн), Мавропод (I. Euch., № 160) выражает дружеские чувства «прекрасной и священной троице, из которых один, я полагаю, еще учитель, а второй и третий — не знаю, как и назвать этих мужей, ибо опасаясь, что гераклитова река увлекла их к иному званию и положению». Ср. также письмо Мавропода двум учителям (I. Euch., № 161).

ГОРОДСКОЕ И ИМПЕРАТОРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ОКСИРИНХЕ IV—VI вв.

Наличие земельного фонда, принадлежавшего античному городу как целому,¹ было существенной его особенностью. Эта городская земельная собственность играла большую роль в обеспечении доходной части бюджета города и, следовательно, в решении многих проблем, касающихся благосостояния города и благополучия отдельных его жителей. Она являлась объектом вождения и борьбы и в исследуемое нами время катастрофически сокращалась вследствие захвата представителями наиболее могущественных слоев самого городского населения, с одной стороны, и политики императоров, сознательно ограничивавших эту земельную собственность, — с другой.² Результатом этого был — и не мог не быть — подрыв позиций среднего городского землевладения, ухудшение положения городской бедноты, ослабление самого античного города.

В какой же мере эти наблюдения применимы к египетской хоре, к Оксириху и подобным ему городам, не являвшимся полисами до их включения в состав империи и получившим *βουλή* только в 200 г. н. э.? У нас нет данных о предоставлении этим городам в собственность земельных участков ни при даровании им *βουλή* Септимием Севером,³ ни при

¹ Эту землю не следует путать с землями, принадлежавшими курии как корпорации, о которых говорят законодательные памятники. См.: Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город. (Антиохия в IV веке). Л., 1962, стр. 79—80; особенно: А. Н. М. Jones. The later Roman Empire, 284—602. A social economic, and administrative survey. Oxford, 1964. I, p. 421₂₄; II, 734₄₉ (ср. Р. Оху., XII, 1413₁₄—270—275 гг., в котором говорится, правда, не о конфискации земли, а урожая). Нельзя смешивать принадлежавшую городу землю и земельную собственность жителей города, обозначавшуюся иногда в источниках как *πολιτικὸν ὑπόστημα*. См. комментарий У. Вилькена к Р. Würzb., 18₁₂ (Фаюм, IV в.).

² Эта политика, начало которой положил еще Диоклетиан, претерпела в своем развитии изменения и колебания, даже частичные возвраты, в зависимости от общей направленности социально-экономических мероприятий правительства и обстоятельств, в целом же она вела именно к сужению этой собственности и к ограничению прав города ею распоряжаться. Подробнее: R. His. Die Domänen der römischen Kaiserzeit. Leipzig, 1896, S. 37—40; А. Н. М. Jones. 1) The greek city from Alexander to Justinian. Oxford, 1940, p. 149, 251; 2) The later Roman Empire, I, p. 415; II, p. 732—734, 737.

³ А. Ч. Джонсон (А. С. Johnson. Roman Egypt to the reign of Diocletian. Baltimore, 1936, p. 28, 505, 682) полагал, что такие земли были, очевидно, предоставлены городам, но позже, по-видимому, отказался от этого утверждения. Ср.: А. С. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949, p. 101. У нас имеются данные, что некоторые из этих земель принадлежали ранее частным лицам, например Р. Lips., 101, II₁₁ (IV в.) сообщает об *οὐκία Ἐρμούπολιτική*, принадлежавшей прежде некому Висе (ср. Р. Гау., 87—155 г., здесь речь идет о землях Александрии, некогда бывших собственностью философа Юлия Асклепиада). Ж. Меоти (G. Méautis. Une métropole égyptienne sous l'Empire romain. Hermoupolis-la-Grande, Lausanne, 1918, p. 140), анализируя документацию, относящуюся к Ермуполю, прежде всего данные

проведении полной муниципализации. Превращение всего нома в территорию города нельзя считать подобным мероприятием, поскольку территория нома не становилась собственностью города, город только выполнял ряд административных функций, осуществлявшихся раньше государственной администрацией. Но некоторые папирусы дают основание полагать, что какие-то земли принадлежат и новым полисам. А. Джонсон и Л. Уэст признают наличие такой собственности только в отношении Ермуполя,⁴ причем встречающееся в P. Flor., I, 71^{127, 137, 474} (середина IV в.) обозначение *οὐσία πολιτικῆ* они относят к Александрии.⁵ По всей видимости, наличие городской земельной собственности нельзя исключить и для Оксиринха, во всяком случае в III в. такая собственность несомненно существовала.

Так, согласно PSI, IX, 1070, в 261 г. (?)⁶ некий Аврилий [Хери?] моннан предлагает Аврилию Диоскуриду, он же Савин, бывшему гимнасиарху, вуленту, вуленту, действующему притану, заведующему муниципальными финансами (*δισκων καὶ τὰ πολιτικῶν*) взять в аренду сроком на один год принадлежавшие Оксиринху в районе деревни Мермерфы разрозненные участки из состава по крайней мере четырех клиров общей площадью, по-видимому, в 35 ¹/₁₆, ¹/₁₆, ¹/₃₂ арур.⁷ В другом папирусе (PSI, XIII, 1330 = SB, V, 7991), относящемся, судя по титулатуре Оксиринха, ко времени после 272 г.,⁸ Аврилий Зоил, гимнасиарх и вулент Оксиринха, предлагает Аврилию Диогену, вуленту Александрии и «прочее» и действующему притану Оксиринха взять в аренду также сроком на один год⁹ принадлежавшие городу (стк. 8: *τὰς ὑπαρχούσας τῇ πόλει*) 16½ арур песчаной земли, находящейся в районе деревни Исион Панги.

К этим несомненным данным можно добавить и другие, достоверность которых менее очевидна. В Р. Оху., XX, 2271 (середина III в.) два оксиринхских вулента, гимнасиарх и экзегет, *δημόσιοι τραπέζιται*, выдают через прагматёвта расписку трем братьям в получении различных сумм «*διοικησῶν φόρων*» (стк. 13), надо думать, в счет имущества (земель, по всей ве-

---

СРН, обратил внимание на то, что большинство участков, входивших в состав городской земли, являлось клирами катэков. Подобное наблюдается и в некоторых оксиринхских папирусах (например, в PSI, IX, 1070). Но эти клиры давным-давно уже были частной собственностью, и их упоминание не проясняет способ перехода клиров в собственность города. Теоретически таких способов было много (ср. Cod. Just., XI, 32 (31), 3 — 469 г.), начиная с дарения и отказа по завещанию и кончая передачей их как *bona vacantia* (см. Р. Оху., VIII, 1102₁₄₋₁₅ — около 146 г.). Последняя возможность была отменена Диоклетианом (Cod. Just., X, 10, 1 — 292 г.).

⁴ P. Lips., 101, II₁₁ — *οὐσία Ἐρμούπολιτικῆ*; A. C. Johnson, L. C. West. *Byzantine Egypt*, p. 20, 95, 101, 303.

⁵ Там же; ср. стр. 40, где авторы говорят о *municipal (land)* без каких бы то ни было уточнений. Они ссылаются на то, что Александрия была в Египте полисом *par excellence* (p. 20, 95, 101). Это верно, но термин *πολιτικός* применялся не только по отношению к александрийским институтам. Поэтому правильней представляется мнение большинства исследователей (У. Вилькена, А. Х. М. Джоунса и др.), что имеется в виду земля, принадлежащая городу Ермуполю. По мнению А. Х. М. Джоунса (A. H. M. Jones. *Census records of the later Roman Empire*. JRS, XLIII, 1953, p. 58, 60), упоминаемые в P. Flor., I, 71⁷⁴⁷⁻⁷⁵² четыре *οὐσῖαι* принадлежат Антиное.

⁶ Дата установлена на основе Р. Оху., XVII, 2109 = Sel. Pap., II, 356, в котором фигурирует тот же притан.

⁷ Размеры участков не сохранились полностью, в частности, неясно, что обозначают 48 арур (общая площадь первых двух клиров?). Дробление участков одного и того же земельного комплекса — явление общеизвестное, в том числе и в отношении городских земель. см.: P. Flor., I, 71^{127, 137-8, 474, 747, 751} и Р. Оху., XX, 2271.

⁸ PSI, XIII, Addenda, p. XIV.

⁹ Сделанное А. Ч. Джоунсом (A. C. Johnson. *Roman Egypt*, p. 79) утверждение, по-видимому на основе СРН, что земля сдавалась «обычно» на 4 года, не подтверждается оксиринхским материалом. Кстати, и в Р. Flor., III, 383 (234/5 г.) тоже имеется в виду срок в один год. Правда, согласно предложенному У. Вилькеном вос-

роятности), находящегося в разных частях Оксиринхского нома.¹⁰ Издатели переводят «on account of the administration of rent for...», в то время как Ф. Цуккер¹¹ предполагает обратную связь слов, т. е. считает, что речь идет о взносах, причитающихся управлению (городскому). Если это так, а P. Strassb., I, 25 (Ерм., III в.), в котором упоминаются ἀπαίτηται φόρων πολιτικῆς οὐσίας, подкрепляет, по нашему мнению, интерпретацию Ф. Цуккера, то мы имеем, возможно, еще одно доказательство наличия городской земельной собственности. Наконец, в документах, в том числе оксиринхских,¹² встречается упоминание о землях, принадлежащих декапротии, которые, кстати, сдаются в аренду. Среди многочисленных толкований этих документов¹³ было и предложенное М. И. Ростовцевым, что это конфискованная общественная земля, переданная городам.¹⁴ Как бы то ни было, наличие в III в. городских земель в Оксиринхе не может подвергаться сомнению.

Сложнее обстоит дело с последующими веками. Прямых, очевидных данных нет,¹⁵ но поскольку в первой половине IV в. кое-где, например в Ермуполе, городская земельная собственность несомненно сохранилась, можно предположить, что сохранилась она и в Оксиринхе, во всяком случае в начале IV в., когда на его территории, по-видимому, продолжали существовать земли, принадлежавшие другим полисам, в частности Антиносе.¹⁶

Приведенные нами документы, при всей их немногочисленности и относительной скудости содержащихся в них данных, позволяют все же делать выводы о форме организации и эксплуатации этих земель. Хотя наши данные относятся только к верхней топархии,¹⁷ можно с уверенностью предположить, что земли, принадлежавшие городу, были располо-

становлению (APF, VI, p. 434), в нем идет речь о храмовой земле, находящейся в ведении города.

¹⁰ В папирусе упоминаются верхняя, восточная и западная топархии, причем для верхней два подразделения (μερίδες).

¹¹ APF, XVI, 2 (1958), p. 258 (рец.).

¹² P. Оху., XII, 1502, V_{сз} (после 260 г.); PSI, III, 1877 (281 г.).

¹³ См. сводку, сделанную Э. Вегенер в примечании к P. L. Bat., XIII, 17₈₋₁₀ (Ирака ном, середина III в.), и ее собственное толкование (там же).

¹⁴ M. Rostovtzeff. The social and economic history of the Roman Empire². Oxford, 1957, p. 745₅₆.

¹⁵ Если принять точку зрения, выдвинутую рядом авторов (литература: F. Preisigke. Städtisches Beamtenwesen in römischen Ägypten. Diss. Halle, 1903, S. 16₆), в том числе совсем недавно А. Серпе (A. Segre. The byzantine colonate. Traditio, V (1947), p. 116₆₉), что в византийское время термин ἑγυπτιακή γῆ обозначал землю, принадлежавшую городам, то существование городской земельной собственности можно было бы доказать и для VI в. (P. Оху., XVI, 2019₂₀), но имеющиеся в нашем распоряжении данные слишком неопределенны, чтобы делать столь ответственные выводы. См.: F. Preisigke. Städtisches Beamtenwesen; конец нашего прим. 16.

¹⁶ PSI, V, 449 (311—312 гг.), в котором говорится об οἴκῳ τῶν Ἀντινοέων; ср. P. Оху., XIX, 2241_{23, 51} (283/4 г.), упоминающий в деревне Синкефе клир Исократы εὐάφριος Ἀντινοέων. Если в отношении последнего нет уверенности, что он принадлежал городу, то в PSI, V, 449 безусловно имеется в виду городская земельная собственность, поскольку выражение οἶκος πολέως хорошо засвидетельствовано материалами, касающимися Александрии, и обозначает имущество города, см.: F. Preisigke, Städtisches Beamtenwesen, S. 16; P. Jouguet. La vie municipale dans l'Égypte romaine. Paris, 1911, p. 415—416; W. Grundz., стр. 308 и т. д. На основе P. Оху., I, 1271 (VI в.), в котором говорится об эвбои, вносимей ἐνδοῦ(ας) εἰς τοὺς Ὀξυρυχίται(ων), ряд исследователей (издатели P. Fay., 88 (III в.); F. Preisigke. Städtisches Beamtenwesen, p. 16₆; G. Rouillard. L'administration civile de l'Égypte byzantine². Paris, 1928, p. 109) пришли к выводу, что имеется в виду имущество города. По нашему мнению, в данном документе говорится об оксиринхской части владений Апионов (см.: А. Н. М. Jones. The Later Roman Empire, III, 251₃₄ (прим. к II, 784)). Э. Р. Харди (E. R. Hardy. The large estates of Byzantine Egypt. New York, 1931) не включает этот папирус в апионовское досье.

¹⁷ Мермерфа и Исион Панга, о которых говорится в PSI, IX, 1070 и XIII, 1330, находились в этой топархии.

жены и в других частях нома.¹⁸ Ведала этими землями курия, поэтому естественно, что предложение об аренде делалось ей через ее главу, притана.¹⁹ Но, думается, не только этим объясняется обращение к притану. Притан был и *διέπων καὶ τὰ πολιτικά*, т. е. заведовал финансами города, обращение к нему было одновременно и обращением в непосредственно ведавшие городским имуществом инстанции. Это, на наш взгляд, подтверждает P. Flor., III, 383 (234/5 гг.), в котором предложение об аренде, судя по упомянутому толкованию У. Вилькена, делается особой комиссией [*πρὸς τῇ μισθ(ώσε) ἐδάφων [γῆς ἀνερωμένης]*], возглавляемой двумя вулевтами. Все дошедшие до нас документы свидетельствуют об аренде городской земли, причем, судя по ермупольским документам, условия соглашения максимально защищали интересы города.²⁰ Теоретически же нельзя исключить и обработку земель самим городом хозяйственным способом (*ἀποσυργία*), и ряд договоров, правда не оксиринхских, о такой возможности упоминает.²¹ По-видимому, все же преобладала сдача в аренду. Это следует объяснить как тем, что сдача в аренду была сопряжена с меньшими хлопотами²² и не требовала содержания большого аппарата, так и тем, что при сдаче в аренду самим вулевтам было легче, чем другим претендентам, получить в аренду эти участки и извлечь пользу из их эксплуатации, возможно, постепенно и присоединить их к своим владениям. Разумеется, и сдача в аренду требовала содержания аппарата по взиманию арендной платы, часть которой шла затем на погашение налогов (в соответствии с общепринятыми условиями арендных соглашений обычно налоги платил собственник земли,²³ в данном же случае город²⁴). Мы уже упоминали об *ἀπαίτηται φόρων πολιτικῆς ὑπέραις* из неоксиринхского папируса P. Strassb., I, 25. Если P. Оху., XX, 2271 действительно относится к аренде городской земельной собственности, то мы можем себе представить систему взимания, принятую в Оксиринхе. Существовало особое управление землями, *διοίκησις*.²⁵ Деньги поступали туда через *δημόσιοι τραπεζίται* — вулевтов, действовавших через своих представителей — прагматов.

Таким образом, оксиринхские документы раскрывают очевидную связь между курией и городской земельной собственностью. Не только решение вопроса о сдаче в аренду земли, но и практическое осуществление арендного соглашения находилось в руках ее представителей. Более того, сами члены курии, как показывает PSI, XIII, 1330, выступают в роли арендаторов.²⁶ Следовательно, городская земельная собственность, несмотря на возможно незначительные ее размеры в Оксиринхе,²⁷ была одним из

¹⁸ Согласно P. Flor., I, 71, городские земли на территории Ермупольского нома были расположены в 1, 6, 9, 14, 15, 17 пагах. Если принять приведенное толкование Ф. Цуккера, то P. Оху., XX, 2271 подтверждает наличие городской земельной собственности в ряде топархий.

¹⁹ Ср.: СРН, 119, Re, V₄₋₅; VII₄=[CPR. 39 (=M. Chr., 275)+241a]=W. Chrest., 377=Jur. Pap., 38; по всей вероятности, притану были адресованы Re, V и Re, VIII.

²⁰ Подробнее: G. Méautis. Une métropole, p. 140—147; введение к Jur. Pap., 38.

²¹ P. Flor., III, 383_{30, 65}; возможно, и СРН, 119, Re, VII₉.

²² См.: G. Méautis. Une métropole, p. 179—180.

²³ J. Herrmann. Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-aegyptischen Papyri. München, 1958, SS. 122—123.

²⁴ PSI, IX, 1070₁₇₋₁₉; XIII, 1330₁₅. Следует отметить, что, как показывает ермупольский P. Strassb., I, 25, администрация городской земельной собственности в целях экономии средств и избежания лишних перевозок поручала иногда самим арендаторам погашать налоги из арендных взносов.

²⁵ В PSI, XIII, 1330₉ предложено более общее дополнение *πολιτικῶν λόγων*.

²⁶ Положение арендатора в PSI, IX, 1070 неизвестно, но он, городской житель, в отличие от большинства арендаторов ермупольских текстов — исключение P. Flor., I, 71. — в которых идет речь о сельских жителях.

²⁷ Это утверждение является только предположением. Судя по P. Flor., I, 71, городские земли, расположенные на территории Ермупольского нома, занимали значительную площадь. См.: A. H. M. Jones. Census Records, p. 59.

доходных источников курии, а также и куриалов.²⁸ Судя по данным, относящимся к другим городам, в том числе и неегипетским, эта собственность сокращалась²⁹ не без участия куриалов и не без пользы для них, во всяком случае для ведущих членов курии. PSI, XIII, 1330 дает основание полагать, что и в Оксиринхе, возможно, имели место подобные же явления.

Выше уже было отмечено, что политика императорской власти оказала определяющее влияние на развитие принадлежавшей городу земельной собственности, которая вследствие этого была, конечно, не единственным и даже не главным источником пополнения императорского землевладения.³⁰ В отличие от различных категорий государственных земель, исчезнувших в основном в IV в. и превратившихся в частную собственность,³¹ императорское землевладение уцелело в Египте и, по всей видимости, сохранялось до арабского завоевания. Наличие такого землевладения, хорошо представленного, централизованным образом управляемого, находящегося в известной мере в привилегированном положении³² и во всяком случае имеющего постоянного заинтересованного защитника в лице императора, не могло не оказать существенного воздействия на развитие аграрных отношений в египетском городе.³³

Говоря об императорском землевладении, следует иметь в виду как земли, составлявшие собственность «короны»,³⁴ так и личные имения царствующего императора и членов императорской семьи.³⁵ Как известно,

²⁸ А. Н. М. Jones. 1) The greek city, p. 257; 2) The Later Roman Empire, II, стр. 734. Куриалы в качестве арендаторов городских земель и земель, ранее принадлежавших городу, упоминаются и в законодательстве. И хотя правительство стремилось ограничить возможности их участия в аренде этих земель (на Западе это было формально запрещено в 372 г. — Cod. Theod., X, 3, 2), оно при отсутствии желающих арендовать городскую землю было вынуждено мириться с таким положением. Показательно, что в соответствующей конституции, изданной в Константинополе в 383 г. (Cod. Theod., X, 3,4=Cod. Just., XI, 59, 6), говорится о *possessores antiquos, id est decuriones vel alios*. Включение конституции в кодекс Юстиниана свидетельствует, возможно, о том, что и в VI в. куриалы продолжали обрабатывать эти земли. Кстати, и на Западе запрет не был выдержан. См.: H. Brunner. Die Erbpacht der Formelsammlungen von Angers und Tours und die spätrömische Verpachtung der Gemeindegüter. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung, V, 1884, S. 80—81; R. His. Die Domänen, S. 41з. (В приводимом Р. Хисом Cod. Theod., XV, 1,41—401 г. идет речь не о землях, а о зданиях).

²⁹ Обращения к властям с просьбой о передачи в частную собственность городского имущества (*res civiles*) были, по-видимому, нередким явлением. Этим объясняется запрет подобных обращений, изданный в 444 г. Феодосием II (Nov. Theod., XVII, 2,5), воспринятый и кодексом Юстиниана (Cod. Just., X, 12, 2, 2).

³⁰ Конфискация городских и храмовых земель сыграла большую роль в повсеместном распространении императорского землевладения: А. Н. М. Jones. The later Roman Empire, p. 415 (там же, стр. 420—422 об основных источниках этого землевладения; ср. стр. 414—415).

³¹ Наиболее убедительно это было доказано Х. И. Бэллом в связи с публикацией P. Lond. inv. 2227=SB, III, 6612—365 г. См.: H. I. Bell. An epoch in the agrarian history of Egypt. *Récueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J. F. Champollion*, Paris, 1922, p. 261—271; A. C. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt, p. 19—20, 40—41.

³² А. Н. М. Jones. The later Roman Empire, I, p. 419—420.

³³ Мы не касаемся здесь отмеченного У. Вилькеном, А. С. Хантом и другими исследователями влияния на развитие сосуществовавшего с императорским местным крупного землевладения, копировавшего структуру и методы управления императорской администрации. Кое в чем эта практика имела более глубокие корни, как это показал на примере обеспечения ирригационного оборудования С. Дарис (S. Daris. *Dai papiri inediti della raccolta milanese*. Aeg., XXXVII, 1957, p. 90—91).

³⁴ А. Кренцлайн (A. Kränzlein. *Patrimonium*. RE, Supplementband X (1965), Sp. 497) возражает против наличия землевладения, принадлежавшего «короне» как таковой. Поскольку этот термин принят в историографии, мы его оставили.

³⁵ В Оксиринхе упоминается только имущество, принадлежавшее Аркадии, дочери императора Аркадия: P. Med., I, 64₂=SB, VI, 9503 (440 г.). В найденном в Антиноэ папирусе P. Antin., III, 188₃₋₄ (VI—VII вв.) упоминается письмо к адресату от не-

в течение III—IV вв. и термины, которыми обозначались эти земли, и структура ведомств, ими управлявших, и наименования должностных лиц, возглавлявших и работавших в этих ведомствах, неоднократно менялись, причем до сих пор среди исследователей нет единогласия в отношении терминологии и разграничения функций соответствующих ведомств.³⁶ Не внесли окончательную ясность в этот вопрос и папирусы. Это объясняется не только состоянием наших источников, сообщающих нередко больше о наименованиях различных должностных лиц, связанных с императорскими именами, чем об их размерах, организации, способах хозяйствования и т. п., но и тем, что в Египте ни терминология, ни структура и управление этими владениями не выдерживались с достаточной последовательностью. Некоторые термины, например *καθολικός*, применялись к лицам, ведавшим как государственными финансами, так и эксплуатацией императорских владений;³⁷ поступления с этих владений и контроль над их управлением нередко осуществлялись различными ведомствами. Все это, естественно, затрудняет толкование отдельных документов и систематическое рассмотрение вопроса.³⁸

В египетских папирусах — не только оксиринхских — встречаются термины, обозначавшие императорское землевладение, представляющие собой греческий эквивалент соответствующих латинских терминов,³⁹ иногда просто заимствованные латинские термины. Это *πατριωνία*,⁴⁰ *δεσποτικά κτήματα*,⁴¹ *δεσποτικά κτήσεις*,⁴² *δεσποτικός οἶκος*,⁴³ *δεσποτικά ὄσσια*,⁴⁴ *δεσποτικά πράγματα*,⁴⁵ *θεῖος οἶκος*,⁴⁶ *θειοτάτη οἰκία*,⁴⁷ *θειότατος οἶκος*.⁴⁸ Особо

кого Дросерия, куратора божественного дома Плакидии. Возможно, что у Плакидии младшей были владения в Египте, и письмо — ничего о его содержании неизвестно — касалось этих владений, но и в таком случае речь идет об императорском землевладении, поскольку почти все владения Плакидии были включены в его состав еще в V в.: E. Stein. *Histoire du Bas Empire*, II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476—565). Paris, 1949, p. 67.

³⁶ E. Stein. *Histoire du Bas Empire*, I. De l'Etat Romain à l'Etat Byzantin (284—476). Paris, 1959, p. 421₁₃₁ (прим. к стр. 45); A. H. M. Jones. *The later Roman Empire*, I, p. 416; A. Kränzlein. *Patrimonium*, Sp. 497.

³⁷ J. Lallemand. *L'administration civile de l'Égypte de l'avènement de Dioclétien à la création du diocèse (284—382)*. Contribution à l'étude des rapports entre l'Égypte et l'Empire à la fin du III-e et au IV-e siècle, Bruxelles, 1964, p. 84—85.

³⁸ A. C. Johnson, L. C. West. *Byzantine Egypt*, p. 36—37; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М., 1965, стр. 207.

³⁹ Их перечень: R. His. *Die Domänen*, S. 17—27.

⁴⁰ P. Oxy., VI, 900₅ = W. Chrest., 437 (322 г.); ср.: P. Vindob. Sijpesteijn, 2, I₁₂; II₁₅ (Ерм. ном, 339 г.), в которых упоминаются «сителиги канона и патримония», и P. Flor., III, 320₃₋₄ (Ерм., 373 г.), в котором говорится о бывшем чиновнике ведомства *πρὸς τοῦ αὐτοῦ (?) πατριωνίου*; возможно, *πατριωνιανῶν (?) (γῆ)* в P. Ryl., IV, 655₁₁ (? первая половина IV в.) — дополнение X. И. Бэлла и *τῆς πατριουναλίας... οὐσιακῆς (γῆς)* в P. Ryl., IV, 658₆ (? начало IV в.), где издатели предлагают и другой вариант: *τῆς <τῆ> πατρὶ μου ὑπαρουσίης*.

⁴¹ P. Oxy., XX, 2268_{2, 5, 9-10} (Иракл. ном (?), конец V в.).

⁴² P. Oxy., XX, 2267_{3, 4} (360 г.); см. P. Lond., II, 234_{1, 6} = W. Chrest., 179 = P. Abinn., 3 (Фаюм, 346 г.).

⁴³ P. Lond., II, 234_{6, 20}; P. Oxy., XX, 2268; P. Bad., VI, 173₂ (? VI—VII вв.).

⁴⁴ SB, I, 4724₆ (Фаюм?, виз. вр.).

⁴⁵ P. Oxy., XX, 2267₆; в стк. 29 говорится о *κόμης τῶν δεσποτικῶν*. Вообще термин *δεσποτικός* служил для уточнения любого вида императорского имущества, персонала, дохода. См.: Wb., s. v. и P. Med., I, 64 (Окс., 440 г.) — *δ. μηχανῆν* (первоначальное чтение, воспроизведенное в SB, VI, 9503 — *ἐποικῆν* μ.).

⁴⁶ P. Nagr., 88 (V в.); P. Oxy., XVI, 1892₇ (581 г.), 2020₁₃ (VI в.), 2055₃ (VI в.); PSI, III, 196₁; 197₁ (оба Окс., VI—VII вв.); 238₄ (? VI—VII вв.); ср. P. Antin., III, 188₃₋₄ (VI—VII вв.); *domus divina* в законодательных текстах применяется как в широком смысле для обозначения императорского имущества, так и в узком техническом смысле, см.: O. Seeck, *Comites*, RE, IV, 1901, col. 651.

⁴⁷ P. Oxy., XVI, 1973₅ (420 г.); VIII, 1134_{4, 15} (421 г.); ср. SB, VI, 9102₃₇ (Константинополь, 547—549 гг.).

⁴⁸ P. Oxy., XVI, 1915₁ (ок. 560 г.).

следует сказать об *ὄβρια ταμιακαί*,⁴⁹ относимых рядом исследователей к императорскому землевладению. Ж. Лальман⁵⁰ выступила против подобной атрибуции, поскольку в Р. Оху., I, 58 (288 г.), наиболее обстоятельном документе, касающемся этих земель, прямо указано, что доходы с этих владений идут в фиск.⁵¹ Это подтверждается и тремя другими документами,⁵² в том числе одним, опубликованным уже после выхода в свет книги Ж. Лальман.⁵³ Тем не менее эти земли по своему положению, во всяком случае по административному подчинению, насколько можно судить по наличному папирологическому материалу, были близки к статусу безусловного императорского землевладения. Нам не известна должность автора распоряжения, приводимого в Р. Оху., I, 58 (288 г.), но в Р. Beatty Panop., 1 (298 г.) они исходят от *ἐπίτροπος πριουάτης Θηβαίδος*,⁵⁴ а в SB, VIII, 9883 (начало IV в.) продажей этих земель занимается *μαγίστρος πριουάτης*, что говорит об отсутствии четкой границы между ведомствами. Сам термин «*tamiascus*» применялся иногда и для обозначения императорского землевладения, императорской собственности.⁵⁵ Как нам представляется, это дает право использовать данные, относящиеся к *ὄβρια ταμιακαί*, хотя бы в качестве сравнительного и дополнительного материала.

Императорское землевладение было несомненно представлено на всей территории Египта, однако основные сведения относятся преимущественно к Оксиринхскому ному. Патримониальные владения были, по-видимому, столь многочисленны, что в начале IV в. в каждом паге был особый препозит, ими ведавший. Такой препозит, например, засвидетельствован в 322 г. для десятого пага.⁵⁶ Это вулвт, к тому же в прошлом исполнявший высокую муниципальную должность.⁵⁷

В середине IV в. источники упоминают прокуратора императорских владений Оксиринхского и Кинопольского номов.⁵⁸ В дальнейшем папирусы сообщают о различных представителях администрации императорского землевладения, но ни титулатура, ни контекст не позволяют выяснить территориальную сферу их полномочий. Поскольку во всех этих документах идет речь, как правило, о жителях Оксиринха,⁵⁹ то следует

⁴⁹ Р. Оху., I, 58 = W. Chrest., 378 = Sel. Pap., II, 226 (288 г.); Р. Beatty Panop., 1^{207, 210, 365, 370} (298 г.); в 1⁴⁰³ упоминаются *ταμιακά χωρία*; SB, VI, 9883, (Окс. ?), начало IV в.); Р. Lips., 101, I₂₁ (Ерм., IV в.).

⁵⁰ J. Lallemand, L'administration, p. 79.

⁵¹ Стк. 8—9: не приносят никакого дохода фиску (τῷ ταμείῳ).

⁵² Р. Beatty Panop., 1⁴⁰⁴ (298 г.); Р. Lips., inv. 508₉ = M. Chrest., 196 (Окс., 309 г.); SB, VI, 9883_{5, 10} (Окс. ?, начало IV в.). Первые два использованы Ж. Лальман (J. Lallemand, L'administration, p. 887).

⁵³ SB, VI, 9883_{5, 10}; см.: N. Lewis, A new document on the Magister Rei Privatae. JJP, XV (1965), p. 157—161, особенно p. 159.

⁵⁴ См.: Р. Lips., inv. 508₇₋₈ (Окс., 309 г.).

⁵⁵ R. H. S. Die Domänen, S. 28—32; O. Seeck, Comites, col. 651.

⁵⁶ Р. Оху., VI, 900₅ = W. Chrest, 437. А. С. Хант полагает, что в Р. Оху., XVII, 2154₁₇₋₁₈ (IV в.) *πριουάτης ταμιακῶν* не что иное, как другой вариант той же должности (прим. к стк. 17—18). О распространении патримониальных имений свидетельствует, помимо наличия отмеченных выше «ситологов канона и патримония», существование кассы соответствующего ведомства в столице нома (PSI, IV, 310₃ — Иракл., 307 г.).

⁵⁷ А. Джонсон и Л. Уэст (A. C. Johnson, L. C. West, Byzantine Egypt., p. 34) полагают, что введение препозитов по пагам ставило под угрозу политику экономики, введенной Диоклетианом. Но должность, по всей вероятности, была литургической; кроме того, директива неизвестного автора Р. Оху., I, 58 (288 г.) имела в виду штат отдельных имений (стк. 12). Возможно, что должность патримониального препозита пага долго и не просуществовала, судя по тому, что сообщение о выдвижении кандидатов на литургию «ситологов канона и патримония» адресуется не патримониальному препозиту соответствующего пага Ермупольского нома, а самому препозиту пага, на что обратил внимание издатель Р. Vindob. Sijpesteijn, 2 (прим. к стк. 12).

⁵⁸ Р. Оху., XX, 2267₂₋₃ (360 г.): *ἐπίτροπος τῶν δεσποτικῶν κτησέων*.

⁵⁹ Р. Оху., XVI, 1973₄ (420 г.); VIII, 1134₄ (421 г.); XVI, 1892₈ (581 г.).

полагать, что перед нами чиновники местной администрации.⁶⁰ С большой долей вероятности их можно разделить на две группы. К первой следует отнести должности, связанные с управлением имений, расположенных в пределах территории нома, может быть даже нескольких номов, ко второй — должности, обслуживающие одно имение или небольшой комплекс. К первой группе следует причислить прокураторов,⁶¹ дикиитов,⁶² возможно эпикименов;⁶³ что же касается второй, то ее представителями были прононты,⁶⁴ воифы,⁶⁵ возможно эпикимены,⁶⁶ фронтисты⁶⁷ и другие лица.⁶⁸ Упомянутый в источниках архисиммах⁶⁹ принадлежит не столько к управленческому аппарату, сколько к вспомогательной почтово-полицейской службе,⁷⁰ и его должность говорит только о наличии многочисленного штата симмахов и косвенно о большом штате императорского землевладения в целом.⁷¹

⁶⁰ Естественно, наличие местной администрации предполагало и существование вышестоящей иерархии, которой мы в данной связи не касаемся.

⁶¹ Р. Оху., XVI, 1973₅ (420 г.). Он бывший препозит, землевладелец. В следующем году в источниках появляется дикиит, но, как указали А. Джонсон и Л. Уэст (А. С. Johnson, L. С. West. *Byzantine Egypt*, p. 36), неизвестно, был ли он начальником или это новое название его должности. Прокураторы *domus divina* упоминаются в законодательстве Каппадокии и немного раньше, и в VI в. См.: O. Seeck. *Comites*, col. 651.

⁶² Διοικῶν τὰ πράγματα: Р. Оху., VIII, 1134₃₋₄ (421 г.), из бывших препозитов; ведомство свое он называет διοίκησις, у него в подчинении прононт (А. Segrè. *The Byzantine colonate*, p. 110; автор ошибочно относит документ к архиву Апионов); διοικητῆς πραγμάτων: Р. Med., I, 64₃ (440 г.), вулвет, в стк. 18 в неясном контексте также упоминается прононт; та же формула в Р. Оху., XVI, 1889₅ (476 г.), Р. Cairo Masp., II, 67151₁₄₇=FIRA, III, 66 (Афр., середина VI в.); ср. Р. Оху., I, 71, П10 (Арс., 303 г.), где идет речь о частновладельческих дикиитах; см.: E. R. Hardy. *The large estates*, 80—81, 85—87. В Р. Оху., XVIII, 2196₁ (586 г.?) упоминается Серен дикиит и прононт, но это частновладельческий документ.

⁶³ Р. Оху., XVI, 1892₆ (581 г.); см.: Wb., s. v.; H. Cadell, *Nouveaux fragments de la correspondance de Kurrah ben Sharik*, RP, IV (1967), p. 137. В пользу отнесения эпикименов к данной категории говорят разнообразие и известная широта — в некоторых случаях — территориального охвата их полномочий (например, частновладельческий Р. Оху., XVIII, 2197₁ (VI в.), в котором у него под началом большое число владений), а также титулатура в Р. Alex., 40₆ (Филадельфия, VI в., по Р. Ремондону, ChE, XL, № 79, 1965, p. 175); с другой стороны, судя по Р. Оху., XIX, 2239₆ (598 г.), он подчинен дикииту крупного имения.

⁶⁴ Р. Оху., VIII, 1134₈ (421 г.); Р. Med., I, 64₁₇ (440 г.); PSI, III, 1961; 1971 (VI—VII вв.); возможно, Р. Оху., XVI, 1853_{3, 5} (VI в.); ср. прононты «фискальных имений» в Р. Lond., II, 214₃=W. Chrest, 177 (Мемфис, 270—275 гг.); Р. Beatty Panop., 1365, 370 (298 г.). О многочисленных частновладельческих прононтах см.: E. Hardy. *The large estates*, p. 88—93, 96—98.

⁶⁵ В Р. Bad., VI, 173₂ (? VI—VII вв.) упоминается ὑποβοηθός, следовательно, были и βοηθοί.

⁶⁶ См. прим. 63.

⁶⁷ В Р. Оху., XII, 1577₂ (III в.) фронтист владения Стефанитис пишет прокуратору (полной уверенности, что имеется в виду императорское землевладение нет). В пользу наличия фронтистов говорит Р. Оху., I, 58_{8, 12-13, 16, 24} (288 г.), относящийся, правда, к *οὐσιαί ταμίαι*.

⁶⁸ В Р. Оху., I, 58 упоминаются еще хиристы и грамматевты, в Р. Beatty Panop., 1210 (298 г.) перечисленные рядом с грамматевтами хиристы приравнены к прагматевтам. О бывшем хиристе управления частного патримония, возможно, сообщает Р. Flor, III, 320₃ (Ерм., 373 г.).

⁶⁹ Р. Harr., 88₇ (V в.); ср. архисиммахы крупных имений: Р. Alex., 40₁; Р. Оху., XVI, 2203₇ (оба VI в.); 1866₄; 2051₅₇ (оба VI—VII вв.); 2045₃ (612 г.); 1904₁ (618 г.); в 1933₁₄ (VI в.) — церковный архисиммах.

⁷⁰ Неясны функции *δεσποτικός*: Р. Harr., 88₂ (V в.); Р. Egl., 78₅ (513 г.); Р. Оху., XVI, 1853₆; XVIII, 2205₇; 2206₁₆ — все VI в.

⁷¹ Следует учитывать, что административные штаты — в данном отношении имения фискальные вряд ли сильно отличались от императорских — имели тенденцию к разбуханию вследствие заинтересованности самих работников. Примером решительной борьбы со штатным излществом является упомянутый Р. Оху., I, 58 (288 г.), предусматривавший избрание курней (под ее ответственность) по одному фронтисту

К сожалению, мы не располагаем даже приблизительными данными об удельном весе императорского землевладения в Оксиринхском номе, его площадь не поддается установлению. Судя по Р. Оху., XX, 2267¹¹ (360 г.), в Верхнем Кинополье оно насчитывало не менее 800 арур.⁷² Надо полагать, что в Оксиринхском номе оно не было меньше. В начале IV в. эти земли находились в разных пагах и в таком количестве, что было оправдано введение должности препозитов отдельных пагов. Данные других папирусов свидетельствуют, что и в дальнейшем императорское землевладение включало земли, числящиеся за рядом деревень и примыкающими к ним поселениями нома.⁷³ Так, в папирусах упоминаются Несмис,⁷⁴ Калпуну,⁷⁵ Пемпо,⁷⁶ Кинеа,⁷⁷ Махавсон,⁷⁸ Мониму,⁷⁹ возможно Месканунис,⁸⁰ Пинирис⁸¹ и другие.⁸² Косвенные сведения о размерах императорского землевладения сообщают данные налоговых сборов. Из 15 688 артаб ячменя, поступивших, согласно Р. Оху. XVI, 2020 (вторая половина VI в.), от различных оксиринхских крупных землевладельцев, 3490 артаб⁸³ было внесено «божественным домом», т. е. около 1/4, и примерно в 2 раза больше наиболее солидных взносов других налогоплательщиков.⁸⁴ Если Р. Оху., XVI, 1906 (VI—VII вв.) также относится, как полагают издатели, к императорскому землевладению,⁸⁵ то получается еще более внушительная картина, поскольку кафолик Мина получает 98 321 артабу зерна.

Как известно, императорские земли либо обрабатывались силами самой администрации хозяйственным способом, либо сдавались в аренду на различных условиях. Что касается земель *domus divinae*, то было высказано предположение, что они не сдавались в аренду крупным кондукторам, а обрабатывались непосредственно мелкими держателями — колонами.⁸⁶ Это положение находит известное подтверждение в оксиринхском материале IV—V вв. Так, в Р. Оху., XX, 2267^{13, 14} (360 г.) идет речь об *ἀγροτικοί*, с которых взимает канон прокуратор императорских владений.⁸⁷

на имение, с правом придачи ему не более трех помощников. Но сама администрация бывала вынуждена нарушать и даже настаивать на нарушении ею же введенных ограничений: Р. Beatty Papor., 1365—370; 400—404 (298 г.).

⁷² Данные об Оксиринхе неизвестны, соответствующая часть папируса не сохранилась.

⁷³ Р. Оху., XX, 2267¹⁰ (360 г.): *παρὰ χωρίων* (имеется в виду Кинополь, по-видимому, относится и к Оксиринху, данные о котором не сохранились); Р. Оху., VIII, 1134⁸ (421 г.) — *καὶ ἄλλων τόπων* (ср. стк. 15).

⁷⁴ Р. Оху., VIII, 1134^{7, 14} (421 г.).

⁷⁵ Р. Med., I, 64³ (440 г.).

⁷⁶ Р. Оху., XVI, 1915^{15, 24} (ок. 560 г.).

⁷⁷ Р. Оху., XVI, 1915^{11, 19} (ок. 560 г.); PSI, III, 196₁; 197₁ (VI—VII вв.).

⁷⁸ Р. Оху., XVI, 2055^{2, 35, 38} (VI в.).

⁷⁹ Р. Оху., XVI, 2020¹⁴ (VI в.).

⁸⁰ Р. Оху., XVI, 1915^{10—11, 17, 19} (ок. 560 г.). В тексте не указано, что здесь были императорские земли, как это делается в отношении Пемпо. Не сказано это и о Кинеа, между тем другие источники свидетельствуют о его принадлежности к императорскому землевладению. Пемпо и Месканунис упоминаются иногда рядом: Р. Merton, I, 96₁ (VI в.); Р. Оху., XVI, 2030₁ (конец VI в.); в ряде случаев Месканунис встречается в документах, связь которых с императорским землевладением не очевидна.

⁸¹ См. выше о *δεσποτικός*.

⁸² А. Джонсон и Л. Уэст полагают, что владение *πατριμοναλ* ( ) из Р. Iand., III, 51⁷ (VI в.) названо так, поскольку оно было некогда частью императорского землевладения (А. С. Johnson, L. C. West, *Byzantine Egypt*, p. 36₅₁). *πατριμον* ( ) встречается и в Ермупольском номе: Р. Stud. Pal., XX, 147¹³ (VI—VII вв.).

⁸³ Стк. 13; в стк. 14 упоминаются еще 1 1/2 артабы за Мониму.

⁸⁴ См. стк. 16, 17, 18, 25. Апионы, как это ни странно, вносят только 76 1/2 арт. (стк. 15). Может быть, это не весь взнос.

⁸⁵ Сомнения в атрибуции были высказаны: G. Rouillard, *L'administration*, p. 138; А. С. Johnson, L. C. West, *Byzantine Egypt*, p. 38.

⁸⁶ O. Seeck, *Comites*, col. 652.

⁸⁷ Речь идет не о прокураторе *domus divinae*, а об *ἐπίτροπος δεσποτικών κτήσεων*.

В V в. в непосредственном подчинении администрации находятся γεωργοὶ ὑπεύθυνοι⁸⁸ и γεωργοὶ ἐναπόγραφοι⁸⁹. Они платят натурой и деньгами⁹⁰ представителям администрации и от нее и получают необходимое для ведения хозяйства оросительное оборудование.⁹¹ Сложнее обстоит дело с данными, относящимися к VI в. Можно предполагать, что обработка имения силами колонов продолжалась. Это соответствовало бы законодательному материалу, и только таким образом можно объяснить бегство в императорское владение Махавсон 23 апионовских колонов. Но, по-видимому, это уже не было единственной формой использования этих земель. До нас дошел папирус середины VI в. из архива Апиона: Р. Оху., XVI, 1915 (ок. 560 г.).⁹² В нем упоминается принадлежащее «божественному дому» владение Пемпо (там же упоминаются Кинеа и Месканунис). Из двух предложенных издателями толкований — бывшее владение Апионов, включенное в состав императорского землевладения, либо императорское владение, управляемое Апионом, — правильное, думается, второе.⁹³ В таком случае перед нами, по всей вероятности, аренда императорской земли крупным землевладельцем, если только не допустить, что владение было ему подарено.⁹⁴ Необходимо отметить, что сдача в аренду земли не обошлась без последствий для колонов Пемпо. Если, как неоднократно подчеркивается в документе, колоны обрабатывали свои земли «издавна и с незапамятных времен», очевидно за твердо установленную плату (быть может, та номизма с аруры, независимо от ее качества, которую они предлагают имену), то теперь имену потребовало от них по номизме с аруры пахотной земли и по три с аруры виноградника. В связи с отказом прежних держателей земли передаются другим, правда, тоже, по-видимому, из колонов императорских владений.⁹⁵

Благоприятное, стабильное и в какой-то мере независимое от окружающего мира положение императорского землевладения оказывало при известных обстоятельствах притягательное воздействие,⁹⁶ о котором свидетельствует Р. Оху., XVI, 2055 (VI в.),⁹⁷ содержащий список 23 лиц, бежавших из Апионовского имения в императорское владение Махавсон (туда же скрылся и вор, уведший быков). Это, конечно, эпизод из истории борьбы императорского и светского землевладения.⁹⁸ Разумеется, и императорским

⁸⁸ Р. Оху., VIII, 1134_{7, 14} (421 г.).

⁸⁹ Р. Med., I, 64[4] (440 г.), восстановлено издателем по аналогии с частновладельческими документами.

⁹⁰ Р. Оху., VIII, 1134₆ (421 г.).

⁹¹ Р. Med., I, 64; о снабжении крупного имения оросительным оборудованием см.: И. Ф. Фихман. Египет, стр. 214—219, 228—247.

⁹² О нем: G. Rouillard. L'administration, p. 101; E. R. Hardy. The large estates, p. 90—91; A. C. Johnson, L. C. West. Byzantine Egypt, p. 37.

⁹³ К этому склоняются и издатели, и ученые, перечисленные в предыдущем примечании. См. Р. Оху., XVIII, 2206₁₆ (VI в.), где в числе сумм, относящихся к отдельным владениям Апиона, упоминаются и 37 номизм δι(ἀ) τῶν δεσποτῆ(χῶν).

⁹⁴ В таком случае было бы указано «ранее принадлежавшее (πρότερον) божественному дому».

⁹⁵ В стк. 17—18 они все же названы колонами крупного имения. Считало ли их имену уже своими, перешли ли они раньше в ведение имения, неизвестно.

⁹⁶ O. Seec. Comites, col. 653; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. Визант. сборник, М.—Л., 1945, стр. 64, 67—68. Этим и объясняется стремление курiales найти здесь защиту. См.: Cod. Theod., XII, 1, 114=Cod. Just., X, 32, 39 (386 г.). На передачу земель в domus divina в порядке патрониина намекает император Лев (Cod. Just., X, 19, 8—468 г.).

⁹⁷ О нем: E. R. Hardy. The large estates, p. 70, 77.

⁹⁸ То, что этот документ относится к VI в., отнюдь не может служить доказательством наличия в VI в. широкого движения колонов в императорские владения, составлявшего характерную черту целого этапа в развитии египетских патрониинов. Подробнее: И. Ф. Фихман. К вопросу о трех фазах в развитии египетских патрониинов. ВДИ, 1966, № 1, стр. 110—112. Между императорским и светским землевладением не исключались, естественно, и контакты, хозяйственные и иного порядка.

держателям не всегда и не во всем было хорошо: императорская администрация, как показывают Р. Оху., XX, 2267 (360 г.) и данные законодательства,⁹⁹ прекрасно умела взыскивать больше положенного в своих же собственных интересах, но в целом ее колонны находились в более привилегированном положении. Это не только привлекало, но и вызывало зависть и ненависть,¹⁰⁰ переходившие в агрессивные действия. Автор жалобы, дошедшей в Р. Оху., XX, 2268 (Иракл.? V в.), возможно, и преувеличивает, рисуя мрачную картину избитых земледельцев и угрожая перспективой «полного опустения» императорского владения. Его заявление, что только жители данного владения подвергаются обидам, заслуживает внимания как показатель отношения к этому владению соседей, если не допустить, что он хотел этим подчеркнуть исключительность инцидента.

Приведенные данные раскрывают лишь некоторые аспекты взаимодействия императорского землевладения с окружающей социальной действительностью. Фактически его воздействие было и шире, и глубже. Это объяснялось как экзимирированным и привилегированным его положением, так и тем, что управление имениями находилось в самом Оксиринхе. Прежде всего сужались возможности города, из-под компетенции которого выключались значительные земельные массивы, в том числе и непосредственно принадлежавшие ранее городу,¹⁰¹ при сохранении, однако, хлопот, связанных с необходимостью охраны интересов императорских владений,¹⁰² и разбора обстоятельств, затрагивавших эти интересы.¹⁰³ Императорские имения вовлекали в свои дела, включали в свой штат и тем самым отнимали у городов лиц, представлявших наиболее активную и предприимчивую часть их населения, как например куриалов,¹⁰⁴ оставших военных,¹⁰⁵ охотно переходивших на службу императорских владений, сохраняя, правда, иногда, в особенности на первых порах, обязанности, связанные с принадлежностью к курии.¹⁰⁶ Императорское землевладение не только ограничивало и подрывало таким образом позиции муниципальных кругов, но, служа прообразом, а иногда и практической школой хозяйствования для администрации крупного землевладения, само, быть может, того не желая, способствовало созданию той силы, которая нанесет сильный удар социальной опоре города — муниципальным кругам.

См., например, толкование Э. Р. Харди Р. Оху., XVI, 1853 (VI в.) (E. R. Hardy. *The large estates*, p. 71—72).

⁹⁹ М. В. Левченко. *Материалы*, стр. 57, 59—60, 66, 67.

¹⁰⁰ Ср.: М. В. Левченко. *Материалы*, стр. 66.

¹⁰¹ Попытки исправить положение, как например вышеприведенная конституция Cod. Just., XI, 19, 8 (468 г.), вряд ли имели серьезные последствия.

¹⁰² R. His. *Die Domänen*, S. 85 (хотя конституция и была издана для западных провинций, она была включена в кодекс Юстиниана); об использовании курии говорят и Р. Оху., I, 58 (288 г.), и P. Beatty Panop., 1365—390; 400—404 (298 г.), относящиеся, правда, к *οὐσιαὶ ταμιακαί*.

¹⁰³ Р. Оху., XX, 2268 (Иракл.? V в.).

¹⁰⁴ Р. Оху., VI, 900₄₋₅ (322 г.); P. Med., I, 64₂ (440 г.); P. Stud. Pal., XX, 143₉ (Ерм., середина V в.).

¹⁰⁵ Р. Оху., XVI, 1973₃ (420 г.); Р. Оху., VIII, 1134₃ (421 г.); см.: R. Rémondon. *L'Égypte au 5-e siècle de notre ère: les sources papyrologiques et leurs problèmes*. *Atti dell'XI Congresso Internazionale di Papirologia*, Milano 2—8 settembre 1965. Milano, 1966, p. 141.

¹⁰⁶ Р. Оху., VI, 900₅₋₈ (322 г.) вилевту, препозиту патримониалиев 10 пага одновременно поручена и забота о курьерской почте, что, конечно, тоже было в интересах государства.

THE MUNICIPAL AND IMPERIAL LANDS IN OXYRHYNCHUS IN THE IV—VI CENTURIES

Undoubtedly in the third century there were municipal lands in Oxyrhynchus, and it may be that they were preserved at the beginning of the fourth century. The boule managed them and most commonly rented them. The curiales often appeared in the role of lessees.

There were imperial lands during the whole Byzantine period. They were mostly tilled by small dependent tenants under the supervision of the imperial estates administration.

Accordingly to the circumstances analysed in the paper the imperial lands were one of the factors weakening the positions of the municipal circles.

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ВИЗАНТИИ С СЕЛЬДЖУКАМИ

(по сирийским источникам)

Негативные взаимоотношения Византии и сельджуков за столетие между сражениями при Манцикерте (1071 г.) и Мириокефале (1176 г.) имели важные последствия для судеб как Востока, так и Запада.

Турки представляли серьезную угрозу не только владениям Византии, но и ее восточной политике в целом.

Византия в свою очередь была основным препятствием для осуществления экспансионистских планов сельджуков в Передней Азии.

Оба государства, и византийское, и сельджукское, были конгломератами, но по сравнению с византийскими императорами сельджукские султаны добились во внешней политике больших успехов.

Внешние противники (правда, в различной степени) постоянно тревожили Византию с трех сторон: с запада — крестоносцы, с востока — сельджуки, на севере вели борьбу за свою независимость народы балканских стран, а также известную угрозу представляли кипчаки и печенеги.

Завоевательное движение тюрков на Западе возглавила династия Сельджукидов. Ее султаны происходили из рода Сельджука, огузского племени *кынык*. По имени родоначальника завоеватели стали называться сельджуками, и этот этноним приобрел политическое звучание.

В XI—XII вв. Византии пришлось иметь дело с рядом тюркских политических образований: государством великих Сельджукидов, Конийским султанатом, эмиратами Данишмендидов, Зенгидов и Ортокидов.

Существуют две полярные точки зрения на проблему отношений Византии с тюрками. Странники «западного» направления преувеличивают критические изменения в политической обстановке этого периода, а «восточники» приписывают сельджукам выполнение освободительной миссии от угрозы всеобщего поглощения Византией.

В действительности же столкнулись две военно-политические группировки: византийская и сельджукская. Борьба велась за территории, за доходы с них, за союзников, захват власти и обеспечение политического влияния.

Отношения между Византией и сельджуками в XI—XII вв. являются одной из серьезных проблем истории своего времени.

При изучении этой проблемы исследователи использовали обширный круг западных и восточных источников. В недостаточной степени привлечены заслуживающие самого пристального внимания сирийские источники, на важность и значение которых для изучения средневековой истории неоднократно указывала Н. В. Пигулевская. Без данных сирийской историографии нельзя полностью воссоздать картину жизни многих госу-

дарств юго-восточной Европы и Передней Азии, в том числе Византийской империи, владений крестоносцев и сельджуков. Особый интерес данные сирийских авторов представляют уже тем, что отражают не официальную государственную точку зрения, а собственно сирийскую, более близкую к настроениям народных масс, населявших области, где и развернулись в основном интересующие нас события. Сирийские источники позволяют оценить роль и место Византии, сельджуков и крестоносцев в происходивших событиях, вскрыть тонкости их взаимоотношений и влияние их на положение в Передней Азии и юго-восточной Европе.

Одной из лучших исторических хроник является «Хроника» Михаила Сирийца. Ее автор (1126—1199 гг.) родился в г. Мелитене, которая подвергалась нападению как со стороны сельджуков, так и Византии и крестоносцев. Михаил посвятил себя клерикальной деятельности и прошел путь от монаха до яковитского патриарха Востока. Он много путешествовал, неоднократно встречался с султанами Конийского государства, представителями империи и крестоносцев; принимал активное участие в светских политических событиях, был хорошим дипломатом и наблюдательным современником. Все это позволило ему со знанием дела описывать не только церковные дела, но также политическую, социально-экономическую и военную историю своего времени. Михаил сохранил подчас уникальные свидетельства; он часто обращается к событиям XI—XII вв., в частности дает весьма красочное описание сражений при Манцикерте и Мириокефале.

«Анонимная хроника 1234 г.» — сочинение безвестного яковитского монаха, возможно уроженца Эдессы, еще одного сирийского города, находившегося в центре внимания Византии, сельджуков и крестоносцев. В хронике много внимания уделено событиям XI—XII вв., византийско-сельджукским взаимоотношениям, истории крестовых походов.

«Всеобщая история» Бар Эбрея Абу-л-Фараджа Иоанна Григория, автора XIII в., — выдающееся произведение средневековой восточной историографии. Автор хроники (1226—1286) родился в Мелитене, подобно Михаилу Сирийцу посвятил себя церковной деятельности и достиг высокого сана яковитского мафриата Востока. Военно-политическая, социально-экономическая история, религиозные вопросы отражены в его сочинении с достаточной полнотой, а некоторые сведения являются уникальными.

По свидетельству сирийских и других источников, первые сельджукские отряды появились на византийском горизонте в 30-х годах XI в., но серьезные столкновения между Византией и тюрками произошли несколько позднее. На начальном этапе тюркские отряды ограничивались грабежом и угоном жителей в плен. Так было в армянских землях, находившихся под властью империи.¹ По возвращении на восток главарь одного из набегов Чагры-бек Дауд сообщил своему брату — будущему великому султану Тогрул-беку, что там, где он (Чагры-бек) побывал, «нет кого-либо, способного оказать нам сопротивление».²

В конечном итоге частые рейды вылились в сельджукское завоевательное движение, приведшее к столкновению интересов Византии и сельджуков в Передней Азии. Были затронуты также Европа и Балканы.

Первое значительное военное столкновение произошло в Закавказье: некоторые местные правители, не имея возможности противостоять одновременно и посягательствам империи, и нападением сельджуков, пытались опереться на Византию, но она не сумела существенно помочь им. Так, ee

¹ Chronique de Michel le Syrien. Ed. par J.-B. Chabot. T. IV, Paris, 1899, p. 572.

² Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890, p. 218.

отряды, пришедшие на подмогу армянским феодалам для защиты от тюрок, были разгромлены последними в 1037 г. около города Беркри.³

В Закавказье империя имела свои интересы. Опасаясь его захвата тюрками, она приступает к прямому подчинению некоторых территорий, продолжая имперскую экспансионистскую политику. Основной удар был направлен против армянских царств, что привело к потере рядом из них политической самостоятельности. Но уничтожив Армению политически, захватив ее земли, Византия допустила просчет, ибо лишила себя заслона против сельджуков.⁴ В результате империя должна была принять на себя борьбу с сельджуками, которых до сих пор держали на расстоянии армянские царства.

Столь же недалеконovidной оказалась политика Византии в отношении Грузинского царства, которое по договоренности с империей содержало 50-тысячное войско против нападений с востока. Незадолго перед началом сельджукской экспансии император Константин IX Мономах (1042—1055) заменил эту натуральную повинность денежной и лишил себя крепкой защиты, не создав взамен заслона, способного противостоять сельджукам и защитить имперские и захваченные в Закавказье территории от надвигавшейся опасности.⁵

Государство великих Сельджукидов умело использовало промахи Византийской империи в Закавказье и других районах и сумело извлечь из них пользу. Ситуация объективно складывалась в пользу сельджукских завоевателей. После 1040 г., слолив сопротивление Газневидского султаната в решающем сражении при Денданакане (Средняя Азия), они устремились на запад; практически не оказалось организованной силы, способной остановить их продвижение в направлении Передней Азии.⁶ Это сражение стало важным моментом не только для истории сельджуков, но и для судеб народов Передней Азии и юго-восточной Европы, в том числе Византии. После 1040 г. тюркоязычные племена, объединенные Сельджукидами, были уже менее связаны со Средней Азией. Началось завоевательное движение, приобретшее также характер переселения тюрок, которое постепенно привело к тюркизации ряда пеоеднеазийских районов, в том числе Малой Азии и части Закавказья. После 1040 г. передовые сельджукские отряды стали проникать в области Халеба, Нисибина, Амида, Мосула, Хабур, Синджара; тюрки постепенно освоили новые области, и уже при Константине IX Мономахе восточный вопрос приобрел для Византии первостепенное значение.⁷

Сельджуки вели наступление сразу в нескольких направлениях. Во-первых, у них была мобильная и боеспособная армия. Сельджукская

---

³ Повествование Аристокэса Ластивертди. Пер. К. Н. Юзбашьян. М., 1968, стр. 75; Varhebraei, p. 221; Arisdaguès de Lasdiverd. Histoire d'Arménie. Trad. par M. E. Prud'homme. Paris, 1864, p. 50—51.

⁴ С. Г. Агаджанов и К. Н. Юзбашьян. К истории тюркских набегов на Армению в XI в. Палест. сборник, вып. 13 (76), 1965, стр. 151—152; Р. М. Бартикян. О значении завещания Евстафия Воиля (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества. Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960, стр. 3; Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952, стр. 57—61.

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 85—86; Г. Г. Микаелян. История, стр. 61—62; Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 261.

⁶ Бейхаки Абу-л-Фазл. История Масуда. 1030—1041. Пер. А. К. Арендса. Ташкент, 1962, стр. 533—536; Varhebraei, p. 222—223.

⁷ Ф. И. Успенский. Движение народов из Центральной Азии в Европу. Визант. временник, т. I, 1947, стр. 13; Chronique de Michel, p. 577; Histoire des Seldjucides. Extrait du 'Tarihî Guzideh' ou 'Histoire choisie' d'Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par Ch. Defrémery. Journal Asiatique, IVe série, t. XI, 1848, p. 427.

военная организация была обновлена и теперь годилась для новых целей завоевательной политики, ставшей уже в первой половине XI в. главным фактором в жизни тюркского государства.⁸ Во-вторых, пришельцы встречали разрозненное и слабое сопротивление, так как местные династы и феодалы предпочитали договориться с завоевателями за счет своих налогоплательщиков. Из других особенностей стоит отметить известную веротерпимость сельджуков, не в пример византийцам; во всяком случае тюрки были далеки от религиозного фанатизма.⁹ Восточнохристианские источники подтверждают эту веротерпимость сельджуков.¹⁰ Относительная свобода вероисповедания, которая на начальном этапе завоеваний сопровождалась некоторым облегчением налогов, обеспечивала тюркам временное спокойствие местного податного населения и феодалов. С мусульман взималась только харадж, а с зиммиев — дополнительно еще джизья. Другие поборы были восстановлены или вновь введены позднее, когда новая власть окрепла и уничтожила основных военных противников, когда возросли потребности феодализировавшейся верхушки завоевателей.

Еще до столкновения с Византией сельджукам предстояло выяснить взаимоотношения с Аббасидами. В результате военных успехов Сельджукиды были признаны светскими главами мира ислама, т. е. халифы под давлением обстоятельств уступили им часть своих прерогатив.¹¹ Официально этот акт имел место в 1055 г., когда первый великий сельджукский султан Тогрул-бек (1036—1063) появился в Багдаде, получил инвеституру на светскую власть из рук самого халифа Каима (1031—1075) и женился на его дочери.¹²

В течение 1045—1046 гг. посланец султана Ибрахим Йинал во главе военных отрядов находился в Малой Азии, где успешно сражался с византийцами. В 1048 г. он сумел разбить в Грузии войско Липарита Эристави, который попал в плен. Грузинский царь Баграт IV (1027—1072) обратился за помощью к Византии, и последняя направила сюда 15-тысячное войско, которое, правда, до Закавказья не дошло отвлеченное другими событиями. Одновременно империя отправила специальное посольство с богатыми подарками к Тогрул-беку, чтобы вызволить из плена

⁸ См.: Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация. Палест. сборник, вып. 17 (80), 1967, стр. 131—147.

⁹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избр. сочинения, т. I, 1960, стр. 197, 210; В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, 1963, стр. 119—120; W. Barthold. Histoire des turks d'Asie Centrale. Paris, 1945, p. 103—110; C. Cahen. 1) La première pénétration turque en Asie Mineure. Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 66—67; 2) Notes sur l'histoire des Croisades et de l'Orient Latin. Bull. de la Faculté des lettres de Strasbourg, t. 2, 1950, p. 122.

¹⁰ Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, стр. 129—130; Киракос Гандзакец. История. Пер. Т. И. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, стр. 58; Chronique de Michel, p. 725—726, 728—729.

¹¹ Barhebraei, p. 224, 226—228.

¹² Ал-Фахри Мухаммед ибн Али ибн Табатаба (Ибн ал-Тиктака). Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Пер. Н. Холмогорова. Уч. зап. Казанск. унив. по отделению историко-филологических и политико-экономических наук, Приложения, вып. 1—2, 1862; вып. 1—2, 1863, стр. 333—334; Barhebraei, p. 232—233, 237—238, 241; Histoire des Seldjoucides, p. 427—428; Anonymi auctoris. Chronicon ad A. C. 1234 pertinens. Ed. J.-B. Chabot. Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Syri, ser. III, t. XV, textus, pars posterior, Parisiis, 1916, p. 46; Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali el-Hüseyni, Ahbar üd-Devlet is-Selçüki-ye, çeviren N. Lügal, Ankara, 1943, s. 12; Selçuki devletleri tarihi, Aksarayinin Kerimeddin Mahmudun 'Müsamerat-ül-Ahbar ve Müsayeret-ül-Ahyar' adlı farsça tarihinin tercümesi, çeviren M. N. Gencosman, Ankara, 1943, s. 110; Anadolu selçukluları devle i tarihi, cilt III, Histoire des seldjoukides d'Asie Mineure, par une Anonyme, çeviren F. N. Uzluk, Ankara, 1952, s. 5; İrak ve Horasan selçukluları tarihi, Al-İsfahaninin al-Bondari tarafından ihtisar edilen 'Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Husra' adlı kitabının tercümesi, İstanbul, 1943, s. 8, 26.

своего человека в Грузии. Султан, не желавший пока ссоры с еще сильной Византией, согласился удовлетворить просьбу и подарил Липарита императору.¹³

После 1055 г. начинается долголетняя подготовка к походам в византийские земли.¹⁴ Только нейтрализовав империю, можно было приступить к другим захватам в Передней Азии. В ходе этой подготовки турки совершили несколько походов, один из которых был направлен против Мелитены, причем сельджуки прошли по некоторым районам Малой Азии.¹⁵ В 1063 г. великий султан Алп-Арслан (1063—1072) предпринял поход для укрепления приграничной зоны в Армении, т. е. для предупреждения византийского нападения. Основной удар пришелся по городу Ани, который в 1064 г. был захвачен и превращен в главную базу по подготовке военных операций против империи.¹⁶

Византия, бессильно взиравая на почти беспрепятственное продвижение сельджуков, отваживалась лишь на пассивное сопротивление. Михаил VI Стратиготик (1056—1057) не нашел более действенного средства против чинимых опустошений, чем эвакуация населения Черноморского побережья. Несколько позднее ту же политику продолжал Михаил VII Дука (1071—1078).¹⁷

Урон, причиненный сельджуками, был велик, особенно пострадало сельское хозяйство. Производительные силы были подорваны настолько, что тягловый скот продавали за бесценок. Пригодный для пахоты бык стоил 20 зуз, осел — 10 зуз. Во многих областях свирепствовали голод и эпидемии, невозможно было достать лечебные снадобья. За один гранат платили золотой динар, две литры хлеба или вина стоили столько же.¹⁸

В 1066 г. тюркский эмир Гюмюш-Тегин появился во главе сельджукских отрядов под стенами Эдессы и сумел захватить правителя города, за которого получил 20 тыс. динаров выкупа. Затем он подчинил Харран, Серуг и Каллинику (Раку).¹⁹

Византийские владения все чаще подвергались нападениям,²⁰ и империя вынуждена была перейти к наступательным операциям, не будучи подготовленной к решительным действиям. Роман IV Диоген (1068—1071), одержавший несколько побед над отдельными сельджукскими отрядами, выступил в поход, намереваясь не только приостановить тюркское проникновение на запад, но, дойдя до Закавказья, лишить сельджуков одной из важнейших стратегических баз — города Ани, а заодно оказать помощь Грузинскому царству, восстановить свое влияние здесь и в соседней Армении. Византийская армия дошла до армянских пределов, где при Манцикерте был нанесен первый решающий удар по им-

¹³ Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. Trad. par M.-F. Brosset. Ier partie. St.-Pb., 1849, p. 323; Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie. Par M.-F. Brosset. St.-Pb., 1851, p. 219—225; Chronique de Matthieu d'Edesse. Trad. par E. Dulorier. Paris, 1858, p. 88.

¹⁴ Anonymi auctoris, p. 48.

¹⁵ Исторические записки Никифора Вриенния. 976—1087. Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии, СПб., 1858, стр. 26—27; Chronique de Michel, p. 576; Barhebraei, p. 231.

¹⁶ Хронографическая история, составленная отцом Мхитаром, вардапетом Айриванским. Пер. К. Патканова. СПб., 1869, стр. 407; Chronique de Michel, p. 578; Barhebraei, p. 242; Histoire de la Géorgie, p. 328, 330; Histoire chronologique de Mkhitar d'Airivank. Trad. par M.-F. Brosset. Mémoire de l'Académie de Sciences de St.-Pb., VII-e série, t. XIII, N 5, 1869, p. 93.

¹⁷ Chronique de Michel, p. 573, 579.

¹⁸ Chronique de Michel, p. 583; Barhebraei, p. 233—234. Зуза — в сирийских источниках равноценная серебряному арабскому дирхему монета. Сирийская литра или либра — мера веса, равная примерно 2400 г.

¹⁹ Barhebraei, p. 244; Histoire des seldjucides, p. 438.

²⁰ Anonymi auctoris, p. 48.

перии: 19 августа 1071 г. Роман IV Диоген потерпел страшное поражение, был захвачен в плен, и Алп-Арслан продел в оба уха императора кольца, давая этим понять, что пленник является гулямом (рабом) сельджукского султана. Император был обязан ежедневной данью в 1000 динаров и отпущен.

Трагедия при Манцикерте явилась показателем состояния Византии и сельджуков во второй половине XI в. Не случайно это сражение считается началом падения имперской армии периода развитого феодализма, ибо впоследствии византийская военная машина ни разу не сумела добиться решающего перевеса над своим основным противником — сельджуками.²¹ Но вместе с тем «ни поражение у Манцикерта само по себе, ни подписанный Романом договор не знаменовали сокрушения Византийской империи: Алп-Арслан имел возможность оценить силу византийского войска и трудность своей победы».²² Вот почему он мягко обошелся с побежденным императором и его армией. В прямую связь с результатами этого сражения должно быть поставлено возникновение Кониийского султаната в Малой Азии.²³

Существует множество описаний битвы при Манцикерте.²⁴ Приводим одно из них, принадлежащее перу Михаила Сирийца.²⁵

«О времени, когда начал царствовать ромеев Роман (IV) Диоген, который был побежден и взят в плен тюрками. В 1368 г. (ромеев) воцарился над ромеями император Роман Диоген,²⁶ правивший три года и восемь месяцев. Он был весьма жестоким и свирепым в своих действиях. В том же году скончался первый царь тюрков (Тогрул-бек)²⁷ и на престол Хорасана вошел Алп-Арслан из того же рода. Он отправил (на запад) в авангарде своего родственника Сулеймана²⁸ с грабительскими целями; а сам султан шел следом и овладел областью армян.

Когда император Роман Диоген узнал об этом, то собрал все византийское войско, отправился в Большую Армению и приготовился напасть на тюрков. Он высокомерно заявлял, что одержит верх над тюрками, захватит их царя и сожжет его. В свою очередь царь тюрков намеревался в случае победы над ромеями и захвата Диогена проявить милосердие по отношению к нему и вернуть его с миром в его страну. Все это чудесным образом стало известно позднее.

Неожиданно произошли разногласия между знатными ромеями и императором; армянское войско, которое они хотели заставить принять их веру, первым обратилось в бегство и повернулось спиной к сражению. Тогда тюрки благодаря своему хорошему единению победили.

²¹ M. Hamidullah. The map of the battle of Malazgird on basis of historical description of the battle. *Islamic Culture*, t. XIX/3, 1945, p. 353, passim; C. Oman Sir. A history of the art of war in the Middle Ages, t. I. N. Y., 1924, p. 218; W. A. Mitchell. *Outlines of the world's military history*. Washington, 1931, p. 150—151; F. Lot. *L'art militaire et les armées au Moyen-Age en Europe et dans le Proche-Orient*, t. I. Paris, 1946, p. 71.

²² История Византии, т. 2. М., 1967, стр. 287.

²³ J. Laurent. *Byzance et les origines du Sultanat de Roum*. Mélanges Ch. Diehl, vol. I. Histoire. Paris, 1930, p. 177.

²⁴ В. Р. Розен. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. *Зап. Восточного отд. Русского географ. общ.*, т. I, вып. 1, 3, 4, 1886—1887, стр. 19—22, 189—202, 243—252; Исторические записки Никифора, стр. 37—39; *Anonymi auctoris*, p. 46—47; *Barhebraei*, p. 246—249; *Histoire des Seldjucides*, p. 437—438; *Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur*, Yazan Muhammed b. Ali b. Süleyman er-Ravendi çeviren A. Ateş, Ankara, 1957—1960, s. 117.

²⁵ *Chronique de Michel*, p. 577—579.

²⁶ Дата ошибочна. Роман IV Диоген правил в 1068—1071 гг. Ромеями в сирийских источниках именуют греков.

²⁷ Дата ошибочна. Тогрул-бек скончался в 1063 г.

²⁸ Родоначальник династии конийских султанов Сельджукидов, правил в 1077—1086 гг.

В этом сражении произошло следующее событие, достойное упоминания. Когда обе стороны были готовы к битве, двоюродный брат султана Сулейман попросил поручить ему сражение, а самому султану воссесть на троне, на вершине холма. Султан согласился, и Сулейман расставил двенадцать своих отменных сыновей и дал каждому по тысяче всадников. Они приготовились и спустились, чтобы напасть на ромеев.

Когда обе стороны перемешались в схватке, один из племянников султана, что находился около него, также пожелал принять участие в сражении, но султан не разрешил. Настаивая на своем и повторяя просьбу на разные лады, он добился позволения и спустился (с холма). Навстречу ему попался император, который продолжал оставаться на поле брани, хотя значительная часть его знатных вместе с армянами покинула его и обратилась в бегство.

Когда (племянник султана) встретил императора, то ударил его и свалил и намеревался убить. Император ромеев назвал себя, тюрком обрадовался и захватил его. Он повел его к султану, но некий воин увидел это и спросил, кто это. Племянник султана объяснил, что с ним император ромеев; и этот негодяй (воин) захотел присвоить себе победу, ранил саблей того, кто захватил императора в плен, и повалил. А сам со связанным императором отправился и доставил его к султану.

К вечеру, узнав, что племянник не возвратился, султан отправил несколько человек на розыски. Они нашли его лежащим, но не умершим, и доставили его. Диоген узнал его и рассказал, что произошло. Тогда султан приказал распять того коварного воина, а его имущество отдал тому, кто был бесчестно ранен.

Затем султан спросил Диогена, что тот собирался сделать в случае, если бы захватил его в плен. Диоген ответил, что думал сжечь его. Султан сказал: „А я обещал обойтись с тобою милосердно, если попадешь в плен. Знай, что Аллах внемлет просьбе того, кто задумал сделать добро!“²⁹ После этого он отправил его с охраной к ромейской границе и отпустил».

Теперь, после Манцикерта, сельджуки овладели территориями от Средней Азии до Средиземного моря и от Закавказья до Египта. На десятилетия вперед был решен вопрос о господствующей силе в Передней Азии, и это определило ход политической истории, судьбы многих стран не только мусульманского, но и христианского мира. Победа при Манцикерте стала одним из этапных событий в истории Востока и Запада.³⁰ Непосредственно с результатами сражения 1071 г. связаны усилившиеся и расширившиеся между Востоком и Западом военно-политические контакты. В первую очередь можно указать на крестовые походы западноевропейского рыцарства на Ближний Восток. Последовал передел политической карты Передней Азии. Постепенно благодаря междоусобной борьбе в самой империи, восстаниям в ее балканских владениях, а также не без содействия сельджуков и позднее крестоносцев Византия из могущественной державы стала превращаться в сравнительно небольшое по территории и внутренне слабое государство. Власть империи в Передней Азии и юго-восточной Европе значительно ослабла. В балканских странах тюрки в тот период не появились, но тем не менее они объективно оказали влияние на ход истории Балкан. Теперь, вплоть до начала

²⁹ Возможно, имеется в виду стих из Корана, XVI, 128: «Поистине, Аллах — с теми, которые боятся, и теми, которые делают добро!».

³⁰ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов, стр. 41, 49; Ф. И. Успенский. 1) История Византийской империи, стр. 89, 94, 138; 2) Движение народов, стр. 13—14, 16; С. Cahen. La première pénétration, p. 33; P. Wittek. Le sultan de Roum. Mélange E. Boisacq, t. II. Bruxelles, 1938, p. 363.

I крестового похода, не было серьезных факторов, способных воспрепятствовать продолжению сельджукской экспансии.³¹

Закавказье подпало под власть тюрок, империя потеряла его навсегда. В Малой Азии появился Коннийский султанат, который теперь сдерживал Византию и пришедших ей на помощь крестоносцев. С этим султанатом империя встретила сто лет спустя в другом решающем сражении и вновь проиграла сельджукам.

В 1096 г. начались крестовые походы, участники которых на первых порах сумели добиться успехов. Появление рыцарей осложнило обстановку в Передней Азии и юго-восточной Европе, а также повлияло на отношения Византии и сельджуков. Крестоносцы вскоре нашли свое место в сложной системе взаимоотношений в Передней Азии и юго-восточной Европе, в частности между Византией и сельджуками, которые приспособились к приливам и отливам крестоносного движения и энтузиазма, его непостоянству в выборе союзников и направлений для походов. Вместе с тем рыцари нанесли Византии больше вреда, нежели помогли против тюрок; они смотрели на греков как на еретиков и схизматиков. Это позволило придать крестоносному движению также и антигреческий характер, что проявилось как в I, так и особенно во II походе. Не случайно длительное наступление «освободителей гроба господня из рук неверных» было направлено не столько против сельджуков, сколько против Византии и завершилось походом 1204 г.,³² когда крестоносцы штурмом овладели Константинополем и на месте Византийской империи создали Латинскую.

Но начало крестовых походов, участники которых приняли на себя серию ударов со стороны сельджуков, дало империи передышку между двумя важными сражениями — Манцикертом и Мириокефале. Не будь крестоносцев, второе событие могло произойти раньше, а это привело бы, возможно уже на рубеже XI—XII вв., к потере Византией остальных территорий.

В XII в. основная тяжесть борьбы против Византии и призванных ею крестоносцев легла на плечи Конийского султаната и ряда малоазиатских и сирийских эмиратов; в нее включился также Айюбидский султанат в Египте. Первые испытания выпали на долю конийского султана Килидж-Арслана I (1092—1107). Крестоносцы сумели потеснить не только его, но также других тюркских и арабских владетельных феодалов, отобрав у них такие ключевые посты, как Антиохия, Триполи, Эдесса, Иерусалим.³³ Первый поход завершился созданием государств крестоносцев и временным спадом сельджукских вторжений на византийские территории. Но тем не менее Конийский султанат, служивший главным форпостом мусульманского мира против пришельцев с Запада, не позволил им пройти далеко на восток.³⁴

Уже на рубеже XI—XII вв. Конийский султанат и эмират Данишмендидов превратились в барьер, который остановил волну крестоносцев. Сравнительно быстро наступило равновесие сил, а затем влияние крестоносцев на развитие тюркской и вообще мусульманской экспансии было сведено на нет. В дальнейшем рыцари добивались лишь тактических успехов. Это было следствием не только возросшего сопротивления со сто-

³¹ Anonymi auctoris, p. 50—51.

³² М. Я. Сюзюмов. Разделение церквей в 1054 г. Вопросы истории, 1956, № 8, стр. 55.

³³ Chronique de Michel, p. 585—589; Anonymi auctoris, p. 51, 54, 56—58, 60; Barhebraei, p. 262, 265.

³⁴ Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Труд Иоанна Киннама. Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, СПб., 1859, стр. 87; Chronique de Michel, p. 588—589, 592, 596—597, 601, passim; Anonymi auctoris, p. 61—64, 66—67, passim.

роны сельджуков и Византии, но также разногласий в среде крестоносцев, которые не способствовали военным успехам. Пути крестоносцев и Византии после первого же похода разошлись. Уже Алексей I Комнин (1081—1118) просил у конийского султана отряды для борьбы с рыцарями.³⁵ С другой стороны, хотя император и был заинтересован в успехах крестоносцев, обещавших вернуть Византии земли, которые будут отвоеваны у сельджуков, принцип политики Алексея «состоял в том, чтобы ослабить крестоносное войско и заставить его дорогой ценой покупать каждую победу».³⁶

О том, насколько рыцари были преданы идее, ведшей их в Иерусалим, свидетельствуют сирийские и другие источники. Так, наметившийся в 1110 г. подъем крестоносного энтузиазма быстро пошел на убыль, как только мусульманские эмиры откупились золотом: владетель Халеба Родван уплатил в качестве отступного 30 тыс. динаров, преподнес 20 арабских скакунов и драгоценные камни князю Антиохийскому Танкреду, владетель Тира — 7 тыс. динаров, Аскалона и Шейзара — по 4 тыс., атабек Дамаска Туг-Тегин — 10 тыс. динаров.³⁷

Латинские хронисты дополняют сведения восточнохристианских и мусульманских источников о движении крестоносцев и его руководителях. В частности, у них имеется множество сообщений об алчности рыцарей, об истинных целях, приведших их на Восток. Рауль Каэнский и Фульхерий Шартрский сообщают о бесчинствах крестоносцев в захваченном Иерусалиме, византийских и других землях.³⁸

В правление Мануила I Комнина (1143—1180) империи приходилось все больше внимания и сил уделять восточным делам, которые были осложнены внутренними неурядицами, волнениями и восстаниями в балканских владениях и по-прежнему неприязненными отношениями с крестоносцами. Но наибольшую военную опасность, как и прежде, представляли сельджуки. Однако порой отношения Комнинов с конийскими султанами были дружественными. Так, когда Килидж-Арслан II (1156—1188) вынужден был бежать в 1162 г. в Константинополь, здесь ему оказали почет. В столице он был торжественно встречен, по пути его следования были развешаны ковры и украшения. В течение 80-дневного пребывания во дворце Мануила султану дважды в день подавали яства на золотой и серебряной посуде, которую каждый раз преподносили ему в дар. В последний день император и султан сели за совместную трапезу, посуда и украшения которой вместе с другими дарами были преподнесены Килидж-Арслану и тысяче сопровождавших его лиц.³⁹

В целом же период Комнинов характерен главным образом усилением тюркского напора, охватившего империю одновременно с севера и с востока. Наибольшей остроты сельджукский вопрос приобрел для Византии при Килидж-Арслане II, и можно вслед за Ф. И. Успенским повторить, что «нигде падение военного могущества империи не обнаружилось в такой жалкой степени, как в Малой Азии, где империя с систематической последовательностью отступала перед новым врагом».⁴⁰

³⁵ Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, 1081—1118 гг. Труд Анны Комниной, часть I. Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, СПб., 1859, стр. 184, 234.

³⁶ История Византии, стр. 316.

³⁷ Chronique de Michel, p. 604; Barhebraei, p. 275—276.

³⁸ См.: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов. М., 1966, стр. 219, 230.

³⁹ Краткое обозрение... Труд Иоанна Киннама, стр. 225—228; Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина, т. I, 1118—1185 гг. Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, СПб., 1860, стр. 149—152.

⁴⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, стр. 78, 84, 274.

Поэтому Мануил I Комнин от спорадических военных акций перешел к решительным действиям и в 1175 г. во главе армии направился к столице Конийского султаната.

В сражении при Мириокефале 17 сентября 1176 г. сельджуки нанесли империи сокрушительный удар, в результате которого обеспечили себе безраздельное господство в Малой Азии, а Византия навсегда отказалась от активных действий против турок. Причем, если в 1071 г. для решительной победы при Манцикерте сельджукам пришлось использовать ресурсы всей своей державы, то столетие спустя одной конийской армии оказалось достаточно для победы при Мириокефале.

Приводим описание сражения при Мириокефале, принадлежащее перу современника.⁴¹

«Относительно времени, когда император ромеев Мануил был побежден султаном Килидж-Арсланом. Когда император ромеев узнал, что его племянник (Андроник Ватац) погиб у ворот Неокесарии,⁴² он разгневался и отправился отомстить туркам. Султан приказал своим воинам избегать сражения, но отдельными отрядами нападать на войско императора то справа, то слева, то с тыла; сжигать селения и все то, что могло пригодиться для пропитания людей и животных; заражать водоемы, источники и колодцы, бросая в них трупы людей, собак, ослов и всякую гниль и нечистоты. Он приказал то же самое тем, кто находился в крепостях: не нападать, но обороняться, сколь будет возможно, а затем, когда силы истощатся, все сжигать и уходить. Султан сам отправился в труднодоступные горы, где переходил с одного места на другое.

В итоге император сумел быстро продвинуться во владения турок на расстояние пятидневного пути. Бесчисленные, как саранча, туркмены, которые находились в этих областях, узнав, что император отправился с тем, чтобы достичь их местопребывания, собрались в количестве не то пяти, не то десяти тысяч и сжигали, грабили и убивали тех, кого встречали за пределами лагеря ромеев.

Ромеи находились на расстоянии однодневного марша от Конии и в трех часах пути от местопребывания султана. Они заблудились в горах, в узком месте, где не было воды, оставив позади пять тысяч повозок с продовольствием для воинов и фуражом для животных, детали военных машин, золото, (походные) алтари, кресты и предметы иного рода. Увидев, что император и его воины находятся в удалении от лагеря и повозок с имуществом, туркмены собрались у них в тылу в количестве 50 тысяч, захватили и разграбили лагерь.

Когда император и его войско узнали, что их имущество погибло и что продовольствие, которое, как они надеялись, придет к ним, захвачено, то пребывали в большом волнении. Тюрки догадались об их состоянии и обрушили на них с высоты горы обломки скал, которые уничтожали воинов и животных. Вся эта масса воинов, ссорившихся друг с другом в этом ущелье, находилась в стесненном положении, дрожа и опасаясь выйти оттуда на виду у турок, которые находились так близко, что могли перебить их стрелами даже ночью.

Тогда же ночью император отправил посланца к султану с предложением мира. Султан, который сам пребывал в тревоге, тотчас согласился. Всю ночь посредники курсировали в обоих направлениях с факелами. Император уступил султану восстановленные им города. С наступлением утра, когда было объявлено о мире, турки бранили султана и называли его „неверным“, потому что он согласился на мирный исход. Поэтому

⁴¹ Chronique de Michel, p. 715—716.

⁴² Михаил Сирец ошибается, Андроник Ватац не погиб у Неокесарии, а захватил ее.

к императору приставили трех султанских эмиров, чтобы сдержать дерзких туркмен. Но они не утихомирились. Когда лагерь ромеев снялся, туркмены со всех сторон нападали и уничтожали ромейских воинов. Император потребовал у сопровождавших его эмиров объяснения по поводу происшедшего, несмотря на обоюдно принесенные клятвы, на что они отвечали: „Туркмены от нас независимы“. Тогда император устроил засаду и перебил около 20 тысяч из них.

Возвратившись в Константинополь, император отправил султану большое количество золота. Султан разослал всем эмирам, халифу Багдада и султану Хорасана⁴³ рабов, слуг, оружие и головы ромеев и их волосы на пиках; и они возили их по улицам на крупах своих коней и радовались. Таков злополучный конец похода императора ромеев».

Таким образом, судьба отношений Византии с сельджуками вновь была решена в пользу последних. И вплоть до монгольского нашествия и сражения у Кёсё-Дага в 1243 г. почти ничто существенно не влияло на тюркскую политику в Передней Азии и отчасти юго-восточной Европе. Сражение при Мириокефале носило в значительной степени местный характер, имело меньший исторический отзвук, чем битва при Манцикерте. Но оба эти сражения были этапными, каждое из них стало логическим завершением определенного периода в развитии отношений Византии с сельджуками, а если взглянуть шире — феодальной Европы (крестоносцы, балканские страны) с переднеазиатским миром. И если перед тюрками открывались новые возможности для осуществления планов, то Византия теряла не только свой престиж, но и территории: событие 1071 г. было заявкой сельджуков на области, принадлежавшие империи в Малой Азии и Закавказье, которые после этой даты были утрачены Византией; 1176 г. окончательно лишил ее надежд на возвращение богатых и важных восточных провинций. Ни те события, что произошли до 1071 г. ни те, что имели место после 1176 г., почти не отразились на характере отношений Византии с сельджуками. В первую очередь важно это столетие — период активного противоборства двух основных сил на стыке Востока и Запада — Византийской империи и сельджукских государств. Несомненно, существовала определенная связь между успехами тюрков и ослаблением византийского влияния и господства, с одной стороны, и усилением процесса высвобождения юго-восточной Европы из-под византийского владычества, — с другой. В частности, во второй половине XII в. появляется Второе Болгарское царство, а Сербия была признана независимой. Победы сельджуков при Манцикерте и Мириокефале способствовали ослаблению и ликвидации в балканских странах социально-экономического, политического и церковного гнета империи и объективно ускорили процесс приобретения ими независимости. В течение тех же ста лет было подготовлено падение Византийской империи в 1204 г. под ударами участников IV крестового похода.

---

⁴³ Имеется в виду великий султан Сельджукид Санджар (1118—1157).

A PROPOS DES RELATIONS ENTRE BYZANCE
ET SELDJOUKS

(d'après les sources syriaques)

Pour l'histoire des relations entre Byzance et seldjouks en XI—XII siècles les sources syriaques (La Chronique de Michel le Syrien, l'Anonyme du 1234, la Chronique de Bar-Hebraei) contiennent les corps des communications très intéressantes.

Les croisades et les relations entre Byzance et seldjouks au cours de XI—XII siècles ont exercée une influence non seulement sur la vie de contrées orientales, mais aussi sur la vie de l'Europe, à première tour sur la vie du Sud-Est Europeen.

La révue des faits historiques permet de faire la conclusion, que les collections et les actions réciproques des Byzance et les seldjouks ont exercé une influence sur la processus historique au course de XI—XII siècles.

Les tribus turques à partir de XIe siècle ont fait les incursions en Transcaucasie, en l'Asie Mineure et dans les possessions de Byzance. Enfin, en 1071 l'empereur Roman IVe Diogène et le sultan Alp-Arslan se sont rencontrés auprès de Manzikert. L'empereur fut defait, mais les seldjouks ont établi leur domination sur le vaste territoire, y compris la Transcaucasie et l'Asie Mineure.

Une seconde fois en 1176 la Byzance et seldjouks se sont rencontrés auprès de Miriokephale. L'empereur Manuel Ier Comnène fut defait, mais sultan Seldjoucide Kilidj-Arslan IIe consolide son domination sur l'Asie Mineure et sur les autres territoires.

К ИЗУЧЕНИЮ СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКИХ ВЕРСИЙ АПОКРИФИЧЕСКИХ ЛЕГЕНД

(на материале сказания об Авгаре)

Цикл легенд, связанных с именем эдесского царя Авгара, возник в Сирии не позднее первой половины IV в. н. э. Частично этот цикл композиционно и стилистически оформился в сирийском памятнике, известном под названием «Учение Аддая». Названное произведение стоит у истоков классической сирийской литературы, и изучение его во всех отношениях — лингвистическом, историческом и литературном — представляет выдающийся интерес. Полный текст «Учения Аддая» сохранился в сборнике, который находится ныне в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и описан Н. В. Пигулевской.¹ По данному списку произведение было издано английским ученым Д. Филлипсом.² Еще один текст «Учения Аддая» был напечатан ранее В. Кьюртоном по рукописям V—VI в. из Британского музея.³

По указанию П. К. Коковцова, немецкий ученый «Нестле обращает внимание в *Theologische Litteraturzeitung*, 1900, S. 559, на различие обоих текстов (т. е. Кьюртон и Филлипса) и готов здесь видеть два разных перевода одного и того же утраченного греческого оригинала».⁴ Решение вопроса о сирийском или греческом происхождении «Учения Аддая» и его связи с ранее существовавшими сирийскими легендами невозможно без тщательной текстологической работы над памятником. Большую помощь в этом могут оказать иноязычные варианты произведения. Цикл сказаний об Авгаре получил широкое распространение среди народов восточно-христианского культурного круга.

Одна из легенд, лежащая в основе сюжета повествования «Учения Аддая», связана с апокрифической перепиской, которую царь Авгар Укама имел с Иисусом Христом, и с чудесным исцелением владетеля Эдессы от тяжелой болезни. Эта легенда была особенно популярной. Она известна на греческом, армянском, арабском, коптском, латинском и славянском языках.

Ее сюжет широко используется и трактуется византийскими историками. Наиболее раннее изложение его можно найти в «Церковной исто-

¹ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. Палест. сборник, вып. 6 (69), 1960, стр. 140—141.

² G. Phillips. *The Doctrine of Addai the apostle*. London, 1876.

³ W. Cureton. *Ancient syriac documents*. London—Edinburgh, 1864.

⁴ В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Под редакцией и с дополнениями проф. П. К. Коковцова. СПб., 1902, стр. 30—31 (прим. 4).

рии» Евсевия Кесарийского (*Historia Ecclesiastica*, lib. I, cap. XIII).⁵ В дальнейшем к легенде обращаются Прокопий Кесарийский, Евагрий, Георгий Амартол, Георгий Кедрин. Рассказы этих авторов различны. Их сопоставительное рассмотрение даст хороший вспомогательный материал для изучения литературной истории сирийской легенды. Самое развернутое повествование на эту тему принадлежит перу византийского императора и писателя Константина Порфиrogenета (X в.). Автор излагает легенду о переписке и исцелении, о создании палладиума Эдессы и перенесении его в Константинополь (942 г.). Произведение Константина Порфиrogenета было издано и впоследствии еще раз перепечатано.⁶

Греческий текст его находится в двух рукописях Синодального собрания, хранящихся ныне в ГИМе (Москва).⁷ Они (№ 382 (9/IX) и № 383 (16 0/CLXI) написаны на пергамене и датируются XI в. Содержание сборников совпадает. Первая рукопись — это Синодальный кодекс Метафраста, подробно описанный В. Г. Васильевским.⁸ Она иллюминирована заставками и миниатюрами, в том числе четырьмя изображениями к тексту сочинения Константина Порфиrogenета. Вторая рукопись без миниатюр. Константин Порфиrogenет использует, видимо, в качестве источников своего произведения письменные памятники (сирийские и греческие) и устные предания из Сирии. На сирийской почве легенда об Авгаре, вероятно, с течением времени подвергалась модификациям и распространению.

Интересна роль сирийской легенды в традиционной борьбе восточной и западной церковью. Стремясь доказать самостоятельность и более глубокую древность по сравнению с греческими своих святых, римская церковь использует сюжет сказания об Авгаре, и на западной почве возникает легенда о Веронике, исцеленной Христом. Это произведение не только основной мыслью, но и отдельными сюжетными чертами имеет общее с сирийской легендой. Древнейшее изложение предания о Веронике — англо-саксонский рассказ VIII в. Исследованию западной версии сирийской легенды была посвящена работа В. Гримма.⁹

Для изучения литературной истории восточной легенды об Авгаре большое значение имеет знакомство с теми ее версиями, которые существуют на славянской почве, в частности в древнерусских рукописях. При современном состоянии разработки вопроса мы не имеем возможности отделить русские редакции сказания от южно- или западнославянских по происхождению.

В 1890 г. И. Я. Порфирьев опубликовал свою работу «Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки».¹⁰ Один из разделов этой книги посвящен сказанию об Авгаре, другой — также существующему в славянских вариантах сказанию о Веронике. И. Я. Порфирьев коротко говорит о греческих версиях легенды об Авгаре, однако не отмечает того, что источником для них послужило сирийское предание и его литературная обработка на си-

⁵ Eusebius. Kirchengeschichte, 1, 13. J. C. Hinrichs Verlages. Leipzig, 1955, S. 33—37.

⁶ Fr. Combefis. *Originum rerumque Constantinopolitanarum manipulus*. Paris, 1664, p. 75—100; J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus... Series graeca*, t. 113, 424—453—K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. Zw. Aufl. München, 1897, S. 169.

⁷ Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки арх. Владимира, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 575.

⁸ В. Васильевский. Синодальный кодекс Метафраста. СПб., 1899, стр. 1—73.

⁹ Wilh. Grimm. *Die Sage vom Ursprung der Christusbilder*. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1842.

¹⁰ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890.

рийской почве. Исследовав рукописи Соловецкого собрания (ныне в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), он выделил несколько славянских редакций сказания. Во всех редакциях сирийская легенда о переписке осложнена сюжетом о чудесном возникновении лика Христа на убрусе, который был затем принесен Авгарю. В сирийском тексте изображение Иисуса было нарисовано художником, посланным царем Эдессы специально для того, чтобы запечатлеть лицо прославленного исцелителя.

Первая славянская редакция (по И. Я. Порфирьеву) следующая: Авгарь, царь Эдессы, услышал о том, что есть в Палестине некий человек, исцеляющий без лекарств тяжело больных людей. Он посылает Луку «скорописца», чтобы тот нарисовал портрет этого чудотворца. Но Луке никак не удается выполнить приказ своего царя. Тогда Иисус, разгадав помыслы художника, сам изобразил свое лицо на убрусе и отослал его Авгарю с апостолом Фаддеем. Авгарь получил портрет и тут же выздоровел. В благодарность за исцеление, зная, что иудеи преследуют Христа, он в послании предложил ему Эдессу (свое царство) в качестве убежища. Но Иисус отказался от этого.

В таком виде рассказ существует в Соловецком сборнике XVI—XVII в. (№ 811) и в тексте, опубликованном Н. С. Тихонравовым по рукописи Синодального собрания¹¹ (№ 558). К тексту этой версии имеется добавление, свойственное апокрифическим памятникам, о том, что читающих послание и носящих его при себе оно спасает от несчастий.

Вторая славянская редакция рассказывает так: Авгарь страдал проказой и не мог исцелиться. Он послал с Ананией письмо к Христу с просьбой вылечить его и предложил убежище от иудеев в своем городе Эдессе. Иисус ответил, что не может прибыть, но пришлет одного из своих учеников, Фаддея. Тогда Авгарь отправил в Иерусалим Луку «скорописца» нарисовать портрет Христа. Иисус сам изобразил свое лицо на плащанице и отослал ее в Эдессу с Лукой и апостолом Фаддеем. По дороге туда образ совершил множество чудесных исцелений, излечился и Авгарь. Вылечившись, он сам обратился в христианство и крестил весь свой город, якобы полученный от Христа образ становится главной святыней Эдессы. Затем рассказывается о перенесении образа — палладиума из Эдессы в Царьград. Эта версия имеется в Соловецком сборнике № 804/914 (XVI в.) и в Торжественнике № 370 (1050/1159) (XVI в.).

Третья редакция — это сочинение Константина Багрянородного (Порфиrogenета), перевод упомянутого выше греческого произведения. Он имеется в Соловецком Торжественнике № 370. Следует заметить, что перевод был выполнен Максимом Греком и текст его сохранился во множестве рукописей различных собраний.¹²

Редакции сказания, перечисленные И. Я. Порфирьевым, отнюдь не исчерпывают всех славянских произведений, связанных с темой сирийской легенды.

Нужно прежде всего выделить версии, имеющиеся в греческих хрониках, хронографах и переведенные в их составе на славянский язык. Таково, например, изложение сирийской легенды в «Хронике» Георгия Амартола, перевод которой существовал на Руси не позднее XI в.¹³ На основании этой даты уже теперь можно установить нижнюю хронологическую границу знакомства русского читателя с сирийским апокрифом.

¹¹ Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. СПб., 1863, стр. 11—17.

¹² А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 79—80.

¹³ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I, текст. Пгр., 1920, стр. 222—223.

Вторым исходным пунктом распространения легенды являются четьи-миней, прологи, синаксари и торжественники. В этого рода сборниках сказание переписывалось под 16 августа, память перенесения Эдесского палладиума в Константинополь, и под 18 октября — день памяти евангелиста Луки. В четьих-минейх, датированных XVII в., под 16 августа существует целый цикл различных произведений на тему сирийской легенды, включающий и перевод Максимом Греком сочинения Константина Порфиrogenета.¹⁴

Особая версия сказания фигурирует в минейх-четьях под 18 октября. Таковы к примеру тексты в двух рукописях Софийского собрания (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Соф. 1318 и Соф. 1385). Рукопись Соф. 1385 написана полууставом и датируется по данным палеографии концом XV в., а Соф. 1318 — XVI в.¹⁵ В этих сборниках сказание связывается с именем Луки-евангелиста, видимо, потому, что в данной версии одним из главных действующих лиц оказывается Лука — «купец хитр». Он служит князю Авгарю. Однажды, приехав в Иерусалим, Лука услышал о человеке, совершающем много чудес. Он рассказал о нем Авгарю, и тот написал письмо Иисусу с просьбой исцелить его от болезни. Луке же он приказал нарисовать портрет Христа. Купец приносит Авгарю чудом появившееся на рубре изображение, сам же оставляет своего князя и уходит к Иисусу, и «бысть емоу евангелист и апостол». Далее в тексте идет пространный рассказ о смерти Луки-евангелиста. А затем повествование вновь возвращается к Авгарю. События излагаются с того момента, когда Авгарь получил ответное послание Иисуса и, «разогнув, прозре». Затем история рассказывается примерно так же, как в уже приведенной 2-й славянской версии И. Я. Порфирьева, не хватает лишь конца. В текстах имеются лексические разночтения, которые говорят о том, что перед нами два разных перевода одного и того же греческого оригинала. Так, греческое *κεραμίδς* (*idos*) в Соловецком сборнике оставлено без перевода — керамида, в четьи-минейной оно передано словом «плита». Сказание, помещенное в двух минейх-четьях Софийского собрания, представляет собой простую контаминацию двух различных версий легенды об Авгаре, которые разделены текстом жития Луки.

Значительный интерес представляет первая из них. Она совпадает, за исключением нескольких незначительных разночтений, с отрывком апокрифического текста, опубликованного В. Ягичем.¹⁶ Он издал его под рубрикой «Апокрифы богомильского попа Иеремии», однако сам высказывает сомнение по вопросу о том, является ли данное произведение созданием идеолога богомильского движения. Идентичность текста из Софийской четьи-миней и отрывка из издания В. Ягича свидетельствует о том, что они имели, видимо, общий источник — перевод с какого-то греческого варианта сирийской легенды, а различное литературное обрамление говорит в пользу того, что в том и другом случае мы имеем дело с компиляторской работой славянских книжников. Вопрос о том, является ли опубликованный В. Ягичем текст компиляцией, сделанной попом Иеремием, остается пока открытым. Связь минейной версии с южно-славянской традицией также требует дальнейшего изучения.

Третьим истоком распространения легенды об Авгаре на славянской почве являются различные сборники неопределенного содержания, где ска-

¹⁴ См.: Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887, № 10 (96), стр. 65—66.

¹⁵ Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. II. Сост. Д. И. Абрамович, СПб., 1907, стр. 25, 293.

¹⁶ V. Jagić. Novi prilozi za literaturu biblijskih apokrifa. Apokrifa bogomila popa Jeremije. Starine, V, Zagreb, 1873, p. 91—92, 93—94.

зание фигурирует чаще всего отдельно. В качестве примера можно привести Сборники XVI в. из собрания Библиотеки Академии наук (Арханг. Д. 193 и Доброх. 18).¹⁷

Большое количество версий и их списков говорит о том, каким авторитетом и популярностью пользовалось сказание об Авгаре в древнерусской читательской среде.

Древняя сирийская культура, преломленная Византией, отразилась и нашла живой отклик в средневековых славянских литературах, способствовала их развитию.

История бытования на Руси сирийской апокрифической легенды об Авгаре заслуживает всестороннего исследования. Необходимо выявить все варианты этого сказания, привлечь для сопоставительно-текстологического изучения по возможности все их списки (по XVII в.), выяснить, какие из этих версий представляют непосредственный перевод, а какие — компиляцию, осуществленную на славянской почве. Для тех и других установить греческий источник. Вслед за этим можно будет проследить связь греческих текстов с сирийским оригиналом. Таким образом, весь многоязычный цикл сказаний об Авгаре оказывается неразрывно связанным с культурой, литературой и историей народов Ближнего Востока и Европы на протяжении более чем тысячелетнего периода.

E. N. Mescherskaja

ON THE HISTORY OF THE SYRIAC SOURCES AND GREEK-SLAVONIC VERSIONS OF THE APOCRYPHAS

(The legende about Abar)

The article investigates some questions connected with the literary history of the ancient syriac legende about Abar, the king of Edessa. The author adduces the information about Syriac, Greek-Byzantine and Slavonic versions of this apocrypha. The observations at Slavonic variants of the plot take the central place in the article.

---

¹⁷ Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 2, М.—Л., 1965, стр. 128, 135.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Когда говорят о сирийской художественной литературе, почти всегда делают оговорку, что таковой в чистом виде не существует, что можно отмечать лишь отдельные беллетристические элементы в произведениях исторического, агнографического характера и др., что выделение художественных произведений из общей массы памятников сирийской письменности просто невозможно.

В настоящей статье будут рассмотрены три вида сирийских сочинений, относящихся к разным литературным жанрам, но составляющих своеобразный литературный триптих. С одной стороны — хроника Иешу Стилита, сочинение исторического плана, хорошо известное по работе Н. В. Пигулевской «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э.», с другой — агнографический рассказ о деяниях мучеников Гурия, Шамуны (и Хабиба) и, наконец, легенда о Евфимии,¹ представляющая сложное соединение элементов как первого, так и второго.

Хроника Иешу Стилита повествует о событиях из истории Месопотамии в V—VI вв.: бесконечные войны, эпидемии, землетрясения, неурожай, голод — вот испытания, выпавшие на долю населения этих областей. В значительной части это краткие погодные записи, содержащие лишь сообщения о событиях, однако часто от простой информации автор переходит к попытке изображения событий, и в этих случаях можно говорить о принадлежности отдельных отрывков к жанрам художественной литературы.

В начале хроники Иешу Стилит в нескольких словах сообщает о нашествии гуннов в ромейские земли «в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия Великого, когда вся Сирия находилась в их руках благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая».² Эта краткая запись относится к 707 г. (395/6 г. н. э.).

Из других источников известно, что Руфин пытался захватить престол Аркадия, и предательство его состояло в том, что он «призвал варварский народ гуннов в ромейские земли».³ Они завоевали страну ромеев

¹ Библиографию изданий, переводов и исследований текстов см. в кн.: В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Перевод с английского К. А. Тураевой. Под редакцией и с дополнениями П. К. Коковцова. СПб., 1902, стр. 31. A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, S. 28—29; Ignatius Ortiz de Urbina S. J. Patrologia syriaca. Romae, 1958, p. 98, 180, 191.

² Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.—Л., 1940, стр. 131.

³ Н. В. Пигулевская приводит в связи с этим свидетельства Сократа и Клавдиана. См.: Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском. Палест. сборник, вып. 3 (66), 1958, стр. 79.

и двинулись дальше вплоть до Эдессы. На борьбу с гуннами были отправлены войска, состоявшие из представителей самых разных народностей, населявших обширные территории Византийского государства: греков, готов, коптов, сирийцев, армян и т. д. Непостоянная, плохо организованная армия эта представляла механическое соединение наемников, не имеющих ни малейшего представления о дисциплине. Они не раз заставляли государственные перевороты и вносили всякую смуту.⁴

О бесчинствах, творимых готами, которые расположились на постое в эдесских домах, Иешу Стилит не просто сообщает, а повествует с многочисленными и волнующими деталями, указывая, что и те, которые пришли в Эдессу под именем спасителей, чтобы помочь, разоряли и грабили почти так же, как враги. Это уже не простая хроникальная запись, в отличие от первого сообщения о нашествии гуннов, а живой художественный рассказ, живой особенно потому, что автор был очевидцем описываемых событий.⁵

Однако переход от простой информации к изображению событий — это лишь первый шаг на пути к художественной прозе, основной и важнейшей особенностью которой является ее сюжетность. Художественная проза повествует о событиях в жизни героя, развивающихся в течение определенного времени, причем совокупность событий, составляющих фабулу повествования, должна быть приведена в определенную систему — сюжет.⁶

Обратимся теперь к деяниям эдесских исповедников Гурия и Шамуны. Эти святые были широко популярны в среде сирийцев. Они считались покровителями Эдессы. В городе было два храма святых исповедников — один, построенный епископом Авраамом в 346 г. на горе за стенами города, и другой, более поздний — у западных ворот его.⁷

В одном из сирийских календарей, сохранившихся в рукописи Ватикана (Cod. Vat. syr. 37), память наших святых отмечается в один день с памятью царя Авгара, легендарного основателя эдесской церкви, прославившегося в предании своей перепиской с Христом.⁸

Деяния и добродетель святых воспеты самыми выдающимися из сирийских писателей этого времени — Ефремом Сирином (IV в.) и Иаковом Серугским (VI в.).

Культ святых сложился, видимо, вскоре после возведения храма.

Житие написано в традиционном стиле, характерном для этого рода литературы. Подробное описание канонической схемы жития — мучения дано исследователями на материале древнерусской и византийской литератур. «Эта схема слагалась обычно из следующих эпизодов: требование

⁴ Памятники византийской литературы, М., 1968, стр. 11.

⁵ Ярким примером такого художественного описания является рассказ о наводнении в Эдессе, изображающий трагическую картину огромного стихийного бедствия, включенный в анонимную Эдесскую хронику VI в. (Chronicon Edessenum. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, t. I, Romae, 1719, p. 390—393); Н. В. Пигулевская Я. Эдесская хроника. Палест. сборник, вып. 4 (67), стр. 88—90.

⁶ В. В. Кожин. Сюжет, фабула, композиция. В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964. См. также: Я. С. Лурье. Введение. В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970; здесь дана полная библиография по данному вопросу.

⁷ Chronicon Edessenum, p. 395; о строительстве в Эдессе храмов святых исповедников сообщает также Эдесская анонимная хроника XIII в. в главе «О храмах, церквях и монастырях, построенных в Эдессе». См.: Chronicon civile et ecclesiasticum anonimi auctoris, edidit J. E. Rahmani, 1904, p. 106. См. также: A. Baumstark. Vorjustinianische kirchliche Bauten in Edessa. Oriens christianus, viertes Jahrgang, Roma, 1904, S. 171.

⁸ См.: Zum Kult der Bekenner. Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos aus dem Nachlass von Oscar v. Gebhardt, herausgegeben von Ernst v. Dobschütz. Leipzig, 1911, S. LVI—LXVI.

принести жертву языческим богам, которое отказывается выполнить христианин или группа верующих; „прение о вере“ между язычником, представителем власти, и христианином, причем этот диалог иногда разрастается широко, наполняется богословскими рассуждениями христианина и обвинениями его в „волшебстве и чародействе“, если мученик во время спора или в ходе мучений совершает чудеса; гиперболизированное, иногда до полного неправдоподобия, описание мучений, причем мучимый остается невредимым; чудесное исцеление мученика, если его истерзанного бросают в тюрьму, и, наконец, казнь „усечением головы“ и посмертные чудеса».⁹

По этой схеме, правда, значительно беллетризованной, построена одна из самых ярких сирийских легенд — о семи спящих отроках эфесских.¹⁰ Эти же моменты, за исключением последнего — посмертных чудес, речь о которых пойдет ниже, — можно выделить и в нашем сочинении.

Практические цели сочинения житийного жанра состояли в том, чтобы «учить христианской морали», «внушать представления о могуществе христианского бога» и т. д. Жития, возникавшие в огромном количестве, удовлетворяли в какой-то степени и потребность в беллетристическом чтении, так как, несмотря на их церковно-ритуальное назначение и схематичность повествования, читатель находил в них и описание волнующих событий, и определенную психологическую разработку характеров, и чисто беллетристические эпизоды, вводимые «агиографами иногда в помощь раскрытию основной житийной темы, а иногда с целью придания каноническому по форме повествованию особой занимательности». Но и эти беллетризованные сочинения ввиду их особых, чисто практических целей лежат вне сферы художественной литературы.

Легенду о Евфимии исследователи (издатель текста Ф. Но, О. Гебхардт, Урбина и др.) относят также к агиографической литературе, по-видимому на основании того, что в состав ее включен эпизод, где действуют святые. Однако этот эпизод, так же как и молитвы, обращенные к святым, составляют как бы второй, не главный, не существенный слой повествования, освобожденное от которого оно несколько не теряет ни в своей завершенности, ни в силе художественного воздействия.

В рукописи легенда представлена в соответствующем окружении (рукопись Национальной библиотеки в Париже), как составная часть коллекции житийных текстов.¹¹ Тем не менее нам представляется возможным выделить ее из этого круга как чисто художественное произведение, отвечающее всем установленным критериям.

Повесть о Евфимии, как нам кажется, возникла под влиянием хроники Иешу Стилита в той ее части, где он повествует о бедствиях, постигших Эдессу в связи с нашествием гуннов, и сетует на то, что «мучения, которые испытал каждый отдельный человек, таковы, что могли быть описаны в длинных историях».¹²

⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI—XIII вв. В кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 67. См. также: X. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX веков, ч. 1. Пгр., 1914.

¹⁰ Об истории возникновения легенды см. в книге А. Крымского и М. Аттая «Семь спящих отроков Эфесских» (М., 1914). Там же даны переводы арабских версий VII—XIII вв. См. также: А. В. Пайкова. Старая сирийская легенда в новой арабской литературе. Сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», Л., 1969, стр. 101—104. Описание сирийской рукописи VI в. с текстом сказания включено Н. В. Пигулевой в ее «Каталог сирийских рукописей Ленинграда» (Палест. сборник, вып. 6 (69), стр. 140—142).

¹¹ Описание рукописи дано в статье: F. Nau. Hagiographie syriaque. Revue de l'Orient chrétien, t. V (XV), Paris, 1910, p. 53—66.

¹² Н. В. Пигулевская. Месопотамия, стр. 165.

Одной из таких историй является повесть о Евфимии. Несомненно, что автор ее читал хронику Иешу Стилита и, может быть, даже имел ее под рукой, о чем свидетельствует начало повести, почти дословно совпадающее с записью Иешу Стилита, только несколько шире раскрывая ее: «В году 707 по летосчислению греков вышли гунны, направляясь в страну ромеев, и завоевали ее, и взяли в плен ее жителей. Они шли, пока не достигли Эдессы. Из-за предательства, которое было, стратилат Аддай не дал жителям выступить против них. И по этой причине войска ромеев вошли в Эдессу и осели там на долгое время».¹³

Дальнейшее повествование Иешу Стилита лишь намечает тему, которая в повести находит полное художественное воплощение. Нашествие гуннов, их продвижение вплоть до Эдессы, прибытие союзных войск, бедственное положение города, установление мира, возвращение войск на родину и, наконец, второе нашествие гуннов — это историческая канва повествования, его тематическая первооснова, определенная хроникой. На фоне этих исторических событий в повести действуют герои, конкретные образы которых и их сложные взаимоотношения друг с другом — плод художественного вымысла автора.

Вымышлены герои и, хотя подобная история вполне могла произойти в действительности, следовательно, возможны прототипы героев, однако, изображая их, автор стремился подобрать детали таким образом, чтобы придать им обобщенный характер литературных персонажей.

Вымышлены имена героев, о чем свидетельствует нарочитость их выбора: Евфимия — пользующаяся доброй славой, благочестивая — для добродетельной девицы. Такой автор и представляет ее на протяжении всего повествования; София — мудрая — для ее матери, женщины осторожной и предусмотрительной, которая долго колеблется, прежде чем согласиться на уговоры гота отдать свою дочь ему в жены, а, согласившись, старается заручиться поддержкой святых и гарантией их защиты. Как явствует из дальнейшего, предусмотрительность эта не была излишней и привела в конце концов к счастливой развязке. Очевидно, что выбор имен — здесь чисто художественный, хотя, может быть, и не слишком изощренный прием.

Характеристики героев, резко противопоставленных друг другу, в основе своей прямолинейны и однозначны: Евфимия и София — невинность и мудрость, гот и его жена — вероломство и зло. Однако автор наделяет их и такими чертами, которые придают им характер живых, реальных людей. Так, в Софии он подчеркивает не только мудрость, но и чувство материнской любви и глубокое религиозное чувство. Не лишена она и житейского корыстолюбия (твердость Софии поколеблена не только обещаниями и клятвами гота, но и видом золота, которое он принес).

Достижению большей выразительности характеристик служит прямая речь героев: льстивые, угодливые слова гота, когда он говорит с Софией, жесткие холодные фразы, обращенные к Евфимии, когда он открывает свое подлинное лицо, истерические выкрики его жены, одержимой злобой и ревностью, высокий эмоциональный настрой монологов Евфимии, простая суровая речь священника.

Важно отметить, что исследователи древнерусской литературы рассматривают появление «героя с вымышленным именем и вымышленной биографией», так называемого «бытового» человека, «безвестного, ничем в исторической жизни страны не примечательного», в отличие от «истори-

---

¹³ История о Евфимии, дочери Софии и о чуде, которое было свершено с ними исповедниками Шамауной, Гурнем и Хабибом. См.: *Revue de l'Orient chrétien*, t. V, p. 67.

ческой личности», как новый этап в развитии литературы, в ее движении к реалистическому вымыслу.¹⁴

Такие обычные «средние» люди, «привлекающие внимание только лишь тем, что читатель мог узнавать в них многих, в том числе иногда и самого себя», действуют и в нашей повести, правда действуют подчас в не совсем обычных условиях.

Содержание повести сводится к следующему: среди ромейских воинов находился некий гот, который поселился у бедной вдовы Софии, матери Евфимии. Красивая девушка приглянулась солдату, и он стал просить ее руки, умолчав, однако, что был женат у себя на родине. Вернувшись к своей семье, он выдал Евфимию за служанку, но жена не поверила этой лжи и невзлюбила молодую сириянку, особенно после того как у той родился сын, к несчастью, очень похожий на своего отца. Не в силах перенести обиды, она решила убить ребенка, но в свою очередь была отравлена обезумевшей от горя матерью. В наказание за убийство Евфимия была замурована в могильном склепе рядом с трупом своей жертвы и обречена на мучительную гибель.

Это только первая часть повести, хотя, с точки зрения современного читателя, здесь имеет место полная логическая завершенность и вряд ли можно ожидать какого-либо нового поворота событий. Однако не следует забывать, что средневековая литература была в основе своей литературой назидательной. Этот характер ей придавали библейские цитаты, разного рода нравоучительные сентенции и примеры из жизни святых, а также проповедь идеи о торжестве справедливости. Поэтому автор не счел возможным оставить свою добродетельную героиню в бедственном положении. Чтобы выйти из этого затруднения, он использует уже готовое сочинение — знакомое нам житие святых Гурия и Шамуны и искусно вплетает его в свое повествование.

Замурованная в склепе Евфимия обращается с молитвой к святым, и они чудесным образом за одну ночь переносят ее в Эдессу.

Развязка оформлена здесь посредством привлечения персонажей в духе «*deus ex machina*» (прием, нашедший широкое применение в античной трагедии) с целью разрешения конфликта вмешательством извне.

Таким образом, Евфимия была спасена, и справедливость восторжествовала, однако зло оставалось еще не наказанным.

Вскоре после возвращения девушки в Эдессу — новое нашествие гуннов, и в составе ромейского войска в город вновь прибывает гот. Один из жителей узнает его и сообщает епископу: вероломный гот разоблачен, осужден, обезглавлен.

Как мы уже говорили, легенда отражает реальные исторические события. Однако эти события изложены не в их обычной временной последовательности, а произвольно, в соответствии с требованиями развития сюжета, что вообще характерно для произведений художественной литературы.

Второе нашествие гуннов, как сообщают историки, было почти сто лет спустя после первого.¹⁵ Ввиду того что автору нашего повествования необходимо было вместить оба эти события в рамки жизни одного поколения, чтобы со второй волной вернуть гота в Эдессу и вновь столкнуть его с Евфимией и Софией, он сближает по времени первое и второе нашествия, сокращая разрыв между ними до нескольких лет.

¹⁴ Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. В кн.: Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 111, 113.

¹⁵ В Эдесской хронике VI в. приводится 843 г. (по селевкидской эре), когда гунны вновь вторглись в ромейские пределы. См.: *Chronicon Edessenum*, p. 415.

Таким образом, повесть о Евфимии, написанная на темы исторической хроники Иешу Стилита, но отличная от нее своей сюжетностью, является как бы иллюстрацией к ней, представляя законченное художественное произведение с вымышленными героями, яркой характеристикой образов, с большим вниманием к организации прямой речи как выразительному средству этой характеристики, с сознательным нарушением временной последовательности действительных событий.

Составляя как бы продолжение жития святых Гурия и Шамуны, так как именно в этих рамках они совершают свое посмертное чудо, повесть о Евфимии не совпадает с ним ни по характеру изложения, ни по конечным практическим целям. Если одно из сочинений представляет традиционное мученичество со всеми характерными для агиографии особенностями, то второе — светская бытовая повесть с авантурным сюжетом. Единственный эпизод, в котором действуют святые, не может иметь определяющего значения, так как он не несет основной идейной нагрузки, а включен всего лишь как вспомогательный.

Итак, рассмотренные нами произведения составляют единую цепь из трех звеньев, и в слиянии исторического и агиографического повествований следует искать, по-видимому, истоки беллетристических жанров в сирийской литературе. Вторым примером такого рода может служить сирийский роман о Юлиане Отступнике,¹⁶ где исторические и агиографические мотивы сплетены не менее причудливым образом, чем в повести о Евфимии.

Сирийской литературе суждено было угаснуть прежде, чем эти жанры оформились окончательно, однако предпосылки к их развитию, несомненно, были.

A. V. Paykova

TO THE PROBLEM OF ORIGIN OF THE FICTION IN SYRIAC LITERATURE

The article is devoted to the character of Syriac Legend of Euphemia which is considered as a literary monument based on «The chronicle of Joshua the Stylite» and «Acts of martyrdom of the Confessors of Edessa Gurya, Shamona and Habib».

The merging of historic and aгиоgraphic motives is one of the ways of development of fiction genres (narrative and novel) in Syriac literature.

Syriac literature was to die away before these genres have been finally taken shaped, but however some premises to their development, as one may see, existed.

---

¹⁶ J. G. E. Hoffmann. Julianos der Abtrännige. Syr. Erzählungen, Leiden, 1880; A. Asmus. Julians autobiograph. Mythos als Quelle des Julianusromans. ZDMG, 68, 1914, S. 701—704; A. Baumstark. Geschichte, S. 183; Th. Nöldke. Über den syrischen Roman von Keiser Julian. ZDMG, 28, 1874, S. 163—292.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ НАУЧНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

(Г. С. Дестунис)

Становление и подъем русской школы научного византиноведения бесспорно относятся к 70—90-м годам XIX в.¹ и неразрывно связаны с именем первого русского византиниста академика В. Г. Васильевского, деятельностью Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова и их ближайших учеников, выдвинувших наше византиноведение на одно из почетных мест в мировой науке. Быстрый расцвет византиноведения был результатом не только активной ученой и организаторской деятельности плеяды крупнейших византинистов той поры, но в значительной мере стал возможным благодаря, может быть, и не очень заметной, но весьма большой подготовительной работе, которая была проделана учеными предшествующего поколения. И если первым русским ученым, превратившим византиноведение в основную область своих научных занятий и в самостоятельную область русской исторической науки, по справедливости можно считать В. Г. Васильевского,² то он во многом «стоял на плечах» исследователей «подготовительного» периода середины XIX в. Можно вспомнить большую группу ученых этого времени, в той или иной связи обращавшихся к византийской проблематике, специальным экскурсам в византийскую историю. Подъем в России первой половины XIX в.³ изучения древнейшего и средневекового прошлого России, истории славянских, балканских стран, Европы и Ближнего Востока, их связей, характера отношений с Византией настоятельно требовал и более углубленного выяснения самой истории Византии, оценки данных византийских источников, причин и характера ее влияния на развитие связанных с нею стран, выяснения ее места в истории раннесредневековой Европы. Появляется группа ученых, чьи интересы постепенно обращались к проблемам внутренней истории Византии, особенно в Петербурге, Петербургском университете, где быстрое развитие изучения древнейшей и средневековой русской истории, славистики и востоковедения создавало особенно острую необходимость в исследовании истории Византии.

Среди непосредственных предшественников В. Г. Васильевского видное место принадлежит члену-корреспонденту Академии наук Гавриилу

¹ См., например: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 508; Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения в России. *Анналы*, I, Пгр., 1922, стр. 116—117; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 9.

² Очерки, т. II, стр. 513; История Академии наук СССР, т. II, М., 1964, стр. 444—445 и др.

³ Очерки, т. I, М., 1955, стр. 494.

Спиридоновичу Дестунису (1818—1895 гг.), чьи византиноведческие исследования имели «серьезное значение»⁴ и чья деятельность в этой области до сих пор еще не получила должного освещения.⁵ В архивах Ленинграда сохранился комплекс материалов, связанных с научной и преподавательской деятельностью Дестуниса, существенно дополняющий крайне скудные опубликованные сведения о его научной биографии.⁶

Развитие византиноведческих интересов Дестуниса неразрывно связано с историей его семьи. Его отец, Спиридон Юрьевич Дестунис (1782—1848), грек, мальчиком отправленный в Россию, большой знаток и любитель греческого языка и литературы, стал одним из известных наших эллинистов.⁷ Канцлером графом Н. П. Румянцевым ему было поручено составление «эллино-русского лексикона, согласно новейшим успехам филологии».⁸ Будучи консулом в Смирне, Дестунис-старший и практически столкнулся с необходимостью ознакомления с некоторыми материалами византийской истории. Едва ли случайно особое внимание русского консула привлекла «„Ручная книга законов, или так называемое Шести-книжие“, собранное Константином Арменополом». Составленное в XIV в., оно продолжало сохранять свое значение практического судебного руководства в ряде областей почти до середины XIX в.»⁹ Собственная деятельность на территории Османской империи убедила Спиридона Дестуниса в живучести византийского наследия на многих бывших территориях Византии. Это обстоятельство побудило его обратиться и к более внимательному изучению византийских авторов. Научные занятия Дестуниса-старшего особенно разворачиваются после 1826 г., возвращения в Петербург, где он занимается переводом «Жизнеописаний» Плутарха,¹⁰ подготовкой издания Арменопола, а с 1837 г. по поручению Академии

⁴ Там же, т. II, стр. 508.

⁵ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис. (Некролог). ЖМНП, ч. ССХCVIII, 1895, стр. 66—69; В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых шестидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 126, 148, 248; Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869—1894), т. I, СПб., 1896, стр. 233—234; Гавриил Спиридонович Дестунис. Некролог. Визант. вестник, т. II, СПб., 1895, стр. 316—326; В. Бузескул. Изучение истории Византии с 70-х годов прошлого века. Архив АН СССР, ф. 825, оп. 1, ед. хр. 72, стр. 3—4.

⁶ Фонды СПб.—Петроградского—Ленинградского университета в ГИАЛО, Архива АН СССР, Рукописного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдела древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького в ЛГУ. Ряд писем Г. С. Дестуниса, на существование которых любезно указала автору статьи О. А. Белоброва, хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома (ИРЛИ, ф. 507, № 64; ф. 383, № 33; разряд III, оп. 2, № 499; оп. 1, № 1171—1207; ф. 3, оп. 4, ед. хр. 182 и 183; ф. 34, № 225 и 304; Архив А. Н. Майкова, 16.786/С.VIII, б. 1 и 17. 077/С.IX, б. 7; ф. 274, оп. 1, № 396).

⁷ Спиридон Юрьевич Дестунис. Некролог. Зап. Одесского общ. истории древностей, т. II, стр. 798—804; Спиридон Юрьевич Дестунис. Русский биографический словарь, т. 5, СПб., 1905, стр. 338—340; Дестунис Спиридон Юрьевич. Историческая справка к описи фонда С. Ю. Дестуниса (оп. 195а Рукописного отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 1—3).

⁸ Спиридон Юрьевич Дестунис. Русский биографический словарь, т. 5, стр. 339.

⁹ Этот судебник был затем переведен и в 1831 г. издан Дестунисом по новогреческому венецианскому изданию 1766 г., которое он «сличил и выправил по древнегреческому подлиннику, находящемуся в Императорской Публичной библиотеке» (Русский биографический словарь, т. 5, стр. 339). Кроме того, по-видимому также в связи с деятельностью в качестве консула в Смирне, а затем в Венеции, его внимание привлекла история морского права в Западной Европе (черновая рукопись его большой работы по истории морского права находится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького).

¹⁰ Г. С. Дестунис. Из ученой деятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его перевод сравнительных жизнеописаний Плутарха. Сб. ОРЯС Акад. наук, т. XI, № 5, СПб., 1886.

наук переводом с греческого «Византийских историков».¹¹ Он перевел четыре части из издания *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*, Bonnæ, 1831,¹² а также большую часть «Истории войн» Прокопия.¹³ Дестунису-отцу принадлежит и получившая известность обзорная статья «Нечто о византийских историках», в которой он особо показывает значение их сведений для изучения русской истории.¹⁴ Благодаря этой работе С. Дестунис занял определенное место в начальной истории нашего византиноведения.¹⁵

Гавриил Спиридонович родился 16 марта 1818 г. в Санкт-Петербурге. До 1826 г. детство он провел с отцом в Турции и Италии и от него получил интерес к истории «эллинской культуры и литературы» и начальную филологическую подготовку.¹⁶ В университет он поступил в 1834 г. и занимался греческой словесностью. Среди его университетских учителей одно из первых мест, без сомнения, принадлежит крупнейшему ученому-филологу академику Федору Богдановичу Грефе,¹⁷ с именем которого «связано возникновение классической филологии в России как самостоятельной науки».¹⁸ Грефе с 1819 по 1851 г. был профессором университета по кафедре греческой и латинской словесности. Помимо изучения и издания классических авторов, он занимался и ранневизантийскими. Так, им были изданы отрывки из Нонна, вся его поэма «Дионисиака», «Описание Великой церкви» Павла Силенциария и другие произведения позднегреческих писателей.¹⁹ Грефе было обязано своими знаниями целое поколение русских филологов,²⁰ в том числе и Г. С. Дестунис, сохранивший о нем самые теплые воспоминания.²¹

Другим ученым, оказавшим влияние на формирование Г. С. Дестуниса, был выдающийся исследователь классической античности Михаил Семенович Куторга (1806—1886), ставший преподавателем университета в 1835 г. по кафедре всеобщей истории и читавший в 1835—1867 гг. курс древней и средневековой истории, ученый, которого В. П. Бузескул не без основания считал «первым самостоятельным русским исследователем» в области древнегреческой и даже всеобщей истории.²² Куторга обратил особое внимание на строго научный подход к источникам, тщательное изучение и критическое сопоставление их данных, был последовательным сторонником критического метода,²³ который он успешно применял преиму-

¹¹ Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии, т. 1—10, СПб., 1858—1863.

¹² Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького, № 384-б.

¹³ При жизни С. Дестуниса была издана только одна часть его перевода-описания посольства к Атилле (ЖМНП, № 2, 1842). Остальные части были опубликованы уже Г. С. Дестунисом под названием «Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого С. Дестунисом» (СПб., 1861). Несколько позже им был исправлен, продолжен и издан перевод большей части «Истории войн» Прокопия.

¹⁴ ЖМНП, ч. XXXII, отд. II, 1841, стр. 69—90.

¹⁵ Очерки, т. I, стр. 494.

¹⁶ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, стр. 248.

¹⁷ Там же, стр. 221—228.

¹⁸ История Академии наук СССР, т. II, стр. 195.

¹⁹ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 221.

²⁰ Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Очерки по античной историографии, вып. 1, Л., 1967, стр. 112.

²¹ Г. С. Дестунис. Михаил Семенович Куторга. Воспоминания и очерки. ЖМНП, ч. ССXI—VI, 1886, стр. 3—14.

²² В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России, ч. II. Л., 1931, стр. 84, 100.

²³ Э. Д. Фролов. Русская историография античности, стр. 133. См. также: Г. Л. Курбатов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения в Петербургском университете. Сб. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», изд. ЛГУ, 1969, стр. 135—137.

щественно к письменным литературным источникам. С именем Куторги связано и развитие интереса к изучению византийских источников, памятников византийской литературы.²⁴ К нему восходит зарождение университетской византистики.²⁵ Г. С. Дестунис с большим почтением и уважением относился к М. С. Куторге,²⁶ и между Куторгой и семейством Дестунисов установились тесные дружеские связи.²⁷

В 1838 г. Г. С. Дестунис окончил факультет со степенью кандидата и по предложению ставшего к тому времени профессором Куторги был рекомендован для отправки за границу для продолжения обучения. Но обострение хронической болезни нарушило все планы, и около 8 лет он был лишен возможности активно работать. Два года, проведенные им в Греции (1845—1847), несколько укрепили его здоровье и оказали большое влияние на формирование его интересов. История «прошлой культуры», возрождавшейся в Греции «в ее связи с современностью», стала главным объектом его изучения. Именно в эти годы Дестунис профессионально ознакомился с современным состоянием важнейших памятников Греции, их историей, народным языком и культурой, установил тесные связи с крупнейшими научными обществами Греции. Как писал В. Г. Васильевский, «с 1848 г. он не переставал заниматься греческим миром, присоединив к периоду классическому изучение византийской и новой Греции».²⁸

По возвращении, с 1848 г. Г. С. Дестунис начинает службу в качестве греческого переводчика в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, а с 1850 г. и преподавание новогреческого языка в том же Азиатском департаменте, а затем и всеобщей и русской истории в Александровском и Павловском институтах.²⁹

Первые научные труды Дестуниса относятся к 1850 г.³⁰ Приблизительно с середины 50-х годов начинается его активное сотрудничество с различными учреждениями и комиссиями Академии наук. В это время им был подготовлен ряд византиноведческих изданий: «Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских... Греческий текст и русский перевод, с историческим введением и картой Эпира и Фессалии в XIV веке»,³¹ «Ватопедский список Птолемеевой географии»,³² «Материалы для рассмотрения вопроса о следах славянства в нынешнем греческом языке»,³³ была продолжена работа по подготовке

²⁴ Э. Д. Фролов. Русская историография античности, стр. 136; Г. Л. Курба-тов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения, стр. 137.

²⁵ Э. Д. Фролов (Русская историография античности, стр. 136) писал, что «к Куторге, как к единому источнику, восходит целый ряд родственных течений — не только в науке об античности, но и в медиевистике, и в византиноведении».

²⁶ Г. С. Дестунис. Михаил Семенович Куторга, стр. 3—14.

²⁷ С. Ю. Дестунис «перевел на греческий язык „Историю Афинского государства“ Куторги». Справка оп. 195-а Рукоп. отдела ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стр. 3. Как видно из переписки М. К. Куторги и Г. С. Дестуниса (например, письмо Куторги в Собрании сочинений М. С. Куторги, т. I, М., 1894, стр. VII), дружеские отношения и обмен научными мнениями между ними продолжались до самой смерти Куторги.

²⁸ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—67. Именно к этому времени относятся его первые статьи историко-культурного характера о современной Греции (например, «Прогоулка по Акрополю» [1848]), опубликованные в разных периодических изданиях.

²⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 1 об.

³⁰ Там же, л. 37.

³¹ Отдельное издание Академии наук (СПб., 1858).

³² Изв. Арх. общества, т. II, 1859.

³³ Прибавления к «Известиям» Академии наук 1858—1860 гг.; черновой материал «Живые остатки византийской терминологии» см.: Архив АН СССР, ф. 733, оп. 1, ед. хр. 50.

изданий переводов Дестуниса-старшего.³⁴ К 50-м годам относятся и его первые этнографо-исторические работы.³⁵

С этого времени устанавливаются тесные научные контакты Г. С. Дестуниса с видным ученым, сыгравшим немалую роль в развитии русского византиноведения, академиком А. А. Куником.³⁶ Филолог, уделявший немало внимания разысканию и изучению византийских рукописей, проблемам хронологии, отчасти византийско-русским отношениям,³⁷ Куник был одним из тех влиятельных ученых, кто в 50-е годы активно ратовал за развитие изучения византийской истории. Произнесенный им в 1853 г. на собрании Академии наук доклад «Почему Византия донныне остается загадкой во всеобщей истории?»³⁸ имел широкий общественный резонанс и свидетельствовал не только об энтузиазме ученого, но и суммировал назревшую необходимость специального обращения к собственно истории Византии. По признанию многих византинистов следующего поколения, доклад Куника оказал немалое влияние, и частично ему В. Г. Васильевский был обязан развитием своего интереса к Византии.³⁹ Переписка Дестуниса с Куником показывает, что уже в 50-е годы между ними устанавливается активное сотрудничество в изучении и комментировании византийских памятников.⁴⁰ В эти годы складывается благоприятная обстановка для развития византиноведческих штудий и в университете. Она была во многом связана с быстрым подъемом славянской филологии, деятельностью выдающегося исследователя славянской литературы И. И. Срезневского, глубоко понимавшего значение изучения византийской литературы, сравнительного изучения памятников и их переводов.⁴¹

С 1852 г. в университете развернулась и деятельность историка-эллиниста, постепенно углублявшегося в средневековую тематику, М. М. Стасюлевича, который читал в университете историю средних веков и значительное внимание уделял византийской проблематике.⁴²

К этому времени относится и начало работы в университете будущего крупного исследователя-слависта В. И. Ламанского, подготавливавшего

³⁴ Сказания Приска Панийского. Пер. с греч. С. Дестуниса, с крит. предисловием и прим. Г. Дестуниса. Уч. зап. Отд. Академии наук, кн. VI, СПб., 1860; Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греч. С. Ю. Дестунином.

³⁵ О нынешнем положении Греции и греков (статья), Очерк Клефского быта (Вестн. Географ. общ., 1854), Извлечения из Ганова описания Албании (Вестн. Географ. общ., 1855), Очерки Константинополя (Вестн. Географ. общ., 1857, № 1 и 2); Археологические раскопки в Афинах в 1858 г. (Изв. Арх. общ., т. II, 1859); ряд статей по развитию образования и культуры Греции: Афинский университет в 1854—1855 гг. (ЖМНП, 1856, № 2); Отчет греческого министра народного просвещения о ходе образования в средних учебных заведениях в Греции 1829—1855 гг. (ЖМНП, 1856, № 2), Отчет о состоянии народного просвещения в Греции 1855—1856 гг. (ЖМНП, 1857, № 9).

³⁶ Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения, стр. 116.

³⁷ История Академии наук СССР, т. II, стр. 444; В. Г. Васильевский. А. А. Куник. (Некролог). Визант. временник, т. IV, 1899; М. В. Левченко. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. Визант. временник, т. VIII, 1956, стр. 9.

³⁸ Уч. зап. Академии наук по I и II отд., т. II, СПб., 1853.

³⁹ В. Г. Васильевский. Византийский временник за пять лет (1894—1898). ЖМНП, ч. СССXXII, 1899, стр. 133—134.

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 319.

⁴¹ См., например: И. Срезневский. Христианская топография Козьмы Индикоплова. Сравнение славянского перевода с греческим подлинником по содержанию. Зап. Академии наук, т. 9, прилож. 3, СПб., 1866.

⁴² Уже в 1854 г. он напечатал общую работу «Осада и взятие Византии турками». На своих специальных занятиях он также касался византийской тематики. Так, в «1858—59 гг. — разбирал сочинения Лютпранда „Де легатионе Константинополитана“, в 1858—59 гг. — „Ассизы Иерусалимского Королевства“» (В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 220—221).

в конце 50-х годов магистерскую диссертацию по теме «Славяне в Малой Азии, Африке и Испании».⁴³

Заметный подъем интереса к литературе, культуре и истории Византии позволил Г. С. Дестунису при полной поддержке М. С. Куторги в 1859 г. обратиться в университет с предложением организовать кафедру византийских древностей и литературы и новогреческого языка.⁴⁴ Это предложение было рассмотрено советом. До нас дошло заключение совета историко-филологического факультета от 18 января 1860 г., которое интересно как с точки зрения уяснения общего отношения к византиноведческим занятиям, так и конкретно к предложению Дестуниса. В решении отмечено значение изучения «политической и литературной истории Византии (курсив наш, — Г. К.) по источникам», важность ее для решения «многих задач ... древней русской истории», «древней славянской и русской литературы», необходимость изучения «также и языка греко-византийского».⁴⁵ На этом основании совет счел нужным ходатайствовать о создании предложенной Г. С. Дестунисом кафедры и привлечении его к работе в университете как человека, «приобретшего уважение своими научными трудами по части византийской истории и литературы».

В марте 1860 г. было принято решение создать кафедру византийских древностей и литературы⁴⁶ и ввести преподавание новогреческого языка, поручив чтение этих предметов Г. С. Дестунису.⁴⁷ Хотя в ряде документов и говорится о кафедре, практически, как видно из материалов факультета, было разрешено преподавание новогреческого языка и византийских древностей и литературы одному Г. С. Дестунису, к которому практически и свелась вся «кафедра».⁴⁸ 23 сентября 1860 г. им была прочитана первая «вступительная» лекция «О значении византийской образованности»,⁴⁹ а в течение 1860/61 г. — значительная часть разработанного им курса византийских древностей и литературы.⁵⁰ Однако Дестунису не удалось тогда развернуть преподавание предложенных им предметов.⁵¹ «Начатые

⁴³ СПб., 1859.

⁴⁴ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 11—12 об.

⁴⁵ Там же, л. 13—13 об.

⁴⁶ Там же, л. 3 об., 16.

⁴⁷ До 1845 г. (до своего ухода из университета) его вел проф. Мухлинский. Возобновлено в 1860 г. Г. С. Дестунисом.

⁴⁸ Ср.: В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 248; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения, III, стр. 382—383; Университетский отчет за 1860 г., стр. 16—17.

⁴⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 24.

⁵⁰ Хотя имеющийся в Рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина курс лекций Г. С. Дестуниса 1860/61 г. и обозначен как «Лекции по истории Византии» (ф. 250, ед. хр. 232), фактически это лекции по византийским древностям. Г. С. Дестунис отмечал, что он «преподает два предмета: древности и литературу византийскую и новогреческий язык». Дестунис предполагал наряду с лекциями вести практические занятия по чтению «текстов писателей и законов», причем в 1860/61 г. только по «первому периоду» — от Константина до Ираклия (ф. 250, ед. хр. 232, л. 89—90). Составленный им план курса носит явно культурно-исторический характер (Отдел I. Обзорение состояния народов; Отдел II. Состояние государства; Отдел III. Состояние церкви; Отдел IV. Состояние словесности; Отдел V. Состояние искусства и т. д.). Сохранившиеся лекции этого курса показывают, что значительную часть его Дестунис посвятил историко-этнографическому обзору племен и народностей, проникших на территорию империи, выявлению «их сохранившихся остатков» в языке и культуре. Политическая история Византии затрагивается им крайне бегло, в той мере, в какой это было необходимо для уяснения влияния на развитие эллинской культуры, ее трансформации в византийскую, христианскую, сочетавшую «эллинскую культуру с христианством» (см. лекции X—XV). Сравнение лекций этого курса с курсом, озаглавленным «Византийские древности», показывает, что принципиальных различий между ними нет, скорее его курс 1860/61 г. можно рассматривать как предварительную заготовку последующего курса «Византийских древностей».

⁵¹ На полях записи курса 1860/61 г. (л. 94) приписка: «Успел в течение курса 1860—61 г. прочитать 3 отдела с половиной и именно в отделе о Словесности только об историках (Обдумать это разделение для курса 1864—5.5 сент. 64)».

в 1860/61 году чтения Дестуниса... с закрытием Университета в 1861 г. прекратились».⁵² Как известно, университет был закрыт два года (до 1863 г.), и преподавание Дестуниса, по-видимому, возобновилось не ранее 1864 г. Во всяком случае только в августе 1864 г. Советом университета было направлено попечителю учебного округа письмо историко-филологического факультета, в котором обращалось внимание «на важность преподавания византийских древностей» и на то, что «по случаю закрытия СПб. Университета и введения затем в действие нового университетского устава преподавание этого предмета было прекращено».⁵³ Не поднимая вопроса о восстановлении кафедры, которой фактически не было,⁵⁴ факультет ходатайствовал о привлечении «известного ученого Г. Дестуниса» приват-доцентом «по византийским древностям».⁵⁵

Таким образом, преподавание Г. С. Дестуниса возобновилось в 1864 г., когда он, безвозмездно читавший свои курсы в 1860/61 г., был зачислен штатным приват-доцентом.⁵⁶ «В историко-филологический факультет по кафедре греческой словесности принят был доцентом с января 1864 г. магистр К. А. Люгемиль; для чтения Византийских древностей приглашен с 1864—65 учебного года в качестве приват-доцента Г. С. Дестунис».⁵⁷

Неизвестно, долго ли длилась преподавательская деятельность Дестуниса в 1864/65 г., ибо сохранились официальные документы о том, что в 1865 г. он по состоянию здоровья уволился из университета.⁵⁸ Однако, судя по факультетскому расписанию, уже в 1866 г. он снова читал «Византийские древности» на 1—2-м курсах.⁵⁹

Сохранившаяся программа и записи курса византийских древностей, читанного Дестунисом в 1864/65 г., интересны как с точки зрения выяснения его принципиальных научных взглядов, так и содержания этого курса, в том или ином виде несколько раз прочитанного им и прослушанного большей частью будущих ведущих византистов 70—90-х годов. Хотя Дестунис и этот курс ограничил рамками IV—VII вв., его вводная лекция носила более широкий программный характер. В первой ее части он подробно рассматривает «зачем нужна Византия» для изучения русской старины, прослеживает основные пути и формы влияния Византии на развитие древнерусского общества и на фоне этого показывает значение изучения всей культуры Византии для понимания древней русской истории. Причем здесь обращает на себя внимание упор на необходимость более глубокого изучения данных истории языка (старых «языковых остатков» — Sprachreste) в современном новогреческом языке, исторических данных этнографии и археологии, т. е. того нового, что в целом существенно дополняло и обогащало в первой половине—середине XIX в. использовавшийся ранее материал.

⁵² В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 248. В этом месте В. В. Григорьев ссылается на, видимо, не сохранившуюся записку Г. С. Дестуниса.

⁵³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 29.

⁵⁴ Уставом 1863 г. на юридическом факультете была создана кафедра византийского права (В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 326).

⁵⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 29, 30.

⁵⁶ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 67; ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 4 об., 5 об.

⁵⁷ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 328.

⁵⁸ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 5 об., л. 43.

⁵⁹ Там же, л. 44; в списке его трудов 1867 г. упоминаются «О Византии» курсы 1860/61 и 1864/65 гг. (там же, л. 51); в фонде С. Ю. Дестуниса Рукоп. отдела ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 250) сохранились писарские записи лекций Г. С. Дестуниса по истории Византии, датируемые 1860 г. (ед. хр. 232), византийским древностям—1864 г. (ед. хр. 233) и автографический курс лекций по византийской литературе 1870/71 г. (ед. хр. 234), а также программы и конспекты этих курсов 1870/71 г. (ед. хр. 235).

Второй пункт программы Дестуниса — проблема «отношений Византии с западноевропейским миром», сопоставление путей их развития. Хотя и ее он рассматривает преимущественно в плане культурных отношений, бесспорно важен его подход с позиции признания определенного единства развития Запада и Востока, требование изучения их взаимосвязи и взаимовлияния, а не механического разделения и противопоставления их исторических судеб. Он резко выступает против представлений о коренной противоположности западной и восточной истории: «Многим кажется, что народы и государства, не пережившие борьбы феодализма с городскими общинами или борьбы императорской власти с папской и не принадлежат к Европе». ⁶⁰ Здесь же Дестунис конкретно показывает культурное влияние Византии на развитие Западной Европы. Такой подход бесспорно не мог не оказать положительного влияния на взгляды византинистов следующего поколения. Возможно, что столь характерное для научного творчества Васильевского глубокое понимание единства исторического процесса, позволившее ему тесно связать историю Византии с историей Запада и Востока и впервые показать ее подлинное мировое значение, частично восходит и ко взглядам и влиянию Дестуниса, лекции которого он слушал, будучи студентом.

И последняя программная установка Дестуниса, в полной мере раскрывающая характер и специфическую направленность его курса, — это задачи изучения Византии «как звена, связывающего Грецию классическую с Грецией освобожденной». ⁶¹ В центре его внимания, хотя и подспудно, лежит познание современной Греции, ее общества и культуры, ее истории. Образование и становление независимой Греции естественно привлекало большое внимание к ее предшествующей истории. Изучение ближайшего средневекового прошлого поднимало значение изучения византийского материала. Развернувшиеся раскопки, изучение этнографических данных, памятников средневековой греческой культуры, литературы, истории и развития языка, памятников средневековой Греции — все это давало новый материал и для изучения собственно византийской истории. В обращении к этому материалу, его использовании, привлечении к нему внимания следующего поколения исследователей — большая заслуга Дестуниса. Не только своими лекциями, но и научными трудами, в том числе и переводами, в комментариях и приложениях к которым он обращал большое внимание на сохранившиеся византийские памятники, изучением того, что археологический материал мог дать для понимания письменных источников, Г. С. Дестунис сыграл немалую роль в распространении понимания значения византийской археологии, а тем самым и подготовке условий для ее возникновения.

В своих лекциях Дестунис подробно объясняет, что он понимает под «древностями» и на каком материале строит свой курс. Его понимание древностей включало широкий комплекс старого и нового историко-этнографического материала (с него он и начинает): данных истории языка, быта, устройства, права, литературы, науки, искусства, археологии. Большую часть его лекций составляют историко-этнографические обзоры народов Балканского полуострова (например, лекция 20 ноября 1864 г., посвященная албанцам (л. 88—101) и др.).

Можно сказать, что лекции Г. С. Дестуниса давали известное представление об основах культурно-политической истории Византии, однако главным образом они подготавливали слушателей к осмысленным занятиям новогреческим языком, чтению византийской и новогреческой литературы, раскрывали культурное значение Византии в истории Европы.

⁶⁰ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 233, л. 25 об.

⁶¹ Там же, л. 2 об.

Беспорная заслуга Дестуниса перед последующей русской византинистической заключается в том, что он обратил внимание на значение изучения среднегреческого языка, византийских памятников, средневековой терминологии. В этом отношении его подготовительная роль для русского византиноведения была очень велика, как и его непосредственное влияние на подготовку следующего поколения русских византинистов.⁶²

В то же время изучение содержания курсов Дестуниса показывает, что его интерес к собственно истории Византии (политической и тем более социально-экономической) был весьма ограниченным, как и понимание основных проблем и методов исторического исследования. Это видно и из краткого конспекта его лекций по Византии «до возрождения Греции».⁶³ Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что у нас нет сведений о реализации пожелания Дестуниса в 1867 г. (когда было разделено чтение основного курса по древней и средневековой истории) «допустить» его к чтению «всей истории византийской от начала до взятия Константинополя турками, притом, чтобы курс, составляя часть истории средних веков и представляя отношение Византии к миру славянскому, западноевропейскому и восточному, входил в число предметов, обязательных».⁶⁴ Разработка исторического курса, как видно из лекционных исторических экскурсов Дестуниса, на уровне научных требований конца 60-х годов была ему не по силам в связи с недостаточной специальной подготовкой в этой области, отсутствием глубокого интереса к историческим проблемам. Сыграв свою роль в 60-е годы, когда в России только складывались основы для возникновения византиноведения как самостоятельной области исторической науки, общие культурно-исторические курсы Дестуниса, рассматривавшего Византию преимущественно как связующее звено между античной и новой Грецией, к 70-м годам, когда все более явственной становилась необходимость специального научного изучения собственно истории Византии, уже не удовлетворяли задачам дальнейшего развития науки. Дестунис справедливо более принадлежит к нашей истории изучения византийской филологии и культуры, чем собственно и более широко — истории Византии.⁶⁵ Если между преподаванием и деятельностью Дестуниса в университете и Васильевского мы видим некоторые связующие их линии, то еще отчетливее видна огромная разница между ними.⁶⁶

Глубокое научное освещение основных проблем истории Византии и первые исторические курсы в университете по Византии бесспорно начинаются с В. Г. Васильевского.⁶⁷

Углублению чисто византиноведческих исследований Г. С. Дестуниса в конце 60-х годов не благоприятствовали как его «классические» интересы, так и рост его прямых обязанностей по кафедре греческой словесности. Приобретший к этому времени известность своими трудами и переводами,⁶⁸ Г. С. Дестунис по совокупности ученых заслуг в 1866 г.

⁶² В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—69.

⁶³ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 235.

⁶⁴ Там же, л. 5.

⁶⁵ З. В. Удальцова. Das Studium der byzantinischen Literaturgeschichte in der UdSSR, Berliner Byzantinische Arbeiten, B. 14, Berlin, 1959, S. 4—7.

⁶⁶ В. Г. Васильевский преимущественно квалифицирует Дестуниса как «ученого филолога» (Визант. временник, т. II, стр. 316 сл.), а не историка. Однако, признавая огромное «подготовительное» значение его деятельности, его общий широкий культурно-исторический интерес к Византии, то, что Г. С. Дестунис более постоянно, чем другие, занимался византийской проблематикой (хотя и в ограниченной области), он имел известные основания характеризовать Дестуниса как «патриарха византийских занятий в России» (Византийский временник за пять лет, стр. 141).

⁶⁷ Г. Л. Курбатов. В. Г. Васильевский и начало византиноведения, стр. 136.

⁶⁸ В 1862 г. вышел I том «Истории войн» Прокопия Кесарийского (СПб., 1862). Очевидно, в связи с занятиями в университете Дестунис перевел 50 греческих патриарших грамот, «относящихся к истории России и славян», и «Беседы Фотия о набегах».

был избран доктором⁶⁹ и после ухода проф. И. Б. Штеймана стал профессором этой кафедры.⁷⁰ Как видно из документации факультета, в нагрузке Дестуниса все больше начинает преобладать классическая филология — объяснение греческих классиков, история греческой классической литературы, отвлекавшие его от византиноведческих занятий. В связи с перегрузкой он с 1867 г. прекратил чтение курса по византийским древностям,⁷¹ хотя в дальнейшем иногда и читал курсы по византийской литературе. Как справедливо отметил В. Г. Васильевский, Дестунис оставался прежде всего филологом и «преподавание его имело предметом объяснение греческих классиков (общие и частные курсы), историю классической литературы, а по временам к этим предметам он присоединял и византийские».⁷² В 70-е годы основным византиноведческим курсом, который на факультете читал Дестунис, был курс византийской литературы. Сохранилась запись его лекций по истории византийской литературы 1870/1871 г.⁷³ Курс построен в принципе по тому же плану, что и рассмотренный выше курс византийских древностей, но с большим упором на язык, литературу, характер и издания памятников литературы. Первая половина курса носила общий характер: вводная лекция — «Византийская образованность, язык, христианство и язычество», затем «Государство», «Церковь», «Литература», «Язык» (в том числе и новогреческий в связи со среднегреческим), «Остатки древнего эллинизма в преданиях». Значительное место в курсе занимал обзор языческой и христианской литературы I—III и IV вв., затем, с начала 1871 г., Дестунис стал давать обзор источников, начав его с обзора рукописей и их изданий до 1871 г.⁷⁴

С 70-х годов в университете разворачиваются византиноведческие занятия В. Г. Васильевского: сначала в общих курсах по истории средних веков, а затем и в виде специальных курсов по истории Византии, византийско-русских отношений, его семинарских занятий на источниках⁷⁵ по истории Византии. Выдающийся мастер глубокого исторического исследования, он первый организовал систематическую подготовку византинистов, последовательную систему курсов, специальных курсов и семинаров по истории Византии.⁷⁶

Руси на Царьград» (ГИАЛО, ф. 14, оп. I, д. 6068, л. 51 и др.). См. список опубликованных и неопубликованных трудов Г. С. Дестуниса: ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 49—51.

⁶⁹ В 1865 г. ему была присуждена степень доктора греческой словесности (на основании примечания к § 113 устава университета 1863 г.).

⁷⁰ В. В. Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. 328.

⁷¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 46; так, в 1867 г. Дестунис читал со студентами 1—2-го курсов Фукидида, студентам 3—4-го курсов — историю греческой литературы (там же, л. 68).

⁷² В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 66—67; ср. Биографический словарь, стр. 232.

⁷³ Рукоп. отд. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 232.

⁷⁴ Там же, л. 242. В Отделе древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького сохранился каталог части библиотеки Г. С. Дестуниса, переданной им университету и составленный самим дарителем. В вводной части Дестунис особо оговаривает, что и библиотека, и каталог составлены по «постепенному росту новогреческого языка», и просит сохранить ее как комплекс и в последовательности согласно каталогу. (Автор пользуется случаем выразить свою признательность заведующему Отделом древних книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького А. Х. Горфункелю за содействие в разыскании каталога и других материалов Г. С. Дестуниса).

⁷⁵ И. М. Гревс. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. ЖМНП, 1899, ч. СССХХIV, стр. 55.

⁷⁶ «В С.-Петербургском университете Васильевский насадил византиноведение, до него не существовавшее, создал школу византинистов» (П. В. Безобразов В. Г. Васильевский. Визант. временник, VI, 1899, стр. 651).

Тем не менее большой заслугой Дестуниса было то, что он начал в 60-е годы на факультете чтение первого в истории нашего университетского преподавания византийского курса — курса византийских древностей,⁷⁷ начал читать со студентами византийские источники.⁷⁸ Известно, что лекции его пользовались популярностью и в представлении факультета отмечалось, что он «привлекал к себе слушателей, несмотря на специальность своих курсов».⁷⁹ Бесспорно, его курсы и занятия сыграли немалую роль в развитии интереса к византийской тематике, в том числе и исторической.⁸⁰ И в этом смысле деятельность В. Г. Васильевского в университете была во многом подготовлена и облегчена той первичной обработкой «почвы», которую осуществил Дестунис. Как справедливо отмечал Ф. И. Успенский, «прежде всего византийские занятия начали приобретать место в университетском преподавании».⁸¹

Оценивая интерес к занятиям и ученой деятельности Дестуниса и его значение в 60-е годы, уместно привести характеристику факультета: «Нельзя забыть обстоятельства, дающего Г. Дестунису особенное значение в мире ученых — знание древнегреческого языка соединяется в нем со знанием языка Византийского и Новогреческого, Византийских древностей, греческой этнографии, греческого языка, литературы и народной поэзии».⁸² Все это обеспечило известную популярность его лекций среди слушателей.⁸³ В 60—70-х годах Дестунис был руководителем, консультантом и оппонентом многих будущих византинистов, одним из активных участников обсуждений всех первых значительных византиноведческих работ на совете историко-филологического факультета.⁸⁴ Он был не только одним из консультантов, но и оппонентом магистерской диссертации В. Г. Васильевского.⁸⁵

Хотя Ф. И. Успенский и дает не особенно высокую оценку Дестунису,⁸⁶ тем не менее он принимает значимость его университетской деятельности и в 70—80-е годы. Он пишет, что в самом начале становления университетской византистики «Васильевский не был одинок в университете ... профессор Дестунис не только сочувствовал Васильевскому, но и сам принимал участие в занятиях по Византии».⁸⁷ Хотя в 70-е годы его занятия в университете имели уже вспомогательное значение, тем не менее не приходится отрицать их известную роль в общей подготовке следующих поколений византинистов.

У Г. С. Дестуниса учился Ф. И. Успенский,⁸⁸ византинисты, вышед-

⁷⁷ В. Г. Васильевский. Г. С. Дестунис, стр. 67.

⁷⁸ Нам неизвестно, занимались ли с ним студенты переводом византийского законодательства, как он намечал, но несомненно работали над текстами ранневизантийских историков и, возможно, «Беседами Фотия».

⁷⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 52 об., ср. л. 30.

⁸⁰ Среди тем на соискание медалей на 1867—1868 гг. по кафедре греческой словесности были выдвинуты и в достаточной мере «исторические» темы: «Рассмотреть в общих чертах значение слова *ἄμμος* у Прокопия и подробно, по Прокопию же, разобрать это слово в смысле партий исподрома» (В. В. Грингорьев. Императорский С.-Петербургский университет, стр. LXV). На эту тему писали работы несколько человек, трое из них были удостоены медалей (там же, стр. LXX).

⁸¹ Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения, стр. 117.

⁸² ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 6068, л. 53.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, оп. 3, д. 16019.

⁸⁵ Там же, л. 3.

⁸⁶ Ф. И. Успенский упрекает Дестуниса в том, что он имел «недостаточную филологическую подготовку для греческого языка» (Петербургский университет в 1867—1877 гг. (по воспоминаниям студента). Дела и дни, истор. журнал, 1940, кн. 1, стр. 169).

⁸⁷ Там же, стр. 117.

⁸⁸ По-видимому, Успенский слушал его курс и сдавал ему кандидатские экзамены по истории византийской литературы (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 16019, л. 23—24). Дестунис был его оппонентом и по магистерской диссертации (там же, л. 65).

шие из школы Васильевского: В. Э. Регель, Д. Ф. Беляев, В. К. Ернштедт.⁸⁹ Особенно велико было, по-видимому, его влияние на Д. Ф. Беляева. До нас дошли правленные рукой Дестуниса записи его лекций студента Беляева.⁹⁰ Направление работ последнего по византийским древностям в Константинополе в известной мере являлось продолжением и развитием того, чем занимался в этой области Дестунис.⁹¹

«Выбранный в 1879 г. еще на пятилетие, Дестунис не мог воспользоваться этими предоставленными ему правами и через несколько месяцев должен был отказаться от преподавания вследствие хронической болезни».⁹² Однако, как видно из протоколов заседаний факультета, он принимал активное участие в заседаниях совета, обсуждении византиноведческих исследований, продолжал интенсивную научную работу. В 1876, 1880, 1891 гг. выходят следующие тома «Истории» Прокопия в «Записках» историко-филологического факультета (ч. 1, 6 и 28) и отдельным изданием. Им было обнаружен и опубликован ряд новых византийских средневековых памятников.⁹³ В эти же годы Г. С. Дестунис продолжает работать над изучением византийских памятников Константинополя.⁹⁴ Его переписка с виднейшими русскими византинистами 80—90-х годов показывает, насколько велики были его научные связи, значение его консультационной деятельности, особенно в вопросах толкования текстов, терминологии источников.⁹⁵

Г. С. Дестунис был одним из горячих поборников создания специального византиноведческого журнала в России. В письмах Ф. И. Успенскому он выражал радость по поводу выхода византиноведческих сборников, видел во II выпуске «Историко-филологической летописи» первую попытку «Византийского в Европе периодического издания».⁹⁶ Дестунис участвовал и в подготовке к изданию первого тома «Византийского временника», где было помещено его исследование,⁹⁷ постоянно сотрудничал в «Православном палестинском сборнике», где опубликовал много важных византийских источников.

По совокупности ученых заслуг Дестунис в 1894 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. К числу последних трудов Десту-

⁸⁹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 16019.

⁹⁰ Рукоп. отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 250, ед. хр. 234, л. 179 и др.; С. П. Шестаков (Д. Ф. Беляев. Некролог. ЖМНП, ч. СССXXX—VI, 1909, стр. 9) пишет, что Беляев занимался в университете под руководством Г. С. Дестуниса.

⁹¹ Д. Ф. Беляев. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, кн. 1. СПб., 1891.

⁹² Биографический словарь..., т. 1, 1896, стр. 232—233.

⁹³ Например, постановление историко-филологического факультета от 1881 г. о публикации работы Г. С. Дестуниса «Взятие Афин. Перевод неизданной греческой рукописи с предисловием и примечаниями» (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, д. 16019, л. 143); «Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи (издана на греческом языке по рукописи Имп. Публ. Библиотеки № 202 с русским переводом)». СПб., 1877; «О Ксанфине. Греческие трапезундские былины византийской эпохи». СПб., 1881; «Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Опыт переводного и объяснительного сборника». СПб., 1883; «Русские и путешествия по св. местам Даниила митрополита Ефесского». Издание с русским переводом и объяснением. ППС, вып. VIII, СПб., 1884.

⁹⁴ Топография средневекового Константинополя (по данным середины XVI—конца XVIII в.). ЖМНП, 1882, январь; «Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя». Труды VI археол. съезда, т. III, Одесса, 1887.

⁹⁵ В Архиве ЛОИИ СССР АН СССР сохранился (на карточках) рукописный этимологический словарь Г. С. Дестуниса с его многочисленными приписками и дополнениями. (Автор настоящей работы выражает свою признательность научному сотруднику ЛОИИ И. П. Медведеву за указание на существование этого словаря).

⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 116, оп. 2, ед. хр. 104, л. 11—12.

⁹⁷ Г. С. Дестунис. Заметки по тексту Феофанова Временника. Визант. временник, I, 1894, стр. 307—318.

ниса относится его исследование о Франдзи, о работе над которым он упоминает в письмах к Успенскому, и статья об Агафии для «Записок» Одесского общества.⁹⁸

Умер он 19 марта 1895 г., когда русская школа научного византиноведения набирала силу и занимала уже почетное место в мировой византиноведческой науке.

G. Kurbatov

DE L'HISTOIRE DE LA FORMATION DE L'ÉCOLE RUSSE DE BYZANTINOLOGIE

(G. S. Destounis)

La formation et floraison vite de l'école scientifique de byzantinologie russe aux 70—90 de XIX s. (V. G. Vasilievskij, F. I. Ouspenskij, N. P. Kondakov etc.) avait comme une base solide l'activité dans le domaine de byzantinologie des plusieurs savants de l'époque précédente. Cet article, fondé sur les matériaux des archives de Léningrad, jusqu'à present mal connus, est consacré à l'activité, notamment universitaire, de G. S. Destounis, qui a joué un rôle considérable dans le développement des études de la littérature byzantine dans l'Université de St.-Petersbourg, le rôle en quelques parts préparatrice pour transition de V. G. Vasilievskij à l'étude approfondie et spécialisée de l'histoire interne de Byzance et pour le développement de la byzantinologie russe.

---

⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 116, оп. 2, ед. хр. 104, л. 15—16; Г. С. Дестунис. Опыт биографии Георгия Франдзия. ЖМНП, ч. CCLXXVII, 1893, стр. 427.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Georgios Sphrantzes. *Memorii 1401—1477. În anexă Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos. Cronica 1258—1481 [= Scriptores byzantini] Ed. critică de Vasile Grecu.* Editura Academiei republicii socialiste România, București, 1966, XVIII+618 p.

Одним из важнейших источников по истории поздней Византии и сопредельных с нею стран (в том числе и мусульманских, в частности Турции) является так называемая «Хроника» крупного сановника и выдающегося дипломата конца Византии Георгия Сфрандзи (1401—1478). До недавнего времени исследователи были вынуждены пользоваться старыми изданиями этой «Хроники» — венским 1796 г., боннским 1838 г., перепечаткой боннского издания в «Патрологии» Миня или же в лучшем случае критическим изданием первых двух книг «Хроники», осуществленным Пападопулосом (Lipsiae, 1935) и почти недоступным для советских исследователей. Между тем пользование старыми изданиями чревато крупными ошибками источниковедческого характера. Дело в том, что этот источник существует в двух редакциях — краткой (Chronicon minus) и пространной (Chronicon maius). Как показали новейшие исследования (Пападопулоса, Ленерца, Дэльгера, Греку и др.), именно Chronicon minus, которая в старых изданиях всегда печаталась как приложение к Chronicon maius и почти не принималась во внимание исследователями, может рассматриваться как принадлежащая Георгию Сфрандзи. Что же касается Chronicon maius, то она является подделкой подлинного произведения Сфрандзи известными своими подлогами византийских документов митрополитом Моневасии Макарием Мелиссеном (XVI в.). Преследуя определенные цели, он увеличил объем подлинного произведения Сфрандзи почти втрое, заимствуя всевозможные сведения у различных византийских авторов, произвольно комбинируя их и фабрикуя совершенно фантастические «события» (о некоторых примерах см.: J. V. P a r a d o r u l o s. Oi árραβώνες τῆς „Αὐθεντοπούλας“ μετὰ τοῦ Ἰταλοῦ ἀρχόντος Καρακκίῳ; λου. — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 12, 1936, σελ. 264—268. E. V o o r d e c k e r s. Les sources du Chronicon Maius du Pseudo-Sphrantzes. Byzantion, XXXVII, 1967, p. 153—165 etc.).

Вот почему с особым вниманием должно быть встречено новое полное критическое издание обеих хроник, осуществленное румынским исследователем проф. В. Греку, известным своими изданиями других поздневизантийских авторов — Халкокондила, Дуки и Критовула. Изданию предпослано крупное введение на румынском языке; греческий текст обеих хроник также сопровождается румынским переводом. С полным основанием проф. Греку первым публикует произведение Георгия Сфрандзи как более важный источник, которое он не совсем бесспорно называет «мемуарами» (свое обоснование он изложил в работе: Das Memoiren-

werk des Georgios Sphrantzes. Actes du XII-e Congrès International d'Études byzantines, II, Beograd, 1964, p. 327—341).

Греческий текст этой хроники он установил на основании пяти рукописей, лучшая из которых — Codex Ottobonianus graecus 260 (XVI в.). Что касается «Хроники» Псевдо-Сфрандзи (может быть, стоило ее назвать прямо «Хроникой» Макария Мелиссена?), греческий текст которой установлен с помощью рукописей Ambrosianus P123 и Taurensis B II 20 (обе XVI в.), то она напечатана как приложение к «Хронике» Сфрандзи с применением различных типографских шрифтов, что позволило особенно наглядно выделить основу, заимствованная и события, явившиеся продуктом собственного воображения Мелиссена.

Все издания поздневизантийских авторов, осуществленные проф. Греку, не имеют комментария. Между тем именно комментированные издания этих авторов являются насущной потребностью. Хотелось бы, чтобы эта работа была проделана советскими византистами, у которых есть уже достаточный опыт в комментировании греческих текстов. Это тем более важно, что произведения византийских авторов конца Империи, будучи немаловажными источниками по истории Руси, ни разу не переведены на русский язык.

И. Медведев.

О. Л. Вайнштейн. *История советской медиевистики (1917—1966).* «Наука», Ленинград, 1968, 423 стр.

Работа известного советского медиевиста, крупного специалиста в области историографии средневековья, автора широко известных трудов «Историография средних веков» (М.—Л., 1940) и «Западноевропейская средневековая историография» (М.—Л., 1964), проф. О. Л. Вайнштейна посвящена советской медиевистике, ее становлению и развитию в период с 1917 по 1966 г. Работа является плодом многолетнего труда, охватывает громадное количество имен (более 800) и названий, рассматривает развитие советской медиевистики в связи с общими социально-экономическими процессами, строительством отечественной социалистической культуры, идеологической борьбой с антимарксистскими и реакционными течениями в исторической науке. Правда, в книгу не включено изучение истории средневекового Востока (как и средневековой Руси), и в центре находится рассмотрение советской историографии средневековой Европы, но зато большое внимание уделено византиноведению, проблематика которого, как известно, тесно связана с проблематикой востоковедения.

Автор видит в развитии советской историографии три главных этапа (1917—начало 30-х годов; начало 30-х—середина 50-х годов; вторая половина 50-х—60-е годы) и в соответствии с этой периодизацией строит структуру книги. В каждой из трех частей дается характеристика состояния исторической науки в целом, ее организации и задач, стоявших перед нею на каждом этапе, условий, благоприятствовавших или задерживавших ее развитие. Затем следуют главы, посвященные историографии в области западноевропейского средневековья, византиноведения и истории зарубежных славянских народов. Примечательным является то обстоятельство, что углубленному анализу подвергаются не только работы наших ведущих ученых-медиевистов, но и молодых, начинающих историков, нередко выступивших в исторической печати только с несколькими статьями. Большое внимание уделено защищаемым диссертациям, как кандидатским, так и докторским, а также важнейшим дискуссиям по общим проблемам и частным вопросам нашей науки. Материал большей частью группируется по проблемам, давая наглядную картину движения нашей медиевистической науки, главных ее направлений.

В разделах по византиноведению (стр. 70—77, 183—205, 361—382) автор характеризует трудные пути становления этого отдела исторического знания, в котором русская наука до 1917 г. занимала ведущее место в мире. По его мнению, временный упадок византиноведения объясняется тем фактом, что оно (как и славистика) «зادолго до 1917 г. было политически скомпрометировано в глазах русской передовой общественности тем особым поощрением, которое оно получало от царского правительства» (стр. 70). Только победа марксистско-ленинской методологии во всех общественных науках и рост молодых кадров историков сделали возможным возрождение византиноведения в полном объеме и на новой методологической основе (стр. 77). Следует, пожалуй, особо отметить, что, не являясь специалистом в области истории Византии и византиноведения, О. Л. Вайнштейн предельно точно характеризует все споры и дискуссии, ведущиеся советскими византинистами, главные темы, над которыми они работают. Автор подчеркивает, что к середине 50-х годов византиноведение «благодаря возросшему числу и большой научной активности специалистов» занимает видное место в советской исторической науке, причем единство методологической основы всех разделов общественных наук обусловило совпадение выдвинутых византинистами проблем с теми, которые уже разрабатывались медиэвистами-западниками: генезис феодализма в деревне и городе, в частности проблема распада или закрепощения общины; развитие феодальных отношений и формы феодального государства; классовая и политическая борьба, ее отражение в идеологии (стр. 361).

В целом работа О. Л. Вайнштейна, в которой сосредоточено и резюмировано все, что выработано советской медиэвистикой за 50 лет ее существования, является крупным достижением нашей науки и без сомнения станет настольным справочным пособием для широкого круга научных работников — историков, преподавателей истории и студентов, на которых она и рассчитана.

И. Медведев.

Répertoire d'épigraphie sémitique publié par la comission du CORPUS INSCRIPTIONUM SEMITICARUM. Tome VIII rédigé par J. Pirenne. Paris, 1968, 274 стр.

Важнейшее из справочных изданий по южноарабской эпиграфике — «Репертуар семитской эпиграфики» — пополнилось новым томом, подготовленным проф. Жаклин Пиренн. В отличие от предыдущих томов серии он не содержит текстов надписей и ограничивается таблицами и индексами к томам V, VI и VII, изданным Г. Рикмансом и посвященным специально южноарабским материалам. Весьма удобно, что автор включил в работу и южноарабские надписи, публиковавшиеся в I—III томах «Репертуара» среди разноязычных семитских текстов и в настоящее время труднодоступные.

Том VIII является плодом необыкновенно кропотливого и упорного труда и представляет науке незаменимый «рабочий инструмент», без которого не сможет обойтись теперь ни одно исследование по сабеистике. Его характер и значение лучше всего обрисует простое перечисление многообразных индексов и указателей, составляющих том.

I — таблица обозначений (стр. 15—16) перечисляет продуманную систему условных значков, обозначающих соотношения между надписями (идентичность двух изданий, более полную публикацию, принадлежность к одному тексту и т. п.), и характеристики ряда терминов (восстановление в тексте, наличие иной интерпретации и позднейшие исправления чтения). Использование этих значков позволило Ж. Пиренн вместить в небольшом объеме очень значительную и полезную информацию.

II — таблица дополнений и отождествлений номеров «Репертуара» и «Корпуса семитских надписей» (точнее, его IV части, посвященной южноарабским надписям) (стр. 17—27) позволяет читателю выяснить соотношение двух основных «нормативных» изданий южноарабских надписей, как в общем виде, так и для каждого конкретного документа. Два раздела таблицы позволяют получить необходимую справку и по номеру RES, и по номеру СИН.

Далее следуют собственно указатели: I — надписи, классифицированные по диалектам (стр. 31—32), II — по местам находки (стр. 33—36), III — по местам хранения. Даются также указатель обозначений, под которыми значились надписи в издании «Репертуара» (IV, стр. 59—79), и авторов, публикации которых послужили основой для этого издания (V, стр. 81—108). Таким образом читатель получает полную информацию о каждой надписи от ее находки до включения в «Репертуар».

В VI указателе тексты распределены по категориям памятников, на которых они находятся (стр. 109—112). Он насчитывает 15 рубрик с многочисленными внутренними подразделениями. Затем идут перечни наскальных надписей (VII), надписей на стенах зданий (VIII), граффити (IX), «муснадов» (т. е. древних надписей, дошедших в записях средневековых арабских авторов) (X), датированных текстов (XI) и указатель символов божеств (XII, стр. 115). К сожалению, во всех этих указателях Ж. Пиренн лишь воспроизводит указания издания, не внося в них, за редкими исключениями, необходимых уточнений, выясненных позднее.

Основное содержание тома составляет указатель слов (стр. 117—258), расположенных в алфавитном порядке и снабженных грамматическими пометами. Выделены имена собственные (с подразделениями — имена богов, племен, родов, личные мужские и женские, географические имена и эпитеты божеств) и основные грамматические формы: существительные (с указанием форм множественного числа), глаголы (с подразделениями по родам), местоимения, предлоги, прилагательные, числительные и т. п. Неправильные формы оговорены особо. В случаях неясности текста или термина грамматическая помета отсутствует.

Ж. Пиренн не указывает перевода слов, но те случаи, когда интерпретация «Репертуара» отличается от толкования соответствующего термина в «Корпусе», отмечены звездочкой. Поэтому индекс в значительной мере может заменить словарь, отсутствие которого в литературе по сабейстике ощущается весьма сильно. Большой объем охваченного материала и особенно его разнообразие делают индекс почти полным. Он значительно превосходит все имеющиеся словари или указатели к отдельным изданиям и безусловно отражает все основные слова и термины, встречающиеся в южноарабской эпиграфике, хотя и не обладает абсолютной полнотой. Индекс включает и «поврежденные» слова по алфавиту первой или последней буквы.

Издание завершается объемистым списком опечаток к V—VII томам (стр. 258—271).

Автор сознательно отказался от привлечения новой литературы, посвященной переизданию или реинтерпретации надписей «Репертуара» после публикации соответствующих томов, оставив эту работу, согласно традиции издания, до следующих выпусков. Объем этой работы полностью оправдывает это решение. Поэтому материал соответствует уровню 1950 г., когда вышел последний выпуск VII тома. Однако и в таком виде справочник является незаменимым пособием, многократно облегчающим работу исследователя.

Издание такого характера и такого объема не может обойтись без известного числа неточностей и ошибок; есть они и в работе Ж. Пиренн.

Так, отметим, что надпись RES 3956 хранится не в Эрмитаже, а в Ленинградском отделении Института востоковедения; там же находится и RES 3957, пропущенная автором. Но число таких неточностей и пропусков очень невелико, и справочник можно охарактеризовать как весьма надежный и удобный в пользовании.

Ж. Пирени достойно продолжила многолетний труд и научную традицию своего учителя, профессора Гонзага Рикманса, отдавшего много сил и публикации «Репертуара семитской эпиграфики», и созданию различных справочных пособий по сабейстике. Можно пожелать ей успешного продолжения этого направления работ, составляющих базу успешного развития науки.

А. Г. Лундин.

Nicholas Adontz. *Armenia in the period of Justinian. The political conditions based on the naharar system.* Translated with partial revisions a bibliographical note and appendices by Nina G. Garsoïan, professor of armenian studies, Columbia University. — Imprimerie Orientaliste, Louvain, 1970 [Calouste Gulbenkian Foundation — Armenian Library].

Николай Георгиевич Адонц (1871—1942), труду которого посвящены настоящие заметки, принадлежит к числу крупнейших арменистов XX в. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, прошедший полный курс историко-филологического факультета, он был оставлен при университете и в качестве магистерской работы представил монографию: *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя.* СПб., 1908 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. XI). Этот труд уже тогда был отмечен в лестной рецензии А. А. Васильева (*Журнал Министерства народного просвещения*, 1910, февраль, стр. 412—418), однако по-настоящему исследование Н. Г. Адонца было оценено в последующие десятилетия. В настоящее время работа Адонца является отправной точкой для исследования самого широкого круга проблем истории раннесредневековой Армении, в первую очередь ее общественного строя.

Н. Г. Адонц дает подробное историко-географическое описание Армении, прослеживает топонимику с древнейших времен до современности. Он выделяет основные армянские территории — Малую Армению, Внутреннюю Армению, автономные княжества («сатрапии»), Персармению, выявляет специфику их исторического развития, их отношений с Византией и Ираном. Адонц показывает, как политика Юстиниана приводит к утрате самостоятельности армянских областей, включенных в состав империи, как рушатся свойственные армянам формы быта и как эти последние приводятся в соответствие с условиями, характерными для империи.

Но центр тяжести работы находится в той ее части, которая посвящена анализу нахарарского строя, этой местной разновидности «того мирового явления, которое на западе известно под именем феодализма». Адонц подсчитывает количество нахарарских родов, существовавших в Армении, локализует каждую нахарарскую фамилию. Он исследует терминологию, связанную с нахарарским строем, подробно рассматривает церковное устройство, которое в Армении также приобрело «нахарарский» характер. Нахарарский строй, утверждает Адонц, родился и оформился в недрах родообщинных отношений. Появление социального неравенства является основным фактором, рождающим феодализм.

Разумеется, многие положения Адонца в настоящее время устарели. Совершенно иначе трактуется общественный строй древнего Ирана, который занимает столь важное место в построениях Адонца. Аналогия

с французским феодализмом, на которой настаивает Адонц, анализируя общественные отношения Армении, носит внешний характер и в настоящее время эта точка зрения не может быть принята. Но постановка проблем, предложенная автором книги, никоим образом не утратила своего значения, не говоря уж о громадном материале и решении многочисленных частных вопросов (впоследствии сам Адонц пересмотрел некоторые из своих тезисов, касающиеся социального строя Армении). Главная жероль, сыгранная этой книгой, сводится к тому, что здесь едва ли не впервые в историографии армянское общество стало рассматриваться в категориях мирового исторического процесса.

Стремясь расширить круг читателей этой книги, вышедшей на русском языке и давно ставшей библиографической редкостью, американская исследовательница Н. Г. Гарсоян взяла на себя нелегкую задачу издания этой книги на английском языке, и уже за одно это наука должна быть ей благодарна. Но Н. Г. Гарсоян обогатила книгу Адонца рядом приложений, каждое из которых не только облегчает пользование этим в общем-то нелегким для понимания исследованием, но часто приобретает самостоятельное значение.

Приложения занимают 405 стр. отдельной пагинации и содержат:

I. Греческие и латинские правовые документы. Здесь на языке оригинала публикуются *in extenso* распоряжения византийских императоров, касающиеся Армении: *Cod. Theod.* II, 13; *Cod. Just.* I, 29, 5; X, 16, 13; *Nov. Just.* VIII, XX, XXI, XXXI; *Ed. Just.* III.

II. Греческие и латинские административные документы. Здесь приводятся соответствующие разделы *Notitia dignitatum*, Веронского листа, Листа Полемиа Сильвия, «Спутника» Иерокла и ряд родственных памятников, касающихся административного и церковного устройства восточных провинций Византии и др.

III. Местнические грамоты, сохранившиеся в составе «Истории» Моисея Хоренского, «Жития Нерсеса Великого»; Воинская грамота; списки армянских нахараров и иерархов у Агафангела (не только армянской, но также греческой и латинской версии), Лазара Парпеци, Елишэ, Степанноса Орбелеана, Ухтанэса, ряд соборных постановлений и др.

IV. Географические памятники — разделы из «Географии» Птолея, пространной и краткой версий «Армянской географии», Дорожника Анонима, таблиц Пейтингера, пассаж из Товмы Арцруни.

Если пока роль Н. Г. Гарсоян сводилась к подбору и изданию материала на основе имеющихся публикаций, то далее она проводит большую исследовательскую работу.

В Приложении V дается список армянских провинций со ссылкой на армянские и греко-латинские первоисточники и с локализацией их на картах; такой же характер носит указатель городов и селений (добавляются их географические координаты), равно как гор и равнин.

На стр. 247*—303* читатель найдет обширную библиографию, в которой хорошо представлена новейшая литература. Эти два раздела имеют вполне самостоятельное значение. Работа завершается подробным указателем имен и терминов.

Таким образом, новое издание «Армении в эпоху Юстиниана» содержит не только отличный перевод, но и важный подручный материал, который, кстати сказать, лишний раз подтверждает значение монументального труда Н. Г. Адонца. Английское издание (наряду со стереотипическим, подготовленным Ереванским государственным университетом) является хорошим даром памяти Н. Г. Адонца, столетие со дня рождения которого исполняется в 1971 г.

К. Юзбашян.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. В. Пигулевская. Византия и Восток	3
Е. Э. Гранстрем. Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии. II)	17
Б. Л. Фонкич. Материалы для истории греческих средневековых библиотек (Библиотека Иверского монастыря на Афоне в конце XV—начале XVI в.)	26
В. С. Шандровская. Некоторые исторические деятели «Алексиады» и их печати	28
А. В. Банк. Геммы — стеатиты — моливдовулы (О роли сфрагистики для изучения византийского прикладного искусства)	46
А. Я. Каковкин. Византийский моливдовул с античным сюжетом	53
Н. Н. Антокольская. Печати Анны Далассиной в собрании Эрмитажа	58
И. П. Медведев. Был ли цех хартуляриев в Византии?	63
И. В. Соколова. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне	68
В. Д. Лихачева. Некоторые особенности перспективной системы византийской живописи и икона «Сошествие святого Духа на апостолов» Эрмитажа	75
В. Н. Залесская. К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культурных предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа)	84
М. Н. Боголюбов. Пехлевийская надпись из Константинополя	92
М. Н. Боголюбов. Серебряный сосуд с арамейской надписью из коллекции Форури	101
К. Н. Юзбашян. Экскурсия в армянской надписи 1051 г.	104
С. В. Полякова. Экфраза XII месяцев Евматия Макремволита	114
Я. Любарский. Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)	125
И. Ф. Фихман. Городское и императорское землевладение в Оксиринхе IV—VI вв.	144
Р. А. Гусейнов. Из истории отношений Византии с сельджуками (по сирийским источникам)	156
Е. Н. Мещерская. К изучению сирийских источников и греческо-славянских версий апокрифических легенд (на материале сказания об Авгаре)	168
А. В. Пайкова. К вопросу о возникновении беллетристического повествования в сирийской литературе	173
Г. Л. Курбатов. Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г. С. Дестунис)	179
Библиографические заметки	192

CONTENTS

	Page
N. V. Pigulevskaya. Byzantium and the Orient	3
E. E. Grandstrem. Manuscripts from the imperial palace of Constantinople in Leningrad	17
B. L. Fonkitch. Materials relating to the history of the greek medieval libraries	26
V. S. Shandrovskaya. Some historical persons of Alexiade and their seals	28
A. V. Bank. Gemmae — steatits — molyvdovouls	46
A. J. Kakovkin. A byzantian molyvdovoul with an antique plot	53
N. N. Antokolskaya. The seals of Anne Dalassene in the Hermitage collection	58
I. P. Medvedev. Was there a corporation of chartulars in Byzantium?	63
I. V. Sokolova. The seals of George Tzoula and the events of 1016 in Cherson	68
V. D. Likhatcheva. Some specific features of the perspective system in by- zantine painting and the Hermitage icon «The Pentecost»	75
V. N. Zaleskaya. On the dating of some groups of the syrian church objects	84
M. N. Bogoliubov. The pahlavi inscription from Constantinople	92
M. N. Bogoliubov. An aramaic inscription on a silver vessel in the collection of Fouroughi	101
K. N. Juzbashyan. The ἐξχοῦσα in an armenian inscription of 1051	104
S. V. Poljakova. Eumathius Macrembolit's ekphrase of XII months	114
J. N. Ljubarsky. Michael Psell and his relations with the contemporaries	125
J. F. Fikhman. The municipal and imperial landownership in Oxyrhynchus in the IV—VI centuries	144
R. Guseynov. From the history of relations between Byzantium and the Seldjouks	156
E. N. Mescherskaya. On the history of the syriac sources and greek-slavonic versions of the apocryphas	168
A. V. Paykova. To the problem of the origin of fiction in syriac literature	173
G. L. Kourbatov. From the history of the russian school of byzantine studies	179
Bibliographical notes	192

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫП. 23 (86)

*Утверждено к печати
Российским палестинским обществом
Академии наук СССР*

Редактор издательства Р. К. Павгле
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры К. И. Видре, Э. В. Коваленко,
В. А. Пузиков

Сдано в набор 19/III 1971 г. Подписано к печати
24/IX 1971 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Печ. л.
 $12^{1/2} + 1$ вкл. ($1/8$ печ. л.) = 17.67 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 17.9. Изд. № 4503, Тип. зак. 172. М-08450.
Тираж 1100. Бумага № 2. Цена 1 р. 13 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 р. 13 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ